

ЮЛИУС
ВЕЛЛЬХАУЗЕН

АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ

ЗОЛОТОЙ ВЕК ИСЛАМА

«Арабский халифат. Золотой век ислама / Велльхаузен Юлиус., Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.»: Центрполиграф; Москва; 2018
ISBN 978-5-227-07767-7

Аннотация

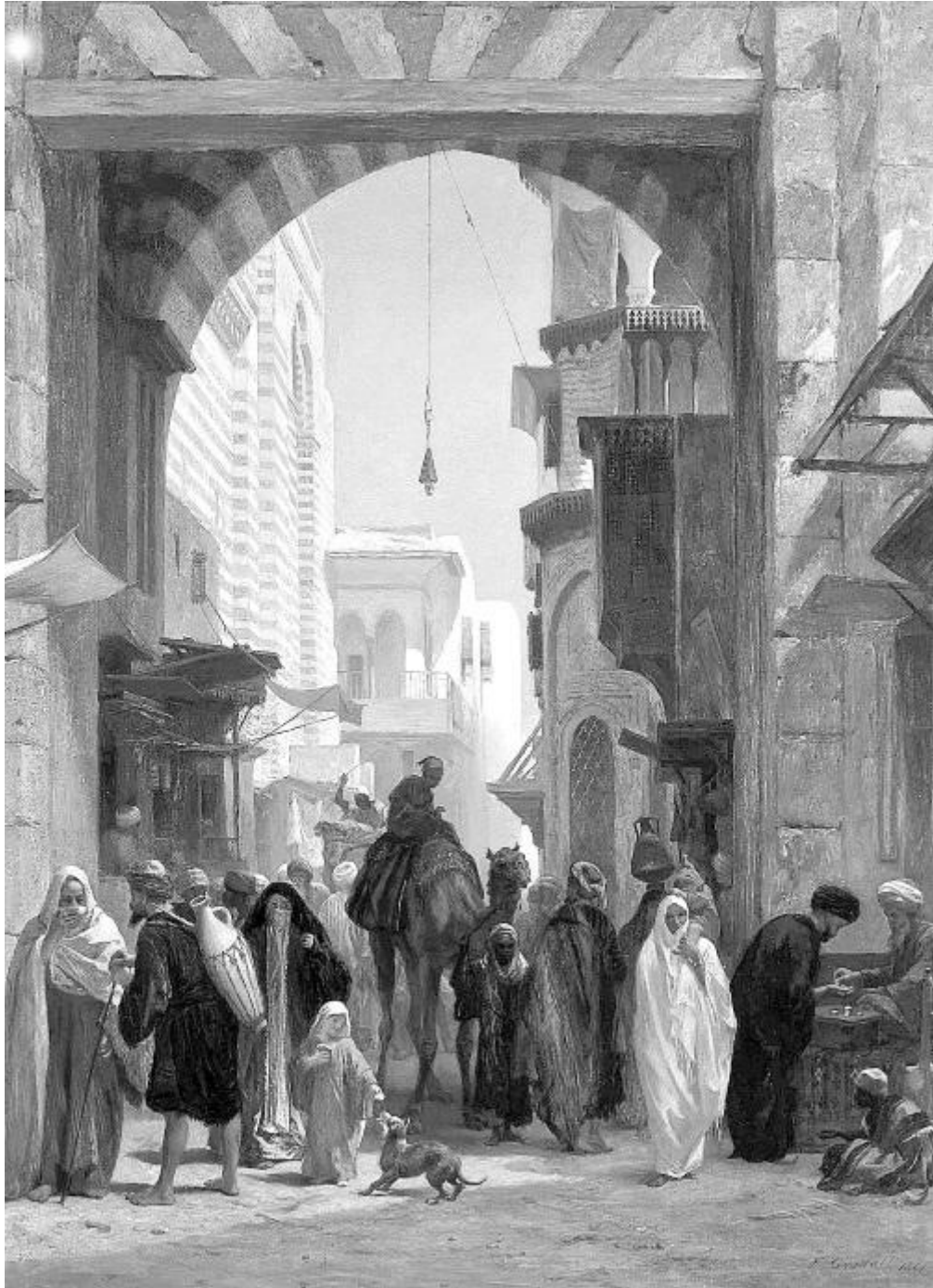
Известный немецкий ученый, автор многих работ по теологии, профессор Гёттингенского университета представил историю Арабского халифата – некогда огромной и могущественной империи. Отмечая неразрывную связь политической, религиозной и административной власти Арабского халифата, автор анализирует историю возникновения ислама, его развитие, особенности и общность с другими главными мировыми религиями. Рассказывает о том, как правители приходили к власти и умирали; когда вступали в должность и отправлялись в отставку наместники важнейших провинций; кого халифы назначали каждый год вести хадж и как проходили завоевательные кампании. В своем исследовании Велльхаузен опирался на оригинальные источники – образцы древнейшей арабской исторической литературы, куфийские и мединские предания. Среди цитируемых авторов такие авторитеты, как Абу Мухнаф, Ат-Табари, Ибн Исхак, Абу Машар, аль-Вакиди.

Юлиус Велльхаузен
Арабский халифат. Золотой век ислама

JULIUS WELLHAUSEN

THE ARAB
KINGDOM
AND ITS FALL

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Глава 1 ВВЕДЕНИЕ

Политическая исламская община выросла из общины религиозной. Обращение Мухаммеда и его апостольское призвание произошли примерно одновременно. Он начал с самого себя; в первую очередь нужно сказать, что им владела твердая вера во всемогущего Бога и последний суд, но убеждение, переполнявшее его собственное сердце, было настолько сильным, что нашло способ излиться вовне. Он чувствовал, что должен показать свет и путь своим братьям, которые брели ощупью во тьме, и тем самым спасти их от заблуждения. Мухаммед сразу же основал в Мекке небольшую общину.

Его конгрегацию тесно сплачивала вера в единого невидимого Бога, Творца мира и

Судию душ, а также возникающий из этой веры нравственный закон, принуждающий служить одному только Богу, и никакому иному господину, стремиться приобрести душу, а не мир, искать правды и милости, а не земных богатств. В самых старых главах Корана монотеизм носит столь же подчеркнуто нравственный характер, сколь у пророка Амоса или в Нагорной проповеди. Как и в Евангелии, мысль о Творце немедленно пробуждает мысль о личном оправдании перед Ним после смерти. Он утверждает Свою абсолютную власть над душой – дабы она исполняла Его волю, а не просто подчинялась ей. Первоначальный ислам не был фаталистическим в обычном смысле этого слова, и Бог ислама не был Абсолютом, то есть номинальной, декоративной религиозной фигурой, но с Верховной властью были неразрывно связаны нравственность и справедливость. То первая, то вторая выходит на первый план в зависимости от духа конкретного момента без каких-либо попыток сохранить равновесие или какого-либо осознания непоследовательности. Мухаммед не был ни философом, ни догматиком.

Внешне община была связана общим соблюдением религиозных обрядов; слово «сабии» – самое старое название, которым мусульман наделяли посторонние, – возможно, происходит как раз от этих обрядов. Даже в самых ранних молитвах Корана говорится о простирании ниц и бдениях; они еще не так строго определены и упорядочены, какими стали позже.

Мухаммед начал с того, что стал привлекать на свою сторону отдельных людей, друзей, родственников и рабов, но он рассматривал их только как первые плоды. С самого начала его цель заключалась в том, чтобы привлечь всю Мекку к себе, к своему роду, бану хашим и мутталиб, и к своему племени, курайшитах. Он был арабом и, как араб, испытывал такие чувства к роду и племени (то есть к народу), какие мы можем понять применительно только к ближайшим домочадцам. Такой порядок, когда человек был отчужден от общества и действовал независимо, обладая суверенной властью, был еще неизвестен среди арабов. Государство было не институтом и не территорией, а коллективным органом. То есть в действительности это было не государство, а лишь народ; не искусственная организация, а полноценный организм; не государственное чиновничество, а только главы кланов, родов и племен¹. Одна и та же связь – кровное родство – скрепляла народ и семью; единственное различие заключалось в их величине. Содружество, свободное от любого внешнего сдерживающего влияния, было основано на идее кровной общности и ее святости. Родственные связи или вера в родственные связи – и то и другое в практическом смысле сводилось к одному и тому же – действовали как религия, и эта религия была духом, который превращал народ в единое живое существо. Наряду с этим существовал и внешний культ, но не религия, которая налагала бы на людей какие-либо другие требования, узы или обязанности, помимо кровных. Если бы Мухаммед основал веру, исповедующие которую не нашли бы приюта в узах племенных отношений, он сразу же разрушил бы общину, связанную кровью, поскольку она была слишком тесно сплочена и переплетена, чтобы пережить вторжение чужеродного фактора. Но он не хотел этого и, кроме того, вряд ли мог представить себе религиозную общину в каком-либо ином виде, кроме родственного. Поэтому его миссия заключалась не в том, чтобы обрести приверженцев повсюду, вплоть до самых дальних уголков. Конечно, ему пришлось начинать с отдельных людей, но его цель состояла в том, чтобы получить целое. Его народ должен был стать его общиной, ему было недостаточно мекканской *ecclesiola pressa*².

Не сумев привлечь к себе собственное племя – курайшитов в Мекке, он попытался

¹ Бедуины думали о Дауле, то есть о Турецкой империи, как о племени и оценивали ее силу по числу верблюдов. Даже для городского населения политической единицей был не город, а племя, как курайшиты в Мекке и сакифиты в Таифе. Курайшиты и сакифиты считали, что политически принадлежат к одной общности, даже когда жили за пределами Мекки и Таифа. (Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.)

² Маленькая гонимая церковь (лат.). (Примеч. пер.)

наладить связь с другими племенами и городами, для чего ему представились возможности на рынках и ярмарках в окрестностях Мекки. В Таифе он обратился к старейшинам племени бану сакиф относительно перехода всего их содружества в ислам. Наконец он получил поддержку в Ясрибе, то есть в Медине. Его переселение туда – хиджра – стало событием, которое положило начало новой эре, однако новая эра в действительности не означала сознательного разрыва с прошлым. Мухаммеда не испортило то, что он превратился из проповедника в правителя. Он давно уже стремился привлекать к себе не отдельных людей, а все сообщество в целом. Он всегда считал, что пророк есть посланный Богом вождь своего народа, и не проводил никаких различий между политической и религиозной общинами. Его желание оставаться в Медине таким же, каким он был в Мекке, Пророком и Посланником Бога, не было лицемерием или какого-либо рода притворством. Однако в Мекке его усилия оказались напрасны, в Медине же он добился успеха; там он был в оппозиции, здесь он достиг своей цели. Это многое изменило, и не только с внешней стороны. Для оппозиции это обычное явление, когда она меняется после прихода к власти, и теория значительно отличается от практики, ведь практика вынуждена считаться с имеющимися возможностями. Историческая община не в состоянии полностью порвать со своим фундаментом и может следовать собственным законам для поддержания и расширения своей власти. Именно этим и объясняется то, почему пророк в качестве правителя стал отличаться от пророка в качестве претендента на власть и почему теократия на практике отличалась от теократии в теории. Политический элемент стал более явным, религиозный элемент – менее, но мы всегда должны помнить, что в принципе политика и религия сливались воедино, хотя между духовной и светской политикой проводилось различие и рядом с ними благочестие сердца по-прежнему сохраняло свое место.

В Медине иудаизм и христианство уже успели подготовить почву для Мухаммеда. Там во множестве жили евреи, и город стоял на границе с той частью Аравии, которая находилась под греко-римским и христианско-армянским влиянием. Политические условия оказались для Мухаммеда еще более благоприятными. В Мекке царил мир и порядок. Старый принцип общины действовал без помех. Новый принцип, который пророк угрожал ввести, был воспринят как тревожный элемент и отвергнут. Но кровная связь отнюдь не обладала одинаково прочной властью над всей Аравией. Ее влияние не было равномерным на всех уровнях взаимодействия, но усиливалось в узких кругах по сравнению с более широкими; в первых оно было спонтанным, во вторых – делом долга. Следовательно, объединяющий элемент тоже мог стать причиной раздора, если бы интересы рода разошлись с интересами племени или народа. Семьи особенно не желали отказываться от возложенных на них обязательств кровной мести, даже по отношению к родственным кланам из того же племени. Тогда между кланами возникала родовая вражда, поскольку в спорных вопросах не было такой силы, которая могла бы принуждать к миру и наказывать за его нарушение. Так обстояли дела в Медине. Община была разделена на два враждебных лагеря – бану аус и бану хазрадж.

Умышленные и неумышленные убийства были повсеместными; любой, кто отваживался выйти за пределы своего квартала, подвергался опасности; там царил такое буйство, при котором невозможно было вести нормальную жизнь. Город нуждался в человеке, который бы пришел к нему на помощь и освободил бы его от анархии, но этот человек должен был хранить нейтралитет и не принимать участия во внутреннем соперничестве. И тогда появился пророк из Мекки, как будто ниспосланный самим Богом. Кровь как объединяющая сила потеряла влияние, на ее место он поставил веру. Он привез с собой племя верных, сподвижников в бегстве из Мекки, и, медленно и неуклонно продвигаясь шаг за шагом, основал в Медине общину на основе религии как умму Аллаха, собрание верующих в Бога. Даже если бы хотел, он не мог бы основать церковь, потому что у арабов еще не существовало государства. Сначала нужно было проделать элементарную работу, навести порядок и восстановить мир и законность. Поскольку не было другого авторитета, религиозная сила встала во главе, взяла власть в свои руки и обеспечила себе

прочное положение, сделав то, чего от нее ожидали. Мухаммед проявил дар решать вопросы в массовом порядке. Если он сомневался, то знал, с кем посоветоваться, и ему повезло найти надежных приверженцев среди тех, кто пришел с ним из Мекки, которые и сформировали ближайший круг его друзей.

В сложившихся обстоятельствах власть религии представала главным образом как политическая сила. Она создала общину, а над ней поставила авторитет, которому все подчинялись. Аллах олицетворял собой верховную государственную власть. То, что в Европе совершалось во имя короля, там совершалось во имя Аллаха; армия и государственные учреждения назывались именем Аллаха. Идея правящей власти, до тех пор абсолютно чуждая арабам, была введена через Аллаха. В этом также присутствовала идея, что никакая внешняя или человеческая сила не имеет права на верховную власть, а только сила, внутренне признанная и стоящая выше человечества. Теократия – это противоположность мульты, то есть земного царства. Привилегия править – не предмет личного обладания того, кому она принадлежит; царство принадлежит Богу, но его уполномоченный посланник, который знает и исполняет его волю, является пророком. Он не только провозвестник истины, но и единственный законный правитель на земле. Рядом с ним не может встать ни один царь и даже ни один другой пророк. Эта концепция «пророка-самодержца» появилась у поздних евреев, она, как правило, изображается в контрасте между Самуилом и Саулом, который можно видеть, например, в Первой книге Царств, 8 и 11. Пророк представляет власть Бога на земле, Аллах и Его посланник всегда связаны друг в друге и стоят рядом в символе веры. Теократию можно определить как содружество, во главе которого стоит не царь и узурпированная или унаследованная власть, но пророк и Закон Божий. В идее Бога преобладала идея справедливости, а не святости. Его правление – правление справедливости, и теократия доселе была диархией, но под этим мы не должны понимать власть безличного закона. Пока еще не было никакого закона; ислам существовал до Корана. Теократия также не походила на республику, несмотря на то что все подданные Аллаха находились в одинаковом отношении к Нему. Основная характеристика республики – народные выборы – полностью отсутствовала. Высшая власть опиралась не на народ, а на пророка. Он один имел постоянный, даже божественный пост; все органы власти возникли из его верховного суверенитета. Но он не назначал фактических чиновников, а лишь давал определенные поручения, после исполнения которых его посланцы удалялись на задний план. Его советники тоже были частными лицами, с которыми он дружил и которых собрал в своем ближнем круге.

В этом не было ни единого признака иерархии. Мусульманская теократия не содержала некой организации, обладавшей особой святостью; в этом отношении она не имела никакого сходства с еврейской теократией после изгнания³.

Не было никаких уровней священства, никакой разницы между духовенством и мирянами, между религиозным и светским призванием. Сила Аллаха пронизывала каждую функцию и орган государства, а отправление правосудия и ведение войны были столь же священными действиями, как и богослужение. Мечеть одновременно была и форумом, и учебным плацем; община была воинством; вождь в молитве (имам) был командующим армией.

Из идеи господства Бога не возникла никакая реальная форма конституции. Новый фактор, который через Мухаммеда был введен в хаос, несомненно привел к сосредоточению

---

³ После изгнания иностранное господство было исходной предпосылкой для иерократии, она не обладала политической автономией. Поэтому она отличалась от государства, пусть даже и не в такой же степени, как христианская церковь на начальном этапе, поскольку она по крайней мере нашла прибежище в народе. Папские государства вообще нельзя сравнивать с ней, потому что там церковь не *была* государством, а *владела* государством. Старая израильская теократия сама по себе проявляет большое сходство с арабской, хотя, конечно, изначально в ней отсутствовала идея, что законным теократическим правителем является пророк, а не царь.

дотолу неизвестных элементов. Может показаться, что старые священные узы крови уступили место общине правоверных, но, по сути, они продолжали существовать неизменными, хотя центр тяжести сместился с них на общину в целом. Каркас, который составлял организацию до тех пор, то есть племена, семьи и роды, был перенесен в новое содружество; вера в Аллаха не дала ничего иного, что можно было бы поставить вместо Него. Право мусульман на политическое равенство, вытекающее из идеи теократии, не предназначалось для того, чтобы устранять разногласия между сторонами. Мекканцы, так называемые мухаджиры, держались сами по себе; бок о бок с ними жили коренные племена арабов Медины, так называемые ансары, а также племена мединских евреев. Переселенцы оставались переселенцами, и рабы оставались рабами, даже когда принимали ислам.

Из самого раннего периода после хиджры, до битвы при Бадре, до нас дошел указ Мухаммеда, в котором содержатся некоторые основные пункты законов государства, имевших хождение в Медине в те первые времена. Он проливает свет на то, как изменились или не изменились прежние условия оттого, что Медина к тому моменту стала единой уммой. Умма – это не название старой арабской родственной связи, это слово всего лишь означает «община». Главным образом это религиозная община, и не только мусульманская, но даже более ранняя. Даже в упомянутом документе умма обладает неким духом религиозности⁴; это община Аллаха, установленная для обеспечения мира и защиты. Ею управляет Аллах и от имени его Мухаммед, которого, однако, не называют пророком. Узы единства обеспечены верой, правоверные – ее сторонники. У них есть главные обязанности и главные привилегии. И все же к умме принадлежат не только правоверные, но и все те, кто становится их союзником и сражается вместе с ними, то есть все жители Медины. Умма охватывает широкий круг, все окрестности Медины должны стать областью нерушимого мира. Среди ансаров еще есть язычники, но они не исключены из общины, а прямым текстом включены. Туда входят и иудеи, хотя они не так близки к умме, как мухаджиры и ансары, и не имеют одинаковых с ними прав и обязанностей. Степень общения нельзя назвать абсолютно равной, до сих пор сохраняется аналогия с прежними арабскими различиями между коренными жителями и переселенцами. Примечательно, что умма включает в себя как язычников, так и иудеев, а также и то, что в целом она состоит не из отдельных людей, а из союзов. Человек принадлежит к умме только через посредство рода и семьи. Семьям предписано оставаться такими, какие они есть, и в качестве таковых стать членами уммы. Нет даже представления о возможности появления нового принципа, согласно которому они могут стать членами общины. Даже главы семей остаются на своих местах и не заменяются, например, теократическими чиновниками. Что касается отношения уммы к семьям и определения взаимных обязанностей и обязательств, то семьи по-прежнему несут ответственность за расходы, не носящие исключительно частный характер, а именно выплату компенсации за убийство и выкуп пленных. Пока нет государственной казны. Клиентела тоже относится к родовым и семейным делам, и никто не может отнять клиента у другого. Не ограничена даже важная привилегия гарантированной защиты – иджара; любой может взять под свою защиту чужого человека и тем самым налагает это же обязательство на всю общину. Только на мекканских курайшитов, отъявленных противников Мухаммеда, не распространяется защитная сила иджары.

Умме семья обязуется отдать право на родовую вражду, то есть вражду с другими семьями Медины, ибо главная цель уммы – предотвратить внутренние распри. Когда возникают споры, их должен разрешать суд. «И если между вами произойдет спор в чем-либо, то вернитесь к суду Аллаха и Пророка». Но если внутренний мир нарушен насилием и злым умыслом, то не только пострадавший или его племя, но и вся община в целом, включая родственников самого преступника, обязаны выступить единой силой

---

⁴ Вождь уммы – имам. Этимологически, однако, между этими словами нет прямой, а возможно, и косвенной связи. «Умма» происходит от корня «умм» («мать»); «имам», с другой стороны, от глагольного корня, обозначающего «стоять впереди».

против него и доставить к отмстителю, чтобы тот заставил нарушителя по справедливости искупить вину. Месть за кровопролитие уже не может превратиться в семейную вражду. Она лишена того опасного элемента, который угрожает всеобщему миру и смягчается в талионе. Действительно, талион существовал еще до ислама, хотя он и не часто применялся, потому что слишком зависел от обеих сторон, чтобы иметь над ними какую-либо силу принуждения. Именно в Медине талион был впервые строго применен, потому что именно там Бог стоял выше крови и по крайней мере в теории обладал настоящим суверенитетом. Но пока еще талион не равнозначен собственно наказанию. Его исполнение по-прежнему находится в руках потерпевшей стороны, и от нее зависит, воспользуется ли она своим правом на месть или откажется и согласится на денежную компенсацию. Тем не менее это свидетельствует о переходе от мести к наказанию. То, что обязанность наказания была взята из рук индивидуума и передана общине, знаменует собой очень важный шаг: возмездие становится обязанностью государства и тем самым превращается в наказание. Этого достаточно, чтобы предотвратить междоусобицу. На территории Медины господствует общественный мир, всеобщий и абсолютный. Складывается не так уж много альянсов для защиты, так как есть семьи, на которые защита не распространяется или, по крайней мере, для них она не так эффективна, как следует. Существует только один общий мир – мир уммы.

Другая цель уммы – объединить семьи для защиты от внешнего врага. «Верные» взаимно обязаны помогать друг другу против «пришлых»; они мстят друг за друга, стоят друг за друга против всех чужаков. Долг мести врагу возлагается не на брата за брата, а на правоверного за правоверного. Фактически война таким образом лишается идеи кровной вражды, с которой она дотоле совпадала; она превращается в военное предприятие. Поскольку война с внешним миром является общей для всех правоверных, общим является и мир. Никто не может по собственной воле заключить мир, который не будет служить всем.

Тем не менее право племени или семьи на кровную вражду с чужаками полностью не отменено. Оно открыто для той же критики, что и аналогичная непоследовательность, которая заключается в том, что даже иджара, которая обеспечивает чужаку право на жилище в Медине, еще не отнята у индивида, хотя это долг общины в целом, и потому должна была быть привилегией уммы и ее вождя – имама⁵. Это разграничение между целой общиной и ее частями еще не вполне проведено. Умма еще не достигла своего полного расцвета. Но правоверные были ее душой во главе с пророком, они были закваской, духовно более сильным и целеустремленным элементом, который подстегивал движение и его пропаганду. По мере распространения веры сила уммы возростала.

Курайшиты, от которых Мухаммед и его сторонники бежали из Мекки, предстают отъявленными врагами уммы в вышеупомянутом устройстве мединской общины. Из мелкой вражды возникла упорная война, и эта война многое сделала для усиления внутренней мощи уммы. Первое серьезное столкновение при Бадре (2 год от хиджры) окончилось неожиданным успехом Мухаммеда. Эта блестящая победа была воспринята как то, что Бог даровал правоверным Свое одобрение, произвела глубокое впечатление и имела значительный моральный эффект. Кроме того, она очень помогла расширить влияние Мухаммеда, сломить сопротивление против него, придать исламу первостепенное значение в умме и слиться или порвать с чужеродными компонентами, которые до того считались терпимыми. Ислам перестал проявлять терпимость и стал действовать как деспотия террора в Медине. Эта перемена отмечена подъемом аль-мунафикун – сомневающихся и лицемеров. Язычники не смели больше оставаться язычниками внутри уммы, обстоятельства вынуждали их принимать веру, но они делали это со смешанными чувствами и не скрывали своего злорадства всякий раз, когда удача, казалось, отворачивалась от пророка. Иудеи были еще хуже. После битвы при Бадре, как говорит аль-Вакиди, положение дел изменилось в

---

⁵ Подобные же непоследовательности возникали до недавнего времени и у нас. Например, доктор Шнелле предоставил изгнанному Гофману фон Фаллерслебену право жить в своем поместье Бухгольц в Мекленбурге, которое получил во времена Германского союза. Очевидно, такое положение вещей имело свои преимущества.

совершенно невыгодную для них сторону. Мухаммед сделал для них исключение и заявил, что они нарушили договор. Под надуманными предлогами он прогнал их и за несколько лет уничтожил все еврейские общины в оазисах Медины, которые образовывали там союзы, аналогичные союзам арабских племен. Он передал их ценные пальмовые плантации мухаджирам, которые дотоле не владели никакой землей или территорией, но полагались на гостеприимство ансаров в качестве инквилинов или находили себе пропитание за счет торговли или грабежа. Таким образом, он сделал их независимыми от ансаров, и они поселились в Медине и приобрели собственность. Так он укрепил и собственное влияние, поскольку мухаджиры были, так сказать, его личной гвардией, и, так как между двумя племенами ансаров – аус и хазрадж – по-прежнему тлел раздор, они приобрели решающее влияние.

После поражения при Бадре курайшиты собрались под предводительством Абу Суфьяна, чтобы взять реванш над Мухаммедом, и фактически одержали победу над ним на горе Ухуд близ Медины. Они, однако, не в полной мере воспользовались плодами своей победы, но лишь удовольствовались этой честью и отправились по домам. Поэтому контрудар не причинил пророку большого вреда; Мухаммед был готов к нему и вскоре сгладил нанесенный ущерб. Второе нападение курайшитов на Медину, в котором они прибегли к помощи язычников и иудеев, ни к чему не привело. Меньшие племена из окрестных областей стали союзниками борющегося содружества, сначала политическими, а потом и религиозными. Ислам продолжал сражаться и постепенно переходил из обороны в наступление. Аравия напряженно вглядывалась в великую вражду между язычеством и Аллахом, которую вели между собой Мекка и Медина.

Во время этой внешней борьбы с арабским язычеством удивительным образом произошла полная арабизация самого ислама. Мухаммед исходил из убеждения, что его религия по сути не отличается от иудаизма и христианства, и поэтому ожидал, что мединские иудеи примут его с распростертыми объятиями, но горько в них разочаровался. Они не признали его пророком, не признали его откровения равными тому, которым обладали сами, хотя поначалу из политических соображений вошли в основанную им умму. Поскольку они не считали, что иудаизм идентичен исламу, но скорее сопротивлялись против него, он со своей стороны противопоставил ислам иудаизму и даже христианству. Он так установил основные отличительные черты своей религии, которые нам кажутся малозначительными, но в действительности очень важны, что они уже не выражали общих точек соприкосновения между исламом и родственными религиями, а, наоборот, подчеркивали различия. Вместо субботы или воскресенья он сделал пятницу главным днем публичного отправления религиозных обрядов; он заменил трубы и колокола призывом муэдзина; он отменил пост в день Ашуры, великий день искупления; а вместо Великого поста назначил месяц рамадан. Хотя он упрочил ислам, педантично лишив его иудейских и христианских форм, он в то же время приблизил его к арабизму. Мухаммед всегда считал себя пророком, посланным специально к арабам, пророком, получившим и передавшим на арабском языке то откровение, которое содержалось в Торе и Евангелии. По-видимому, он никогда не испытывал симпатии к Каабе в Мекке и отвергал бога Каабы, но теперь обстоятельства заставили его сделать гораздо более решительный шаг. Он изменил киблу и повелел во время молитвы обращаться лицом не к Иерусалиму, а к Мекке. Мекка была объявлена святыней вместо Иерусалима, истинным местом Аллаха на земле. Он утвердил паломничество к Каабе и даже целование священного камня; так в ислам вошел центр языческого поклонения и популярный языческий праздник. Как обычно, чтобы оправдать это присвоение, он призвал на помощь историю. Было сказано, что мекканская святыня и культ первоначально были единобожными и основаны Авраамом и лишь в последующие времена выродились и превратились в языческие. Отец веры Авраам был изгнан иудеями и стал основателем доисламской религии арабов с ее святыней в Мекке, и таким образом ислам решительно отделился от иудаизма и стал национальной религией арабов.

Таким способом Мекка была уже духовно вписана в ислам еще до завоевания, которое

последовало на 8-м году от хиджры. Оно приняло форму капитуляции, договор о которой был заключен с Абу Суфьяном. Опасение, что из-за ислама город утратит силу притяжения религиозной святыни для арабов – власть, благодаря которой он существовал, – было заранее устранено. На самом деле Мекке скорее был выгоден тот факт, что она единственная из святых мест прежнего языческого культа сохранила свое святилище и праздник в окрестностях, а все остальные святилища были упразднены. Война с Мухаммедом нанесла тяжелые потери курайшитам. Теперь он приложил все усилия, чтобы заставить их осознать, насколько они выиграют от дружбы с ним, для чего делал подарки их вождям и осыпал многочисленными знаками своего расположения. Эти способы привлечения их в ислам он назвал «завоевание сердец». Мухаммедом также двигало глубокое сочувствие своему родному городу, и он так далеко зашел в стремлении примириться с ним, что ансары боялись, как бы он не сделал его штаб-квартирой своего правления и не оставил Ясриб. Но эти страхи оказались беспочвенными; Ясриб оставался Мединой, то есть городом верховной власти. Не Мухаммед удалился в Мекку, а честолюбивые курайшиты, которые хотели держаться поближе к нему и к правительству, переехали в Медину во главе с Абу Суфьяном и бану умайя. Но это не было преимуществом для ансаров; мухаджиры, не только из Мекки, но и со всей Аравии, продолжали набирать силу в их городе, так как Медина активно привлекала деятельных людей, которые рассчитывали сделать там себе состояние, и пророк принимал их без вопросов как долгожданное дополнение к своей власти, невзирая на то что они могли быть людьми не самой незапятнанной репутации.

Арабские племена до той поры предоставляли события их естественному ходу. После захвата Мекки и победы над хавазинитами, которые последовали вскоре, они один за другим сдались перед завоевателем и перешли в ислам. Это были действия не отдельных людей, а вождей от имени их народов. Представители племен и старейшины капитулировали перед Мухаммедом и постарались добиться максимально выгодных условий для своих людей, да и для себя. Если в племени был внутренний раздор из-за того, кто должен быть вождем, то стороны пытались взять верх над противником при помощи ислама. Мухаммеду очень часто подворачивались такие благоприятные возможности, и в силу этого переход в ислам был политическим действием, актом присоединения к содружеству Медины. Принимались только внешние формы и символы мусульманской веры, особенно молитвы с азаном (призывом на молитву) и закятом (налогом в пользу бедных). Проповедники явились лишь после того, как переход был завершен, и ввели поклонение Богу и научили элементам религии и закона. Требовалась только внешняя приверженность исламу; фактически это была слепая вера.

Включение всей Аравии в круг ислама было закреплено в ночь аль-бараа в 9 году от хиджры и хиджат аль-вада в 10 году. Культ в Мекке и отправление обрядов в ее окрестностях были объявлены исключительно мусульманскими. Язычники больше не осмеливались принимать в них участие. Их оттеснили от их собственного – чисто языческого – наследия, и ислам предъявил претензии не только на Мекку, но и на всю Аравию. Все арабы, которые до той поры оставались язычниками, в силу этого оказались вне закона, но «Мир Божий» был открыт для тех, кто перешел в теократию; междоусобицы больше не допускались. Ислам отменил прошлые и древние основания для вражды, все требования и долги кровной мести считались «растоптанными». Это была «сисахфия» совершенно иного рода, нежели реформа Солона, в том, что она была гораздо более широкой и тщательной. Из одной мединской «клетки» теократия разрослась и распространилась по всей Аравии.

Племена и их аристократия пока еще продолжали существовать, но находились под своего рода надзором посланцев Мухаммеда и были полностью объединены в государство, центр власти которого пребывал в Медине. Основание этого государства, которое, даже если оно и не было очень сплоченным, все же давало защиту от анархии и всеобщего разложения, стало краеугольным камнем трудов пророка. Мухаммед умер не мучеником, но в самом зените своего успеха. Едва ли можно обвинить его в том, что он создавал Царство Божие на уже имевшемся естественном фундаменте, даже если обстоятельства часто вынуждали или

побуждали его прибегать к нечестивым средствам и использовать Аллаха в качестве предлога, но все-таки не следует расценивать его как лицемера.

Арабские племена считали, что поклялись в верности только одному пророку, – согласно распространенному взгляду, что клятва верности относится исключительно к тому человеку, которому она принесена. После смерти Мухаммеда они отпали не столько от Аллаха, сколько от Медины. В самой Медине тоже сложилось сомнительное положение, но теократия преодолела кризис, вызванный сменой правителя, и напомнила Аравии о повиновении. Лучшим средством закрыть брешь было расширение вовне, поскольку это был прямой способ подавления внутренних беспорядков. Через джихад – священную войну – мятежные племена удалось привлечь к интересам ислама и примирить с ним. Пропаганда веры была по большей части лишь предлогом для войны. Призыв к врагам Аллаха обратиться в ислам был формальностью перед началом военных действий; никто даже не предполагал, что они в самом деле на это согласятся. Одно правило было для арабов, другое – для «чужаков». У арабов не было выбора, им пришлось принять ислам, и эта тенденция нетерпимости ко всем религиям, кроме религии Мухаммеда, распространилась на всей территории полуострова⁶. Уравнивание ислама и арабизма зашло настолько далеко, что никто не мог быть мусульманином, если не был при этом членом арабского семейства или не породнился с ним. С другой стороны, неарабов не принуждали к обращению в ислам; предполагалось, что они будут и дальше придерживаться своей религии. Не будучи арабами, они не принадлежали к коренным гражданам теократии; никто не предполагал, что неарабы войдут в их число, от них ждали только подчинения; это и было целью войны.

Так из национального государства, основанного Мухаммедом, после его смерти возникло царство, господство теократии над миром. В нем было два вида приверженцев, которые отличались друг от друга и политически и религиозно. Господствовали в нем арабы, будучи мусульманами, а также воинами и завоевателями. Община Мухаммеда была полностью преобразована в армию; молитва и пост и другие благочестивые занятия стояли на втором месте после джихада. В таком виде ислам стал ясен и для бедуинов. Это было знамя, которое вело их к победе и добыче или, в худшем случае, в рай. В захваченных провинциях теократия в новых условиях была организована как армия. Перечень ее подданных был военным реестром, племена и роды составляли полки и роты. В него включались не все арабы, а только годные к строевой службе, мукатила, то есть бойцы и защитники. В противоположность тем, кто остался дома, мукатила также называли мухаджирами, то есть теми, кто отправлялся в крупные военные центры, из которых и управлялась и велась война. Хиджра уже означала не бегство, а переселение (вместе с женой и детьми) в военно-политический центр, чтобы нести там службу⁷. Полные права гражданина можно было получить только в войске, а также в столичных и гарнизонных городах; бедуины, которые бездействовали в своих усадьбах, со своими стадами, не признавались полноправными гражданами, а может быть, даже и сторонниками. Первым Дар аль-исламом или Дар аль-хиджрой была Медина, куда сначала и направился поток «активных» мужчин; позже добавились столицы провинций (миср; мн. ч. мусур), туда тоже можно было совершить хиджру. В Сирии выбор пал на старые, уже существовавшие города, а в других местах были созданы новые военные поселения, такие как Фустат в Египте, Кайруан в Римской Африке и особенно Басра и Куфа в Ираке.

Из этих пунктов, где разместились главные штабы, арабы держали в повиновении провинции; это было абсолютное военное положение. Эмиры, под руководством которых покорялись области, были первыми «штатгальтерами», наместниками, и их преемниками прежде всего становились военные командиры. Но так же, как армия была одновременно и

---

⁶ Бану таглиб, которым разрешили остаться христианами, жили в Месопотамии.

⁷ Это и означает «хиджра»; «Ты оставил дом не ради рая, а ради хлеба и фиников».

уммой, так и эмир был одновременно и имамом, который вел службу в мечети, особенно в пятницу, день проповеди. Он был «аль-харб вассалят»; и война, и богослужение относились к сфере его полномочий. Наряду с этим он, естественно, обладал исполнительной властью, а следовательно, и судебной, в чем и заключается сила повелевания миром. Сначала эмир отправлял правосудие лично, позже он стал назначать кади в столице⁸.

В целом он передал ведение внутренними делами и до некоторой степени принятие судебных решений самым заинтересованным кругам, поскольку даже в захваченных провинциях арабы сохраняли свою древнюю родовую систему. Но довольно скоро начали постепенно складываться различия. На арабской родине сравнительно небольшая группа образовывала реальный союз, чтобы вместе пасти свои стада и кочевать. Эта группа причисляла себя наряду с другими племенами к группам, чья важность возрастала, но фактически от них мало что зависело. Ситуация изменилась под влиянием громадного притока людей из-за границ пустыни. Как правило, все племя не отправлялось из родного поселения, чтобы «телесно» переселиться в одно и то же место, но части племени были рассеяны повсюду, части, которые не могли существовать сами по себе. Поэтому, чтобы обрести необходимую солидарность, они заключали более тесный союз с частями родственных племен, принадлежащих к аналогичной группе, стоящей на более высокой ступени. Это было тем легче, что уже оставалось не так много мест для эмиграции, как было прежде, и люди были сосредоточены в колониях и жили в самой тесной связи друг с другом; например, Куфа была образцовым показателем разветвленных этнических связей пустыни. Таким образом, можно понять, что благодаря определенной интеграции более крупные союзы приобрели реальную важность, которой они никогда не имели прежде и которой они едва ли когда-либо потом обладали в самой Аравии. Сочетание других обстоятельств способствовало этой тенденции к образованию групп, которые сыграли важную роль во внутренней истории Арабской империи.

В отличие от арабской военной знати неарабы были подданными⁹, то есть их жизнь проходила в подчинении и зависимости. Они составляли финансовую основу государства. Они должны были обеспечивать своих господ посредством взимаемой с них дани, налога на подданных, который был гораздо более обременительным, чем так называемый налог в пользу бедных для мусульман, что и вызывало возмущение. Арабское правительство, насколько это было возможно, проявляло даже еще меньший интерес к своим внутренним делам, чем к племенным. В бывшей римской провинции епископы часто становились также гражданскими главами общины; в персидской провинции дехкане таковыми и оставались. Эти местные вожди несли ответственность за сбор налогов в своей местности; правительство не утруждало себя иной задачей, кроме как наблюдение за поступлением этих налогов. Дело наместника состояло в том, чтобы держать подданных в достаточном повиновении, дабы они исправно платили дань. Впоследствии наряду с ним часто назначался независимый финансовый чиновник, что не встречало его особого одобрения, поскольку в таком случае его роль заключалась лишь в том, чтобы держать корову за рога и не давать ей уйти, пока ее доит кто-то другой.

Старое арабское право разбоя, в несколько измененной форме санкционированное Мухаммедом в Коране, составляло основу налогообложения подданных и регулирования их положения в целом. Когда город или область сдавались мусульманам без борьбы (сулхан), их жителям сохраняли жизнь, свободу и собственность, но они должны были платить дань за милосердие и защиту, взимавшуюся либо в виде единовременной выплаты, либо в

---

⁸ При Умаре I такого чиновника еще не существовало. Предположительно, в то время не существовало споров. Впервые мы слышим о кади в Куфе во времена Муавии или Язида I.

⁹ Я использую слово «подданные» в этом более узком смысле, чтобы отличить их от арабов, которым фактически принадлежало государство.

соответствии с заключенным договором о капитуляции¹⁰. Но если их побеждали силой оружия (анватан), они попали под действие закона войны, то есть лишались всех прав; они сами и все, чем они обладали, становились добычей победителя. Пятая часть предназначалась Богу, то есть государству, даже общинные земли и имущество, брошенное его владельцами, попадали в казну. Все остальное, и не только движимое имущество, но и земля и люди, следовало поделить по закону, и не среди мусульман вообще, а среди воинов того самого войска, которое одержало эту самую победу. Так, однако, не могло продолжаться долго. Невозможно помыслить, чтобы переход из рук в руки такой огромной массы продолжался без помех, не говоря уже о тех лишениях, которым из-за него подвергались низшие классы, только обрабатывавшие землю и не владевшие ею. Арабы не могли бросить жребий между собой за половину мира, так чтобы не превратить его в пустыню. Но они не решались и распределиться по обширной территории, чтобы управлять ею. Если они не хотели потерять свои позиции, единственным способом было сконцентрировать военную силу. «Сила моей общины, – якобы сказал Мухаммед, – опирается на копыта лошадей и острия копий, пока воины не возделывают землю; если же они начинают это делать, они ничем не отличаются от остальных». И, кроме того, они должны были думать о будущем. Если всю добычу сразу же делили между первыми и фактическими завоевателями, она утекала сквозь их пальцы так же быстро, как и приобреталась. Таким образом, земля рассматривалась как надежный капитал и передавалась в качестве лена ее прежним владельцам, так что им приходилось платить проценты, и эти проценты шли только арабским воинам и их наследникам – не капитал, а доход¹¹. Фактически городам и местностям, захваченным силой оружия, приходилось ненамного хуже, чем тем, которые сдавались добровольно, и даже дань и в том и в другом случае называлась одинаково¹², только во втором случае дань была юридически закреплена и ее нельзя было произвольно изменить¹³.

Так возникла разница между ганимой и фаем в период после Мухаммеда. Ганима – это добыча, доставленная в лагерь в виде движимого имущества, а также пленники; она и прежде и теперь делилась между воинами. Фай, с другой стороны, – это добыча в виде недвижимого имущества и живущих там людей, и ее не делили, а оставляли прежним владельцам после выплаты дани, так что настоящие владельцы (согласно закону войны) получали только ренту¹⁴. Но государство собирало плату через своих должностных лиц и не выплачивало полную сумму ежегодно законному мукатила или его наследникам. Им выплачивали только фиксированную пенсию, а остальное шло в государственную казну. Таким образом, организация завоеваний в значительной степени ограничивалась военной

---

¹⁰ В некоторых случаях они несли военную службу на границе, и тогда им не нужно было платить дань, поскольку считалось, что дань является платой за свободу от военной службы и за то, что ее несут арабы.

¹¹ Это то же самое, что и дань в Быт., 47, которую египетские крестьяне должны были платить фараону в знак того, что их земля на самом деле принадлежит фараону, а они его податники.

¹² «Вся земля в Саваде, которая орошается каналами, – харадж» (*Яхья*).

¹³ Также во многих случаях первые позже фабриковали договоры о капитуляции, что было нетрудно, учитывая плохое владение дипломатией и историческую неизвестность, в которую вскоре погрузились бурные времена завоеваний.

¹⁴ Слово «фай» происходит из Корана (59: 6, 7), но разница между ганимой и фаем там не объясняется, а помещается вне закона. Это слово фактически означает «возвращение», но используется не только для обозначения процентов, но и самого капитала. Мусульманские правоведы, естественно, хранят первоначальное различие между ганимой и фаем и не признают, что оно возникло только в результате практического применения, вопреки Корану.

оккупацией для эксплуатации подданных. По сравнению с предыдущим положением вещей мало что изменилось. Правящая власть стала другой, но положение *misera contribuens plebs*¹⁵ осталось таким же, как и раньше. Арабская администрация ограничивалась финансовыми делами, арабское правительство было счетной палатой. Арабы сохранили греческих и персидских служащих – единственных специально подготовленных чиновников, которыми арабы располагали. Они также в основном сохранили старые названия и виды налогов и не внесли особых изменений ни в ставки, ни в процедуру взимания. Если бы те два мединца, которые, как говорят, измерили и распланировали Ирак, были в своем уме хоть наполовину, они и эту половину использовали слишком экономно. Во многих случаях халиф санкционировал лишь временные меры своих военачальников, действия которых зависели от местных условий.

Большинство завоеваний имели место во времена халифа Умара, и он считается их организатором. Как мы видели, он не создал никакой новой системы, но именно он был причиной того, что право арабов на добычу было отменено и государство встало между армией и подданными. В какой-то степени он защитил подданных и на основе их способности выплачивать налоги укрепил государство в противовес армии.

Развитие политического законодательства шло не в ногу с развитием политической власти. В старой арабской традиции отсутствовала какая-либо практическая наука об управлении государством, как и в идее теократии. Этот недостаток становился ощутимым сразу же, как только вставал вопрос о том, кому принадлежит главенство в теократическом правительстве.

При жизни Мухаммеда этот вопрос не возникал. Пророк был представителем Бога, истинным теократическим правителем; теократия подходила ему как нельзя лучше. Однако предположение, что с его смертью настанет час последнего суда, не оправдалось. Мир не был разрушен, и Мухаммед умер, не позаботившись о том, чтобы его паства не осталась без пастыря. Он, конечно, оставил ей Коран и вдобавок к нему сунну, то есть путь, по которому он сам ступал, дорогу, которую он указал своей собственной жизнью, но ни в Коране, ни в сунне невозможно было найти ответ на вопрос, кто должен стать его преемником. Тем не менее из Корана и сунны следовало, что преемник не нужен; фигура единого религиозного и политического вождя представлялась незаменимой. Не существовало ни установленного метода его избрания, ни права наследования пророку. Смерть Мухаммеда, казалось, покончила с теократией, хотя многие благочестивые люди не поверили бы, что это возможно. Арабские племена отпали от Медины, а в ней самой возникла угроза раскола. Поскольку никакие условия правопреимственности не были оговорены, единственное возможное решение заключалось в скорейшем захвате власти. При Мухаммеде его старейшие мекканские сторонники и друзья, которых было немного, стояли ближе всего к верховной власти; они были, так сказать, первыми плодами веры, теократической знатью, знатью подлинно исламской по происхождению и характеру. Они фактически не имели официальных постов, но просто составляли круг советников пророка и оказывали на него очень большое влияние, а теперь, лишившись его защиты, они не допустили, чтобы власть выскользнула у них сквозь пальцы, и твердо взяли бразды правления в свои руки, когда те выпали из рук Мухаммеда. Главным из них с точки зрения интеллекта был Умар ибн аль-Хаттаб, которого можно считать основателем второй теократии, теократии без пророка. Он был высокого роста, быстро двигался, громко говорил, был силен в бою и всегда изображался с кнутом в руке. Он не ходил вокруг да около и не нашептывал, как лицемеры, но был искренне богобоязнен и никогда не болтал лишнего. Сначала он поддержал Абу Бакра, самого доверенного друга Мухаммеда, и лишь после смерти Абу Бакра, которая случилась вскоре после этого, он официально взял власть в свои руки. Абу Бакр передал ее

---

¹⁵ Жалкий податный народ (лат.). (Примеч. пер.)

Умару в своей последней воле¹⁶, но это стало лишь подтверждением того, что уже было признано всеми. Абу Бакр прекрасно понимал, что у них нет законного титула для правителя и они лишь узурпировали его. Все, что они смогли сделать, – это впоследствии узаконить свою изначально незаконную власть, используя ее в соответствии с идеей теократии. Поскольку Аллах больше не властвовал через Своего живого полномочного представителя, они обеспечили Его власть тем, что приняли в качестве правил поведения его слова – Коран и пример Его посланника – сунну. Они хотели, чтобы их рассматривали только как временных представителей единственного полноправного правителя теократии – пророка, и выразили это в том, что приняли в качестве официального титула слово «халиф», то есть «наместник». Абу Бакр называл себя наместником Божьего посланника, а Умара – наместником наместника Божьего посланника, пока такое наименование не стало чересчур церемонным, и тогда слово «халиф» без цепочки родительных падежей превратилось в самостоятельное название. Кроме того, они носили титул эмира правоверных.

Влияние старейших и самых выдающихся сподвижников пророка, из числа которых вышли первые халифы, разделяло и родственное им племя курайшитов, и не только та его часть, которая переселилась в Медину в год бегства, или по крайней мере до завоевания Мекки, но и та, что приняла ислам лишь после того, как была принуждена к этому после завоевания. Кровь утверждала свою силу рядом с верой. Несмотря на то что курайшиты сопротивлялись исламу, сколько могли, все их племя чувствовало себя вправе занимать главенствующее положение в теократии, потому что Мухаммед вышел из него и их притязания поддерживал и он сам, и его сподвижники. Даже у арабов, как правило, считалось в порядке вещей, что правящая власть по-прежнему оставалась если и не в руках одной семьи, то все же в пределах одного племени или рода и считалась его общим достоянием, хотя ею обладал только один человек. Лишь ансары упорно боролись против верховенства курайшитов в исламе. Сначала они радушно приняли их как беженцев и предоставили им жилье, помощь и защиту. Они также не возражали против того, что Мухаммед всячески выделял своих мекканских сторонников, или против того, что они сами вели самые тяжелые войны, а кто-то другой (курайшиты) забирал львиную долю добычи, например при разделе имущества изгнанных евреев. Но со временем у них возникло чувство, что призванные ими духи слишком много на себя берут, и попытались показать, что сами будут хозяевами в своем собственном доме и не станут довольствоваться подачками гостей. Нередко их негодование вырывалось наружу. Особенно его подстегнул бывший влиятельный вождь племени хазрадж, который считал себя ущемленным пророком. Этот человек сразу же пробудил ревность и у другого племени – аус. Опасность прежнего раскола еще не исчезла, и ситуация сыграла на руку третьей стороне, не вступавшей в эту ссору. В таких условиях Мухаммеду было легко сохранить расположение ансаров, но они также были обязаны ему тем, что он спас их от самоуничтожения, и, когда они вспоминали об этом, они понимали, что тоже не могут обойтись без него. Их очень тревожила мысль, что он может покинуть их город и после захвата Мекки отправиться туда и поселиться там. Так все продолжалось, как и началось; курайшиты продолжали укрепляться в Медине, поддержанные многочисленными переселенцами из других племен, которых также называли мухаджирами. Ансары по-прежнему находились в шатком большинстве и все больше отступали на второй план. После смерти пророка они еще раз предприняли серьезную попытку отстоять свое право на власть в собственном городе или по крайней мере на свою автономию. Они забыли, что Медина давно уже была не *их* городом, а городом пророка и он превратил ее в нечто совершенно иное – в центр Аравии и ислама. Их застигли врасплох быстрые действия Умара и других сподвижников Мухаммеда, а затем их разделили собственные старые разногласия, так что в конце концов они оказались в меньшинстве по причине постоянного притока

---

¹⁶ Последняя воля умирающего издавна имела особую силу у арабов. Во время войны эмир имел право и обязанность назначить на случай своей смерти заместителя, а часто и заместителя этого заместителя и т. д. Мусульмане, однако, считали себя войском.

бедуинов из окрестностей, которые встали на сторону мухаджиров против них.

К счастью, в это время произошло крупное восстание арабских племен против Медины, и перед лицом общей внешней опасности внутренние ссоры сошли на нет. В соответствии с традициями ансары снова встали в первые ряды в борьбе с врагами; они также играли главную роль в завоеваниях, особенно в Сирии. Они составили костяк мусульманских сил, но не имели права назначать вождей. Более того, они все еще оставались в определенной оппозиции к правителям, но их сопротивление колебалось вместе с общим сопротивлением благочестивых теократов против существующей власти. Медина как место оппозиции, исламской традиции и подавленной исламской аристократии появляется позже и всегда как единое целое; совершенно ошибочно в этой связи думать только об ансарах. Даже в великом восстании, которое закончилось в Харре, они объединились с мухаджирами против Омейядов; они пошли за курайшитскими претендентами и не боролись за свое собственное влияние в качестве отдельной стороны¹⁷. За исключением, может быть, хариджитов, главенство курайшитов признали, хоть и неохотно, все стороны. Они занимали нейтральную позицию в отношении соперничества племен, которые одно за другим отдавали верховную власть курайшитам в ущерб себе, как бы порой их ни раздражали эти урожденные дольники государства.

Курайшиты действительно в тот момент были не особенно сплочены. Первоначально они были всего лишь последователями пророка и его старых сподвижников; только через них, будучи из одного с ними племени, кровными родственниками, они приобрели важность в исламе. Но теперь среди них возникло опасное сочетание истинной мусульманской аристократии сподвижников.

Это произошло после смерти халифа Умара, когда снова встал вопрос о преемнике. Умар не оставил завещания в пользу Али, который претендовал на власть, как двоюродный брат и зять пророка, и считал, что им и без того уже пренебрегли. Умар предпочел открытые выборы как способ назначения халифа вместо него. Но шура – орган, который должен был совершить этот выбор, – включал в себя отнюдь не всю общность мусульман. С провинциями никто не посоветовался; одна Медина представляла собой полис, а в

Медине с ансарами вообще считались мало, как и с курайшитами в целом. Шура фактически состояла только из шести остававшихся в живых старейших сподвижников пророка, и они наверняка должны были выбрать кого-то из своего числа, как конклав кардиналов выбирает папу. Остальной народ Медины имел только право или обязанность принести клятву верности избранному. Это событие должно было состояться после выборов в Медине.

Шесть сподвижников со своей стороны обошли Али. Они не хотели признавать его приоритета и решили назначить уже престарелого Усмана ибн Аффана из дома Омейядов. Он был самым непритязательным и наименее влиятельным, и именно по этой причине он и пришелся им по вкусу, ведь им нужен был деревянный чурбан вместо царя¹⁸ и они не желали второго Умара. Но результат их разочаровал, потому что слабость Усмана не принесла пользы никому, кроме его собственного рода, чьему давлению он уступал – сознательно или не задумываясь. Омейяды, как и родня пророка, принадлежали к потомкам Ибн Абд Манафа и были богаче, влиятельнее и могущественнее, чем бану хашим и мутталиб. После Бадра они заняли место бану махзум, силы которого были сломлены в этой

---

¹⁷ Есть мнение, что ансары формировали ядро более поздней оппозиционной партии йеменцев. Я не могу найти для этого взгляда никаких оснований. Йеменцы в Сирии были кальбитами, в Куфе – хамданитами, мазиджитами и киндитами, в Басре и Хорасане – аздитами, последние из них наименее важны. Ансары не имели никакого отношения ни к кому из них. Они также не очень интересовались шиитами, хотя и были сторонниками Али при его жизни. То, что Алиды считали Медину своей родиной и пользовались там уважением, – это другой вопрос.

¹⁸ Ссылка на басню Эзопа «Лягушки, просящие царя». (Примеч. пер.)

битве, и благодаря их мудрому вождю Абу Суфьяну добились главенствующего положения в Мекке и стали главными фигурами в длительной борьбе курайшитов против Медины и Мухаммеда. Хотя в этой борьбе они проиграли, они не потеряли из-за этого своего влиятельного положения и сохранили его в новом содружестве, к которому им пришлось присоединиться. Мухаммед облегчил им вступление в это содружество и очень старался показать им, что для них не позорно присоединиться к нему. Когда Мекка потеряла политическое значение, они переселились в Медину и вскоре заняли там руководящие посты, и, приспосабливаясь к новым временам и подлаживая свою веру к обстоятельствам, они приобрели известность благодаря тем самым событиям, которые грозили им гибелью. Уже при Абу Бакре и Умаре Язид, сын Абу Суфьяна, а после смерти Язида его брат Муавия достигли высокого положения в провинциях, если не в самой Медине. В лице Усмана Омейяды фактически добились халифата, потому что его правление было правлением дома, к которому он принадлежал. Он назначил своего двоюродного брата Марвана управляющим в Медине и предоставил ему править, и тот поставил на все должности своих родственников. Тем самым он вызвал недовольство других членов шуры. Их было пятеро: Али, Абдуррахман ибн Ауф, Тальха, Ибн аз-Зубайр и Ибн Абу Ваккас. У последнего не было политических амбиций, а Ибн Ауф умер еще раньше самого Усмана, но этих двоих заменила Айша, молодая вдова пророка, которая занимала равное с ними место в высшем совете ислама и пользовалась большим уважением. Высокопоставленные сподвижники пророка в том положении, которое они занимали до того, оказались под угрозой из-за создания династии; это было причиной их враждебности к Омейядам. Разве могли они, представители подлинной теократической знати, уходящей своими корнями в зарождение ислама, стерпеть, что их вытесняет старый знатный языческий род, возглавлявший курайшитов в борьбе против ислама? Сначала они попытались отвлечь халифа от его клики, как они ее называли, а когда это не удалось, обратились против самого халифа. В Медине они сделали все, что могли, чтобы подорвать его авторитет, и поддерживали недовольство арабов в провинциях.

Началось брожение, во всяком случае в провинциях, то есть в городах, где жили арабы. Прекратились великие завоевательные войны, и времена изменились. После сумятицы последовал покой, отрезвление после разгула. Арабских защитников больше не заставляли служить в полевых условиях, у них появилось свободное время, чтобы задумываться. Пока ганима, фактическая добыча, постоянно поступала к ним благодаря непрерывным военным кампаниям, они мирились с тем, что правительство забирало себе фэй – имущество завоеванных народов и их самих, так как арабы не знали тогда, что с ними делать. Но теперь они поняли, что среди бурь и лишений того времени они невольно позволили забрать у себя самую ценную часть добычи. Если бы теперь они получили оплату размером по крайней мере с полный фэй, то есть годовую сумму налога с подданных, они бы не возражали, но, как мы видели, этого не произошло. Этот налог вместе с остальными государственными доходами шел в казну; правительство лишь выплачивало из него пенсион арабским воинам. Оно владело кошельками, содержимое которых на самом деле принадлежало армии. Оно получило независимость от армии благодаря завоеваниям, которые совершила армия и которые были по праву ее добычей, поскольку оно не разделило между воинами земли и людей, а прикарманило собранные с них налоги. И армия стала зависимой от него благодаря выплатам, которые правительство могло выдавать или отбирать по собственному усмотрению. Правительство когда-то пользовалось поддержкой армии, теперь армию поддерживало правительство. Неудивительно, что мукатила считали себя обманутыми этим подлым государством, основой которого была казна, и благодаря ей оно возвысилось над ними и держало в повиновении. Они утверждали, что деньги, собранные в качестве дани, принадлежат им, а не государству, что это мал аль-муслимин, а не мал Аллах. Они придерживались своих требований о том, что фэй должен быть поделен; когда они получили такую возможность, они разграбили казну провинций и не могли стерпеть того, что излишки должны были уйти в государственную казну. Их ревность к государству была естественным

образом направлена против его функционеров, распоряжавшихся властью и деньгами. Они считали несправедливым, что чиновники, так сказать, отогнали их от кормушки¹⁹.

Собственно говоря, это был протест против системы Умара. Ибо Умар был тем, кто вырвал фый из рук войска и передал его государству, вопреки Корану, хотя и в соответствии с тенденцией налогообложения, которой в значительной мере уже следовал Мухаммед²⁰. Тот факт, что недовольство возникло и распространилось не при Умаре, а при Усмани, можно объяснить не только изменившимися временами, но и разницей между личностями правителей. Усман справедливо сказал, что против него говорили такое, чего никто не осмелился бы сказать против Умара. Ему не хватало властности и авторитета, которыми обладал его предшественник, поэтому деспотизм и самонадеянность функционеров и чиновников при нем усилились по сравнению с правлением Умара, которого они боялись, и это выглядело тем хуже, что он имел обыкновение назначать их из числа своих родственников. Складывалось впечатление, что халифат стал прерогативой нескольких привилегированных личностей, которым было позволено кормиться за счет провинций.

Высокопоставленные сподвижники пророка встретились в Медине с представителями провинций. Они обладали подавляюще большей частью капитала, особенно ансары во главе с Али, Тальхой и Ибн аз-Зубайром, чтобы поддерживать их в ненависти к клике Усмана, ненависти, которая в их случае возникла по совсем иному поводу. Для них было простой задачей придать соперничеству с Усманом нужный религиозный акцент, заявить претензии на роль истинных представителей старой подлинной теократии и защитников Корана и сунны, а также использовать общее недовольство к своей выгоде. При всей своей дерзости и непокорстве в поступках по отношению к Усману они не хотели открыто объявлять ему войну при поддержке жителей Медины. Они предпочли разбередить провинции, которые в какой-то мере обладали военной и финансовой мощью государства, в то время как в Медине был сосредоточен только моральный авторитет ислама. В 34 году от хиджры (654–655) они писали в провинции: «Если вы хотите начать священную войну, то ее место теперь у нас в Медине». Первый ответ это обращение нашло в Куфе, главном сосредоточии оппозиционных мукавила. В конце 34 года (июнь 655 года), когда наместники во время хаджа, как обычно, находились в Мекке вместе с халифом, там вспыхнуло восстание под предводительством Малика аль-Аштара, видного йеменца и преданного друга Али. Тысяча человек из Куфы встала перед городом и преградила вход своему наместнику Саиду, когда он вернулся из Мекки. Однако Усман сместил Саида без дальнейших церемоний, дал повстанцам того наместника, который был им по вкусу, и таким образом на время успокоил их.

Тогда вместо куфийцев египтяне отправились в Медину. В Египте вместо завоевателя Амра Ибн аль-Аса Усман назначил своего двоюродного брата Ибн Абу Сарха, хотя Мухаммед объявил того вне закона. Поэтому Амр, человек очень опасный, был его врагом, способствовал усилению недовольства против него в Медине и, вероятно, не постеснялся сделать то же самое и в Египте. Другими тамошними мятежниками были Мухаммед ибн Абу Хузайфа, приемный сын халифа, и Мухаммед ибн Абу Бакр, ревностный сторонник Али. В великой морской битве с императором Константином у лийского побережья они отделились на своем корабле от арабского флота, сказав, что воины покидают истинную священную войну. Они предъявляли озлобленные обвинения Усману, в частности упрекая

¹⁹ Светское название для понятий «правление», «господство», «государство» – это султан, религиозное – Аллах. Слово «султан» происходит из арамейского и означает именно вдовела, власть; <г>рютг<г>, господство, а не квярюс, господин.

²⁰ Мухаммед уже отобрал в пользу государства то, что было взято без борьбы. Даже в конфискации старой химы (мн. ч. ахма) и выделения новой химы в качестве пастбищ для верблюдов и лошадей в составе государственного имущества Мухаммед предвосхитил Умара и таким образом подал пример для конфискации владений.

его в том, что он поставил своих родственников на все прибыльные места и таким образом посеял опасное семя. Это случилось в 34 году от хиджры. В следующем году полтысячи арабов из Египта послушались призыва к одобренной Богом войне с внутренним врагом. Они предстали перед Мединой примерно в десятом месяце 35 года (апрель 656 года), выдвинули халифу определенные требования и угрожали насилием, если он их не удовлетворит. Жители Медины, за редким исключением, встали на их сторону и поддерживали их. Поскольку Усман, правитель самого на тот момент мощного государства в мире, не имел в своем распоряжении абсолютно никаких внешних сил, он снизошел до переговоров с чернью. Ему удалось убедить египтян вернуться, пообещав им заглавить их обиды, но, как только они ушли, он снова укрепил свое положение при поддержке Марвана и родственников из Омейядов. В следующую пятницу он выступил в мечети с речью, в которой утверждал, что египтяне осознали свои ошибки и поэтому отступили. Тогда люди Медины, из которых состояли присутствовавшие на богослужении, пришли в ярость и, не довольствуясь одними упреками, так побили старика, что он лишился чувств и его пришлось нести домой. Это было его последнее публичное выступление в мечети. Тогда мединцы стали группами появляться перед даром²¹ Усмана, который находился неподалеку от мечети, не обращая внимания на требования разойтись. Через несколько дней египтяне внезапно вновь появились на сцене, принеся с собой роковое письмо от халифа, которое и предъявили ему²². Он отрицал, что написал его, и заявил, что ничего о нем не знает. «Разве такое может случиться против твоей воли? – сказали они. – Тогда ты не наместник!» Но он категорически отказался согласиться с этим намеком на отречение и заявил: «Я не стану снимать с себя одежды, в которые облачил меня Бог». Начиная с того времени он фактически находился в осаде; его слуги и гости, а также несколько родственников обороняли его в даре. Мединцы отпустили египтян восояси; если бы они захотели, им было бы нетрудно справиться с несколькими сотнями человек. Они подняли восстание против халифа, но предоставили заканчивать его посторонним мятежникам, и даже в этом они фактически оказали им помощь, особенно часть ансаров. Высокопоставленные сподвижники Али, Тальха и Ибн аз-Зубайр, которые были главными виновниками этого пожара, не прилагали никаких усилий, чтобы его потушить. Их отношение к халифу скорее было сожалением о том, что они не могли ему помочь, поскольку они не имели возможности действовать свободно, а только старались поддерживать видимость. На самом деле они ничего не делали, чтобы остановить ход событий, в надежде, что все это в итоге пойдет им на пользу.

Решающее изменение к худшему, первое кровопролитие, произошло из-за защитников дара. Один из них бросил камень в голову старого «сподвижника», который стоял в толпе, и убил его. Усман отказался выдать виновника. Тогда осаждающие почувствовали себя оправданными в своих действиях и, отбросив всякие колебания, пошли в атаку на дар; командовал ими египтянин Ибн Удайс из племени бали, прислонившись к мечети. За дверью друзья Усмана сражались за него, и даже после того, как дар подожгли, они пытались сдержать нападавших. Но тем временем некоторые из нападавших проникли в дар через соседний дом и уже вошли в комнату самого халифа, где тот, не тревожась из-за доносящегося снаружи шума, молился перед Кораном. Мухаммед ибн Абу Бакр, сын его друга и предшественника, первым применил против него насилие; Кинана ибн Бишр ат-Туджиби нанес смертельный удар, а несколько других выместили свой гнев на трупе. После этой сцены в сражении больше не было смысла, и оставшиеся в живых защитники смогли без особого труда уйти в безопасное место. Это произошло в пятницу 18-го числа

²¹ Дар – огороженное скопление домов или комнат (в арабском языке нет различия между этими понятиями) с одной дверью.

²² Урия Хеттеянин (2 Цар., 11), гибели которого пожелал царь Давид и с этой целью отправил его с письмом к командующему армией, где приказал поставить Урию в место «самого сильного сражения». Выражение «письмо Урии» используется в смысле «письмо, грозящее гибелью своему подателю». (*Примеч. пер.*)

месяца зуль-хиджа 35 года от хиджры (17 июня 656 года). Похороны убитого халифа были отложены на значительное время, пока по настоятельной просьбе его вдовы Наили из племени калбитов несколько преданных людей не отважились их совершить. Необмытое тело, распростертое на двери, о которую оно билось головой при каждом неровном шаге носильщиков, спешно вынесли во мрак ночи под аккомпанемент бросаемых камней и проклятий. Его пришлось похоронить на еврейском кладбище; ансары даже не позволили дать ему погребения в обычном месте; это было все равно что зарыть животное на живодерне.

Убийство Усмана оказалось более судьбоносным, чем практически любое иное событие в истории ислама. С того момента вопрос, кто встанет во главе теократии, решался с мечом в руке. Врата Януса²³ открылись для междоусобиц и больше никогда не закрывались²⁴. Единство общины Мухаммеда, представленное имамом во главе ее, в лучшем случае можно было сохранить извне силой оружия; на самом же деле джамаат распался и разделился на фракции, которые постоянно пытались помешать друг другу и поднять оружие за своего имама против чужого, фактически находящегося у власти. Это была мучительная дилемма для благочестивых²⁵. Если они воздерживались от решительных действий, то шли против заповеди, настойчиво подчеркиваемой в исламе, о том, что нужно открыто демонстрировать свою приверженность выступать за правое дело и словом и действием, а если они вставали на ту или иную сторону, то тем самым пренебрегали основополагающей гипотезой теократии, которая заключается в том, что верующие не должны проливать кровь в междоусобицах, а должны сражаться не друг с другом, а только с неверными. Вопрос «Что скажешь об убийстве Усмана?» смущал их умы.

Плоды рокового деяния упали в руки Али. После смерти Абу Бакра, Умара и Ибн Ауфа зять пророка был, бесспорно, главой сподвижников и пользовался большим уважением, чем Тальха и Ибн аз-Зубайр. Уже во время нападения на дар Усмана он выступал в качестве имама во время публичного богослужения, а также назначил главу хаджа, и в целом в Медине, особенно среди ансаров, считалось, что он уже точно будет преемником Усмана. Египтяне тоже были на его стороне, действовали только ему на руку, и никому иному, и в суматохе момента сумели склонить чашу весов в его пользу. В тот самый день, когда произошло убийство Усмана, Али публично принесли присягу в мединской мечети. Правда, после первой радости началась реакция; волнения улеглись; народ Медины без особого восторга встретил нового халифа, получившего власть из таких нечистых рук, и не оказывал ему большой поддержки. В тот момент для халифа стало удачей, что остальные два «триумвира» – Тальха и Ибн аз-Зубайр – бесстыдно обернулись против него, поскольку таким образом они предоставили ему убедительную причину порвать с ними. До тех пор пока Усман был жив, они ревностно агитировали против него, по-видимому в интересах Али, которому позволяли поступать по собственному усмотрению, но теперь они выступили в качестве его конкурентов и заклеили как зачинщика убийства, которое оказалось таким выгодным для Али. Они покинули Медину и отправились в Мекку, где находилась Айша, мать правоверных. Она пребывала в благочестивом уединении, подальше от восстания против Усмана, в котором также сыграла значительную роль, еще до того как оно достигло зенита, и удалилась, чтобы иметь возможность умыть руки, словно ни в чем не повинная, и сохранить свое положение после того, как все закончится. Она не выносила Али и, услышав, что ему принесли присягу верности, открыто объявила Усмана святым и призвала отомстить

---

²³ Из-за этого убитого халифа называют «открытыми вратами».

²⁴ В Риме ворота храма Януса стояли открытыми в продолжение войны и запирались после ее окончания. (Примеч. пер.)

²⁵ Поэтому междоусобица называется фитна – «искушение».

за него новому халифу. Вокруг нее сплотилась группа беглецов, которые в глубине души придерживались совсем разных взглядов, и Тальха с Ибн аз-Зубайром явились к ней и нашли у нее приют. Эти трое встали во главе движения против Али в Аравии, но из Мекки они не могли вести военные действия против далекой Медины, потому решили покинуть Аравию и отправиться в Басру, где имели связи, и им удалось овладеть городом и превратить его в свою твердыню. Ввиду этого Али не считал для себя возможным оставаться в Медине. Он последовал за ними в Ирак и даже отправился в Куфу, где влиятельный йеменец Малик аль-Аштар уже подготовил почву для его появления. Вместе с куфийцами он напал на басрийцев и одержал над ними победу возле их города в так называемой Битве верблюда, так как она шла вокруг верблюда Аиши (9 декабря 656 года). Тальха и Ибн аз-Зубайр пали, Айша проиграла свои ставки и ушла со сцены. Басра заключила мир с Али, и весь Ирак признал его власть. Али остался в Куфе, выбрав ее в качестве своей резиденции.

Поэтому непосредственным следствием убийства Усмана стало то, что прежний халифат в городе пророка прекратил свое существование, а новый возник за пределами Медины. Халифат утратил свою святость; борьба за него зависела от силы, а сила находилась в провинциях. Племена в основном переселились в города-гарнизоны, центр тяжести сместился из Аравии. Люди Медины сами окончательно закрепили это положение, когда призвали жителей провинций и позволили им поступать по собственному усмотрению в своем городе, тем самым отказавшись от гегемонии. Сами высокопоставленные сподвижники совершили политическое самоубийство, поскольку разрушили моральный авторитет, на который опиралась их безопасность; если теперь главным фактором стала сила, то другие сумели их пересилить. С того времени Аравия, опустошенная всеобщей хиджрой, опустилась значительно ниже того уровня, на котором стояла до ислама; в старинных песнях мы слышим жалобные сетования по этому поводу. Медина перестала быть центром халифата, и все ее попытки вернуть утраченное положение оказались тщетными. Она оставалась лишь местом передачи исламского предания, которая переросла там в систематическое изучение, и превратилась в Одолламскую пещеру²⁶ для вытесненных членов исламской аристократии, которым так благоволил Мухаммед, и оттуда они время от времени пытались громко заявить о своих требованиях. Однако Медина обладала естественной привлекательностью для людей, которые уже сыграли свою политическую роль или отошли от активной жизни по другим причинам и имели возможность жить в свое удовольствие. Так город правоверных стал городом богатого и блестящего арабского общества, которое желало развлекаться, городом удовольствий, музыки и песен, беззаботности и распутства.

Из Куфы Али правил всем Арабским халифатом, но не Сирией. Эта провинция находилась на отдельном положении. Туда арабы в основном попадали через хиджру, и в ней существовали другие традиции, нежели традиции Куфы и Басры. Тамашние арабы долгое время находились под влиянием Греко-Римской империи и еще в доисламские времена входили в царство, а именно гассанидское, поэтому в какой-то степени были привычны к порядку и повиновению. Они не восстали против своего наместника, хотя он и был из Омейядов. Муавия ибн Абу Суфьян в течение 20 лет был наместником Сирии к всеобщему удовлетворению, и ему не приходило в голову отказаться от своего поста и признать Али. Его позиция по отношению к Али отличалась от позиции Ибн аз-Зубайра и Тальхи и была более благосклонной. Он не предъявлял никаких претензий на халифат. Он твердо обосновался в провинции, которой правил, не думая, что после убийства Усмана ему придется освободить свой пост, и сохранил его, будучи в оппозиции к перевороту. Он сумел запечатлеть на своем знамени верность и повиновение законному правителю, не примыкая к мятежу, который все же был мятежом, хотя его и подняли правоверные во имя ислама.

---

²⁶ В Одолламской пещере Давид скрывался от Саула и Анхуса и вел войну с филистимлянами (Первая и Вторая книги Царств).

Муавии оказалось на руку то, что он, как родственник убитого халифа, имел право и обязанность отомстить за него, поскольку только он располагал соответствующими средствами и способами, ведь в Сирии в его распоряжении находилась регулярная армия.

Вскоре после Битвы верблюда Али и иракцы выступили против сирийцев и столкнулись с их армией на границе у Евфрата. Последовала яростная битва близ селения Сиффин, и в конце концов победа стала склоняться на сторону Али, но, когда сирийцам уже угрожала гибель от рук противника, они накололи на свои копья свитки Корана. Иракцы поняли, что они хотели этим сказать: «Вы проливаете кровь мусульман, которые, как и вы сами, исполняют слово Божье», и это произвело на них впечатление. Защищая правое дело и теократию, они вели борьбу против Усмана, затем против Аиши и басрийцев, а теперь против Муавии и сирийцев. Таким образом, джамаат, единство общины Мухаммеда, распался. Было ли это правильно? В момент глубоких переживаний эта антиномия резко встала перед ними, и они растерялись. Правоверные, которые были первыми в битве и служили примером для соратников, первыми сложили оружие перед Кораном, а остальные последовали за ними. Они также заставили Али прекратить боевые действия и решить вопрос о правопреемстве не мечом, а Кораном, то есть передать его третьей стороне, которые должны были руководствоваться изложенными в Коране принципами, а когда он воспротивился, ему пригрозили участием Усмана. Но когда войско двинулось в обратный поход из Сиффина в Куфу, всю армию Али вдруг осенила мысль, что ее победили при помощи ничтожной уловки, и те самые люди, которые первыми попались в ловушку и повели остальных за собой, теперь же горько сожалели об этом. Они винили себя в том, что позволили запутать себя и на одно лишь мгновение поколебать свою веру в божественную справедливость свержения Усмана, но при этом упрекали и Али за то, что он согласился на третейский суд, ведь тем самым он поставил под вопрос праведность самого дела, за которое они сражались. Они потребовали, чтобы он немедленно отменил решение, к которому сами же принудили его против воли, и разорвал только что заключенный с сирийцами договор. Когда он не подчинился и не пожелал плясать под их дудку всякий раз, как им вздумается на ней поиграть, они отреклись от него и разбили отдельный лагерь в Харуре, недалеко от Куфы. Поэтому они получили имя харуриты, но чаще всего их называли хариджитами (то есть отступниками или мятежниками).

На этот раз они не привлекли к себе целые толпы. Иракцы, под которыми прежде всего следует понимать жителей Куфы, в целом непоколебимо стояли за Али. Однако с ними его связывали не те отношения, которые связывали Муавию с сирийцами, и далеко не столь благосклонные. Муавия не вышел из рядов своих подданных, а обладал властью над ними; он не был обязан им своим положением, а был независим от них, когда отдавал им приказы. Разумеется, они также были убеждены, что правда на его стороне в борьбе с убийцами Усмана, но они сражались бы за него при любых обстоятельствах. Сирийцы давно знали и уважали его, и, кроме того, с ранних времен они привыкли к определенному военному духу. С другой стороны, иракцы не могли забыть, что Али обязан своей властью перевороту, и у него не было ни времени, ни средств, чтобы компенсировать этот недостаток исключительными личностными качествами. Иракские воины не забыли, что именно они выдвинули его; они были слишком недисциплинированными или, может быть, слишком фанатичными, чтобы следовать за своим халифом всюду, куда бы он их ни вел. Они, конечно, пожалели, когда было уже слишком поздно, что из-за них он проиграл свою игру в Сиффине, но не исправили своей ошибки тем, что теперь стали помогать ему в борьбе против сирийцев, после того как решение третейского суда было воспринято как насмешка и боевые действия возобновились. Али не мог заставить их отправиться в новую военную кампанию, потому что они не предоставили ему военной службы так срочно, как он того требовал, чем позволили Муавии покорить Египет и изводить Ирак молниеносными набегами до самой Куфы. Когда армия наконец-то собралась и была готова выступить, Али был убит, а его сын и преемник Хасан, чувствуя себя неспособным занять его место, продал свои права претендента на власть Муавии. Тогда Муавия смог официально вступить в Куфу,

и иракские солдаты должны были принести ему присягу верности. Это положило конец гражданской войне.

Омейяды завоевали халифат, но только в Сирии (с Месопотамией и Египтом) их положение было надежным. Повсюду они сталкивались с оппозицией, как тайной, так и явной. Они могли сохранить свое положение только силой и почти всегда были заняты тем, что предотвращали или пресекали перевороты, средоточием которых, как и прежде, был центр Ирака, особенно город Куфа.

В борьбе с сирийцами иракцы потерпели поражение, по крайней мере они проиграли игру. Следовательно, халифат, а вместе с ним и главная казна переехали из Куфы в Дамаск. Это горько аукнулось иракцам, когда было уже слишком поздно. Прежде им принадлежало царство, а теперь они опустились до положения простой провинции. Они потеряли доходы от завоеванной ими земли, и им пришлось довольствоваться крохами пенсий, которые падали со стола их господ. Их держали под контролем с помощью денежных выплат, без которых они не могли обойтись и которые правительство могло сократить или вовсе отменить. Неудивительно, что они считали власть сирийцев тяжелым бременем и были готовы сбросить его при первой же благоприятной возможности. Самое крупное восстание против Омейядов возникло в Ираке, и в нем участвовала не одна конкретная фракция, а все тамошние арабы, которые объединились в своем гневе из-за потери прежней автократии и в ненависти к тем, кто ее унаследовал. Постоянно требовались чиновники, обладающие особым влиянием, чтобы обеспечивать мир и послушание беспокойной провинции, но в конечном итоге управление Ираком удалось обеспечить только путем подавления местных вооруженных сил и введения сирийских гарнизонов для создания фактического военного правительства, штаб-квартира которого находилась уже не в старой столице страны, а в недавно построенном и укрепленном городе.

Дело провинции стало также делом ислама. Бог и праведники выступили против силы; оппозиция объединилась с верой. Долг мусульманина заключается в том, чтобы содействовать добру словом и делом и препятствовать грешнику; мусульманин должен не только лично исполнять волю Аллаха, но и прилагать все усилия, чтобы в обществе она стояла на первом месте. Пассивность недопустима; вера заставляет человека принимать участие в общественной жизни, возлагая на него личную ответственность за целое. Вера проверяется в политике – это и есть сама идея теократии²⁷. Сама по себе религия получила силу действовать в поддержку существующего порядка вещей и учить людей тому, что их долг состоит в повиновении своим начальникам и неделании ничего такого, что могло бы вызвать раскол в обществе, но на самом деле она использовала свою власть главным образом для укрощения оппозиции. Идея теократии находилась в критическом противостоянии с самой формой общины, какую та приобрела. Она отказывалась признать, что история имеет легитимирующую силу, что государство следует своему собственному предназначению – поддержанию и усилению своей власти и что существующее правительство практически не должно отличаться от него. Омейядов постоянно упрекали в том, что они до мозга костей были опаснейшими врагами пророка и лишь в самый последний момент под принуждением приняли ислам, а потом сумели прибрать к рукам плоды его власти, сначала по слабости Усмана, а затем и за счет ловкого манипулирования последствиями его убийства. Их происхождение не позволяло им претендовать на руководство общиной Мухаммеда; для теократии было позором, что именно они выступали ее главными представителями; они были и остаются узурпаторами. Их сила заключалась в их регулярной сирийской армии, но этой силе никогда не стать правдой. Ненависть к Омейядам усилилась из-за старых обид на «султана», которые теперь были перенесены на Омейядов, как на нынешних господ. Это всегда были одни и те же обвинения: что чиновники злоупотребляют своей властью, что

---

²⁷ Из-за пагубных следствий в исламе утвердилась, так сказать, евангелическая тенденция, которая держалась вдали от политики как фитны (искушения) и не доверяла ее религиозным мотивам. Высокородными представителями этой тенденции были Саид ибн аль-Мусайиб в Медине и аль-Хасан аль-Басри.

деньги государства уходят в карманы немногих, в то время как многие ничего не получают, что главными удовольствиями стали прелюбодеяние, блуд, азартные игры и пьянство и все это остается безнаказанным²⁸. Возглавляли этот хор правоверных факихи и кари – знатоки мусульманского закона и чтецы Корана. Они выступали против Омейядов точно так же, как иудейские книжники и фарисеи выступали против хасмонеев. Закон, который они противопоставляли правящей власти, был также абсолютно позитивным правом²⁹, запечатленным на письме и освещенным традицией; его можно было найти в Коране и сунне. Они толковали его по Корану и манипулировали им в сунне, которая тогда еще находилась в чрезвычайно зыбком состоянии, и предоставляли пророку решать политические вопросы более позднего периода в том смысле, в каком они это понимали, причем нередко довольно противоречивым образом.

Самыми радикальными представителями теократической оппозиции, самыми благочестивыми из благочестивых были хариджиты. У них Божественный закон стал стопроцентно революционным принципом. Они гордились деянием, с которого началась революция, – убийством Усмана; в отличие от тех, кто стыдился этого деяния после того, как оно произошло, хариджиты сделали открытое признание его своим опознавательным знаком. Вместе с остальными иракцами они сначала поддерживали революцию против Муавии, который не признавал ее, но затем они продолжили ее и против Али, когда он пошел на сделку в Божьем деле и таким образом отделился от своих приверженцев. Хотя они помогли ему добиться удовлетворения его притязаний, они при этом не хотели быть его приверженцами в том же смысле, в каком сирийцы были приверженцами Муавии. Дин (религия) не был для них ни дином Муавии, ни дином Али, но только дином Аллаха, и тот, кто жертвовал ради наместника какими бы то ни было своими религиозными или политическими убеждениями, тот, кто ставил повиновение ему выше повиновения Богу, делал из него идола; а идолопоклонники – это идолопоклонники, а не мусульмане. Хариджиты считали, что только они настоящие мусульмане и что только они имеют право именоваться таким образом. Так, они бесстыдно проливали кровь других мусульман, потому что именно против них, и только против них они вели священную войну. Упрек в том, что они таким образом разрушили джамаат, на них не действовал; они протестовали против ложной общности, которая не отделяла зерна от плевел; только они, еретики, образовывали истинный джамаат. Их лагерь – средоточие ислама, туда они переселялись из ложного джамаата по примеру хиджры пророка. Хотя их идеи были довольно сильно направлены против династического принципа, все же, как представители единства собрания верующих, даже они имели своего халифа или имама, которые возглавляли их на молитве и командовали армией. Но они следили за его действиями, призывали к ответу сразу же, как только им казалось, что он поступил неправильно, и отрекались от него, как от неверного, если он не исправлялся. Поэтому по вопросу законного имама они ссорились не только с другими мусульманами, но и между собой. Их разногласия и по менее важным пунктам становились причиной раздоров. Они придавали наибольшую важность теократическому принципу и полагали, что он настолько зависит от веры и совести, что практически доводили его до абсурда, и это притом, что он оказался совершенно бесполезным и даже откровенно губительным для стабильности сообщества. Вся их энергия была направлена к недостижимой цели; религия привела их к активному, но абсолютно недееспособному и безнадежному политическому устройству. Они сами сознавали это. Они отвергали успех, их

---

²⁸ Кроме того, выдвигалось требование, чтобы должностные лица несли ответственность и давали удовлетворение (кавад) за несправедливость, совершенную ими на занимаемом посту в отношении пострадавших. Халифы на это не согласились. Их требования относительно ответственного управления к уходящим в отставку чиновникам ограничивались вымогательством из них как можно большего количества денег.

²⁹ Позитивное право – право, официально закрепленное в законодательстве государства. (Примем, пер.)

единственное желание состояло в том, чтобы спасти свою душу. Им довольно было встретить смерть на поле боя и тем самым получить прощение в глазах Бога; они отдавали свои жизни за то, чтобы попасть в рай. Несмотря на это, а может быть, и благодаря этому им часто удавалось одерживать победу над крупными армиями и на какое-то время внушить ужас всему мусульманскому миру, и, хотя они всегда были всего лишь небольшой сектой, их никак не удавалось полностью искоренить. Они, казалось, снова вырастали как из-под земли, их идеи обладали непоколебимой силой, привлекавшей к ним новых сторонников. Оппозиция существующему правительству в других местах, невзирая на всю свою провозглашаемую праведность, тем не менее всегда воодушевлялась мирскими интересами, и поэтому ей был присущ иной аспект, ее часто использовали стремившиеся к власти честолюбцы. В этом хаотичном многоголосии хариджиты упорно тянули свою ноту, заданную камертоном ислама. Они самым открытым и решительным образом стремились к Царству Божьему и яростнее всего – к безжалостной утопии.

Хотя шииты аналогично возникли после переворота против Усмана, у них были совершенно иные цели, нежели у хариджитов. Они ненавидели Омейядов еще сильнее, чем хариджиты, не потому, что они всецело отвергали идею династии в теократии, а потому, что основали справедливую и законную династию в противовес ложной, а именно род пророка, главой которого после его смерти стал его родственник и зять Али. Название «шиа» – это сокращение от «пшат Али», что означает «партия Али». Шиат Али были в первую очередь иракцами, в отличие от сирийцев, шиат Муавия. Даже после смерти Али оставался для иракцев символом их утраченного самодержавия. Их шиизм был не более чем выражением чувства ненависти покоренной провинции, особенно Куфы, ее униженной столицы, к Омейядам. Главы племен и семейств Куфы первоначально разделяли это чувство с остальными, но ответственное положение заставило их быть осмотрительными. Они не принимали никакого участия в бесцельных восстаниях, но старались сдерживать толпу, когда она слишком увлекалась, и во имя мира и порядка ставили свое влияние на службу правительства, чтобы не подвергать опасности свое собственное положение. Таким образом они все более и более становились чужаками и врагами для более явных и радикальных шиитов, чья привязанность к наследникам пророка не ослабевала, а усиливалась после неудач их романтических деклараций. Круг шиитов сузился, а сами они активизировались из-за противостояния с племенной аристократией и оторвались от большинства арабов. В таких обстоятельствах в Куфе возникла секта, которая до тех пор оставалась вне поля зрения; ее приверженцы носили имя сабаитов. Эти сабаиты полностью изменили характер ислама, поставив подле и выше безличного закона (изложенного в сунне и Коране) – который другие после смерти Мухаммеда считали достаточным и который, в особенности для хариджитов, был единственным авторитетом, исключаяющим всякое человеческое служение и всякое человеческое обожествление, – личного пророка, который, по их мнению, не умер вместе с Мухаммедом, но продолжал жить в его наследниках. Они начали с идеи метемпсихоза и ввели в нее особый принцип: что даже дух Бога, вдохновляющий пророков, после смерти одного переходит к другому, что, в частности, пророческий дух Мухаммеда перешел к Али и продолжился в его роду. Таким образом, Али в их глазах был не просто законным преемником предшествующих халифов, он не находился на одном уровне с Абу Бакром и Умаром, узурпаторами, пролезшими на это место между Али и Мухаммедом, но был воплощением Божественного духа, наследником пророчества и потому после смерти Мухаммеда единственным возможным правителем теократии, которую должен возглавлять живой представитель Божества³⁰. Название сабаиты, как говорят, происходит от имени йеменского иудея Ибн Сабы. Они появились в нескольких арабских племенах Куфы, но распространились за ее пределами, особенно в среде многочисленных персидских

---

³⁰ Они, конечно, называли пророком только Мухаммеда, но фактически сделали его наследников равными ему, приписывали им божественную власть и считали их непогрешимыми (масум).

вольноотпущенников, перешедших в ислам, то есть среди неарабов. Они приобрели политическое значение благодаря знаменитому сакифиту аль-Мухтару, который сделал их своей личной гвардией. Он даже привлек на свою сторону старых шиитов и, когда снова разразилась анархия и раскол, воспользовался благоприятной возможностью, чтобы свергнуть арабскую аристократию в Куфе и создать там правительство во главе с самим собой, в котором шиизм должен был уничтожить различие между арабами и персами, господами и подданными. Но его успех был недолгим. Его сторонники были подавлены, но он все же проложил путь для их последующей победы.

Однако эта религиозная или показная религиозная оппозиция вряд ли была бы столь опасна для Омейядов, если бы не соперничество арабских племен, соперничество, которое не имело ничего общего с теократией, а происходило исключительно из «арабизма» и, более того, благодаря империи, которую создали арабы своими завоеваниями, поднялось на гораздо большую высоту, чем это было в доисламском язычестве. Наместники еще больше подстегивали его. В своем непосредственном распоряжении они имели лишь небольшую шурту – в некотором роде полицию; остальные войска состояли из мукатила провинций, то есть ополчения, племенных сил обороны. За счет умелых манипуляций они натравливали племена друг на друга и сохраняли свое главенство. Но это были лишь немногочисленные успехи и лишь в начале эпохи Омейядов. В основном получалось так, что наместник опирался на одно племя в борьбе против других, как правило на свое собственное, которое он часто приводил с собой с самого начала. Затем племя, которое он возвышал до положения личного войска, делило с ним власть и привилегии, дающие им в руки распоряжение постами и деньгами. Однако с новым наместником к власти приходило новое племя, в результате чего смещенное племя становилось заклятым врагом того, которое теперь стояло у кормила власти. Таким образом, этнические разногласия усугублялись политическими и спорами по поводу политических выгод. В этом отношении наихудшей была провинция Хорасан, принадлежавшая Басре. Там через Ибн Хазима большой власти достигло племя кайс, а через аль-Мухаллаба – племя азд уман. Вместо прежних ссор между племенами бакр и тамим начались первые разлады между племенами кайс и тамим, затем между азд и кайс и, наконец, между союзами азд-рабия и кайстамим. В Сирии и Месопотамии кайситы и кальбиты заняли разные стороны в споре о халифате между Ибн аз-Зубайром и Омейядами и тем самым развязали ожесточенную борьбу, из-за которой вражда продолжалась и после того, как вызвавшие ее политические причины давным-давно исчезли. Разногласия стали более опасными из-за уже существовавшей тенденции к образованию крупных племенных групп³¹. В Сирии, а также в Хорасане кайситы играли в политике заметную роль. Они были разбросаны повсюду и широко представлены на высоких постах сакифитами, которые принадлежали к ним. Они держались сплоченно и первыми сформировали настоящую клику по всей территории халифата, бесстыдно стремясь к власти и господству. В ту же крупную группу, к какой принадлежали кайситы, входили и тамимиты, которых больше всего было в Басре и Хорасане, но они, к их чести, отличались родовой гордостью и не стремились так упорно к постам, да и не особо вмешивались в высокую политику. Первоначально они не были в хороших отношениях с кайситами, но затем объединились с ними в крупной конфедерации мударитов. С другой стороны, племя азд уман в Басре и Хорасане было самым заклятым противником кайситов и тамимитов. Они присоединились к остальным йеменцам, в число которых в Хорасане входили рабииты (бакриты), и, наконец, сирийское племя кудаа (кальбиты) тоже было вовлечено в этот круг. Они считались йеменцами, но было ли это так, не вполне ясно. На самом деле к йеменцам их привлекла только вражда к кайситам. Таким образом, опасный раскол продолжал нарастать³², сами курайшиты и Омейяды не могли

---

³¹ Ср. выше, с. 22 и далее.

³² Раскол, однако, не был строгим, он мог варьироваться в зависимости от преходящих индивидуальных мотивов. Одно племя поддерживало ту или иную сторону, чтобы доказать свою приверженность тому или

удержать свои позиции перед лицом раздвоенности, которая разрывала весь арабский мир на два лагеря.

В этот же раскол вторглись неарабы. Они переходили в ислам огромными массами, особенно толпы иранских военнопленных в Куфе и Басре, чтобы таким образом получить личную свободу³³, но не полные гражданские и военные права с их материальными преимуществами; они стали мавали – клиентами некоторых арабских родов. Только таким образом они могли быть приняты в теократию, будучи подопечными арабов, подчиненными им; одного только ислама было недостаточно, ибо теократия была по сути специфически арабским государством, империей арабов, властвовавших над завоеванными народами. Это противоречило идее теократии, которая не должна была быть земным царством (мульком), и ей даже не позволялось иметь его, и тем более если речь шла об арабах, правящих мусульманами иных народов. Вера в Аллаха и признание его верховной власти полностью исключала национальные различия. Таким образом, мавали использовали ислам в качестве удобного способа для приобретения доли в теократии, чтобы потом перехватить привилегии у арабов. Благочестивые арабы сами поддерживали требования мавали; оппозиционные партии, например, искали в них союзников против Омейядов, которые фактически представляли господство арабского народа, а не ислама. Хариджиты шли впереди, допуская мавали на равных правах в свою общину и армию. Шииты последовали этому примеру и добились гораздо большего эффекта. Как мы видели, секта шиитов в Куфе объединилась с тамошними мавали, и таким образом продвинулись и они сами, и иранцы. В самой Куфе секте, конечно, арабы вскоре снова подавили, и она погрузилась в забвение, но позднее переместилась из Куфы на истинно иранскую почву, а именно в Хорасан, и распространилась там среди принявшего ислам коренного населения. Под знаменем ислама, то есть шиизма, хорасанцы сначала вытеснили арабов из своей собственной страны, а затем полностью уничтожили арабское правление и основали династию Аббасидов на месте династии Омейядов.

Обычные концепции востоковедения весьма нуждаются в исправлении, и нам следует ими пренебречь, во всяком случае применительно к тому периоду истории ислама, когда арабы оставались правящим народом. Здесь на первом плане фактически стоит политика, а не влияние цивилизации, и полностью поглощает внимание изучающего. Политика означает не фатум в форме абсолютного деспотизма, а священное дело всех мусульман, в котором они принимают участие телом и душой, даже если это происходит без понимания характера и пределов человеческого содружества. Они колеблются под влиянием универсальных тенденций, религиозных, национальных и социальных. Слияние этих тенденций и их соперничество с существующим порядком вещей, который был редко представлен длительными царствованиями и долгожителями³⁴, создает значительную неразбериху, и обзор становится тем труднее, что место действия включает в себя целые народы и страны, простирающиеся от Индийского до Атлантического океана. Эта вводная глава казалась мне необходимой в качестве подготовки и руководства, чтобы читатель мог понять и удержать нить следующего далее повествования, а также не дать ему прийти к ошибочному мнению,

---

иному влиятельному человеку, чья поддержка была для них важна. Поэты, в частности, отличались слабостью похвалиться родством с высокопоставленными лицами.

³³ Разумеется, освобождать военнопленных, если они приняли ислам, было лишь обычаем, а не обязанностью. Никто не думал, что мусульманин в глазах Бога и закона не может быть рабом другого мусульманина; напротив, считалось, что рабы принимают религию своего хозяина, особенно те, кто родился в его доме.

³⁴ Большинство халифов и наместников были молодыми людьми и не дожили до старости, кроме Муавии и Насра ибн Сайяра. Они также правили совсем недолго, хотя наместники сменяли друг друга еще чаще, чем халифы.

что нижеследующие изыскания по истории древнейшего ислама носят исчерпывающий характер. Их главная тема – Омейяды, борьба арабской власти с противоборствующими силами и ее окончательное подчинение перед лицом революции, которая продолжалась с конца Мединского халифата. Здесь нам не хватит места, чтобы досконально рассмотреть все точки зрения сторон и провинций, хотя это было бы чрезвычайно важно для верного понимания ислама. В отдельной главе я собрал некоторые сведения о представляющей особый интерес провинции Хорасан. Что касается хариджитов и шиитов, а также войн с византийцами того периода, то я отсылаю читателей к лекциям, напечатанным в *Nachrichten der philosophisch-historischen Klasse der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften*, 1901.

Глава 2 АЛИ И ПЕРВАЯ МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА

Согласно аль-Мадаини, который ссылается на Абу Михнафа, Наиля, вдова убитого халифа Усмана, отправила его окровавленную одежду Муавии с описанием обстоятельств убийства, в котором она процитировала пророческие слова из Корана, сура 49, 9. В самом позднем рассказе Сайфа, который сохранился у ат-Табари, говорится, что Нуман ибн Башир привез в Дамаск окровавленную одежду Усмана и отрезанные пальцы Наили. Здесь прибавлены пальцы, поэтому сама Наилья уже не вписывается в рассказ. Далее Сайф говорит, что Муавия выставил страшные реликвии в мечети, чтобы растревожить сирийцев. Они лежали на всеобщем обозрении целый год, потому что как раз прошел год между смертью Усмана и сражением при Сиффине. Аль-Мадаини, цитируя Авану, передает только то, что на глазах у Джарира, которого Али прислал потребовать принесения присяги, Муавия разжег мстительность сирийцев и тем самым произвел желаемое впечатление. Таким образом, все это было всего лишь подделкой, чтобы внушить Али страх и помешать ему напасть на Муавию. Согласно аль-Вакиди, не Муавия подстегивал кого бы то ни было против Али, а наоборот. В дошедших до нас строках его двоюродный брат аль-Валид ибн Утба упрекал его за обмен письмами с Али вместо того, чтобы приступить к исполнению родственного долга – мести. По характеру Муавия был дипломатом и совсем не хотел развязывать войну с Ираком, потому что в то же время ему угрожали византийцы, а также и египтяне, которые были сторонниками Али. Он не стремился к халифату, его амбиции, по крайней мере сначала, заключались только в том, чтобы удержать сирийскую провинцию и прибрать к рукам Египет, который он не смел оставить своим противникам, если хотел защитить свои тылы. Амр ибн аль-Ас также побуждал его сделать это, так как считал мятеж против Усмана средством достижения цели и приложил все усилия, чтобы вернуть себе принадлежавшую ему прежде провинцию, и после смерти старого халифа заключил почетный, но прагматичный договор с Муавией, чтобы добиться этого. Так что Муавия и Амр сначала выступили против Египта и сумели обмануть Мухаммеда ибн Абу Хузайфу, тамошнего наместника Али, и захватить его в плен, но потом им пришлось повернуть, чтобы встретиться с самим Али. Али был агрессором, он претендовал на место халифа и правителя всего царства. Утвердившись в Ираке и закончив подготовку, он оставил главный лагерь в Нухайле близ Куфы³⁵ в конце 36 года (весной 657 года) и отправился на запад, где объявилось некоторое число басрийцев. Муавия и Амр ждали его на сирийской границе на Сиффинской равнине у Евфрата, недалеко от Ракки.

Рассказ о битве при Сиффине у ат-Табари – это практически полностью пересказ Абу Михнафа. Али с основным корпусом сил пошел обычным путем, которым передвигались войска, вдоль Тигра, а затем через Месопотамию. Рядом с Каркисией его встретил его собственный авангард, который на самом деле должен был идти по правому берегу Евфрата.

---

³⁵ На запад или север от Куфы на пути в Сирию. Там находился Аль-Бувайб. Битва при Аль-Бувайбе также называется битвой при Нухайле.

После пересечения Евфрата близ Ракки у римской стены их встретил сирийский авангард, который отступил, не завязывая боя. Когда они намеревались разбить лагерь, выяснилось, что сирийцы заняли подходы к воде, то есть к Евфрату, и, так как прекраснотушные увещевания оказались бесполезны, сирийцев отбросили силой, но не отрезали от воды. В течение двух месяцев – зуль-хиджи 36 года и мухаррама 37-го – войска стояли лагерями друг против друга. Наконец в среду 8 сафара 37 года (в среду 26 июля 657 г.) началось общее сражение, которое продолжилось утром четверга с еще большей энергией. Сирийцы были лучше вооружены и имели гораздо более воинственный вид, чем иракцы. Перед лицом отборных сирийских войск йеменцы Куфы на правом фланге Али дрогнули, несмотря на отчаянное мужество их чтецов Корана. Но к вечеру Малику аль-Аштару удалось их сплотить и заставить врага шаг за шагом отступить в лагерь. Битва длилась всю ночь до утра, это была настоящая «Лайлат аль-харир», «Ночь воплей», а не ночь Кадисии³⁶. Муавия обдумывал возможность бегства, и аль-Аштар едва не одержал победу, как вдруг он позволил ей выскользнуть у него из рук и опустить меч после повторного приказа Али. Сирийцы привязали Кораны к своим копьям, тем самым призывая решить дело не силой оружия, что угрожало обернуться для них неблагоприятно, а словом Божиим. Иракцы позволили себя обмануть и заставили Али под угрозой личной расправы прекратить бой и уступить Муавии. По предложению последнего, чтобы решить по Корану, кому должна принадлежать власть, были выбраны два верных человека: Амр от сирийцев и Абу Муса от иракцев. Решение предполагалось объявить в месяц рамадан в местности, расположенной между Сирией и Ираком. Повествование Абу Михнафа о Сиффинской битве очень длинное, в стиле рассказов о битвах при Кадисии и Нехавенде. Много места уделено истории событий, прежде чем началось описание реального сражения, и, хотя в месяце мухаррам ничего не произошло, предыдущие и последующие месяцы заполнены, можно сказать, одним и тем же, сначала планами и приготовлениями к прощупыванию почвы по поводу заключения мира, а потом, после провала этих инициатив, отдельными стычками, в которых Абу Михнаф имеет возможность изобразить видных сторонников Али и Муавии. Хотя во второй раз имена участников меняются, это не отменяет сходства материала, поэтому можно заключить, что прелюдия в месяце зуль-хид-жа действительно совпадает с прелюдией в сафаре и не отделена от фактической битвы на всем протяжении мухаррама. Таким образом, время ожидания перед битвой должно быть значительно сокращено. Не может быть никаких сомнений в том, что обе стороны испытывали определенное нежелание продолжать попытки решить вопрос силой оружия. Они не спешили начинать. Может быть, с этим связана и старинная традиция не проливать кровь в мухаррам³⁷. Ад-Динавари и аль-Масуди приводят стих, который намекает на это: «Осталось всего несколько дней мухаррама, и тогда кости будут брошены». Мы не располагаем четкой картиной хода сражения, его описание такое же запутанное, каким было и оно само. Мы, разумеется, снова и снова находим систематические описания распределения и расположения войск и руководства ими, но описания не совпадают друг с другом и поэтому не имеют практической ценности для того, чтобы составить мнение о реальном ходе боя. Повествование представляет собой скопление преданий о тех или иных эпизодах, изложенных с точки зрения одной стороны, и попытки составителя сплести их в некую единую мозаику терпят неудачу. Внутренняя связность

---

³⁶ Видимо, это была ночь четверга, но, согласно ат-Табари, Сиффинская битва произошла в ночь среды, так же говорится и у Абу Михнафа.

³⁷ Ад-Динавари упоминает единичные стычки только один раз и на втором месте, так что они производят впечатление разминки перед общей битвой. Более того, он располагает гораздо большим объемом точных сведений обо всем предприятии, чем Абу Михнаф, особенно о подробностях. Первый Коран, который воздвигли на копья сирийцы, был прекрасным экземпляром из Дамаска, его прикрепили к пяти копьям и несли пять человек. Точно то же самое говорится и у Сайфа, с которым согласен ад-Динавари. И все же стихи, о которых он сообщает, представляют ценность.

отсутствует, за деревьями не видно леса. Каждый очевидец склонен видеть в расположении своего племени центральную точку и приписывать главные подвиги своим героям. Только у потомков настоящим героем дня становится Малик аль-Аштар, но как таковой он открыто восхваляется только в стихах поэта Наджаши, который лично принимал участие в битве. «Сирийцы непрестанно напирали вперед; тогда мы вывели против них таран Ирака, и аль-Аштар отбросил их назад». Но за это свершение аль-Аштар оказывается на одном уровне со многими другими, чьи дела удостаиваются не меньшего прославления³⁸. Помимо вождей племен, сам Али занимает в повествовании особое место рядом со своим двоюродным братом Ибн Аббасом. Большой упор делается на тот факт, что *чтецы* удержали свои позиции, в то время как другие бежали от сирийцев, и что они приняли смерть за Али; они становятся мучениками за него и своим примером дают самое убедительное доказательство справедливости его притязаний. В качестве вождей упоминаются Ибн Будайль, Хашим ибн Утба и особенно старый Аммар ибн Ясир, о котором, как сообщается, пророк сказал, что он падет в битве с безбожным народом. Аль-Аштар по сравнению с ними уходит в тень. Более поздние рассказчики недолюбливают его, возможно, потому, что, подобно Сайфу, считают его революционером. Аль-Масуди и аль-Якуби ничего о нем не говорят и приписывают все заслуги верховному командованию Али. Ат-Табари поступает так же, а вот Абу Михнаф так далеко не заходит. Он сочувственно описывает блестящий мужественный облик йеменского героя и признает воздействие его сильной личности. Он не остался там, куда поставил его Али, но встал во главе своего племени – бану наха; его энтузиазм и инициативность сделали его лидером племен хамдан и мазхижд, и вместе с ними он одержал победу над сирийцами. Кроме того, он был единственным разумным человеком, когда другие позволили обманом лишиться себя военной славы, подлинным арабским аристократом в противовес благочестивым фанатикам и равнодушным или хитрым политикам.

Сведения о сирийской стороне не сохранились. Они показали бы другую точку зрения, нежели у Абу Михнафа, хотя вряд ли отличались бы большей правдоподобностью, как видно по Феофану: «Сторонники Муавии взяли верх и овладели водой, воины Али дезертировали из-за жажды; и все же Муавия не хотел сражаться, но легко одержал победу». Конечно, Абу Михнаф встает на сторону иракцев и Али против сирийцев и Муавии. Али борется за правое дело, и его приверженцы более благочестивы. Тот факт, что его собственный брат Акил сражался против него, замалчивается, при этом никто не скрывает, что на стороне сирийцев были сыновья халифов Абу Бакра и Умара, не считая четырех тысяч *чтецов*, которые, таким образом, были не только на стороне Али, и что сирийцы были так же убеждены в правоте своего дела, как и иракцы. Более того, последние отнюдь не были всецело убеждены в правах Али, но продолжали просить друг у друга доказательств и вели споры между собой и с противниками, споры, которые продолжались еще долго после Сиффинской битвы и шли нескончаемо³⁹. Они не спешили вступить в бой со своими собратьями по вере и народу и, казалось, были готовы остановить его. Оппозиция вообще в то время была слаба и набрала силу лишь позже.

Рассказ Абу Михнафа о последующих событиях выглядит следующим образом. В обратном походе, который шел самым коротким путем по правому берегу Евфрата, иракцы стали обдумывать произошедшее. Они винили друг друга и Али, хотя он остановил бой лишь по принуждению, и, когда Али вошел в Куфу, 12 тысяч человек отделились от него и

---

³⁸ Среди них есть также и те, кто, по-видимому, вообще не присутствовал на месте действия, как, например, Кайс ибн Саад. Ср. ниже, с. 117. Свершения благочестивого ад-Дарды придуманы ад-Динавари.

³⁹ Нахаиту Алькаме во сне явился брат, павший в сражении при Сиффине. Он сказал, что убитые иракцы и сирийцы поссорились в раю из-за того, чье дело правое, и Аллах решил спор в пользу иракцев. Хузайфа из Мадаина отослал двух воинов, сомневавшихся, на чью сторону встать в дилемме, к решению пророка о том, что убийцы Аммара – безбожники. Стихи Каба ибн Джуайля и других поэтов, которые приводит ад-Динавари, свидетельствуют о справедливости притязаний сирийцев.

расположились лагерем в Харуре. Их стали называть хариджитами или харуритами, их лозунгом был протест против решения третейского суда: «Решение принадлежит только Аллаху!» Их лидерами были Шабас ибн Рибби ар-Рияхи, Абдуллах ибн аль-Кавва аль-Яшкури и Язид ибн Кайс аль-Архаби, самые выдающиеся люди великих племен тамим, бакр и хамдан в Куфе. Али все же удалось вернуть этих вождей на свою сторону. Одному из них он пообещал и предоставил пост наместника Исфахана и Рая. Тогда харуриты вернулись в Куфу и присоединились к нему, но они ждали от него, что немедленно поведет их на сирийцев, и утверждали, что он обещал им это. Когда он этого не сделал, а вместо того устроил в рамадан 37 года третейский суд в Думе, они сочли, что он нарушил свое слово, снова отреклись от него и противопоставили ему своего халифа – аздита Абдаллаха ибн Вахба ар-Расибби, которому они принесли клятву верности 10 шавваля 37 года (21 марта 658 года). Затем один за другим они покинули Куфу и собрались в Нахраване⁴⁰ по другую сторону Тигра. Туда же они призвали своих соратников из Басры, которые присоединились к ним числом 500 человек под предводительством Мисара ибн Фадаки из племени тамим.

После того как закончился фарс третейского суда, Али посчитал себя оправданным в возобновлении военных действий против сирийцев. Он собрал свою армию в лагере у Нухайлы и призвал хариджитов присоединиться к нему. Но они не явились; они потребовали, чтобы он публично признал свое отступничество, как они назвали его неохотную уступку в Сиффине, и покался в нем. Тогда Али решил идти на сирийцев без них, но его армия настаивала на походе против хариджитов, потому что они по пути из Басры в Нахраван убили Абдаллаха ибн Хаббаба ибн аль-Аратта, сына самого старого приверженца пророка, вместе с его женой, и Али был вынужден уступить требованиям. Напрасно он пытался убедить хариджитов добровольно выдать убийц. Напрасно он пытался уговорить их, что, по сути, его точка зрения такая же, как и у них, и что он был готов оставить решение на волю меча, поднятого на их общего врага. Они ответили: «Завтра ты снова сделаешь то же, что и в Сиффине». Они не смогли прийти к согласию и приготовились к смертельной схватке.

Как говорит Абу Михнаф, битва при Нахраване произошла в 37 году от хиджры, а именно ближе к концу года, так как хариджиты ушли из Куфы не раньше шавваля, третьего месяца от конца. Вожди Харуры покинули их; Шабас принимал активное участие в борьбе против них, как и аль-Ашас, который прежде считался одним из их сторонников. Кроме того, их было не так много, как в лагере у Харуры, всего четыре тысячи человек. Многие из них еще скрытно возвратились в Куфу, около сотни открыто перешли на сторону Али, и 500 всадников под предводительством Фарвы ибн Науфаля развернулись в сторону Даскары; все остальные, кроме восьми, погибли.

Однако куфийцы были удовлетворены уничтожением хариджитов, они больше не хотели войны с сирийцами, и Али был вынужден уступить их желаниям. Ему вскоре пришлось иметь дело с другими мятежниками, которые взбунтовались тоже под предлогом третейского суда, хотя использовали его совсем не так, как хариджиты. После Битвы верблюда аль-Хиррит ибн Рашид ан-Наджи последовал за Али в Куфу с 300 воинами и сражался за него в Сиффине и Нахраване. Но когда Али не признал решение третейского суда, он откололся от него и направился через Мазар в Ахваз. Помимо куфийцев и других арабов, разделявших его политические взгляды, к нему присоединилось много неарабов, которые возражали против взимания с них налогов. Побежденный в Рамхормозе войском куфийцев под началом Макила ибн Кайса ат-Тами-ми, он удалился в Бахрейн, на свою родину, и подстрекал не только племя наджия, которые не платили налога с 37 года, но и абдулкайс. Он говорил людям то, что они хотели слышать. Что касается хариджитов, то он обвинял Али в том, что он позволил людям принимать решения в Божьих делах; в иных

---

⁴⁰ Нахраван – название известного канала в районе Джуха, а также название места рядом с ним, которое точнее называется мостом Нахраван.

вопросах он придерживался первоначального мнения о том, что Али должен был согласиться с вердиктом третейского суда. Он оправдывал тех, кто отказывался платить налоги, заявляя, что налог (садака) должен приносить пользу бедным на той земле, на которой его собирают, а не идти в казну. Он даже привлек на свою сторону тех мусульман, которые вернулись в христианство, когда увидели смертельные распри в общине Мухаммеда, показав, что им нечего ждать от Али, кроме казни за отступничество. Но Макил ибн Кайс, который выгнал его из Ахваза, не оставил его в покое и в Бахрейне. Произошло кровопролитное столкновение. Три раза его войска выдерживали приступ превосходящих сил, но, когда аль-Хиррит и 170 человек с ним пали, остальные рассеялись, и все было кончено.

Таков рассказ Абу Михнафа у ат-Табари. По мнению аль-Якуби и ад-Динавари, его невозможно улучшить, однако против него можно выставить несколько возражений, особенно в отношении хронологии. После того как сначала было сказано, что хариджиты выбрали халифа не раньше чем через месяц после третейского суда и что затем они отправились в Нахраван, здесь предполагается, что они уже находились там, когда Али получил известие о принятом решении, и немедленно собрались в Нухайле против сирийцев; следовательно, они должны были покинуть Куфу еще до суда. И если аль-Хиррит все еще сражался за Али в Нахраване, но вознегодовал против него из-за третейского суда, тогда получается, что битва при Нахраване состоялась до третейского суда⁴¹. Из-за этой непоследовательности событий весь прагматизм Абу Михнафа теряет смысл. Али не мог обдумывать войну с сирийцами до того, как было вынесено решение суда. Если же в таком случае Нахраван приходится на более раннюю дату, то сбор войск в Нухайле не мог быть связан с сирийцами, а только с хариджитами. Тогда не имеет значения, что куфийцы заставили Али против его воли вести их на хариджитов, а не на сирийцев.

У Абу Михнафа неверна не только относительная, но и абсолютная датировка битвы при Нахраване. Он относит ее к одному из двух последних месяцев 37 года. Ат-Табари уже справедливо возразил против этого. Теперь мы знаем точную дату из «Ансаб аль-ашраф» аль-Балазури; битва состоялась 9 сафара 38 года (17 июля 658 года).

В соответствии с этим третейский суд начался не в рамадане 37 года, а не раньше 38 года. Аль-Вакиди относит его к шабану 38 года, слишком поздно, если Муавия снова вооружился против Египта в сафаре 38 года (но не раньше третейского суда), как сообщает аль-Вакиди. Но даже если суд состоялся не раньше начала 38 года, удивительно, что прошел целый год между договором в Сиффине и его исполнением. По словам аз-Зухри, очень старого хафиза из Медины, первоначальный срок был продлен. Было решено, что судьи должны встретиться в Думе или, если что-нибудь случится, в следующем году в Азрухе. Они действительно встретились в Азрухе⁴², и, таким образом, это было год спустя после Сиффина, то есть в 38 году от хиджры. Аль-Вакиди и Абу Машар, а также аз-Зухри упоминают Азрух. Абу Михнаф не говорит, какое место было указано в соглашении; его следовало выбрать из тех мест, которые лежали посередине между Куфой и Дамаском. Затем он упоминает обычное место – Думу, но дальше называет Думу и Азрух асиндетически, рядом.

В таком неопределенном ключе указываются время и место одного из важнейших событий древнейшей истории ислама. Что касается содержания этого события, разбирательства и вопроса, стоявшего на третейском суде, то мы располагаем еще менее удовлетворительной информацией. Абу Михнаф приводит две версии. Источник первой – аш-Шааби, и она гласит следующее: помимо Абу Мусы, на суд со стороны Али явились

⁴¹ Точнее, прежде, чем вести о решении судей достигли Куфы. Само решение могло быть одновременным с Нахраваном или даже более ранним. Расхождение здесь вызывает только вопрос, когда Али получил известие о решении.

⁴² Место, расположенное в древнем Едоме, возможно, было выбрано из уважения к мединцам, которые имели право голоса по этому вопросу.

Шурайх ибн Хани с четырьмя сотнями человек и Ибн Аббасом в качестве имама. Муавия прислал Амра с 400 человек. В качестве претендентов, имеющих наибольшие права на халифат, явились наследники исламской аристократии, которые когда-то образовывали круг и совет Мухаммеда: Ибн Умар, Ибн аз-Зубайр и другие, но не старый Ибн Абу Ваккас. Амр доказывал право Муавии на власть на основании права на месть согласно суре 17, 35, и подкрепил свои доводы обещаниями, которыми пытался соблазнить Абу Мусу, кандидатом которого был Ибн Умар. Но Абу Муса не попался в ловушку. Здесь рассказ аш-Шааби обрывается; среди других иснадов больше не говорится ничего, кроме нескольких предлогов, которые выдвинул Амр против Ибн Умара. Затем у Абу Михнафа следует еще одна версия – Абу Джанаба аль-Кальби, которая единственная сообщает о результате переговоров. Амр и Абу Муса встретились в Думе. Метод Абу Мусы всегда заключался в том, чтобы первым делом высказать то, что у него на уме; он ничего не хотел слышать о Муавии и сыне Амра и предложил отодвинуть Али и Муавию и предоставить решение о том, кто должен править, шуре, то есть не плебисциту, а избранному совету мусульманской аристократии по образцу того, который когда-то созвал Умар и который выбрал кандидатуру Усмана. Амр благосклонно отнесся к идее. Несмотря на предостережение Ибн Аббаса, Абу Муса, как обычно, первым взял слово перед собравшимися и объявил, что он пришел к согласию с Амром о том, чтобы отстранить Али и Муавию и созвать шуру. Потом поднялся Амр и сказал, что он тоже хочет отстранить Али, но стоит за Муавию, как наследника и мстителя за Усмана. Абу Муса проклял его, а он посмеялся над Абу Мусой; произошла беспорядочная сцена, и Абу Муса бежал от сирийцев в Мекку. Амр и сирийцы вернулись к Муавии, чтобы воздать ему почести как халифу; Ибн Аббас поступил так же с Али. Али сразу же проклял Муавию и его клику в мечети, и Муавия отплатил ему той же монетой.

Из этого рассказа мы можем составить представление о том, что Абу Муса позволил себя обмануть, но Амр просто нарушил слово, а перед такой уловкой спасует даже самый мудрый. Если кто и позволил себя обмануть, то именно Амр, а Амр не был мошенником. В этот рассказ о третейском суде трудно поверить, хотя аль-Вакиди и принимает его на веру именно в таком виде⁴³. У аш-Шааби, вероятно, была другая версия, но, к сожалению, у нее отсутствует конец. Мы можем внести коррективы, пользуясь уже процитированным повествованием Абу Михнафа об аль-Хиррите ибн ар-Рашиде. Аль-Хиррит упрекнул Али в том, что он не желает согласиться со словами Абу Мусы, согласно которым выборы правителя должны быть предоставлены шуре⁴⁴. Этот упрек подразумевает, что предложение о созыве шуры было принято сирийцами, поскольку в противном случае оно не могло иметь обязывающую силу для Али. Муавия в таком случае особо ничего не терял, потому что еще не был халифом, да и фактически был провозглашен таковым лишь после 40 года от хиджры в Иерусалиме, но Али не мог отказаться от занимаемой им позиции и не мог поставить свои притязания в зависимость от шуры. Это было легко предвидеть, и Амр предпринял довольно умный ход, договорившись с Абу Мусой; до сих пор ему удавалось брать верх над ним во всех случаях, так как Муавию нельзя было легко заменить в том же смысле, что и Али, и отказ признать его права затрагивал только Али. После того как Али совершил первую ошибку, единственным способом исправить ее было нарушить его слово. Иракское предание изо всех сил старается приукрасить его поступок, сделав его простительным, и возлагает всю вину на Амра и Абу Мусу, зловредных хакаманов (арбитров).

Египет был завоеван Амром в начале 38 года, очевидно вскоре после суда. Первая попытка уже была предпринята в 36 году, о чем я упоминал выше, но я возвращаюсь к ней сейчас, чтобы прояснить многие сомнительные моменты.

⁴³ Абу Убайда у ат-Табари позднее рассказывает примерно то же самое о Басре.

⁴⁴ Аль-Хиррит, напротив, представляется настоящим хариджитом. Этому противоречит весь ход событий, но это с очевидностью следует из переговоров третейского суда в изложении Абу Михнафа.

По словам Абу Михнафа, Ибн Абу Сарх, наместник Усмана, бежавший из Египта, ожидал на границе Палестины, чем кончится восстание в Медине, когда вместе с известием о смерти Усмана получил известие о том, что Али поставил над Египтом Кайса ибн Саада ибн Убаду, самого известного из ансаров. Кайс прибыл без армии, лишь с семьей сторонниками, привезя с собой письмо, датированное сафаром 36 года. Приверженцы Али занимали главенствующее положение в Египте, хотя были и такие, которые встали на сторону Усмана⁴⁵ и собрались в Харбите в Дельте под началом кинанита Язида ибн Хариса. Но Кайс заключил с Язидом договор о нейтралитете и еще один – с соплеменником Масламой ибн Мухалладом аль-Ансари, который тоже был на стороне Усмана. Поэтому Муавия не мог добиться успеха в Египте так, как он того хотел. Он попытался переманить на свою сторону самого Кайса, обещав огромные богатства, если тот присоединится к нему, и, хотя ничего не добился, все же старательно распространил слух о том, что договорился с Кайсом, чтобы подорвать доверие Али к нему, что ему и удалось. Чтобы испытать его верность, Али потребовал, чтобы Кайс проявил суровость в отношении нейтральных сил в Египте, а когда тот воспротивился, Али сместил его и поставил на его место Мухаммеда ибн Абу Бакра; наряду с этим его окружение интриговало против ансарита, отец которого ибн Убада когда-то оспаривал право на халифат вместе с Абу Бакром. Кайс был удивлен прибытием преемника, но не поколебался в своей преданности; после короткого пребывания в Медине он отправился к Али в Куфу и сражался вместе с ним при Сиффине (в начале 37 года). Мухаммед ибн Абу Бакр, чье назначение датируется рамаданом 36 года, через месяц предъявил нейтральным силам ультиматум: либо полностью подчиниться ему, либо уехать. Какое-то время они благоразумно сдерживались, но после Сиффина несколько раз отразили атаки наместника. Воодушевленные своим успехом, они совершили восстание под предводительством Муавии ибн Худайджа ас-Сакуни, чтобы отомстить за пролитую кровь Усмана, и стали опасными соперниками для Мухаммеда. Али пришлось решиться отправить Малика аль-Аштара, победителя Сиффина, в Египет. В то время Малик находился в Нисибине, на границе Месопотамии, который относился к Сирии. Он тоже явился без армии, но был отравлен в Кулзуме. Муавия, по наущению которого это произошло, с ликованием объявил о его смерти с минбара дамасской мечети. По настойчивой просьбе Али глубоко подавленный Мухаммед остался на своем опасном посту.

Но эту версию Абу Михнафа, которая лежит в основе современных версий исламской истории, можно исправить при помощи более точных рассказов. Кайс ибн Саад не был первым из наместников Али в Египте, он был преемником Мухаммеда ибн Абу Хузайфы. Тот оставался в Египте, когда мятежники двинулись оттуда в Медину против Усмана, и изгнал Ибн Абу Сарха и захватил провинцию для Али. Но уже в 36 году Муавии и Амру удалось выманить молодого человека в Ариш на границе Палестины. Они не проникли дальше в Египет, так как последователи Усмана не стали действовать с ним сообща. В Арише его окружили и взяли в плен, а затем убили. Версии того, когда и как произошло убийство, расходятся между собой. Сириец Нельдеке говорит, что его племянника Хузайфу убили по приказу Муавии в 969 году эры Селевкидов (38–39 годы от хиджры)⁴⁶. Эту датировку подтверждает Ибн аль-Кальби у ат-Табари, но он говорит, что Муавия собирался позволить ему скрыться, когда он бежал из тюрьмы, и что некий хасамит убил того против воли Муавии, обнаружив его – когда дикие ослы привлекли к нему внимание – в пещере Хауран. Аль-Вакиди опять же относит убийство к тому же году, что и тюремное заключение, 36 году от хиджры, что, по всей вероятности, неверно. После того как ибн Абу Хузайфа был

⁴⁵ Они отнюдь не были на стороне Муавии с самого начала. *Усманид* не просто означает Омейяд. В Куфе тоже были такие, кто, имея усманидские убеждения, все же не принадлежал к сирийской партии, но занимал в некотором роде нейтральную позицию, примерно как Абу Муса.

⁴⁶ Он называет его Хузайфа, хотя, по его словам, его отец не назывался отцом Хузайфы и племянником Муавии, хотя на самом деле он был не его племянником, а его матери.

захвачен, Кайс ибн Саад сменил его, поэтому он вряд ли мог снова покинуть свою провинцию сразу же после рамадана 36 года и принять участие в битве при Сиффине, как утверждает Абу Михнаф. Согласно аз-Зухри, он не был смещен до этого сражения и даже тогда не отправился напрямик к Али в Куфу без затаенной злобы, но хотел остаться в Медине. Но оттуда его отпугнул Марван ибн аль-Хакам и другие Омейяды, к большому раздражению Муавии. Его непосредственным преемником стал аль-Аштар, и только после того, как того отравили после приезда в провинцию, туда явился Мухаммед ибн Абу Бакр. В противоположность этому Ибн аль-Кальби фактически сообщает, что аль-Аштар был отправлен в Египет после падения Мухаммеда ибн Абу Бакра, но это, во всяком случае, совершенно неверно. Муавия и Амр повторили нападение на Египет, от которого отказались в 36 году от хиджры, и в 38 году добились гораздо большего успеха в борьбе с Мухаммедом ибн Абу Бакром. Насчет этого предания у ат-Табари тоже противоречат друг другу. По словам Абу Михнафа, Муавия после третейского суда снова обратился в сторону Египта. Он заключил союз с Масламой ибн Мухалладом и Муавией ибн Худайджем, которые присоединились к нему, хотя раньше они не желали иметь с ним ничего общего. Амр пришел с 6 тысячами человек, и они с Муавией отправили Мухаммеду ибн Абу Бакру письма с угрозами, чтобы заставить его уйти из страны. Тот переслал письма Али и умолял прислать подкрепления, но ничего не получил и был вынужден обходиться собственными силами. По его зову к нему явились 2 тысячи человек, и наилучшим и самым надежным из них, и притом особенно отрекомендованным Али, был туджибит Кинана, убийца Усмана. После ожесточенной борьбы он вынужден был уступить превосходящим силам; остальные разбежались, и Мухаммед ибн Абу Бакр бежал без погони и скрылся в развалинах. Там его обнаружил Ибн Худайдж, вытащил и убил без всякого сопротивления. После этого его завернули в ослиную шкуру и сожгли. С того времени его сестра Айша больше никогда не могла есть жареное мясо.

У аль-Вакиди другая версия. Амр выступил с 4 тысячами воинов, среди которых были Муавия ибн Худайдж – значит, в то время его не было в Египте, – и Абуль-Авар. В битве у дамбы⁴⁷ Кинана и Мухаммед бежали и скрылись у Джабалы ибн Масрука. Его укрытие было выдано, Ибн Худайдж заметил его. Он вышел и сражался, пока не пал. Это было в сафаре 38 года.

Конец Мухаммеда более романтичен у Абу Михнафа, чем у аль-Вакиди; он имеет некоторое сходство с судьбой другого Мухаммеда (Ибн Абу Хузайфы), который, согласно аль-Мак-ризи, был убит, как осел, а в его смерти, по Ибн аль-Кальби, ослы тоже сыграли роль. Нам не обязательно выбирать между ними; мы снова видим, насколько ненадежны предания этого периода.

Со времен Сиффина положение Али не улучшилось. В Ираке усиливалась хариджитская оппозиция против него. За несколькими исключениями, например Абу аль-Асвада ад-Дуали, басрийцы были равнодушны. Куфийцы определенно поддерживали его морально, но не всеми своими силами; среди них было много нейтральных или даже сторонников Усмана, причем некоторые из них перешли на сторону Муавии. Слабость позиции Али в центре, естественно, сказывалась на периферии. Еще в 37 году, до восстания аль-Хиррита, арабы в Бахрейне не выплатили налога и многие вернулись в христианство. Иранские провинции были недовольны и колебались в своей преданности. Вызывает некоторое удивление, что они тогда же не сбросили чужеземное иго и полностью не изгнали арабские гарнизоны. После смерти Малика аль-Аштара двумя лучшими людьми Али остались Кайс ибн Саад и Зияд ибн Абихи; Ибн Аббас, которому он доверил Басру, оказался бесполезным и ненадежным.

Али по праву считал своей наихудшей потерей захват Египта Амром. Это освободило руки Муавии. Он сразу укрепился против византийцев, купив перемирие с Константином

---

⁴⁷ Аль-Масуди называет это место Кум-Шарик. Это путаница.

ценой ежегодной дани. Арабское предание упоминает об этом лишь мимоходом. От Феофана мы узнаем, что это произошло в 6150 году от Сотворения мира (969 год эры Селевкидов, то есть 38–39 годы от хиджры). Но Муавия не отважился на организованное нападение на Али, он довольствовался тем, что постоянно изматывал его тут и там. В 38 году он отправил Ибн аль-Хадрами в Басру, чтобы поднять на восстание тамимитов, но Зияд ибн Абихи, в то время заместитель префекта при Ибн Аббасе, обратился за защитой к аздитам, и они затоптали огонь и убили Ибн аль-Хадрами, которого покинуло большинство тамимитов. Так рассказывает аль-Мадаини. Он также сообщает, ссылаясь на Авану, о походах, предпринятых сирийцами в 39 году против иракцев, а именно походах Нумана ибн Башира в Айн-Тамр, Суфьяна ибн Ауфа в Хит и Анбар, Абдуллаха ибн Масада аль-Фазари в Тайму, ад-Даххака ибн Кайса в Куткутану⁴⁸. По-видимому, это были лишь набеги, в которых сирийцы скрывались с добычей, а куфийцы их преследовали и иногда настигали.

Аль-Якуби связывает знаменитый поход Буера ибн Абу Артата в Хиджаз и Йемен с этими набегами. Аль-Баккай тоже относит их к концу жизни Али, говоря, что Джария ибн Кудама во время похода на Буера услышал об убийстве Али. По аль-Вакиди, этот поход произошел не раньше 42 года от хиджры, то есть уже после смерти Али.

По Ибн Исхаку, аль-Баккай сообщает о перемирии, которое заключили между собой Али и Муавия в 40 году от хиджры после довольно длительной переписки, но это перемирие могло быть только кратковременным, поскольку в начале 40 года Муавия принял в Иерусалиме титул халифа и заставил сирийцев принести ему клятву верности. Это стало новым вызовом для Али, который ответил на него тем, что подготовил крупную кампанию против сирийцев, но убийство помешало осуществлению его планов. О присяге Муавии в Иерусалиме свидетельствует сириец Нельдеке. Он помещает одно после другого два независимых описания одного и того же события. «В 971 году эры Селевкидов многие арабы собрались в Иерусалиме и поставили царем Муавию; он поднялся на Голгофу, сел там и помолился, затем сошел в Гефсиманию и оттуда спустился к могиле Святой Марии, где снова помолился...» «В июле 971 года эмиры и многие арабы собрались и поклонились Муавии. Пришло указание, что во всех областях его земли его надлежит провозгласить царем⁴⁹. Он не носил венца, как это делали цари мира до сих пор, но поместил свой престол в Дамаске и не пожелал обосноваться в доме Мухаммеда» (Медине). 3 июля 971 года эры Селевкидов (660 год) начинается 16 сафара 40 года от хиджры. Согласно Масруки, сирийцы принесли присягу Муавии в Иерусалиме в 40 году от хиджры. Однако неверно утверждать, что это произошло лишь после смерти Али. Примечательно, что Муавия ждал так долго, прежде чем претендовать на халифат. Согласно *Continuatio Исидора*, он прожил пять лет *civiliter*, то есть как *civis*, гражданин, а именно с 36 по 40 год, а затем еще 20 лет в качестве правителя.

Сириец также утверждает, что Али перед смертью хотел еще раз отправиться в поход на Муавию. Эти сведения отнесены к неверному году (к 969, а не 971 или 972 году эры Селевкидов), но сами по себе верны. Аль-Якуби говорит то же самое. В основном считается, что Али к моменту своей смерти имел в распоряжении армию из 40 тысяч человек, которым не терпелось пойти на сирийцев. Кто бы иначе мог ее снарядить и против кого, если не против сирийцев?

Роковое нападение на Али произошло в пятницу, 15 рамадана 40 года, в куфийской мечети. Он умер в следующее воскресенье, 24 января 661 года. Эти даты, которые приводит аль-Вакиди, подтверждаются указанными днями недели, а различающиеся – опровергнуты.

⁴⁸ Абу Машар и аль-Вакиди говорят, что даже сам Муавия выступил в поход в 39 году от хиджры, но дошел только до Евфрата и повернул назад.

⁴⁹ Слово, которое не понимает Нельдеке, рядом с *сршуби*; – это кореец, призывы, от которого, вероятно, происходит сирийское *яПеБ* (шумно приветствовать).

Убийца – мурадит, или, точнее, таджубит Ибн Мульдхам был хариджитом. Хариджиты с гордостью называют его «нашим братом». Стихи его соплеменника Ибн Майяса свидетельствуют о том, что убийство он совершил по наущению женщины по имени Катам, которая поставила ему условие: если он хочет на ней жениться, он должен отомстить Али за Нахраван. Эта версия исключает другую, которую можно согласовать с первой лишь искусственно, а именно что он был одним из тех хариджитов, которые совершили убийство по принесенной в Мекке клятве: что они в один день избавят общину Мухаммеда от трех тиранов – Али, Муавии и Амра. Личная клятва, принесенная подобным образом тремя людьми, даже не соответствует обычаям ранних хариджитов, как уже заметил Ибн аль-Асир⁵⁰. Инсинуация Абуль-Асвада, что Муавия нанял убийцу, не пользовалась ни малейшим доверием даже у его врагов, хотя, конечно, это убийство было выгодно Муавии, ведь только благодаря ему Муавия и заполучил халифат. Хасан ибн Али упрекает куфийцев в том, что они убили его отца, и халиф Мансур выражает аналогичную точку зрения. Из этого видно, что Ибн Мульдхам и Катам в Куфе были у себя дома.

Муавия со своей стороны перешел в наступление (аль-Якуби). Он отправился в Ирак по обычному пути через Месопотамию и расположил свой лагерь у Маскина на границе с Мосулом по Тигру в сторону Савада, но прибыл туда лишь через некоторое время после смерти Али. Тем временем начались сильные беспорядки, направленные против Хасана – сына Али и его преемника. Он не желал войны, хотя за него стояло сорок тысяч готовых сражаться человек, и через шесть месяцев воспользовался возможностью отречься от власти и примириться с Муавией. Эта общая канва событий достоверна, но сведения о том, как конкретно они развивались после убийства Али, запутанны и неполны.

Ниже приведена версия аз-Зухри. Али поручил Кайсу ибн Сааду руководство армией и в награду пообещал ему провинцию Азербайджан, из которой предполагалось сместить Ибн аль-Ашаса, и Кайс ревностно взялся проводить кампанию. Но Хасан хотел заключить мир с Муавией на выгодных условиях. Он низложил Кайса, потому что тот воспротивился ему, и поставил вместо него Абдуллаха ибн Аббаса. Он уже вызвал подозрения куфийцев своим двусмысленным поведением при принесении клятвы верности, и они решили, что он им не подходит. Вскоре после этого он получил доказательство их отношения к нему в виде удара копьем, который случился при не очень ясно описанных обстоятельствах. В связи с этим он вступил в переговоры с Муавией, отказался от власти за крупную сумму денег и потом сожалел, что не потребовал в два раза больше. Еще до него Ибн Аббас тоже вел переговоры с Муавией и бросил армию в беде. После этого армия снова выбрала Кайса своим вождем с поручением вести войну, пока сторонникам Али не будет гарантирована амнистия и неприкосновенность их имущества и жизни. Он легко получил согласие на это от Муавии, для которого немало значило привлечение его на свою сторону; однако он не взял предложенных ему денег и не заключил никаких выгодных ему самому сделок.

Аль-Баккаи рассказывает другую версию. Кайс командовал не всей армией, а только авангардом, или шуртой, в 12 тысяч человек, которых он сохранил даже после смерти Али. Сам Хасан с основными силами продвинулся к Мадаину и отправил Кайса с авангардом навстречу Муавии (в Маскине). Внезапно в мадаинском лагере раздались крики: «Кайс погиб, бегите отсюда!» После этого шатер Хасана разграбили, а сам он укрылся в белом замке, откуда, несмотря на протесты его брата Хусейна, вступил в сообщение с Муавией и добился от него всего, чего требовал, – всех денег из куфийской сокровищницы, годового дохода от Дарабгарда и обещания, что его отца Али не будут поносить в мечети в его присутствии⁵¹.

⁵⁰ Нельзя отрицать, что и Муавия, и Амр вызывали возмущение, но они были выбраны наобум, как будто для того, чтобы вписать их в эту версию.

⁵¹ В некоторых местах у ат-Табари встречаются расхождения в этих двух версиях. Например, в одном месте указано, что 40 тысяч человек – это не шурта, а вся армия. По аз-Зухри, Кайс, как и Ибн Аббас, командовал

Аль-Якуби приводит еще один вариант. Хасан послал против Муавии Убайдуллаха ибн Аббаса с 12 тысячами человек, а вместе с ним Кайса в качестве советника, который должен был направлять его своими советами. Муавия тщетно пытался подкупить Кайса, но ему удалось только переменить Убайдуллаха подкупом в миллион, и тот перешел к нему с 8 тысячами человек. Хасан с основной армией находился в Мадаине, и Муавия отправил к нему Мугиру и других посредников. Покидая Хасана, они широко распространили по лагерю слухи, будто он объявил, что готов заключить мир, после чего его собственные воины напали на него и разграбили его шатры. Он бежал на лошади в замок в Сабате, но аль-Джаррах ибн Синан (он же Ибн Кабиса) аль-Асади грубо с ним обошелся и ранил копьем. Обессилевшего от кровопотери, его вернули в Мадаин, и он долго пролежал там в тяжелом состоянии. Тем временем его сторонники покинули его, и Муавия захватил Ирак, и в конце концов ему ничего не осталось, кроме как отречься от власти. Рассказ ад-Динавари похож и имеет лишь небольшие отличия. Он говорит, что йеменцы и рабииты из Куфы спасли Хасана в Сабате от рук куфийских мударитов.

В целом Авана и аль-Якуби согласны между собой, но не с аз-Зухри, чьи цели непонятны. Несколько встречающихся расхождений невозможно объяснить. Например, удар копьем частично отделен от разграбления шатра по времени и месту, а частично связан с ним. Эта тенденция прослеживается и в других расхождениях. У аль-Якуби и ад-Динавари тоже встречается упоминание о попытке оправдать Хасана за счет куфийцев; аз-Зухри выставляет его в самом неблагоприятном свете, но наибольшее различие, происходящее из-за этой тенденции, – это объяснение поведения Абдуллаха ибн Аббаса, предка династии Аббасидов. В правление Аббасидов было опасно говорить правду об этом святом человеке; соблазн состоял либо в том, чтобы приукрасить роль, которую он сыграл, либо вообще умолчать о ней⁵². Согласно аз-Зухри, старейшему передатчику преданий, который умер еще до эпохи Аббасидов, Абдуллах ибн Аббас догадывался о намерении Хасана заключить мир, опередил его и обеспечил для себя те деньги от Муавии, которых добивался Хасан. Потом он бросил иракскую армию в незавидном положении и тайком отправился под конвоем в сирийский лагерь. Авана ничего не говорит об этом. Вместо знаменитого Абдуллаха аль-Якуби делает его Убайдуллахом ибн Аббасом, его младшим братом.

Аль-Мадаини уже знаком со спором относительно того, кто же перешел к Муавии при Хасане – Абдуллах или Убайдуллах, так что дело здесь не только в расхождении версий у переписчиков. Он выбирает Убайдуллаха, как это делают и Умар ибн Шабба и аль-Балазури. Убайдуллах был наместником Йемена, когда Буер ибн Аби Артат предпринял свой поход туда. Двое его сыновей попали в руки Буера и были убиты, и из-за этого их мать потеряла

целой армией.

⁵² Согласно Сайфу, доверенным лицом Али в Медине уже был Абдуллах ибн Аббас, который всегда давал ему правильные советы, но не всегда добивался их выполнения. Затем он стал наместником Басры и в качестве такового прислал подкрепления Али. По словам Абу Михнафа, он отличился в Сиффине и командовал левым флангом иракского войска. Али хотел, чтобы он участвовал в третейском суде, и, несмотря на попытки ему помешать, отправил его в Думу и переписывался только с ним, игнорируя при этом Абу Мусу. Но, согласно Абу Машару и аль-Якуби, он возглавлял хадж в 36 году от хиджры (как и в 35-м) и потому, конечно, не мог участвовать в битве при Сиффине. Это руководство празднованием не устраивает аль-Мадаини, и он предпочитает утверждать, что, по Абу Машару, Абдуллах никогда не совершал паломничества при жизни Али. В 38 году он отправился из Басры к Али в Куфу, чтобы своим присутствием утешить своего дорогого друга в горе из-за потери Египта. В Басру он вернулся лишь после того, как его застали беспорядки в Фарсе, и он отправил в Фарс Зияда. Так рассказывает аль-Мадаини. Рассказ Абу Михнафа отличается. По его словам, Абдуллах утешил Али письмом из Басры и Али, а не он послал Зияда в Фарс. Он снова появляется на сцене, когда Муавия хочет заставить глав мединской аристократии принести клятву верности его сыну Язиду. Согласно аль-Мадаини, пять человек отказались ему поклониться, среди которых был и Абдуллах ибн Аббас. Но это героическое противодействие тирану не принесло результата. Должно быть, он с горечью почувствовал, что Муавия и Язид не обратили на него никакого внимания. Точно так же в данном случае его игнорируют и большинство передатчиков преданий.

рассудок. По данным аль-Вакиди, этот поход состоялся в 42 году от хиджры. В то время Убайдуллах все еще находился в Йемене, воюя с Муавией, и поэтому не мог перейти к нему за год или два до того. Аль-Вакиди, во всяком случае, наверняка не мог знать ни о каком подобном переходе. Авана утверждает, что поход состоялся во второй половине 40 года, однако предположение, что Убайдуллах так спешил заключить договор с убийцей своих сыновей, кажется невероятным. Кроме того, гораздо легче найти мотив для замены Убайдуллаха Абдуллахом, чем для противоположного действия. Основателя династии, при которой жил аль-Мадаини и которой он был предан, не следовало позорить допущением, что он первым заключил договор с безбожными Омейядами; с другой стороны, его братом Убайдуллахом вполне можно пожертвовать.

Более того, Абдуллаха лишь частично удастся оправдать заменой на брата. Деньги, которые, по словам аз-Зухри, он захватил и которые Муавия позволил ему взять, были деньгами из государственной казны Басры, точно так же, как пять миллионов, предоставленные Хасану, были взяты из казны Куфы. Это подтверждает Абу Убайда. Он согласен с аз-Зухри, что после смерти Али Абдуллах отправился из Басры к Хасану и по этому случаю взял с собой деньги из государственной казны. Разумеется, оправдание подразумевает, что эта сумма не превышала того, что он мог требовать в качестве причитающегося ему жалованья, но примечательно, что аль-Мадаини, Умар ибн Шабба и аль-Балазури также не отрицают, что Абдуллах сбежал с государственной казной Басры. Они лишь упоминают, что он сделал это при Али, вскоре после битвы при Нахраване, и что это не имело никакого отношения к его переходу к Муавии⁵³. Это делает измену двойной. Сыновья Аббаса с очень похожими именами дважды друг за другом в течение короткого времени постыдно оставляют свой пост, а в данном случае еще и с большими деньгами. Тем не менее более вероятно, что это произошло только один раз; так что аз-Зухри все же прав, говоря, что Абдуллах, а не Убайдуллах был доверенным лицом Хасана, как раньше был доверенным лицом Али, и что он позволил Муавии подкупить себя еще до Хасана. Даже у аль-Мадаини мы находим его с Али в 39 году, но после заключения мира сразу же видим его в кругу Муавии. Джамаат при Муавии, то есть объединение общины Мухаммеда под властью одного правителя, состоялся в первой половине 41 года от хиджры, то есть летом 661 года. Рассказы об этом отличаются друг от друга в отношении точной даты. По словам Ильи из Нисибина, Хасан отрекся от престола в пользу Муавии в понедельник 21-го числа месяца раби уль-авваль 41 года, то есть в понедельник 26 июля 661 года. Аль-Вакиди говорит, что Муавия двинулся в Куфу в раби ас-сани 41 года (август 661). Незвестное предание гласит, что мир был заключен в раби ас-сани, но Муавия вошел в Куфу не раньше начала месяца джумада аль-уля. Аль-Мадаини сообщает, что он вошел в город либо 25-го числа раби уль-авваль, либо 25 джумады аль-уля, но все еще находился в Куфе в раджабе, так как переписывался оттуда с Буером, находившимся в Басре, а Буер приехал туда в раджабе и пробыл шесть месяцев. Но в джумаде аль-уля 41 года он уже сделал Мугиру ибн Шубу своим наместником в Куфе.

Глава 3

СУФЬЯНИДЫ И ВТОРАЯ МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА

В течение всего своего правления Муавия ибн Абу Суфьян вел войну с византийцами как на море, так и на суше более ревностно и непрерывно, чем любой из его

---

⁵³ «Спасение» государственных денег считалось не таким уж плохим поступком, потому что это было вполне обычным делом, но вот переговоры с Муавией, с другой стороны, были непростительны.

преемников, и дважды протягивал руку в сторону самой вражеской столицы. Но при этом он оставил задачу по установлению его власти в завоеванном Ираке своим наместникам в Куфе и Басре. Дошедшее до нас предание выделяет их на фоне других и больше рассказывает о Мугире и Зияде, чем о самом Муавии, а также заставляет альтер эго Муавии Абдул-Малика отойти на второй план, уступив место аль-Хадждаджу. Все эти три знаменитых наместника были сакифитами из Таифа, высоко и красиво расположенного города-побратима Мекки, который благодаря исламу приобрел важность наряду с Меккой и Мединой, а также благодаря тому, что занимал определенное привилегированное положение над племенами, как это уже было очевидно в случае ридды 11 года. В отличие от ансаров у сакифитов был прочный и давний союз с правящими курайшитами, особенно Омейядами, которые поддерживали тесные связи с Таифом и имели там собственность. Они пользовались репутацией очень умных^[54], репутацией, которую им удалось сохранить, и во времена Омейядов из их рядов вышла блестящая плеяда талантливых людей. Мухтар и Мухаммед ибн аль-Касим принадлежали к ним, как и другие выдающиеся фигуры.

Мугира ибн Шуба, которого Муавия поставил над Куфой в 41 году от хиджры, прожил бурную жизнь. Предание запечатлело яркий образ человека беспринципного, подверженного многим искушениям. Он был высокого роста; у него отсутствовал один глаз и передние зубы; у него была большая голова, толстые губы и рыжеватые волосы, которые он потом стал красить в черный цвет и которые торчали четырьмя твердыми «рогами». Из-за подлого убийства товарища, когда тот спал, его еще в юности изгнали в Медину, это было до 8 года. Даже перед такими преступниками, как он, ислам открывал карьерные возможности и отменял их прошлое. Даже если обстоятельства и сделали из него нового человека, он все же сохранил свои бывшие преимущества и приблизился к пророку, который нашел ему применение. В 9 году ему было поручено уничтожить языческое святилище в его родном городе, и тогда же он освободил сокровищницу от ее богатого содержимого. Он точно знал об этом месте, потому что относился к семейству, которому принадлежала должность хранителя храма. Во время погребения пророка, перед тем как могилу засыпали землей, он бросил туда кольцо, или, по крайней мере, так он сказал, чтобы иметь потом основания утверждать, будто он был последним, кто прикасался к Божьему посланнику. С того времени он продолжал свою бесстыдную погоню за властью, делая вид, что принадлежит к ведущей аристократии ислама. Он незваным влезал в важные государственные дела, например в шуру Умара и третейский суд в Думе, и, хотя его выгоняли оттуда, он всегда преспокойно возвращался в следующий раз. Дерзкий и богобоязненный, он прекрасно понимал, каким образом можно представить ислам в выгодном свете перед первыми людьми Персии. Он предпочитал играть роль посланца и посредника как наиболее близкую ему по духу, и в этом ему очень помогало знание персидского языка. Впервые он добился того положения, к которому стремился, в Басре. Он приехал туда с первым наместником – Утбой ибн Газваном, чья жена происходила из Таифа, и после смерти Утбы стал его преемником. Говорят, что он основал диван (налоговый суд) в Басре и тем самым подал пример всем остальным. Говорят также, что он убил Фаилкана из Изкубада^[55] и завоевал Майсан и даже Ахваз. К падению его привела ненасытная страсть к женщинам. Его сместили за бесстыдную супружескую измену в 17 году от хиджры, хотя из-за вмешательства Умара, весьма строгого в других вопросах, приговор о наказании окончился комедией. Тем не менее его звезда еще не закатилась. Он отличился в Нехавенде и сразу же после, в 21 году, явился в Куфу в качестве преемника Аммара ибн Ясира. Именно в его тогдашнее наместничество состоялись победы куфийцев в Мидии и Азербайджане. Его раб Абу Лулуа, которого он послал в Медину и заставил работать там ремесленником, был убийцей халифа

Умара. При Усмани Мугира отошел на второй план; он не принадлежал ни к Омейядам, которые теперь заняли все официальные посты, ни к близким товарищам пророка, которые сформировали оппозицию. Он не принимал никакого участия в перевороте против Усмана, но в итоге снова добился высокого положения. Говорят, что он посоветовал Али признать Муавию наместником Сирии, и, когда Али не последовал его совету, Мугира покинул его и перешел к Муавии. От имени последнего он добился для себя назначения, чтобы возглавить хадж 40 года. Муавия осознавал ценность такого помощника и вскоре после завоевания Ирака снова дал Мугире его прежнюю должность в Куфе.

Итак, будучи уже стариком, он после столь беспокойного прошлого наконец-то добрался до тихой гавани, в которой и надеялся остаться. Как наместник он стремился не наносить обид ни тем, кто стоял выше, ни тем, кто стоял ниже его. К Муавии Мугира относился с тем же равнодушием, как и к колебаниям куфийских партий, да и секрета из этого не делал. Так, по крайней мере, описывает его Абу Михнаф в повествовании об аль-Мустауриде и Худжре ибн Ади, и описание, безусловно, соответствует истине. Вся его политика заключалась в том, чтобы удержаться на своем посту, и в этом он преуспел. Благодаря хитрости он сумел предупредить те случаи, когда у правителя могло возникнуть желание его сместить. Он легко справился с хариджитами при аль-Мустауриде, так как и сами куфийцы, не теряя времени, освободили его от этого бремени.

Но хариджиты не имели большого значения для Куфы. Подавляющее большинство куфийцев были сторонниками Али как поборника политической независимости Ирака, и в этом смысле они придерживались того же мнения, что и шииты. И они не скрывали этого, а некоторые находили достаточно смелости, чтобы на людях выступать с провокационными речами, но Мугира оставил их в покое. Вместо того чтобы искоренять зло в зачатке, он испытывал определенное удовлетворение оттого, что предвидел его последствия, поскольку было ясно, что он не доживет до того времени, когда мог бы испытать их на собственной шкуре. Его мысль заключалась в том, чтобы спасти свою душу и переложить на преемников все неприятные обязанности, свойственные его посту^[56]. Куфийцы, естественно, были этим вполне довольны, впоследствии они осознали, что у них больше уже никогда не было такого же хорошего наместника. Он пробил себе дорогу ложью и до самого конца пожинал ее плоды. Что касается времени его смерти, то в разных версиях ее относят к 49 или 51 году от хиджры.

Когда Ирак покорился Муавии, сначала он отправил в Басру главнокомандующего Буера ибн Аби Артата, чтобы подавить восстание Хумрана ибн Абана. После восстановления мира он ушел оттуда со своей армией и, согласно аль-Вакиди, только тогда вошел в Хиджаз и Йемен. Первым настоящим наместником, которого Муавия назначил в Басру (в конце 41 года), был Омейяд Абдуллах ибн Амир, который уже несколько лет занимал этот пост при Усмани. В Басре власть принадлежала племенам, а не государственным чиновникам, и, поскольку они не были объединены и не желали отказываться от каких-либо преимуществ, последствия нам довольно ясны. В Куфе общественная безопасность мало пострадала от политической и религиозной партийной агитации; в Басре обычным делом были грабежи и убийства на улицах. Такое наследие оставил Ибн Аббас, но Ибн Амир не хотел принимать энергичных мер. Как и старый Мугира, он думал, что не пожертвует спасением своей души просто ради того, чтобы укрепить правительство. Ему не хотелось отрубать руки грабителям. «Как бы я смотрел в лицо его отцу или брату?» – говорил он. В конце концов для Муавии это стало слишком, и он попросил Ибн Амира, ради всей их дружбы, отказаться от поста, позволил ему при этом сохранить все присвоенные государственные деньги и отдал ему в жены свою дочь, таким образом став одновременно и его сватом, и тестем^[57]. Преемником Ибн Амира стал аздит, но ему

было суждено лишь подготовить путь для Зияда, который в то время уже был избран для поста, и через четыре месяца аздиту пришлось уйти. Так повествует аль-Мадаини у ат-Табари.

У ат-Табари большую часть сведений о Зияде тоже предоставляет аль-Мадаини. Как и Мугира, ставленником которого он был, Зияд принадлежал к сакифитам, обосновавшимся в Басре при самом основании города, а точнее, к зажиточному и чрезвычайно уважаемому семейству крупных землевладельцев Абубакра. Он имел скромное происхождение и был назван в честь его матери Сумайи, потому что его отец был неизвестен. Ислам открыл перед ним мир. В возрасте 14 лет он стал делителем добычи, то есть счетоводом в армии Басры, потому что умел писать, ведь для того, чтобы считать, нужно было уметь писать. Уже тогда халиф Умар, как говорят, обратил внимание на его необычные способности, и при Али он приобрел видное положение в Басре. Как представителю отсутствующего наместника, ему пришлось разбираться с восстанием тамимитов, подстрекаемых Муавией. Аздиты помогали ему, и он всегда был им благодарен. Впоследствии Али послал его в Фарс, чтобы навести порядок в беспокойной провинции, что он выполнил блестяще и не прибегая к насилию. После смерти Али он поселился в своей крепости в Истахре, и из всех чиновников Али он дольше всех отвергал Муавию. Буеру пришлось угрожать ему убийством троих его сыновей, оставшихся в Басре, если он не явится по требованию. Зияд отказался, но детей в последний момент забрали у палача по встречному приказу Муавии, который посланцу удалось вовремя получить и доставить – для этого ему пришлось бешено скакать в Куфу и обратно^[58]. Мугире было поручено захватить сокровища Зияда, которые хранились в Басре, но, естественно, он не сумел их отыскать, ведь сакифит сакифиту глаз не выклюет. Однако он вмешался, чтобы заставить Зияда прекратить сопротивление и сдаться. Это было в 42 году от хиджры. Муавия закрыл глаза на тот факт, что его обманули при разделе государственных денег Фарса, хотя и распознал обман. Это была сделка между братьями, которые в конце концов поняли друг друга, и они оба значительно выиграли от этого.

Муавия окончательно закрепил это положение, узаконив сына Сумайи и признав его сыном своего собственного отца Абу Суфьяна, чтобы таким образом связать его с самим собой и своей семьей. Это был большой скандал, о котором ат-Табари ничего не рассказывает и упоминает само событие лишь как предположительное. Оно не послужило особым назиданием для остальных Омейядов и собственного сына Муавии Язида, и они долгое время находились в натянутых отношениях с этим бастардом, который, возможно, не был даже и таковым. Известные, часто цитируемые сатирические стихи о его усыновлении исходят не от бродячего певца Ибн Муфаррига, хотя он тоже был автором нескольких, но от Омейяда Абдурахмана, брата последующего халифа Марвана ибн аль-Хакама.

Муавия сначала назначил Куфу местом жительства Зияда, где он находился под нестрогим наблюдением Мугиры, который исполнял отцовскую роль по отношению к нему, и Зияд часто посещал его дом и любезничал с его молодой женой. Затем Муавия послал за ним и вызвал в Дамаск и там, по-видимому, сделал своим братом. Когда Зияд вернулся оттуда в Куфу, Мутирой овладели опасения, что в нем (Зияде) он воспитывал собственного преемника, но очень скоро из Дамаска пришел приказ о назначении Зияда наместником Басры и относящихся к ней восточных провинций. В конце раби ас-сани или в начале джумады аль-уля 45 года он приехал в Басру и вступил на пост, произнеся знаменитую речь, в которой сразу же, не ходя вокруг да около, изложил свою программу. Поэтому его речь называли «речью без предисловия». «Вы ставите родственные связи перед религией, — сказал он, — вы оправдываете и укрываете своих преступников и подрываете освященные исламом законы, созданные для защиты. Бойтесь разгуливать по ночам; я казню любого, кого

найдут ночью на улице. Бойтесь призывать родственников; я отрежу язык каждому, кто поднимет крик. Если кто-то толкнет другого в воду, если кто-то подожжет чужой дом, если кто-то ворвется в чужой дом, если кто-то разроет могилу, я его накажу за это. Я возлагаю на каждую семью ответственность за тех, кто к ней принадлежит. Я не стану карать за ненависть ко мне самому, а только за преступления. Многие, кого испугал мой приезд, будут рады тому, что я здесь, и многие из тех, кто возлагает на него надежды, не будут обмануты в них. Я буду править вами властью Бога и заботиться о вас из Божьего богатства^[59]. От вас я требую покорности, а вы можете требовать от меня правосудия. Каковы бы ни были мои недостатки, на три вещи вы всегда можете рассчитывать: в любое время я буду готов выслушать кого угодно; я буду выплачивать ваши пенсии в положенное время и не буду посылать вас на войну слишком далеко или держать вас в поле боя слишком долго. Не позволяйте гневу и ненависти ко мне увлечь вас; в противном случае хуже будет вам самим. Я вижу многих, кто качает головой; пусть лучше каждый позаботится о том, чтобы его голова осталась на плечах!»

За счет нескольких примеров неумолимой суровости, проявленной в самом начале правления, он заслужил уважение народа, и ему удалось установить в городе такую безопасность, которой не знали никогда прежде не только в самой Басре, но и в иранских провинциях и даже в Аравийской пустыне. Об этом рассказывают сказочные истории. Даже хариджиты в Басре поклонялись ему. За исключением названия, некоторые из них были не лучше обычных разбойников и заслуживали того, чтобы с ними обращались как с разбойниками.

Когда Мугира умер в 50 или 51 году от хиджры, Зияд стал наместником и сохранил пост в Басре. В Куфе ему пришлось приводить в порядок тяжелое наследство, оставленное Мугирой. Тамошние шииты во главе с Худжром ибн Ади аль-Кинди забросали камнями его действующего представителя Амра ибн Хурайса, когда он вел публичную молитву в мечети. Тогда Зияд поспешил туда из Басры, чтобы вмешаться. Худжр сыграл ему на руку, оказав вооруженное сопротивление вместе со своими сторонниками, когда его хотели арестовать, и тем самым поставил себя вне закона. Зияд справился с ним без особого труда, а когда дело стало серьезным, куфийцы сами помогли представителю государственной власти, которого ненавидели, в борьбе с их сторонниками, которым они симпатизировали, и даже подписали приговор заточенному главарю. Этот документ отправили халифу в Дамаск, и шестеро были казнены за вооруженное подстрекательство к мятежу, поскольку они отказались отречься от Али. Но это еще был не конец. Казнь таких видных людей глубоко затронула местных жителей. Племена считали позором, что им не удалось вырвать своих собратьев из рук государства, а шииты смотрели на Худжра и его товарищей как на мучеников.

Предание рассказывает нам о некоторых административных мерах Зияда. Он перестроил в Куфе мечеть, убрал гравий с полов и заменил его твердыми плитами. Согласно аль-Балазури, это было сделано для того, чтобы молящимся не приходилось каждый раз отряхивать руки от камней после протирания ниц на молитве, хотя можно предположить, что это было сделано для того, чтобы имама, который с минбара порицает собравшихся, не прерывали градом камней. Еще важнее была другая мера, а именно разделение гарнизона Куфы на четыре группы, причем в одну группу объединялись самые разные племена под началом не племенного вождя, а командира, выбранного правителем. В аналогичном распределении басрских войск на пять групп племенной принцип проявился сильнее. Пожалуй, можно проследить политический ход в том, что он отправил в Хорасан большое количество семей из Куфы и Басры и поселил их там.

Он умер во вторник 4 рамадана (23 августа 673 года) в возрасте примерно 53 лет. В качестве иллюстрации к его характеру до нас дошли два исторических анекдота, представляющие некоторую ценность. Когда в 38 или 39 году от хиджры он искал защиты у аздитов и прошуывал их вождя на предмет того, готов ли он защищать его от нападения тамимитов, полученный им решительный ответ привел его в такой восторг своей наивностью, что ему было очень трудно сдержать смех, ведь в тот момент смешливость могла кончиться для него очень плохо. Он рассказал прекрасной молодой жене старого Мугиры, которая ему очень нравилась и потом стала его женой, что она может смело показываться перед ним, как перед родственником, от которого нечего ждать вреда, поскольку на самом деле он отец Мугиры, ведь один из его сыновей носил то же имя, что и наместник Куфы. Так что он, по-видимому, не был человеком угрюмым и суровым. Но в своем качестве регента он не допускал шуток. Тем не менее он был тираном только по представлениям арабов, которые рассматривают любое могущественное правление как тиранию, особенно когда оно прибегает к силе меча в борьбе с мятежными подданными. Что касается его обращения с шиитами в Куфе, то мы располагаем подробным и точным отчетом Абу Михнафа, который сам придерживался шиитских убеждений. Преследование их прекратилось после наказания нескольких главарей, которые выступили против него с оружием. Это внушает нам оправданные подозрения относительно туманных рассказов о его варварски жестоких гонениях на шиитов в целом. В Басре им особенно не на что было жаловаться и жилось им вполне комфортно. Их вождь Шарик ибн Авар аль-Хариси пользовался у Зияда, а потом и у его сына доверием, которое незадолго до его смерти он подло предал. Тамошние хариджиты были опаснее. Они делились на несколько разных видов, некоторые из них были честными, благочестивыми людьми, а другие – беспринципными и кровожадными мятежниками, но Зияд принял меры не против чувств первых, а против преступлений вторых. Он лишь казнил нескольких подстрекателей и злоумышленников и не стал устраивать массовой резни. Абу Биляль, самый уважаемый человек среди хариджитов Басры, одобрил его поведение и прогнал всех, кто опозорил имя их общины неразборчивым кровопролитием.

Противоречащие рассказы следует рассматривать как клеветнические, вызванные тенденциозностью.

Самура ибн Джундаб фигурирует как добровольное орудие якобы жестокости Зияда в Басре, по словам аль-Мадаини и его ученика Умара ибн Шаббы. Он был командиром шурты, своего рода личной гвардии, и Зияд, как говорят, сильно укрепил эту постоянную армию, чтобы использовать ее в качестве опоры своей тирании. Но в Куфе он подавил восстание шиитов не с помощью шурты, а созвав сами племена. Как в Фарсе, так и в Ираке он ухитрялся справляться с ними без чрезвычайных мер. По вечерам, по старому обычаю, он собирал вокруг себя знатных людей, которым выплачивалось почетное жалованье, и, ведя с ними легкую беседу, обдумывал государственные заботы. Он сделал вождей племен ответственными за поведение их соплеменников, в то время как зависть родов позволила ему разыгрывать их друг против друга. Прежде всего он имел в своем распоряжении государственную казну и контроль над средствами, из которых выплачивались пенсии. Он располагал и шуртой, вполне сравнимой по силе с шуртой его предшественников. Кроме того, каждый второй наместник прибегал к тем же средствам, что и он, только он умел использовать их для наилучших целей. Он обладал всеми признаками правителя от Бога, у него всегда все получалось. Мечеть, исламский форум, была главной сценой его деятельности и его успеха. Он рассказывал народу, что он думает, и убеждал его; он объявлял о принятых мерах, и люди не сомневались, что он сдержит слово. Он обладал хорошо подвешенным языком и знал своих арабов. С древних времен они всегда тонко чувствовали и

невольно испытывали уважение к превосходящему интеллекту, когда он выражался чтением в сердцах и делах людей и решительными действиями. Независимый представитель тамимитской знати Хариса ибн Бадр самым хвалебным образом засвидетельствовал в стихах дела великого визиря. То, что поэт аль-Фараздал боялся его, как глупый юноша, нисколько не умаляет его достоинств.

В Басре, как и в Куфе, необходимо было выполнить одну простую задачу: установить султан, то есть государство, главенство правительства. В Басре нужно было положить конец деспотизму племен и родов, чей первый принцип во всех случаях состоял в том, чтобы вставать на сторону своих родичей и даже своих преступников, причем не только против других родов, но и против правительства. Здесь больше, чем где бы то ни было, укрепились система клик на основе кровного родства, и в густонаселенном городе это должно было иметь последствия намного более нетерпимые, чем в пустыне. Регулирование мира и правосудия в обществе, благодаря чему Мухаммед освободил арабов от анархии, оказалось под вопросом. В Куфе оппозиция имела более теократическую окраску, она была направлена не против верховенства государства самого по себе, а против прав существующего правления, то есть Омейядов. Однако для Зияда эта разница значила мало. Примирившись однажды с правящим домом, он не признавал никого более высокого, нежели тот, кто фактически обладал властью, и на этом основании защищал общественный порядок и благосостояние и обязанность граждан повиноваться властям. Даже если, согласно господствующему обычаю, он не забывал и о себе и прикарманивал немалые суммы денег, он все же не пользовался властью исключительно для разграбления вверенных ему провинций в личных корыстных целях. Он стоял выше партий и родов, у него доставало совести, чтобы чувствовать, что он является официальным представителем государства, и он ревностно исполнял возложенные на него обязанности, независимо от благополучия его души и Корана, в котором каждый находил оправдание для тех политических решений, которые его устраивали. Более того, эту преданность признали и переняли его сыновья, самым значительным из которых стал Убайдуллах ибн Зияд.

Согласно Абу Машару и аль-Вакиди, в период правления Муавии другими наместниками в Ираке были: в Куфе — Абдуллах ибн Халид ибн Асид с 53 года от хиджры; ад-Даххак ибн Кайс аль-Фихри с 55 года; Абдуррахман ибн Умм аль-Хакам ас-Сакафи с 58 года; Нуман ибн Башир аль-Ансари с 59 года; в Басре: Самура ибн Джундаб аль-Фазари с 53 года; Абдуллах ибн Амр ибн Гайлан с 54 года; Убайдуллах ибн Зияд с 55 года. Убайдуллах принял более строгие меры против хариджитов в Басре, чем его отец, и даже навлек на себя недовольство более умеренных. Именно к его правлению относятся истории о мученичестве хариджитов.

О сирийцах, которыми Муавия правил сам, мы слышим сравнительно мало. Общие интересы с правительством объединяли их с халифом, поскольку Сирия была господствующей страной, что с очевидностью следовало из наличия у нее главного казначейства и из суммы пенсионных выплат^[60]. Но она отличалась от Ирака и внутренне. У Куфы и Басры не было других традиций, кроме пустыни и ислама. Арабские войска, как попало составленные из разных племен, были заброшены туда благодаря войне и обосновались там в виде военных поселений. Внезапно они перенеслись из первобытных условий в культуру и центр великого царства, и неудивительно, что они не сразу превратились из кочевников-бедуинов в рациональных граждан государства. Также в Сирию, как следствие исламского завоевания, переселились многие арабы, особенно кайситы на севере провинции. Но в центре калбиты и другие племена из конфедерации кудаа имели большинство, наряду с некоторыми племенами, которые считались относящимися к племени азд ас-сарат, которые жили там на протяжении веков, а не пришли туда только благодаря исламу^[61]. Влияние греко-арамейской культуры, христианской церкви и

Византийского государства, при котором все это развилось, не могло не наложить на них своего отпечатка. Регулируемая государственная администрация и военно-политическая дисциплина не были для них новыми идеями; у них существовала старинная династия вождей, которым они издавна повиновались, и они передали свою покорность Муавии как законному преемнику прежней династии; право султана не требовало того, чтобы его сначала навязывали силой. Они признавали законность существующего правления человека и не испытывали его мерой Корана и теократии. Они следовали за своим эмиром, куда он их вел, потому что в глубине души их так же мало волновал ислам, как и его. В военном деле они показали себя намного лучше всех арабов, тем более что они никогда не переставали практиковаться и систематически повышали квалификацию в постоянных войнах с римлянами. Муавия был достаточно благоразумен, чтобы держаться на их стороне, хотя по крови больше был связан с кайситами. Различия между племенными группами в то время еще не означали яростной оппозиции политических партий. Он жил в Дамаске, там, где селились кальбиты, недалеко от резиденции их бывших правителей. Среди них он выбрал в жены знатную женщину и намеревался сделать ее сына Язида наследником. По представлениям арабов, это был политический альянс, и так оно и было на самом деле. Все кальбиты чувствовали себя как бы зятьями халифа и дядьями его преемника^[62]. Не было никаких сомнений в том, что завоеватели, силой поселившиеся в их стране, считают всех сирийских арабов и их сородичей ниже себя. Кроме того, они очень быстро приняли ислам и отчасти спонтанно, хотя это означало всего лишь переход под победоносные знамена арабизма. Можно предположить, что альянс, в который Муавия, как наместник, уже вступил с ними, также отражал его отношение к сирийским неарабам, которые оставались христианами. В Сирии оппозиция власти и подданных, судя по всему, была не такой яростной, как вначале в Ираке. Тамашние мусульмане не жили отдельно в поселениях, основанных специально для них, а обосновались вместе с коренными жителями в старых городах: Дамаске, Эмесе, Киннесрине и т. д. Порой они даже делили между собой место отправления религиозных обрядов, которое затем становилось наполовину церковью, наполовину мечетью. Христианские традиции Палестины и Сирии также глубоко уважались мусульманами; Сирия тоже была для них Священной землей, сам Муавия был провозглашен халифом в Иерусалиме; а после этого он молился на Голгофе и у гробницы святой Марии. Конечно, из этих фактов не следует делать слишком далекоидущих выводов. Муавия выказал свое высокомерие и чувство превосходства в вопросе о догматах веры, когда яковиты и марониты представили на его суд свой религиозный спор. С яковитов, которые проиграли в споре, он взял штраф в размере 20 тысяч динаров и посоветовал им жить в мире и покое. Но у него не было и глубокой связи с исламом, и, как политик, он проявлял терпимость к своим подданным-христианам и заслужил их благодарность и расположение. При его правлении они чувствовали себя по крайней мере не хуже, чем при власти византийцев, как можно видеть из того настроения, который дошел до нас в их преданиях. Феофан говорит о его отношении к христианам, которое он выказал тем, что восстановил для жителей Эдессы разрушенную землетрясением церковь. Один из его самых влиятельных советников – Сарджун ибн Мансур, которого он передал и своим преемникам, – был христианином, однако то, что он фактически сделал христианина наместником в Эмесе, – вымысел. Жаль, что вместо того, чтобы стать халифом, он не ограничился Сирией и не основал там национальное государство, которое оказалось бы прочнее, чем «вненациональное» всеобщее государство на Востоке, в котором погибли арабы. Возможно, у него была такая мысль, но он счел ее неосуществимой, потому что тогда ему пришлось бы отказаться от ислама и перейти в христианскую церковь, потому что в то время ислам еще не признавал никаких отдельных государств.

Мсть за Усмана была тем основанием, на которое Муавия поставил свое право наследования. В каком смысле он это сделал, ясно следует из того, что с этой целью он заключил союз с Амром ибн аль-Асом, который самым злобным образом подстрекал против Усмана. Благочестие не было его мотивом, также он не следовал и традициям своего убитого предшественника. Он конечно же принял общие плоды его царствования, правление Омейядов, но отнюдь не отдал все прибыльные должности представителям их рода. Конечно, он испытывал их, но, как правило, недолго колебался перед тем, как их сместить. Дамаск не стал средоточием Омейядов, но Медина продолжала оставаться таковым. Этот город, доселе являвшийся центром государства, был вынужден отойти на второй план, как и аристократия, которая все еще продолжала там жить. Обычно Муавия оставлял само наместничество Омейядам, но какую важность мог иметь Марван, раньше полноправный имперский канцлер Усмана, а теперь эмир Медины! Неудивительно, что он бросал завистливые взгляды на своего родственника в Дамаске, который настолько опередил его, и что в целом отношение к нему в Медине ухудшилось! Чувства мединцев, в частности, проявились в ревности к Зияду, так как они боялись, что Муавия через него укрепит его дом вопреки всему роду и в конечном итоге сделает его преемником. Он со своей стороны пытался возбудить вражду между разными ветвями рода в Медине и таким образом ослабить их. Его взаимопонимание с курайшитами тоже оставляло желать лучшего. Он даже жаловался, что именно из-за того, что они его покинули, он их и обошел. Более того, он находился в натянутых отношениях с племенем махзум. Они уже давно завидовали Омейядам, потому что те сместили их с первого места, которое махзумиты занимали в Мекке до битвы при Бадре, и он дал им дополнительные основания для особой ненависти. Абдуррахман, сын великого махзумита Халида ибн аль-Валида и сам также достойный и высокочтимый человек, занимал в Эмесе, в Центральной Сирии, такое независимое и важное положение, что казался опасным для халифа. Лекарь-христианин отравил его, как считалось, по наущению Муавии, и можно себе представить, какое действие это произвело на махзумитов. Отношение Муавии к духовному благородству ислама, роду пророка и семьям его старейших сподвижников, а также к ансарам, естественно, было отношением недоверия и вражды.

Его видные наместники в важнейших провинциях не были Омейядами и за одним исключением даже не курайшитами. Муавия наблюдал за теми, кто мог ему понадобиться, и ставил их себе на службу. Он обладал способностью завоевывать и удерживать тех, кого ему было выгодно иметь при себе, и даже заставлять тех, кому он не доверял, работать на себя, как, например, Амра в Египте, который больше походил на его союзника, чем на чиновника. Часто перечисляются его слуги и доверенные лица, они, по-видимому, в основном были новыми людьми. С ними, как со своими *σύμβουλοι*, советниками, он консультировался, как *πρωτοσύμβουλος*, первый советник^[63]. Им дозволялись небольшие злоупотребления, и они этим пользовались. Тем не менее он не выпускал из рук бразды правления и умел укротить их так, чтобы не дать им почувствовать узды. Грубые и яростные сцены никогда не трогали его, он вел себя словно старый араб-сеид. Бог не одарил Муавию личным мужеством, хотя он неустанно отправлял своих сирийцев на войну с византийцами, но тем в большей степени он обладал другими качествами сеида: осмотрительной мягкостью, с помощью которой он обезоруживал и пристыжал противников, медлительностью в гневе и абсолютным самообладанием. Как пример этих качеств он фигурирует в бесчисленных историях, наряду с тамимитом Ахнафом, его современником, которого он очень уважал. По своему характеру Муавия был дипломатом и политиком и позволял событиям созреть самим, лишь время от времени подталкивая их, возможно прибегая к небольшому количеству яда. Он не

отрицал своего мещанского происхождения. Он не любил использовать принуждение и не столько завоевал Ирак, сколько купил его покорность. Если Муавия мог достичь своей цели с помощью денег, он щедро тратил их, но никогда не разбазаривал напрасно, и ему казалось забавным разочаровывать тех, кто рассчитывал на его неразборчивую щедрость или думал, что может его обмануть. Один из старейших передатчиков преданий аш-Шааби слышал, как о нем рассказывали, что он был самым любезным спутником, но его тайные мысли никогда нельзя было отличить от тех, что он высказывал открыто. Слушая кого-нибудь, он откидывался назад, скрестив ноги и полузакрыв один глаз. Несмотря на свою полноту, появляясь перед арабами по торжественным случаям, он внушал им почтение в своем черном тюрбане, с глазами обведенными сурьмой. Согласно аль-Вакиди, он умер в четверг в середине раджаба 60 года, что соответствует четвергу 18 апреля 680 года. По словам Ильи из Нисибина, в пятницу 15 раджаба его преемник вступил на пост, а по словам Абу Михнафа – 1 раджаба. Абу Машар указывает продолжительность его правления как 19 лет и три месяца, аль-Вакиди добавляет еще 27 дней. Его похоронили рядом с воротами Дамаска, и на его могилу, над которой построили мавзолей, люди приходили еще много веков. Доступ к ней был открыт по понедельникам и четвергам^[64].

Смена правительства грозила вызвать осложнения, как это всегда бывало, но, в отличие от своих предшественников, Муавия попытался решить их заранее. Поскольку единственное, что позволяло ему удерживать власть над высокопоставленными арабами, – это та клятва верности, которую они принесли лично ему, он хотел еще при своей жизни связать их таким же обязательством по отношению к его сыну Язиду, сделав его своим преемником, но они, естественно, пренебрегая сирийцами, надеялись избавиться от этого ига после смерти Муавии. Они делали вид, что он отважился на неслыханное новшество, пожелав ввести преемственность от отца к сыну, как это было у Сасанидов и византийцев. Согласно арабским законам, верховная власть передавалась по наследству внутри одного племени или рода, но не непосредственно от отца к сыну в пределах одной семьи; согласно исламу, она вовсе не была достоянием человека, на право владения которым кто-то мог бы претендовать в качестве наследника, но, несмотря на это, волнения были несоразмерны их предполагаемой причине. Привилегия эмира назначать преемника до своей смерти оставалась в силе, и, даже если сын не имел на власть никакого права, все же он никоим образом не был отстранен от нее, только, по-видимому, никто никогда не приносил ему присяги заранее. Но это было самое начало, и у арабов отсутствовали какие-либо соответствующие традиции и какие бы то ни было правила преемственности.

Распространенный рассказ о том, что предпринял Муавия, который встречается у Вейля и А. Мюллера, у Ибн аль-Асира гласит следующее: первый ход для того, чтобы гарантировать правопреемство Язиду, сделал Мутира, а именно со злым умыслом заманить Муавию в ловушку. Ему было поручено подготовить почву в Куфе, и вскоре после этого в Дамаск явилась депутация из Куфы, которую он подкупил небольшой взяткой, чтобы заставить их признать Язида. Но Муавия был осторожен и сначала спросил у Зияда в Басре. Убайд ибн Кааб ан-Нумайри убедил Зияда не сопротивляться, но Зияд посоветовал Язиду из уважения к общественному мнению умерить свою склонность к языческим развлечениям, и этот совет был благосклонно принят и претворен в жизнь. Но лишь после смерти Зияда Муавия открыто выступил со своим замыслом. Сначала он прощупал почву в Медине, прежней столице, которая все еще считалась подходящим местом для принесения присяги, потому что там жила мусульманская знать, которой было очень желательно, чтобы так и произошло. Жители Медины одобрили его идею обеспечения престолонаследия, но, когда он через Марвана позволил им узнать, что в качестве

преемника он выбрал своего сына, в мечети возникли беспорядки. Протестовали, в частности, сыновья самых известных сподвижников пророка: Хусейн ибн Али, Абдуллах ибн Умар, Абдуррахман ибн Абу Бакр и Абдуллах ибн аз-Зубайр, но Муавии было все равно. Он послал за видными людьми из всех столиц провинций, созвав их в Дамаск, и выступил перед ними с речью о правах повелителей и обязанностях подданных вообще и о хороших качествах Язида в частности. Ад-Даххак ибн Кайс аль-Фихри и другие ораторы, назначенные для этой цели, аплодировали ему и сделали вывод, от которого Муавия воздержался, потребовав принесения присяги Язиду. Только Ахнаф из Басры прозорливо выразил сомнение, но золото парализовало их, и депутация проявила покорность Язиду. Теперь остался только Хиджаз. Туда Муавия отправился лично с тысячей всадников. Добравшись до Медины, он начал с того, что настолько сильно оскорбил вышеупомянутых высокопоставленных противников, которых ему было бы особенно желательно покорить, что они бежали в Мекку. Он поехал туда вслед за ними и попытался завоевать их расположение исключительным радушием. И лишь в самом конце, когда он уже собирался отправиться домой, Муавия огласил свои пожелания. Он попытался объяснить им, что требует от них не многого, что Язид будет правителем только по названию и что на самом деле именно они от его имени будут обладать реальным правом на осуществление власти. Долгое время они молчали, и наконец Ибн аз-Зубайр заговорил и от имени всех отказался от предложения халифа. Тогда Муавия сказал: «В другое время, когда я говорю перед народом, я позволяю любому говорить против меня что ему угодно; но того, кто противоречит мне сегодня, я мечом заставлю замолчать» – и тут же во всеуслышание отдал соответствующий приказ своим слугам. Потом он вошел в мечеть Мекки и объявил: «Эти четверо, без которых не может быть принято решение о престолонаследии, принесли присягу Язиду; так и вы принесите присягу ему!» После этого все так и поступили, и четверо молчали в страхе и таким образом без возражений согласились с этой ложью. Муавия вернулся в Медину и там тоже принял присягу от имени Язида.

Это была хитроумная схема. Аль-Мадаини также рассказывает, что Мугира придумал идею принесения присяги Язиду, а Зияд, по убеждению Убайда ибн Кааба, не возражал против этого. У ат-Табари это событие относится к тому же году, что и у Ибн аль-Асира. С другой стороны, у ат-Табари нет ничего о созыве делегатов со всех провинций к Муавии для принесения присяги Язиду, он упоминает только одну депутацию, которая прибыла для этого из Басры под началом Убайдуллаха ибн Зияда, но относит ее лишь к 60 году, в который умер Муавия. Эта депутация из Басры впоследствии обобщается и относится к предшествующему времени. Переход к ней можно найти уже у аль-Масуди^[65]. В старой традиции (а также у аль-Масуди) совершенно неизвестен чрезвычайно интересный факт, составляющий кульминацию повествования Ибн аль-Асира, а именно резкое личное вмешательство Муавии в Хиджазе. Только аль-Мадаини говорит, что после смерти Зияда Муавия вслух прочел документ, смысл которого состоял в том, что в случае его смерти он назначает Язида своим преемником, и все согласились на это, кроме пятерых^[66]. Место, предположительно Дамаск, не упоминается, и даже время не указано точно, так как «после смерти Зияда» – это всего лишь формула, выражающая переходный период. Далее у ат-Табари говорится, что в 60 году Муавия принял присягу за Язида от депутации из Басры и приказал, чтобы после его смерти против непокорных курайшитов были приняты определенные меры. Согласно Авану, выполнение этих мер он возложил на ад-Даххака ибн Кайса аль-Фихри и Муслима ибн Укбу аль-Мурри, поскольку Язид отсутствовал. Таким образом, можно считать, что замысел зрел у Муавии в голове на протяжении значительного времени и к концу своей жизни он пытался претворить его в жизнь, но, как оказалось, напрасно, если говорить о тех людях, чье согласие имело наибольшее значение, потому что, по

мусульманским представлениям, именно у них были самые обоснованные претензии на халифат. Больше ничего об этом не упоминается. Представляется, что это не соответствует характеру старика, что он сам встал во главе тысячи всадников в мирное время, чтобы сначала выгнать четырех курайшитов в Хиджаз, потом приглубить их и наконец принудить, притом что в конце концов он ничего не добился, ведь те, кого главным образом все это и касалось, не принесли клятвы верности. То, что он въехал в Мекку с вооруженным войском и именно там, а не в Медине совершил главный акт принятия присяги, крайне маловероятно, и те драматические речи и сцены, которые украшают повествование, не прибавляют ему достоверности. Все это кажется тенью событий начала правления Язида, к которому мы сейчас и переходим.

После того как Язид встал во главе правительства 1 раджаба 60 года, как рассказывает Абу Михнаф у ат-Табари, он письмом сообщил наместнику Медины аль-Валиду ибн Утбе ибн Суфьяну о смерти своего отца, прибавив на листке не больше мышиного уха распоряжение о том, что он должен принудить к принесению присяги Хусейна, Ибн Умара и Ибн аз-Зубайра – названы только три этих имени. Аль-Валид посоветовался с Марваном, хотя эти двое были не в очень хороших отношениях, и тот посоветовал ему немедленно арестовать Хусейна и Ибн аз-Зубайра, прежде чем они услышали о смерти Муавии. Но аль-Валид сделал это не сразу, и им удалось бежать в Мекку в конце раджаба 60 года (начале мая 680 года). Ибн Умар считался неопасным, о нем говорили, что он согласился бы стать халифом, только если бы халифат принесли ему на подносе. Более того, по словам аль-Вакиди, в то время его не было в Медине, а после возвращения он принес присягу, узнав, что это сделали все остальные. Ибн Аббас поступил аналогично; это была точка зрения правильного джамаата. Аль-Валид конечно же вскоре был смещен, а вместо него появился другой Омейяд – Амр ибн Саид ибн аль-Ас, который до того находился в Мекке. По словам аль-Вакиди, это произошло в рамадане 60 года; в других версиях – не раньше зуль-кады.

Хусейн позволил выманить себя из своего убежища в Мекке. Куфийцы осадили его со всех сторон, умоляя его прийти к ним и принять их присягу. Их первые послания дошли до него 10 рамадана, и он заранее отправил своего двоюродного брата Муслима ибн Акила, чтобы подготовить для него почву. Последний нашел много приверженцев в Куфе, но, оказавшись вынужденным совершить преждевременное нападение на новоизбранного наместника Убайдуллаха ибн Зияда, был оставлен ими в беде, и 8-го или 9-го числа месяца зуль-хиджа его постиг плачевный конец. В то же время, 8-го числа зуль-хиджи, Хусейн со своими последователями покинул Мекку, воодушевленный первым благоприятным докладом Муслима. Он, правда, по дороге узнал о прискорбной гибели последнего, но либо не смог, либо не захотел вернуться и пал в битве с куфийцами в Кербеле на Евфрате 10 мухаррама 61 года от хиджры (10 октября 680 года). Попытка переворота сошла на нет самым жалким образом, но мученичество Хусейна имело большое идеальное значение и впоследствии глубоко повлияло на шиитов.

Ибн аз-Зубайр оказался гораздо более опасным, чем Хусейн. Первый был рад избавиться от соперника, на которого не мог напасть. Язид опасался всерьез атаковать его, потому что он продолжал скрываться в святом городе Мекке, где были запрещены драки и кровопролитие, но сообщения о его поведении по отношению к нему недостаточны и противоречивы.

О 61 годе (начавшемся 1 октября 680 года), в котором Амр ибн Саид был наместником Медины, Абу Михнаф рассказывает следующее. Ибн аз-Зубайр использовал падение Хусейна, чтобы дотянуться до куфийцев и правительства, а также – в секрете – и до Язида. Его приверженцы настаивали на том, чтобы он

принес ему присягу, но он согласился сделать это только втайне; публично он изображал из себя беглеца, нашедшего убежище в храме. Когда Язид услышал о его действиях, он поклялся, что закует его в цепи, но потом передумал и послал ему серебряную цепь для ношения. Когда гонец прошел с ней по Медине, Марван процитировал стих о том, что принять цепь — значит унизиться. Ибн аз-Зубайр услышал об этом и отказался от цепи. Его важность в Мекке возросла; даже мединцы писали ему, и после смерти Хусейна он считался следующим претендентом на власть.

Согласно преданию, восходящему к аз-Зухри, цепь, состоящую из нанизанных вместе серебряных монет, доставили четыре посланца, среди которых были Ибн Идах и Масада. По распоряжению отца сыновья Марвана Абдул-Малик и Абдул-Азиз отправились с ними из Медины в Мекку и произнесли стихи перед Ибн аз-Зубайром, которые должны были предостеречь его от решения повиноваться. Он понял их и, будучи предупрежденным, ответил соответствующими стихами.

Два вышеупомянутых посланца встречаются также и в рассказе Вахба ибн Джарира. Таким образом, мы можем заключить, что имеется в виду одно и то же событие, хотя рассказывается о нем совсем иначе, в частности вообще не упоминается серебряная цепь. Язид послал Нумана ибн Башира аль-Ансари к Ибн аз-Зубайру с десятью другими людьми, чьи имена тоже указываются. Нуман должен был разобраться с Ибн аз-Зубайром отдельно по своему усмотрению. Ибн Идах был раздосадован этим сговором ансаритов и мухаджиритов^[67] и сказал Ибн аз-Зубайру, что Нуман на самом деле их предводитель, но у него нет иного особого поручения, отличного от других. Ибн аз-Зубайр ответил: «Что мне с тобой делать? Я всего лишь голубь из голубей святилища, разве ты убьешь голубя?» После чего другой человек натянул тетиву лука, прицелился в голубя и сказал: «Голубь, Язид пьет вино? Скажи «да», и я выстрелю!» И, обратившись к Ибн аз-Зубайру, он продолжил: «Клянусь Богом, если ты не поклонись, явятся всадники Ашара, и их не остановит святость этого места, но оно будет осквернено не из-за них, а из-за того, кто использует его как прикрытие для своего мятежа». История с голубем не прошла незамеченной для современных историков. Это, однако, исторический анекдот, и подобный мотив повторяется в другой форме в другом месте^[68]. Даже огромное количество упомянутых имен не дает никаких гарантий достоверности; например, имя главы этой миссии представляется ложным. Едва за год до того халиф отправил Нумана в Мекку с тем же самым поручением, которое он должен был выполнять на следующий год в Медине; однако если нужно выбрать что-то одно, то предпочтение следует отдать версии Абу Михнафа о том, что ансарита отправили в Медину к ансарам.

Этот ряд можно завершить версией аль-Вакиди. Она относится к 60 году, еще до смерти Хусейна в начале 61 года. Ибн аз-Зубайр в ней не фигурирует. После того как терпение Язида иссякло в многократных переговорах, он поклялся, что не успокоится, пока Ибн аз-Зубайр не предстанет перед ним в цепях, а когда тот фактически не дал эмиру Мекки возглавить богослужение, он приказал наместнику Медины Амру ибн Саиду отправить против него войско — по его собственному желанию — во главе с братом Ибн аз-Зубайра по имени Амр, который с ним враждовал. После того как Амр со своим несколько разношерстным войском добрался до Мекки без всякого сопротивления и вошел в город, он переговорил со своим братом и сказал ему, что тот должен предстать перед халифом с серебряной цепью на шее, которую он даже может спрятать под одеждой, тогда клятва халифа будет исполнена. Ибн аз-Зубайр не согласился на это, но сумел неожиданно напасть на войско Амра, после чего захватил самого Амра и велел предать его жестокой смерти в тюрьме Арим. Злополучная экспедиция Амра подтверждается другими источниками и процитированными там стихами и, несомненно, является историческим фактом. Но эпизод с упоминанием серебряной цепи плохо в него

вписывается, она лишь искусственно помещена в этот рассказ и скорее относится к попыткам мирного урегулирования, которое предшествовало переходу к насилию. В этом правы другие передатчики преданий, в отличие от аль-Вакиди.

В конце 61 года Амр ибн Саид был смещен из Медины в результате интриги в самом сердце рода Омейядов. Он отправился в Дамаск и оправдался перед халифом, а вместо него в город вернулся его предшественник Валид ибн Утба. Согласно единодушному преданию, он возглавил хадж 61 года и оставался на своем посту весь 62 год или по крайней мере на протяжении большей его части. По словам Абу Михнафа, Ибн аз-Зубайр, посылая письмо, умудрился сделать так, чтобы вместо него поставили Усмана ибн Мухаммеда ибн Абу Суфьяна, молодого человека, неопытного и тщеславного. Согласно ат-Табари, а также, по-видимому, Абу Михнафу, он вступил в должность не раньше хаджа 62 года, но в другом месте это оспаривается. В любом случае изменение произошло в конце 62 или начале 63 года.

63 год (начавшийся 10 сентября 682 года), в отличие от двух предыдущих лет, был полон важнейших событий. Как передает Абу Михнаф, новый наместник направил депутацию из Медины к Язиду, она включала в себя как видных представителей от ансаров, так и от мухаджиров. Они пользовались влиянием на общественное мнение, которое в Медине отнюдь не склонялось в сторону Ибн аз-Зубайра, но во всяком случае было направлено против Омейядов. Он надеялся, что Язид прибегнет к силе убеждения в виде денег, чтобы привлечь их на свою сторону. Язид действительно сделал им богатые подарки, но это не помешало им по возвращении рассказывать о нем самые дикие истории: что он развлекается с охотничьими собаками^[69], приближает к себе наихудших людей, пьет вино под аккомпанемент музыки и песен; словом, он настоящий безбожник. Это была ошибка, что депутация состояла только из ансаров и современников Мухаммеда. А. Мюллер говорит о чудаковатых стариках из компании пророка, которые Язиду были совершенно незнакомы. Он формирует собственные представления о них и халифе, который, естественно, был хорошо информирован обо всем происходящем в Медине, первейшем городе ислама, и, как и все арабы высокого положения, был лично знаком со многими. Абу Михнаф говорит о еще одной, последней попытке Язида умиротворить настроения в Медине. Он не хотел добровольно применять силу против города, потому что там жило его собственное племя, поэтому он отправил туда лучшего апостола мира Нумана ибн Башира, однако, к его огорчению, город остался глух к его проповедям.

Согласно аль-Мадаини, прелюдией к восстанию мединцев стала драматичная сцена в мечети. Охваченные внезапной яростью, они стали отказываться от повиновения Язиду, причем каждый сбрасывал накидку, тюрбан или башмак, что обычно символизировало разрыв отношений, и бросал их перед собой, так что вскоре на земле образовалась целая груда из одежды и обуви. Ничего этого у ат-Табари нет. Абу Михнаф отмечает начало восстания тем фактом, что народ Медины принес клятву верности Абдуллаху ибн Ханзале, как своему вождю в борьбе против Язида и власти Омейядов. Ибн Ханзала был одним из депутации, ездившей в Дамаск; он был ансаритом, который с момента рождения прославился как посмертный сын омытого ангелами мученика при Ухуде. Следующее действие мятежников состояло в том, чтобы напасть на Омейядов в Медине. Числом до тысячи человек те бросились в дом Марвана, старейшего и самого уважаемого главы семейства. Марван послал халифу сообщение о своем бедственном положении: «Нас забрасывают ягодами, и у нас нет хорошей воды для питья. Помогите! Помогите!» Язид, хотя и не воспринял эту жалобу всерьез, все-таки решил сразу же послать туда войско. Амр ибн Саид должен был его возглавить, но, поскольку он не хотел проливать кровь курайшитов (Медины) в открытом поле, он предложил отдать командование некурайшитам, после чего Язид обратился к старому и надежному слуге его отца Муслиму ибн Укбе аль-Мурри. Он придерживался того мнения, что тысяча человек, которые не в состоянии

обороняться в течение некоторого времени, недостойны помощи, но все равно был готов выступить, поскольку Язид объяснил, что не может бросить своих сородичей в беде. Тогда были набраны войска, и за полное жалование плюс дополнительную единовременную выплату суммы в 100 динаров, которую воины получали сразу же, было собрано 12 тысяч сирийцев^[70]. Тем временем осажденные в Медине смогли беспрепятственно отступить и отправились в Сирию, но жена Марвана уехала в Таиф под защитой сына Хусейна, который был спасен в Кербеле и принадлежал к тем немногим курайшитам, которые не участвовали в восстании. Муслим во время похода на Медину встретил беглецов-Омейядов в Вадиль-Куре. Он пришел из-за них в ярость и без сожалений хотел расправиться с их вождями, потому что они, будучи связанными клятвой, не ответили на его вопросы. К счастью, Абдул-Малик, сын Марвана, сумел усмирить его гнев; Муслим был поражен разумными советами Абдул-Малика и последовал им. В месяц зуль-хиджа 63 года он добрался до Медины и встал в Харре к северо-востоку от города. Он дал мятежникам три дня на раздумье, сказав, что он хотел бы отвести войска от них и выступить против лицемеров в Мекке, поскольку не желает проливать их кровь, ведь они – корни ислама и государства. Даже после истечения назначенного им срока он сделал еще одну попытку, обратившись к ним со справедливыми речами, на которые они ответили оскорблениями. Мединцы укрепили открытый северный угол своего города валом и рвом. Их армия состояла из четырех групп под командованием двух курайшитов – одного ашджаита и ансарита Ибн Ханзалы, который в то же время был главнокомандующим.

Начиная с этого момента рассказ Абу Михнафа у ат-Табари дополняется преданиями Аваны и другими, которые не всегда полностью с ним совпадают. Люди Медины выступили против сирийцев в Харре и дошли до того места, где находился сам Муслим, который, по одной из версий, сидел верхом на лошади; по другой, его несли в паланкине. Но в конце концов они потерпели поражение, и множество благородных ансаритов и курайшитов пало, среди них был Ибн Ханзала с восемью сыновьями. В их разгроме, согласно Вахбу ибн Джариру и ас-Самхуди, решающую роль сыграла измена племени хариса, через чей квартал отряд сирийцев проник в город и напал на защитников с тыла. Аль-Вакиди указывает в качестве даты среду 26-го или 27-го числа месяца зуль-хиджа 63 года от хиджры, то есть среду 26 августа 683 года. Город пророка был на три дня отдан сирийским воинам, и они предавались в нем разгулу в свое полное удовольствие. Так говорят Абу Михнаф и ас-Самхуди, но рассказ у Аваны отличается. По его словам, на следующий день после битвы Муслим заставил видных людей Медины принести присягу в Кубе и по этому случаю казнил нескольких главарей мятежа, в том числе, несмотря на протест Марвана, нескольких курайшитов, а также ашджаита Макила ибн Синана^[71]. Такое дисциплинированное поведение на следующий же день после битвы не согласуется трехдневным разграблением города. Едва ли его подтверждает тысяча незаконных детей, которые, по словам ас-Самхуди, якобы родились вследствие этого. Вахб ибн Джарир тоже об этом не упоминает.

После овладения Мединой Муслим отправился в Мекку, но добрался только до Аль-Мушаллала, где и умер со спокойной совестью, убежденный, что сделал доброе дело, угодное Богу. Он оставил свое имущество не сыновьям, а своему племени и жене. Командование он оставил вопреки своей воле сакуниту Хусейну ибн Нумайру, потому что так повелел халиф. Он внушил ему никогда не прислушиваться к курайшитам. Рассказ Аваны у ат-Табари полностью согласуется с рассказом Абу Михнафа. Абу Михнаф относит смерть Муслима к концу мухаррама 64 года, но, по словам Аваны и аль-Вакиди, Хусейн уже стоял лагерем перед Меккой в мухарраме.

Утверждения более поздних авторов находятся в странном противоречии с очерченным здесь портретом Муслима ибн Укбы. «Возможно, не было никого, кто

так же ярко, как он, представлял бы старое время и языческий принцип. В нем не было ни капли веры Мухаммеда, и ничто из того, что было священным для мусульман, не было для него священным. Он лишь тверже держался за языческие суеверия, верил в вещие сны, в таинственные слова, доносящиеся из кустов гаркад (дерезы), как стало ясно, когда он предложил свою службу Язиду. Он сказал ему, что только через него одного возможно покорить Медину, поскольку он слышал во сне голос дерева гаркад, сказавший: «Через Муслима». Так же у Дози (*Histoire des Musulmans d'Espagne*) и А. Мюллера: «Муслима ибн Укбу воодушевляла та же ненависть к исламу, особенно к ортодоксам, которая заставила Шамира погубить Хусейна. Хотя он был больным стариком, приятная перспектива долгожданного наказания этим смертельным врагам всей языческой системы какое-то время вселяла в него жизнь. На случай, если бы он не дожил до конца кампании, с ним отправили в качестве преемника Хусейна ибн Нумайра, который незадолго до того был правой рукой Убайдуллаха в Куфе^[72] и который испытывал к мечети пророка и Каабе не больше уважения, чем к двум пустым скорлупам».

Из-за дерезы, с которой он, пожалуй, все же не советовался, а лишь видел ее во сне, Муслим ибн Укба стал считаться воплощением язычника. Воодушевляемый глубокой ненавистью к мединцам, он, несмотря на возраст и болезнь, с нетерпением стремился и не упустил возможности с ними расправиться. Старое предание ничего об этом не знает. Согласно ат-Табари, на смертном одре он засвидетельствовал, что самым ценным считал веру в Аллаха и Его посланника. Он не жаждал выполнить задачу, возложенную на него Язидом; он даже не очень охотно взялся за нее. У него не было желания отомстить городу пророка, и он до последней минуты пытался его пощадить. Сомнения есть даже в том, что он отдал город на трехдневное разграбление после победы. Он принудил его к повиновению, но не каким-то необычайно позорным образом. Он был верным слугой своего повелителя и подчинил мятежников для него. «Какое отношение имеет гатафан к вопросу о том, кто является законным халифом?» Он был рад, что для него, как для члена племени гатафан, этого вопроса не существует, и оставил политические амбиции честолюбцам и интриганам, которые нашли себе укрытие в обоих священных городах. Он придерживался того мнения, что они злоупотребили положением святилища и таким образом лишились неприкосновенности, и действовал в соответствии со своим убеждением. Со временем его кощунство стало казаться более шокирующим, и таким образом он превратился в языческое пугало, которым считают его Дози и Мюллер.

Дози продолжает и дальше прясть ту нить, которую начал у дерезы. «Сирийские арабы свели счеты с сыновьями фанатичных сектантов, которые залили Аравию кровью их отцов. Старая знать уничтожила новую. Язид, как представитель старой аристократии Мекки, отомстил за убийство халифа Усмана, как и за поражение, которое его дед Абу Суфьян понес от рук мединцев под знаменем Мухаммеда. Реакция языческого принципа против мусульман была жестокой и беспощадной. Ансары так и не оправились от этого удара, их сила была сломлена навсегда. Их почти опустевший город был отдан собакам, а страна — диким зверям, так как большинство жителей отправились искать себе новый дом далеко за пределы страны и вступили в африканскую армию. Остальных можно лишь пожалеть, потому что Омейяды не упускали ни одной возможности, чтобы дать им почувствовать свою ненависть и презрение, чтобы унижить их и превратить их жизнь в тяжелое бремя». Мюллер подлаживается под эти концепции, совершенно искаженные и по большей части совершенно ошибочные.

Наибольший урон Медина понесла, когда прежний законный халифат прекратил существование после убийства Усмана, а новый перешел к провинциям; новый удар не привел к каким-либо значительным изменениям. Медина не была заброшена,

вскоре изгнанные Омейяды вернулись, чтобы снова стать изгнанными позже. Медина по-прежнему оставалась веселым городом, местом не только благочестивых традиций, но и самого аристократического и утонченного арабского общества, и поэтому ее предпочитали те, кто хотел отойти от дел и жить в свое удовольствие, — место встречи певцов, музыкантов и иждивенцев. Об этом свидетельствуют все соответствующие статьи «Китаб аль-Агани». Пожалуй, особо следует отметить рассказы об Абу Катифе и асхабах и прежде всего о Сукайне, распутной и остроумной правнучке пророка. Кроме того, это изложение создает неверную картину, как будто только ансары сильно пострадали от последствий битвы при Харре. Ансаров не следует просто отождествлять с людьми Медины. Медина давно перестала быть их городом. Они жили там вместе с мухаджирами, которые были равны им по численности и превосходили по силе. Среди последних курайшиты занимали первое место; с 8 года они иммигрировали большими множествами, и их настоящим домом стала столица государства. Они участвовали в восстании против Язида точно так же, как и ансары. Различие между исламской и доисламской знатью, которое, несомненно, существовало между ними, нечасто принималось во внимание. «У Язида вообще не было сторонников среди них. Он не был представителем их старой аристократии, хотя и принадлежал к ней, и в Хиджазе они обратились против него точно так же, как уже обратились против его отца. Видные махзумиты, например, были до мозга костей приверженцами Ибн аз-Зубайра. Даже Омейяды Медины были не в лучших отношениях с Язидом; они не хотели ссориться с мятежниками и заигрывали с Ибн аз-Зубайром, и у Муслима ибн Укбы было достаточно оснований гневаться на них. На стороне Язида были только сирийцы, и из них он собрал армию в несколько тысяч человек, но за необычно высокую плату. Так же как он сам не был снедаем желанием отомстить мятежникам, а скорее стремился завоевать их добротой и проявил большую снисходительность, так и его сирийцы не стремились идти в бой. Они бы удивились, узнав, что взять в руки оружие их побудила глубокая ненависть «к фанатичным сектантам, которые залили Аравию кровью их отцов». Если бы это было причиной, то иракцы, происходящие от ахл ар-ридда (вероотступников), были бы гораздо более оправданы в ненависти к мединцам; или действительно дело обстояло так, что сирийцы, возможно кальбиты, пострадали больше всего? Дози позволяет себе увлечься фантазиями и риторикой и тем самым вводит в заблуждение своих последователей. Простой факт состоит в том, что сирийским арабам, как и всем остальным, пришлось приспособиться к исламу, что в действительности было скорее вопросом религиозных изменений, нежели политических. Даже в этом случае переход, возможно, вначале был им неприятен, но вскоре неприязнь была преодолена, поскольку они извлекли из него наибольшие выгоды. Ислам позволил им принимать участие в управлении и положил мир к их ногам: без ислама они никогда бы не достигли того положения, которое занимали теперь. Таким образом, они не могли всегда оставаться глубоко озлобленными на тех, кто способствовал их нынешнему процветанию. Меньше всего мы можем говорить об их ненависти к «ортодоксам», как А. Мюллер называет мединцев. В учении веры и закона и в обычаях публичного богослужения и частной молитвы они были едины с людьми Медины, которые, несомненно, более ревностно выполняли религиозные обязанности и особенно много говорили о них, но в целом были далеко не мрачными стариками и фанатиками-сектантами. Современное выражение «ортодоксы» может привести к весьма извращенной картине отношений между враждующими сторонами.

Согласно нашим нетеократическим представлениям, противоречие было просто политическим и касалось вопроса о праве на халифат. Члены исламской знати, сыновья шести старейших и самых выдающихся сподвижников пророка, такие как Хусейн и Ибн аз-Зубайр, претендовали на него, и на их стороне было также

общественное мнение и большинство курайшитов. Даже ансары, как и во время мятежа против Усмана, должны были работать на них с точки зрения возвращения прежней столице государства утраченного ею доминирующего положения. Есть факты, которые свидетельствуют о том, что восстание в Медине спровоцировал Ибн аз-Зубайр, и Муслим ибн Укба придерживался этого мнения. Суфьяниды в Дамаске считались узурпаторами; только сирийцы, защищая главенство своей провинции, крепко держались за правительство, обладавшее настоящей властью, и не заботились о вопросе прав. Этот вопрос, который для нас носит чисто политический характер, для теократического ислама был частью религии, и притязания претендентов основывались на религиозной почве. По мусульманским соображениям Язид был объявлен недостойным халифата, но в устах вождей движения эта причина была лишь предлогом, их реальным мотивом было честолюбие и жажда власти. Они хотели сместить Язида не потому, что он пил вино и развлекался, а потому, что они надеялись занять его место. Так, сирийцы оказались правы в том, что вопрос о праве на халифат казался им лицемерным приукрашиванием вопроса о власти. Кроме того, упрек в лицемерии, на который противоположная сторона ответила оскорбительными насмешками, относится исключительно к этому.

Что касается осады Мекки в 64 году от хиджры, то главным авторитетом здесь является Авана. После битвы при Харре «вся Медина» явилась в Мекку; называются всего несколько курайшитов. Перед этим хариджиты Ямамы под предводительством Наджды ибн Амира уже поспешили на помощь святому дому, чтобы отразить нападение сирийцев. Хусейн ибн Нумайр прибыл к городу в месяце мухаррам 64 года с сирийцами, и первая битва окончилась поражением для защитников Мекки. В воскресенье 3-го числа месяца раби уль-авваль 64 года, то есть в воскресенье 31 октября 683 года, сирийцы, по словам Аваны, подожгли Каабу.

Этот последующий рассказ Аваны неверен. Кааба действительно загорелась в то время, и священный камень треснул и почернел, но не сирийцы устроили пожар. Абу Михнаф использует страдательный залог и умалчивает о данном случае. Согласно аль-Вакиди, один из людей Ибн аз-Зубайра поджег конец своего копья и ветром огонь отнесло на Каабу. Согласно аль-Мадаини, сам Ибн аз-Зубайр был тем несчастным, с кем это произошло. Стих, на котором Авана основывает свое утверждение, не упоминает пожара, а согласно Хамасе, это относится к другому случаю, а именно к осаде Мекки при аль-Хадждадже, когда сирийцы действительно целили в Каабу, но только камнями. Таким образом, Авана поменял одно на другое, что на самом деле объясняется тенденциозностью.

Осада продолжалась до того, как Мекки достигло известие о смерти Язида, которая случилась 14-го числа месяца раби уль-авваль; согласно аль-Вакиди, это был четверг, 1 раби ас-сани 64 года, через 29 дней^[73] после сожжения Каабы. С другой стороны, Абу Михнаф говорит, что это произошло не раньше 15 раби ас-сани, а согласно Аване, осада продолжалась даже 40 дней спустя после смерти Язида. Самый короткий рассказ лучше всех. Согласно Аване, сначала Ибн аз-Зубайр получил эту весть, и сирийцы не хотели верить, пока не получили подтверждения из другого источника. Хусейн тогда вступил в переговоры с Ибн аз-Зубайром. Он был готов признать его халифом за неимением лучшего, если тот прекратит кровопролитие в Медине и Мекке и отправится с ним в Сирию, чтобы место правительства оставалось там. В конце концов Ибн аз-Зубайр согласился на первое условие, но не на второе и не мог этого сделать, не погубив себя. Поэтому переговоры были прерваны, и Хусейн удалился. Его солдаты, казалось, были обескуражены, потому что после смерти Язида у них не осталось имама и они не знали, за кого сражаться, настолько принесение клятвы верности сделало политическую ситуацию их личным делом. Говорят, что мединские Омейяды

отправились с ними в Сирию, потому что они уже не чувствовали себя в безопасности в Хиджазе, но сам Авана противоречит этому, как и аль-Вакиди с Абу Михнафом. Омейяды отправились туда не по собственной воле, а только когда Ибн аз-Зубайр изгнал их из Медины.

По Абу Машару, аль-Вакиди и Илье из Нисибина, Язид умер в Хуварине (недалеко от Дамаска) во вторник 14 раби уль-авваль 64 года, то есть во вторник 11 ноября 683 года^[74]. Как неправомерный наследник халифата, виновный в убийстве Хусейна и осквернении священных городов, он не пользуется любовью в памяти мусульман, хотя на самом деле не был деспотом; он предпочитал держать меч в ножнах, если только существовала такая возможность. Он положил конец долгой войне с византийцами. В чем его можно упрекнуть, так это в отсутствии энергии и интереса к государственным делам. Особенно для правителя он был в высшей степени к ним равнодушен, и потому для отца Язида обеспечить наследование сыну было трудным делом. Он лишь под принуждением принял участие в великом походе на Константинополь^[75] в 49 году от хиджры. Правда, позже в качестве халифа он, видимо, взял себя в руки, хотя и не отказался от пристрастий к вину, музыке, охоте и другим развлечениям. Феофан никому не посвящает столь же хвалебного отзыва в своем труде, как ему; его похвала исходит от сердца.

«Ты, бану умайя, последний из твоих правителей навечно упокоился в Хуварине. Судьба застигла Язида со стаканом у подушки и полным кувшином вина». Так пел Ибн Арада в Хорасане. Со смертью Язида мощь его дома, казалось, потерпела крах везде. Даже наместники его не поддерживали; Салму ибн Зияду в Хорасане и Убайдуллаху ибн Зияду в Басре принесли клятву верности, но ненадолго. В Сирии, по крайней мере в Дамаске, был признан назначенный Язидом преемник – его маленький сын Муавия II. При своем вступлении на престол он простил «всем провинциям своего царства» одну треть дани^[76], но умер после короткого царствования. Согласно Аване и аль-Балазури, о нем даже рассказывали, будто он отрекся от престола перед смертью, но аль-Вакиди ничего об этом не говорит. Вероятно, эта история связана с попыткой скрыть тот факт, что старшая ветвь династии Омейядов – Суфьяниды была незаконно оттеснена младшей, Марванидами. Эта попытка также объясняет, почему в некоторых старых записях Муавия II вообще не включается в список халифов, а Марван следует непосредственно за Язидом, как библейская летопись умалчивает о царстве Иевосфея и помещает Давида сразу после Саула.

По-видимому, еще при жизни Муавия II в Сирии начались беспорядки, к которым мы сейчас и переходим. Они возникли в племени кайс, которое жило преимущественно на севере провинции и в Месопотамии по обе стороны от Евфрата, в Киннесрине, Каркисии и Харране. Говорят, что только они из всех сирийцев отказались признать Муавию II. Они были разгневаны тем, что Язид и его сын отдавали предпочтение племени кальб, так как у них обоих матери были из кальбитов. Дядя Язида по материнской линии Хассан ибн Малик ибн Бахдаль аль-Кальби, занимавший влиятельное положение в государстве, был главной опорой Муавия II, в то время как его брат Саид был наместником в Киннесрине. То, что в их собственном городе ими правил кальбит, было невыносимо для кайситов, и они для начала изгнали его. Это произошло под предводительством Зуфара ибн аль-Хариса аль-Килаби, который прежде сражался за Ибн аз-Зубайра против армии Язида. Таким образом, он был зубайритом, а кайситы последовали за ним после того, как Ибн аз-Зубайра признали в соседнем Ираке, но партия Ибн аз-Зубайра одерживала успех и в других областях Сирии. Один только Ибн Бахдаль – обычно так сокращенно называют Хассана ибн Малика ибн Бахдаля – даже после смерти Муавия II поддерживал потомков его сестры. Чтобы быть ближе к Дамаску, он переехал из Палестины, которой управлял, в Аль-Урдун. С другой стороны,

наместник Эмеса, знаменитый Нуман ибн Башир аль-Ансари, признал Ибн аз-Зубайра, а также Натиль ибн Кайс аль-Джузами, который овладел Палестиной после того, как Ибн Бахдаль ее оставил. В имперской столице бразды правления находились в руках ад-Даххака ибн Кайса аль-Фихри. Его поведение было колеблющимся и двусмысленным, но, поскольку ему грозила опасность упасть с обоих стульев, на которых он пытался усидеть, он в конце концов был вынужден решительно заявить о своей поддержке Ибн аз-Зубайра.

Существуют разные версии того, как дальше разворачивались события вплоть до кровавого их разрешения при Мардж-Рахите. Согласно Аване, Омейяды, выгнанные из Медины, а также наместник Убайдулах ибн Зияд, бежавший из Басры, отправились в Дамаск, по-видимому после смерти Муавии II. Правивший там ад-Даххак скрывал свои истинные взгляды, ибо на самом деле он склонялся к Ибн аз-Зубайру, но ибн Бахдаль, глава кальбитов и йеменцев, сторонников Омейядов, вывел его на чистую воду. Он прислал письмо, которое полагалось прочесть вслух в мечети, где он перечислял заслуги Омейядов и предостерегал от лицемера Ибн аз-Зубайра. Ад-Даххак не обнаружил этого письма, но посланец – кальбит по имени Нагида – на такой случай привез с собой второй экземпляр, который сам и зачитал на еженедельном богослужении. Затем последовала сцена, которую называют «днем Джайруна»^[77]. Кайситы и кальбиты встали друг против друга в мечети. Сами Омейяды находились по обе стороны; аль-Валид ибн Утба ибн Абу Суфьян одобрил содержание письма; Амр ибн Язид ибн Хакам не одобрил. По окончании богослужения кальбиты сильно избили последнего, но ад-Даххак, с другой стороны, посадил в тюрьму подстрекателей, высказывавшихся против Ибн аз-Зубайра, но кальбиты их сразу же освободили; аль-Валиду ибн Утбе пришлось подождать, потому что у него не было племени, пока Халид и Абдуллах, два младших брата Муавии II, наконец не уговорили кальбитов его освободить. На следующий день ад-Даххак пожалел о своем поступке, извинился перед Омейядами и согласился отправиться вместе с ними в Джабию и там переговорить с ибн Бахдалем относительно того, чтобы выбрать кого-то из них халифом. И все же в последний момент, после протестов кайсита Саура ибн Маана ас-Сулами, он снова переметнулся и со своими последователями стал лагерем у Мардж-Рахита под Дамаском. Тогда он открыто объявил о поддержке Ибн аз-Зубайра, и большинство жителей Дамаска, а также йеменцев среди них последовало за ним. По его требованию эмиры

Эмеса, Киннесрина и Палестины, которые стояли за Ибн аз-Зубайра, прислали ему подкрепления. Омейяды отправились к ибн Бахдалю в Джабию. Они были разделены^[78]; против семьи Суфьянидов, которая до тех пор была правящей, выступала остальная часть очень многочисленного племени, которое в целом встало на сторону своего старого вождя Марвана ибн аль-Хакама. Ибн Бахдаль, доверенное лицо младших сыновей Язида, наконец позволил уговорить себя и объявил, что связывает свою судьбу с Марваном, но за ним должны были последовать Халид ибн Язид и затем Амр ибн Саид, чья семья тогда также выступила с претензиями и от нее пришлось откупаться. Затем Марван отправился к Мардж-Рахиту с кальбитами из Аль-Урдуна, сакасикистами, сакунитами и гассанитами. Пока враждующие армии стояли друг против друга, гассанит Ибн Аби Нимс овладел городом Дамаском и помог Марвану деньгами и оружием. Боевые действия при Мардж-Рахите продолжались 20 дней; наконец кайситы бежали, понеся страшные потери. Ад-Даххак пал, а с ним 80 знатных людей, которые носили почетные халаты (кати́фа) и получали пенсию в 2 тысячи дирхемов.

Помимо этого описания Аваны, у нас есть рассказ аль-Мадаини. Аль-Мадаини ничего не говорит о «дне Джайруна» и приводит совершенно другую версию рассказа о Марване, но в выводах полностью соглашается с Аваной. Когда Марван с

Омейядами из Медины приехал в Дамаск, его сначала переманил ад-Даххак на сторону Ибн аз-Зубайра, и он согласился лично принести ему клятву верности от имени сирийцев, но Амр ибн Саид, Убайдуллах ибн Зияд и два сакунита Малик ибн Хубайра и Хусейн ибн Нумайр уговорили его решиться на то, чтобы самому принять клятву верности. Когда ад-Даххак услышал об этом, он перешел на другую сторону, распрощался с Омейядами и предложил прийти в Джабию вместе с ибн Бахдалем и вместе с ним приступить к избранию халифа. Ибн Бахдаль пришел в Джабию с людьми из Аль-Урдуна; ад-Даххак и Омейяды вместе с людьми из

Дамаска отправились туда же. Однако в последний момент кайситы обратились к ад-Даххаку: «Ты призвал нас поклониться Ибн аз-Зубайру, халифу, признанному повсюду, а теперь пойдешь за этим кальбитом, чтобы поклониться своему племяннику?»^[79] Это привело к тому, что он переметнулся и открыто объявил о поддержке ибн аз-Зубайра и встал у Мардж-Рахита. Ибн Бахдаль и Марван отправились в Дамаск, где к ним присоединились йеменцы, а затем продолжили свой поход к Мардж-Рахиту. У них было 7 тысяч человек, у ад-Даххака – 30 тысяч; последовало сражение, и ад-Даххак с начальниками кайситов пал. Зуфар ибн аль-Харис сбежал в Каркисию, и после битвы при Хазире к нему присоединился Умайр ибн Хубаб ас-Сулами, который до того оставался верен Марвану.

И снова версия Абу Михнафа очень отличается от этой. Марван и Омейяды, выгнанные из Медины ибн аз-Зубайром, поехали не в Дамаск, потому что ад-Даххак правил там от имени ибн аз-Зубайра, но в Тадмор (Пальмиру), столицу и средоточие кальбитов; но Марван колебался, следует ли ему лично отправиться к ибн аз-Зубайру и просить выгодных условий, когда Убайдуллах ибн Зияд из Басры явился в Тадмор. Последний призвал Марвана принять клятву верности, в то время как Амр ибн Саид настаивал на том же и в то же время советовал Марвану жениться на вдове Язида. Таким образом, выяснилось, что Марвану поклонились в Тадморе, и затем 6 тысяч человек выступили против ад-Даххака. Ад-Даххак выступил навстречу ему в Мардж-Рахит, и туда же явились Зуфар ибн аль-Харис и другие приверженцы ибн аз-Зубайра. В битве ад-Даххак пал, его армия рассеялась; Зуфара спасли двое юношей, которые пожертвовали собой ради него, и впоследствии он утвердился в Каркисии. Натиль ибн Кайс бежал в Мекку. Когда Нуман ибн Башир получил известие о Мардж-Рахите, он ночью бежал с женой и ребенком из Эмесы, но его преследовали и убили сами жители города. После этого успеха Марван был признан во всей Сирии.

Аль-Вакиди занимает в некотором смысле промежуточное положение между Абу Михнафом и Аваной аль-Мадаини, и его рассеянные описания у ат-Табари рисуют примерно следующую картину. Поскольку Муавия, будучи при смерти, не пожелал назвать какого-либо преемника, в Дамаске временно принесли клятву верности ад-Даххаку – до тех пор, пока община Мухаммеда не придет к определенному согласию. Ад-Даххак хотел прибрать власть к своим рукам, но курайшиты вынудили его поклониться ибн аз-Зубайру, и Марван оказался у него в подчинении. По совету Хусейна ибн Нумайра он собирался сделать ставку на ибн аз-Зубайра, прежде чем тот проникнет в Сирию, когда, к счастью, Убайдуллах ибн Зияд явился в Дамаск и привел подкрепления Омейядам. Тогда Марван отправился в Джабию, чтобы присоединиться к ибн Бахдалю и йеменцам, и там принял клятву верности как старейший из Омейядов, потому что сирийцы не желали поклониться ребенку, а затем выступил с йеменцами на Дамаск. Кайситы потерпели поражение у Мардж-Рахита в конце 64 года от хиджры, понеся большие потери, чем любая армия когда-либо прежде.

Основные моменты, в которых отличаются эти версии, следующие. Только у Аваны и больше ни у кого нет «дня Джайруна», того дня, когда впервые вспыхнули волнения

в Дамаске. Хамаса устанавливает его без всяких сомнений. Абу Михнаф – единственный, кто говорит, что Омейяды, которые были изгнаны из Медины, отправились в Тадмор и были там встречены Убайдуллахом, в отличие от всех других, кто отводил эту роль Дамаску. Конечно же драма Джайруна в любом случае разыгралась в Дамаске, и там присутствовали некоторые Омейяды, но из описания не следует, что там была основная часть мединской семьи. Марван и Амр ибн Саид не упоминаются и не появляются там, где можно было бы ожидать. Несмотря на это, рассказ Абу Михнафа тем не менее стал по ошибке считаться общепризнанным, поскольку у него Тадмор занимает место не только Дамаска, но и Джабии. Он говорит, что признание Марвана, которое, вне всяких сомнений, состоялось в Джабии, произошло в Тадморе, возможно, потому, что Тадмор, а не Джабия был столицей кальбитов.

В частности, Авана не упоминает о внезапной перемене Марвана; только Абу Михнаф и аль-Вакиди говорят, что на него повлияло прибытие Убайдуллаха, но эти двое заслуживают большего доверия, поскольку с ними согласен и аль-Мадаини.

Согласно Аване и аль-Мадаини, ад-Даххак склонялся в сторону ибн аз-Зубайра с самого начала, даже если не показывал этого открыто; Абу Михнаф говорит, что он был просто эмиром ибн аз-Зубайра в Дамаске, но его потомки заявили аль-Вакиди, что это ложь, сказав, что он предпочел оставаться нейтральным, чтобы самому пробраться наверх, и признал ибн аз-Зубайра только под внешним давлением, и мы можем им поверить. Ад-Даххак, как и Муслим ибн Укба, вероятно, при Язиде оставался на том же положении, которое занимал при старом Муавии, правой рукой которого он был. После того как трон опустел, он стал временным регентом в Дамаске, но не смог удержать свое положение над сторонами и после долгого колебания наконец присоединился к кайситам и ибн аз-Зубайру. Отказаться от нейтралитета его вынудили, в частности, его старый соперник, а теперь еще более опасный противник, Хасан ибн Малик ибн Бахдаль, за спиной которого стояли кальбиты. Последние в течение некоторого времени в одиночку удерживали на высоте знамя Омейядов, например отстаивая права семьи Язида, которая была связана с ними браком. Мединские Омейяды не присоединились к нему в этом вопросе и не выдвинули вначале каких-либо претендентов из своего числа, поскольку полагали, что им придется заключить мир с ибн аз-Зубайром на любых условиях, хороших или плохих. Только из-за Убайдуллаха они изменили мнение, и теперь, когда тот указал Марвану, что у него не только есть выбор между несовершеннолетними сыновьями Язида и ибн аз-Зубайром, но он сам должен попытаться взять власть в свои руки, а единственным способом осуществить это было прийти к взаимопониманию с ибн Бахдалем, ибо тот был единственным человеком, в распоряжении которого находились крупные силы. Именно с этой целью и собралось совещание в Джабии, на котором, возможно, обещал появиться даже ад-Даххак, и в результате длительных переговоров оно привело их к задуманной цели. Это, безусловно, исторический факт, хотя Абу Михнаф о нем не упоминает, ведь без Ибн Бахдала просто ничего невозможно было сделать. В течение 40 дней он был имамом в Джабии, а также настоящим победителем Мардж-Рахита.

Более поздние авторы, особенно Дози, говорят о резкой вражде между кальбитами и кайситами, которая якобы существовала с незапамятных времен и не может быть прослежена до источника, но в доисламской традиции ничего этого нет. Дело в том, что вражды не существовало до завоевания Сирии мусульманами и переселения туда кайситов^[80]. Родословные различия между кудаа и кайс, конечно, имеют давнее происхождение, но только тогда они перешли в ожесточенную вражду. В первую очередь противоречия усилились по причине того, что вторые были коренными жителями Сирии, а первые лишь недавно обосновались там, но еще более из-за того,

что узами брака кальбиты были тесно связаны с правящим домом. Поэтому кайситы были полны зависти к ним, так как считали себя ущемленными. Именно они были виновниками вражды. После смерти Язида, когда Ибн аз-Зубайр занял видное положение, они присоединились к нему, а кальбиты остались верными Омейядам. Таким образом племенные различия соединились с высокой политикой; политические партии, которые первоначально не зависели от этнических групп, теперь в большой степени (если не полностью) затмили их собой. У Мардж-Рахита, как говорят старые песни об этом, сражались под началом ад-Даххака за Ибн аз-Зубайра бану сулайм, амир (хавазин) и зубьян (гатафан) – исключительно племена, принадлежащие к группе кайситов. За Марвана под началом Ибн Бахдаля сражались бану кальб и гассан, сакун и саксак, танух, тайи и кайн. Эта группа, чье ядро образовывали кальбиты^[81], главное племя кудаа, была намного более смешанной; ее иногда обозначают коллективным названием йеменцы, но подчинение кудаа йеменцам возникло недавно, и не все йеменцы в Сирии присоединились к кальбитам. Битва при Мардж-Рахите была решена в пользу кальбитов против кайситов, которые были в два или три раза сильнее, но это не положило конец раздору между кайситами и кальбитами, так как кайситами пришлось мстить за многих убитых. Только тогда между ними установилась глубокая и стойкая злоба, которую Дози совершенно неисторично считает своеобразным явлением, уходящим корнями в глубь веков. Каждый раз, когда кровожадная ненависть успокаивалась, она вспыхивала вновь, и вражда продолжалась еще долго после того, как политические мотивы исчезли и были забыты. В этом виновата битва при Мардж-Рахите, там следует искать ее роковое значение. Она принесла победу Омейядам и в то же время разрушила основу их мощи.

Марван принял клятву верности в Джабии в среду 3 зулькады 64 года от хиджры, то есть в среду 22 июня 684 года. После битвы при Мардж-Рахите (в конце 61 года) последовала вторая церемония более общего и торжественного характера в Дамаске в мухарраме 65 года, то есть июле или августе 684 года.

Не имея ни достоинств, ни собственной воли, Марван, будучи изгнан из Медины, добился престола в Дамаске. Вполне справедливо, что это казалось удивительным. Семейство Омейядов сохранило власть, но Суфьяниды были вытеснены Марванидами. Брак Марвана с Фахитой, вдовой Язида^[82], был скорее не союзом, а присвоением наследства. Этим он уязвил Халида ибн Язида, теперь своего пасынка, также Марван унижал его другими способами, умышленно и публично, и в конце концов даже взял назад свое обещание, данное ему в Джабии, сделать его наследником правления и устроил так, чтобы клятву верности принесли его сыновьям Абдул-Малику и Абдул-Азизу, чтобы второй мог быть преемником первого. Ибн Бахдаль не противодействовал этому вероломству, возможно, потому, что тем самым был отодвинут и Амр ибн Саид. По мнению арабов, в любом случае Халид к моменту предполагаемой смерти уже престарелого халифа был бы еще слишком юн, чтобы править, и власть тогда перешла бы к Амру, который считал, что ему ничто не угрожает, но Фахита отомстила за такое обращение с ее сыном и задушила его в постели. Так же и у аль-Вакиди.

Согласно ат-Табари, Марван умер в рамадане, и фактическая дата его смерти – первый день месяца; согласно Илье из Нисибина, это было в воскресенье 27 рамадана 65 года, то есть в воскресенье 7 мая 685 года. У ат-Табари его возраст указывается расплывчато между 61 и 81 годами. Феофан говорит, что он процарствовал девять месяцев; ат-Табари – девять или десять месяцев. Исидор говорит, что он умер через год, полный битв. Я прибавляю эти сражения к тем, что вел его сын и наследник Абдул-Малик, поскольку они были только началом и не везде легко провести четкий раздел.

Упорная борьба велась против Ибн аз-Зубайра, по крайней мере против тех провинций, которые признали его и в которых правили его чиновники. В то время сложилась такая же ситуация, как и после убийства Усмана; Сирия выступила против всего остального исламского мира, только правитель Сирии не был настолько уверен в своей провинции, как прежде Муавия. После Мардж-Рахита Палестина и Эмеса перешли на сторону победителей без лишних усилий, сдался и Киннесрин, но кайситы на Евфрате смело продолжали сопротивляться, их вождем был Зуфар ибн аль-Харис в Каркисии. Несмотря на это, Марван и Абдул-Малик с самого начала выступают в качестве противников ибн аз-Зубайра, которого в действительности могли больше волновать внутренние беспорядки, особенно в Ираке.

Египет был взят во времена Марвана, а также было отбито нападение младшего брата ибн аз-Зубайра Мусаба на Палестину^[83]; кроме того, была предпринята попытка овладеть Мединой, но провалилась. Марван отправил Убайдуллаха ибн Зияда в Месопотамию, чтобы первым продвинуться через этот плацдарм к Ираку, разрываемому религиозно-политическими распрями. Говорят, что он обещал ему наместничество над всей землей, которую он захватит, и санкционировал трехдневное разграбление Куфы. В начале этой кампании, когда Убайдуллах еще находился у моста через Евфрат у Манбиджа, произошла резня куфийских шиитов под предводительством Сулеймана ибн Сурада в Ресайне, через Хусейна ибн Нумайра, следующего по старшинству после Убайдуллаха, в пятницу 24 джумада 65 года от хиджры, то есть в пятницу 6 января

685 года. Борьба с Зуфаром и кайситами удерживала Убайдуллаха почти год. Затем он выступил на Мосул по обычной военной дороге в Ирак, как раз в то время, когда Мухтар уже захватил власть в Куфе, чей наместник отступил из Мосула в Тикрит. Затем он после тяжелого боя расправился с первым войском, отправленным против него Мухтаром 10 и 11 зуль-хиджи 66 года, то есть 9 и 10 июля 686 года, но вскоре был разгромлен вторым войском шиитов под началом Ибрахима ибн аль-Аштара в битве на Хазире в начале 67 года (август

686 года); сам он пал, как и Хусейн ибн Нумайр. Естественно, что кайситы тогда снова подняли голову в Каркисии и получили подкрепление от сородичей по племени во главе с Умайром ибн Хубабом, который до того служил в сирийской армии, но перешел на другую сторону в битве на Хазире или после нее. Усилия, на которые Убайдуллах потратил почти два года, оказались напрасными, и все пришлось повторять заново. Удачей для Абдул-Малика стало то, что Мусаб ибн аз-Зубайр, теперь наместник его брата в Ираке, был так измотан собственными шиитами и хариджитами, что не мог думать о каком-либо наступательном походе.

Прошло много времени, прежде чем Абдул-Малик снова взял на себя задачу, в которой потерпел неудачу Убайдуллах, а именно покорение Ирака, где Мусаб правил почти независимо от своего брата. У него было много домашних забот, потому что Натиль ибн Кайс, видимо, снова поднял восстание, но прежде всего византийцы нарушили мир и возбудили мардаитов в горах Аманоса против арабов. Мусаб не пал до 72 года от хиджры, а в 73 году закончилась междоусобная война. О промежутке между 67 годом от хиджры, когда пал Убайдуллах, и 72 годом есть лишь скудные сообщения. Это главным образом вопрос хронологии, которая по-прежнему остается очень спорной. В связи с этим мы должны помнить, что начало года по мусульманскому летоисчислению тогда приходилось на летнее время и действия, которые обычно прекращались зимой, таким образом делились на два года от хиджры, хотя почти всегда указывается только один год.

То, что Абдул-Малик в 67 году не вмешался в нападение Мусаба на Мухтара и не беспокоил иракцев, пока они занимались тем, что разрывали друг друга в клочки,

вполне понятно, ведь, по ат-Табари и Илье из Нисибина, в 68 году в Сирии был сильный голод, из-за которого невозможно было предпринимать никаких кампаний. Феофан также говорит об этом. Но аль-Мадаини опять не согласен и относит этот факт к значительно более позднему времени.

Илья и арабы относят то время, когда Абдул-Малик впервые начал военные действия против Мусаба, к лету 689 года нашей эры, или к 69/70 году от хиджры. Его лагерем, местом сбора его армии и исходной точкой для военных действий стал Бутнан-Хабиб в районе Киннесрина, как в тот год, так и в последующие^[84]. Мусаб же стал лагерем в Баджумайре около Тикрита^[85]. Это были пограничные пункты на большой дороге из Сирии в Ирак. Месопотамия занимала промежуточное положение, но больше находилась во власти Мусаба, чем Абдул-Малика, ибо даже кайситы на Евфрате стояли за Мусаба. Чтобы византийцы оставили его в покое, Абдул-Малик согласился пойти на большие уступки, но теперь в тылу ему угрожал Амр ибн Саид, который восстал в Дамаске, чтобы поддержать свои притязания на халифат. Они были признаны в договоре, заключенном в Джабии, но затем договор был вероломно нарушен. Абдул-Малик был вынужден развернуть войска и разобраться с этой опасностью. Он не жалел своего меча и расправился с врагами. Более того, он собственной рукой убил Амра, предательски и с чудовищной жестокостью. Предание относит эти события частично к 69 году, частично к 70-му, но нам не следует совершать ошибку, думая, что они произошли одновременно, в одно и то же лето. Предание также не знает, насколько далеко Абдул-Малик зашел в походе на северо-восток. По словам аль-Вакиди и Ильи, он вернулся из Айн-аль-Варды, то есть Ресайны; но, по словам аль-Вакиди, он еще не миновал Бутнан-Хабиба. Похоже, что и Авана придерживается последней точки зрения. По его словам, Абдул-Малик шел на Зуфара ибн аль-Хариса в Каркисию^[86], но вынужден был повернуть назад, потому что Амр ибн Саид, который сопровождал его до Бутнана, ночью еще с несколькими людьми тайно снялся с места, отправился в Дамаск и захватил город. Аль-Якуби приводит аналогичное описание.

В следующем, 70/71 году, то есть в 690-м, кампания возобновилась. На этот раз оба великих противника тоже не добрались друг до друга. Абдул-Малик в Басре поднял мятеж бакритов или рабиитов, так называемую Джуфрию, в то время как Мусаб продолжал вести боевые действия. Два приверженца – знатный Убайдуллах ибн Хурр аль-Джуфи из Куфы и свирепый Убайдуллах ибн Зияд ибн Забьян аль-Бакри из Басры, каждый в своих собственных интересах, участвовали в военных действиях против Мусаба и Зуфара, не столько из любви к Абдул-Малику, сколько из ненависти к последнему.

Результат был нулевой. «Абдул-Малик выступил против Мусаба, который расположился в Баджумайре у самого Бутнана на очень почтительном расстоянии от врага, и затем наступила зима, и оба возвратились домой» (ат-Табари). Можно было бы усомниться в том, не является ли это ошибочным повторением того, что уже случилось в 69/70 году. Есть мнение, что восстание, о котором упоминает ат-Табари применительно к 71 году от хиджры, уже произошло в 70 году. Аль-Вакиди, по-видимому, относит его к тому же времени, что и восстание Амра ибн Саида в Дамаске; в любом случае у него кампания 70/71 года не промежуточная, а последняя и решающая.

Таким образом, у нас получается только две кампании, но их недостаточно. Как мы увидим ниже, это результат обратного отсчета, но это же следует и из прямых свидетельств. О Мусабе в стихе тогдашнего автора говорится следующее: «Год за годом ты остаешься в Баджумайре; ты выходишь с нами в поле, и ничего не происходит». В другом стихе Баджумайра упоминается во множественном числе, то есть во множественном числе в смысле времени, а не места. Аль-Мадаини прямо

говорит о трех кампаниях в течение трех лет подряд. По его словам, Абдул-Малику посоветовали отдохнуть год после того, как он пробыл в поле два года, и вообще удовольствоваться Сирией, а проклятый Ирак оставить Мусабу, но он этого не сделал, и третий год решил в его пользу.

Это было лето 691 года, 71/72 года от хиджры. Большую его часть Абдул-Малик провел за покорением Месопотамии. После длительной осады Зуфар ибн аль-Харис капитулировал в Каркисии, а его сын Хузайль вынужден был пойти на военную службу. Исчерпывающий рассказ об этом содержится у Ибн аль-Асира, где упоминается также более ранняя, не имеющая решающего значения битва Абаны ибн Укбы ибн Муайта, наместника Эмеса, против Каркисии. Согласно этому рассказу, Зуфар не потерпел унижения перед армией кальбитов и кудаитов, но присоединился к халифу всецело по своей воле. Это, конечно, хвастливая выдумка кайситов, которой они также стремились смягчить свое собственное унижение. Помимо Каркисии, однако, нужно было подчинить и Ресайну, где Умайр ибн Хубаб продолжал сопротивляться, а после этого Нисибин, где до сих пор держались так называемые «палочники», вооруженные дубинками остатки приверженцев Мухтара. Они сдались и были зачислены в армию.

Прошло уже много времени, когда наконец случилось решающее столкновение между Абдул-Маликом и Мусабом. Местом действия стал монастырь Католикоса между Маскином, где стал лагерем Абдул-Малик, как когда-то Муавия, и Баджумайрой, где был главный штаб Мусаба. Месяц – джумада аль-уля или джумада ас-сани, но насчет года – 71-й или 72-й – есть сомнения. Аль-Вакиди и Илья указывают 71-й, а остальные – 72-й, и второй вариант, если рассматривать его с точки зрения вышесказанного, оказывается верным, исходя из того факта, что за победой Абдул-Малика в Ираке последовала отправка аль-Хаджжаджа в Хиджаз, которая, вне всяких сомнений, относится к 72/73 году^[87].

О ходе битвы есть несколько отчетов, или, если точнее, компиляций отчетов, и отношение их друг к другу вызвало необычайно продолжительную дискуссию. Исторически важные различия встречаются нечасто. Время перед сражением, когда армии стояли друг против друга на небольшом расстоянии в Маскине и Баджумайре, Абдул-Малик использовал для того, чтобы вступить в переписку с вражеским лагерем, как в аналогичной ситуации до него сделал Муавия на том же самом месте. Иракцы не испытывали большого желания воевать, как показывает стих, процитированный на с. 123. Им никогда не были привычны дисциплина и послушание, и жестокие междоусобицы последних лет никак не улучшили ситуации. Политическая и военная верность была им совершенно неизвестна, они хотели бы каждый день менять своих эмиров, как девушка своих поклонников. Им говорили, что они будут биться не просто за Ибн аз-Зубайра и его брата, но за независимость Ирака и что они не должны позволить голодным сирийцам завладеть их богатой и плодородной страной, но все было бесполезно. Лучшим войскам под началом аль-Мухаллаба пришлось покинуть Мусаба, чтобы защитить Басру от хариджитов. Среди его басрийских воинов большие подозрения вызывали рабииты, мятеж которых он был вынужден подавить год назад. Большую часть своей армии он привел с собой из Куфы, откуда выступил в поход. Куфийцы не испытывали к нему расположения, и партия знати призвала его только по соображениям необходимости, чтобы помочь им в борьбе против Мухтара; при этом многие ненавидели его именно за то, что он щедро проливал кровь сторонников Мухтара. Таким образом, перед Абдул-Маликом стояла легкая задача. Он воспользовался своим средством воздействия на куфийцев. Сохранившиеся до нас стихи тогдашних авторов выражают опасения о вероломстве куфийцев, а все войсковые командиры, по крайней мере те, которые упомянуты по имени, были исключительно куфийцами. Район Исфахана, который он обещал более чем одному человеку в качестве награды

за предательство, принадлежал Куфе, и там хозяйничали куфийцы. Мусаб не мог решиться на жесткую расправу с изменниками, с которыми Абдул-Малик состоял в переписке, и, несмотря на предупреждения, оставил их на своих постах. Человеком, который предостерег его и посоветовал предать их смерти, был Ибрахим ибн аль-Аштар, победитель битвы на Хазире. Он передал Мусабу полученное от Абдул-Малика письмо нераскрытым и заметил, что, вероятно, все командиры получили такие же письма, как он, но сохранили при себе. Он оказался единственным куфийцем, который сохранил верность, и в то же время самым выдающимся – ценное приобретение в подобной ситуации, достойный сын своего отца, победителя Сиффина. Его гибель в самом начале столкновения с врагом у монастыря предредила поражение Мусаба. Аттаб ибн Варка отступил вместе с конницей; остальные вожди и главы племен нагло отказались подчиняться командиру и вообще не вывели свои войска на поле боя. В конце концов он остался на поле едва ли не один, что само по себе необычно и делает битву примечательной. Чтобы понять ее ход, не обязательно разбираться в тактике и стратегии. После того как его сын, всего лишь мальчик, ведь его отцу было только 36 лет, погиб у него на глазах, сам он, уже раненный множеством стрел, был повержен куфийским сакифитом Зайдой ибн Кудамай с криком: «Это месть за Мухтара!» Убайдуллах ибн Зияд ибн Забьян отрубил ему голову.

После этой не слишком почетной победы Абдул-Малик вошел в Куфу, принял клятву верности от племен и назначил своих чиновников в только что покоренных провинциях. Он сорок дней стоял лагерем в Нухайле, в том самом месте, где стоял Муавия с сирийской армией. В течение этого периода он также отправил аль-Хаджжаджа ибн Юсуфа в Хиджаз против Ибн аз-Зубайра. Так говорит аль-Хайсам ибн Ади в анонимном труде, с ним согласен аль-Вакиди. Он утверждает, что после падения Мусаба аль-Хаджжадж был послан в Мекку с двумя тысячами сирийцев, и это было в месяц джумада, то есть в тот самый, когда произошла битва у монастыря, или на месяц позже, поскольку это название относится к двум месяцам. Год он указывает как 72 год от хиджры. Он фактически не может указать никакого иного года, ведь осада Мекки, по его словам, началась не раньше 72 года и продолжалась до 73-го. Но как тогда он может относить битву к 71 году? На основании фрагментов его сочинений, которые дошли до наших дней, эту загадку решить невозможно. Тесная связь событий в Ираке и Хиджазе бесспорна, поэтому 72 год также считается годом падения Мусаба.

По словам аль-Вакиди, аль-Хаджжадж наступал на Мекку не прямой дорогой, а сначала отправился в Таиф, куда прибыл в шабан, и пробыл там несколько месяцев. Оттуда он часто вступал в стычки с приверженцами Ибн аз-Зубайра на равнине Арафа, в которых почти всегда одерживал победу. Затем он обратился к халифу за разрешением напасть на святой город и в то же время запросил подкреплений. По приказу Абдул-Малика, к нему на помощь пришел Тарик ибн Амр, который занял Медину и изгнал из нее наместника Ибн аз-Зубайра. Согласно аль-Вакиди, осада началась 1-го числа месяца зуль-када 72 года, то есть 25 марта 692-го. Город и святилище забросали камнями. Началась страшная буря и пробудила религиозные чувства, но аль-Хаджжадж сумел их успокоить. Все больше народу покидало Ибн аз-Зубайра, и наконец все его сторонники сложили оружие и были помилованы сирийцами, причем среди них были даже его собственные сыновья. Но он, теперь уже 73-летний старик, устыдился этого и, попросившись с матерью, в одиночку пошел в последний бой и погиб. Согласно аль-Вакиди, это произошло через 6 месяцев 17 дней после начала осады, во вторник 17-го числа джумады аль-уля 73 года, то есть 18 сентября 692-го. День недели не совпадает. Согласно ат-Табари, месяц был не джумада аль-уля, а джумада ас-сани. Илья указывает понедельник 17 джумады, но в этом случае день недели тоже не совпадает.

Падение Мекки было всего лишь эпилогом; после убийства Усмана Хиджаз был безжизненной провинцией и не мог уже снова стать центром политической жизни. Несомненно, таково и было намерение Ибн аз-Зубайра, намерение, которого он не мог не иметь, учитывая, какое движение вывело его в первые ряды^[88]. В то же время он подчеркнул священный характер своего халифата тем, что не покинул святого места, в котором укрывался, даже когда перед ним был открыт весь мир. Однако следствием этого стало то, что в фитне, названной его именем, он сам находился на заднем плане; борьба вокруг него носила номинальный характер, он не принимал в ней участия и исход ее был решен без него. Даже в самой Аравии он в течение многих лет оказывал меньше влияния, чем хариджит Наджда. Наконец его нашли в доме, где он прятался, и заставили выйти наружу, и так закончилась великая фитна и снова был восстановлен джамаат.

Глава 4

ПЕРВЫЕ МАРВАНИДЫ

Однако бури в Ираке не затихли с окончанием долгой войны против Ибн аз-Зубайра; как мы увидим ниже, они продолжались на протяжении почти всего царствования Абдул-Малика. Также и в Сирии распри между кайситами и кальбитами приводили все к новым беспорядкам. Конечно, Зуфар ибн аль-Харис в Каркисии сложил оружие в тот год, когда пал Мусаб, но не положил конец племенной вражде, которая длилась дольше великой войны. Чтобы рассмотреть этот вопрос во всей его полноте, мы должны вернуться в Мардж-Рахит. В этой яростной битве самые сильные потери понесли кайситы, и, по представлениям арабов, они должны были возместить свои потери за счет победителей; им было за что мстить, и именно они были агрессорами, тогда как кальбиты лишь нанесли ответный удар. На стороне кайситов главные роли сыграли амириты и сулаймиты вместе с ганитами и бахилитами в той мере, в какой эти племена обосновались в Северной Сирии и Южной Месопотамии, по обе стороны от Евфрата. На стороне кальбитов выступали остальные кудаиты, но только кальбиты, по-видимому, предприняли военные действия. Источники одиночных и порой далеко отстоящих друг от друга «дней», в которые затяжная вражда шла своим чередом, — это связанные с ними старинные песни и повествования, которые сохранили для нас Ибн аль-Асир и «Китаб аль-Агани», Хамаса и аль-Мадаини. Рассказы в основном довольно достоверны, хотя порой в них отсутствует связность и хронология, но у нас есть достаточно нитей, чтобы сплести из них приемлемо упорядоченную картину.

Вражда, по «Китаб аль-Агани», была начата Зуфаром ибн аль-Харисом аль-Килаби в Каркисии, вождем амиритов, совершившим внезапное нападение на поселение кальбитов в Мусайяхе и убившим двадцать из них. Кальбиты во главе с Хумайдом ибн Хурайсом ибн Бахдалем отплатили им тем, что убили 60 нумайритов, которые жили среди них в Тадморе. В этой связи Зуфар, как утверждается, убил пятьсот или даже тысячу кальбитов в день Иклиль и после этого подвига спасся целым и невредимым в Каркисии, и Хумайд не смог до него дотянуться. Однако в другом месте нападение в Иклиль приписывается не Зуфару, а Умайру ибн Хубабу, вождю сулаймитов, который с тех пор предстает в явной роли истинного мстителя кальбитам за кайситов. Зуфар был удален от кровной вражды в результате великой войны между Сирией и Ираком за халифат, первым подвергнувшись нападению Абдул-Малика, которые он, как мы видели, выдерживал несколько лет, сторожа путь по Евфрату для Мусаб, от которого он зависел.

Появление Умайра дает отправную точку для хронологии, поскольку в битве на Хазире он был в сирийской армии и присоединился к Зуфару не раньше того

момента, то есть не раньше 67 года. Указывается довольно много «дней», в которые он совершал возмездие, названные в честь разных мест Самавы. У Каабы Хумаид едва спасся от него на своем быстром жеребце, и кальбиты, которые жили в области, на которую он совершал набеги, наконец покинули эти места и на некоторое время переселились в долину Иордана в Палестине.

Затем Умайр снова вернулся через Евфрат и поселился со своими сулаймитами на Хаборасе. Именно благодаря этому христианское племя таглиб, чьи тамошние поселения простирались до Тигра и за его пределы, вступили в контакт с кайситами и пришли к Зуфару с просьбой, чтобы он повелел сулаймитам освободить Хаборас, поскольку они посмели посягнуть на их землю и вызвали раздоры. Зуфар не сумел этого сделать, и тогда между таглибитами и сулаймитами возникла вражда. Зуфар сделал все возможное, чтобы смягчить ее, поскольку он не хотел отдавать таглибитов в объятия сирийцев, но Умайр, ответственный за это несчастье, сделал прямо противоположное. Он обманул Мусаба, изобразив перед ним, будто бы таглибиты, будучи христианами, подозреваются в симпатиях к сирийцам, и сумел получить разрешение действовать против них от имени правительства Ибн аз-Зубайра, ничем не ограничивая своей враждебности. В Макисе или Макисине он устроил страшную резню. Мы также узнаем, что Зуфар оказался вовлеченным в борьбу вообще против своей воли. Последовало много внезапных нападений и набегов, которые, также упомянутые в песнях аль-Ахтала, происходили на Хаборасе и Балихе, на Сарсаре и в районе Тигра. Хуже всего главным образом приходилось таглибитам, но у Хашака на реке Сарсар, которая впадает в Тигр с юга, недалеко от Тикрита, они, безусловно, вышли победителями, убили Умайра в 70 году от хиджры и отправили его голову Абдул-Малику в Дамаск. Но тогда Зуфар, оказавшись вынужденным отомстить за Умайра, нанес таглибитам тяжелый удар недалеко от города Кухайль на Тигре и казнил 200 пленников, попавших в его руки. Затем великие события 71 и 72 годов, происходившие в Месопотамии, положили конец кровавой, но менее значительной войне и спасли таглибитов.

Однако вражда между кальбитами и кайситами впоследствии снова вспыхнула в другом месте. Хумаид ибн Хурайс ибн Бахдаль, бывший вождь кальбитов в войне с Умайром, воспользовался возможностью заставить фазаритов в самой Аравии – их штаб находился к востоку от Медины – искупить на Евфрате преступления сулаймитов и амиритов, которым он не мог причинить вреда. Эти фазариты до сих пор не принимали никакого участия в войне, но они также принадлежали к большой группе кайситов, и некоторые из них, представители старого аристократического рода, который поселился в Куфе, во всяком случае оказывали помощь Зуфару и Умайру. Хумаид велел Халиду, сыну халифа Язида, чья бабушка была кальбиткой, подготовить для него мандат на имя Абдул-Малика, которым ему поручалось собрать налог на скот с определенных племен. Уже как полномочный представитель правительства он затем прошел через пустыню с гигантской конницей из кальбитских родов абдвудд и улайм и дал фазаритам, которые и были его истинной целью, почувствовать на себе его силу. Под пустячным предлогом он совершил против них чудовищные акты насилия; некоторые были ранены и убиты, особенно в месте под названием Ах. Тогда те, кого это коснулось, обратились с жалобой к Абдул-Малику, который дал им возмещение за пролитую кровь и затем посчитал, что сделал для них достаточно. Они взяли деньги, но купили на них оружие и лошадей и снарядились для мести. Затем они застали кальбитов врасплох в их лагере у колодцев Банат-Кайн в Сарнаве и убили 19 человек из абдвуддитов и 50 из улаймитов. Абдул-Малик пришел из-за этого в ярость и приказал своему наместнику аль-Хадж-жаджу призвать фазаритов к ответу, после чего два главных преступника сдались добровольно и этим предотвратили надвигающуюся на их племена катастрофу, и кальбиты удовлетволялись их казнью. Нападение у Банат-Кайна –

самый знаменитый «день» во всей войне между кайситами и кальбитами. Аль-Хадждадж был уже наместником Медины, когда это произошло (73 и 74 годы от хиджры), и причину этого, а именно резни в Ахе, невозможно отнести к намного более раннему периоду^[89]. Поэтому предположение, которое встречается во всех версиях повествования, о том, что два враждующих брата – Бишр и Абдул-Азиз, сыновья Марвана, находились в Дамаске в день Банат-Кайна и даже после него, является ошибочным; один долго был наместником Куфы, другой – наместником Египта. В лучшем случае они могли приехать ко двору лишь на короткое время.

Вражда между сулаймитами и таглибитами имела еще одно последствие, когда споры из-за халифата закончились и в государстве давно уже восстановился мир. Поэт аль-Ахталь снова разбередил старые обиды, когда при дворе Абдул-Малика стал похвально доблестью своих сородичей таглибитов перед сулаймитом Джаххафом ибн Хукаймом, который при Умайре сам участвовал в боях с таглибитами. Тогда Джаххаф поступил точно так же, как до него кальбит Хумайд. Он ухитрился получить мандат на свое имя, которым он назначался сборщиком налога в области проживания месопотамских таглибитов и бакритов, и в этой официальной должности отправился в Месопотамию с немалой конницей кайситов. По дороге он раскрыл перед ними свои истинные намерения, а именно пролить как можно больше таглибитской крови, и в заключение сказал такие слова: «У вас есть выбор между адом, если последуете за мной, и позором, если нет». Они предпочли ад позору и последовали за ним, внезапно атаковали таглибитов в 73 году от хиджры у Бишра (или Рахаба) и устроили ужасную резню. Во время нападения они также убили сына аль-Ахталя и захватили его самого, но отпустили, потому что приняли за слугу. После этого Джаххаф бежал на территорию византийцев. По ходатайству кайситов Абдул-Малик разрешил им вернуться через довольно продолжительное время, но ему пришлось выплатить возмещение таглибитам за кровопролитие у Бишра. Так как у него не хватало на это денег, он попросил человека, в то время чрезвычайно влиятельного среди кайситов, а именно аль-Хадждаджа, выступить от его имени и выплатить необходимую сумму, что аль-Хадждадж, несколько раз ответив отказом, в итоге все же согласился сделать. В конце концов Джаххаф стал набожным и вместе со своими соучастниками в качестве покаянного наказания, продев в носы кольца, отправился в паломничество в Мекку, где с отчаянием вымаливал себе прощение.

Мы видим, что арабы в сирийских и месопотамских степях не изменились даже в новых условиях. Ни ислам, ни христианство не мешали им ставить на первое место интересы своего племени и месть. Они предпочитали ад позору, а угрызания совести испытывали, лишь когда уже было слишком поздно. Их поведение отличалось даже еще большей жестокостью, чем раньше, когда они были язычниками и жили в родных землях, и они расправлялись с человеческими жизнями в еще более массовом и жестоком порядке. Они безжалостно убивали пленниц, притом что такого обычая не существовало в самой Аравии, но его засвидетельствовал в Сирии пророк Амос. Даже после того, как борьбе за власть был положен решающий конец и восстановился мир, перед воротами самой столицы, на глазах у самого халифа и порой даже под предлогом его повеления продолжали твориться варварские дела.

Второе жерло межплеменной вражды разверзлось далеко на Востоке. В Басре была напряженность между тамимитами и рабиитами возросла из-за переселения племени азд уман, которое имело место в последние годы царствования Муавии и при Язиде I. Рабииты объединились с аздитами, а тамимиты, с другой стороны, присоединились к кайситами, так что сформировались две крупные группы, и в городе разгорелась вражда в период междоусобицы после смерти Язида. Наместнику Убайдуллаху ибн Зияду пришлось бежать; Масуд ибн Амр, вождь аздитов, намеревался занять его пост и хитростью захватил крепость и мечеть с

помощью аздитов и рабиитов, но, когда он стоял на возвышении в мечети, туда ворвались тамимиты, сорвали его вниз и убили. Теперь должна была неминуемо последовать кровная месть за убитого вождя племени, но мудрый вождь тамимитов, старый Ахнаф, сумел восстановить мир, выплатив огромную денежную компенсацию. Однако ненависть между сторонами никуда не исчезла и снова прорвалась в Хорасане, тогда басрийской колонии, куда племенные связи перешли из самой Басры. Там конфликты всегда вспыхивали с новой силой, сначала между тамимитами и рабиитами, потом, после того как на хорасанскую сцену также вышли аздиты через аль-Мухаллаба, между мударитами (тамимитами и кайситами) и йеменцами (аздитами и рабиитами). Двойственность восточных групп наконец соединилась с двойственностью западных, в основном по вине кайситов, которые были равным образом представлены и на западе, и на востоке и при каждом столкновении слипались, как смола и сера. Они пытались поглотить другие противоборствующие стороны и поляризовать весь арабский мир.

Эта тенденция также ослабила правящие круги, остаться от нее в стороне было довольно сложно. Что было делать наместнику, когда кайситы предъявляли на него претензии как на свою собственность! Если он отвергал их, он лишался их поддержки и падал между двумя стульями. Даже сановники при дворе Абдул-Малика вставали на ту или другую сторону, иногда даже со страстью, в соответствии с тем, к какой стороне они принадлежали по материнской линии.

Фактически в то время политическая идея ислама – единство и солидарность общины Мухаммеда – сделала обратный ход. Ее урожденными представителями были курайшиты, которые по праву стояли над племенами и не участвовали в междоусобной вражде. Конечно, правящим курайшитами, племени умайя, пришлось броситься в объятия кальбитов в Сирии, чтобы удержать свое влияние в соперничестве с кайситами, которые стояли на стороне Ибн аз-Зубайра, но, невзирая на все это, кровные отношения связывали их с кайситами^[90], и потому им было проще занимать среднее положение. Абдул-Малик, сознавая свое преимущество, попытался держаться над сторонами, и, после того как кайситы перестали ему противодействовать, он стал относиться к ним с добром и пытался с ними примириться. Зуфар ибн аль-Харис и его сыновья Хузайль и Кавсар после него были в числе самых знатных и высокопоставленных людей при дамаском дворе^[91]. Кальбитами, естественно, такое положение дел было не по нраву, но их упрек к Абдул-Малику в том, что он недостаточно проявлял свою благодарность по отношению к ним, фактически был ему панегириком. Утверждение, что он перешел от кальбитов к кайситами, представляет факты в совершенно ложном свете. Даже позднее мы находим вокруг него людей, по-прежнему пользующихся влиянием в группе кальбитов, например самого Ибн Бахдаля и Рауха ибн Зинбу. Абдул-Малик действовал так, как его обязывало к тому положение халифа и политика. Омейяды опирались на сирийцев, с их помощью они подчинили все мусульманское царство и с их же помощью его удерживали. Их власти над государством придет конец, если распадется сама ее основа, а именно если в Сирии возникнет раскол. В то время Хорасан еще оставался на заднем плане, и раскол в этом отдаленном регионе пока что почти не влиял на центр. Но в Сирии дело обстояло по-другому. Идеей, что они должны держаться вместе с династией, чтобы сохранить собственное положение, не могли пренебрегать даже сами сирийские арабы. Она работала против племенного раскола; другие провинции были покорены; их собственной стране принадлежала власть; даже материальные интересы, сопутствующие обладанию халифом и правительством, придавали им чувство политической солидарности, которая в основном находила свое выражение в те моменты, когда они как имперские войска должны были сражаться с внутренними и внешними врагами монархии, для чего им представлялось предостаточно возможностей.

Чтобы еще больше усилить политическое превосходство Сирии, была предпринята попытка перенести туда и центр религиозного культа. Мотивом для этого стал тот факт, что главное святилище – Мекку – почти 10 лет занимал Ибн аз-Зубайр и потому она была почти недоступна для сирийцев, если они оставались верными своей династии. Абдул-Малик воспользовался этим в качестве предлога, чтобы категорически запретить любые паломничества в Мекку своим подданным и настоять на том, чтобы они вместо этого совершали паломничество в Иерусалим. По крайней мере, так сообщает Евтихий в «Анналах»^[92]. Нет никаких сомнений, что Абдул-Малик прилагал все усилия, чтобы придать Иерусалиму еще большее величие в качестве объекта поклонения мусульман, ибо предание о том, что именно он был основателем иерусалимского Купола скалы, удостоверяется надписью, которая до сих пор сохранилась в самой старой части здания. Конечно, сейчас ее строителем там объявлен Мамун из династии Аббасидов, но де Вогюэ заметил, что это имя сфальсифицировано. Прежняя дата осталась без изменений, и первоначальный смысл слов можно с уверенностью восстановить следующим образом: «Слуга Божий Абдул-Малик, эмир правоверных, построил эту Куббу в 72 году». В Иерусалиме Сирия владела единственным местом на земле, которое могло соперничать с Меккой. Это была святая святых, святыня не только для иудеев и христиан, но и первых мусульман. Мухаммед придал Мекке ее статус лишь позднее по причине своевременного компромисса с арабским язычеством. Халиф Умар почтил Иерусалим своим визитом и таким образом возбудил зависть иракцев. Сам Муавия именно там был впервые провозглашен халифом и по такому случаю молился на Голгофе, в Гефсимании и у гробницы Марии. Тем не менее Абдул-Малик, как только его перестали ограничивать пределы Сирии, отказался от своего замысла поставить Иерусалим на место Мекки – если такой замысел вообще был у него. Для всей общины пророка это казалось безнадежно недоступным^[93]. Но, с другой стороны, позднее Абдул-Малик предпринял еще одну попытку усилить привлекательность Сирии для религиозных паломников за счет Медины. Еще до него Муавия в 50 году от хиджры уже предпринимал некоторые предварительные попытки перенести минбар пророка из Медины в Сирию, но, так как возникли общие беспорядки и померкло солнце, Муавия отказался от замысла и сказал: «Я только хотел посмотреть, не потратил ли его жучок». У Абдул-Малика был тот же план, но хранитель печати убедил его отказаться от намерения. О его сыне аль-Валиде I говорят, что он сделал еще одну подобную попытку, но тоже напрасно. Омейядам ни к чему было питать такое же уважение к Медине, как к Мекке. Город часто проявлял враждебность по отношению к ним и в конце концов вообще выгнал их за свои стены, после чего они затаили на него злобу. Абдул-Малик, видимо, даже иногда назначал туда наместников, будучи в гневе: среди них особой подлостью прославился махзумит Хишам ибн Исмаил (назначенный в 82 году от хиджры).

С самого начала отношения Абдул-Малика с исламом отличались от отношений его предшественников. Он родился и воспитывался в исламе, более того, он вырос в самом городе пророка, где ревностно хранили предание, которому пророк положил начало и которое продолжилось с историей теократии, и сделали его предметом гильдии профессионалов. В юности он сам испытывал глубокий интерес к этим благочестивым вопросам и даже мог считаться хафизом^[94]. С восшествием на престол, как говорят, он изменился. Конечно, с той поры он начинает все подчинять политике и даже подвергает Каабу угрозе разрушения. Но также из политических соображений он остерегался задевать чувства своих верующих подданных так же беспечно, как это сделал Язид; он понимал эти чувства гораздо лучше, чем Язид, и потому лучше знал, как их пощадить. Влияние на него имел благочестивый Раджа ибн Хайва аль-Кинди, о котором мы ниже скажем подробнее^[95]. Абдул-Малик приказал казнить человека за то, что тот отверг Мухаммеда и заявил, что он сам

пророк. Согласно Евтихию, он даже хотел объединить церковь Святого Иоанна в Дамаске с близлежащей к ней мечетью, но все же, подумав о христианах, воздержался. У нас недостаточно материала, чтобы оценить его дальнейшие отношения с подданными-христианами, но в любом случае христианство не внушило ему предвзятого отношения к таглибитам и их поэту аль-Ахталю. Резня свиней в Сирии, о которой упоминает Феофан применительно к 6186 году от Сотворения мира, несомненно, была вызвана враждебным отношением к христианам, но не халиф был его причиной.

Там, где ислам совпадал с арабизмом, он был удобен для правителя и его легко было поставить на службу государству. После того как Абдул-Малик одержал верх над своими противниками, он возобновил священную войну с византийцами, которая затихла почти на 15 лет^[96]. Юстиниан II потерпел поражение при киликийской Себасте, или Себастополе, в 73 году от хиджры, который начался в конце мая 692 года нашей эры. Главнокомандующим Абдул-Малика был его брат Мухаммед ибн Марван, наместник Месопотамии и Армении, который также руководил ведением войны в Малой Азии и Армении. Как во времена Муавии, каждый год против византийцев велась крупная и мелкая кампании, и, даже если они не добивались результатов, они по крайней мере были полезной школой для сирийских и месопотамских арабов, для которых они были постоянной муштрой. Мерой, связанной с возобновлением военных действий против византийцев, которая удовлетворяла и религиозным, и национальным интересам, было преобразование денежной системы, предпринятое Абдул-Маликом. Аль-Балазури рассказывает о ней следующее. К византийцам из Египта шла бумага, а с другой стороны, к арабам от византийцев шли золотые динары. На листах бумаги прежде были христианские надписи и изображение креста в качестве водяных знаков, но при Абдул-Малике их заменили стихом из Корана «Скажи: Он – Бог – один». Византийцы угрожали ответить на это чеканкой на динарах оскорбительных для пророка изречений, так что арабы тогда стали сами чеканить золото. Абдул-Малик положил этому начало в Дамаске в 74 году от хиджры, а аль-Хаджжадж начал чеканить серебро в Куфе в конце 75 года. До той поры хождение имело греческое золото и персидское серебро и некоторое количество монет Химьяритского царства (с аттической совой). Аль-Вакиди, более того, говорит, что Абдул-Малик начал чеканить серебряные драхмы и золотые динары не раньше 76 года от хиджры, но если верно утверждение Феофана, что отказ Юстиниана II от дамаских золотых монет стал причиной возобновления войны между мусульманами и византийцами, тогда датировку аль-Балазури следует сместить скорее вперед, а не назад. Новые монеты чеканились во имя Аллаха и несли на себе изречения из Корана, с провозглашением Его абсолютной власти и всемогущества Его Посланника^[97]. Арабы, разумеется, чеканили золотые и серебряные монеты и до Абдул-Малика, но по византийскому и персидскому образцу. Более того, представляется, что Муавия пытался сделать то, что удалось сделать Абдул-Малику, потому что, согласно сирийцу Нельдеке, Муавия чеканил золотые и серебряные монеты, но их не принимали, потому что на них не было креста. Даже на золотые монеты Абдул-Малика сначала смотрели с подозрением, особенно в Медине, потому что они весили столько же, сколько старые потертые динары^[98].

Аналогичной попыткой обрести большую независимость от иноземного влияния было введение арабского языка в государственных учреждениях, например в казначействе, так как стабильность администрации в большой степени опиралась на финансы. До той поры официальные дела и счета в Дамаске велись на греческом, в Куфе – на персидском языке. Согласно аль-Балазури, переход на арабский, видимо, начался в Куфе. Заданфаррух ибн Пири или его сын Марданшах был последним персидским служащим. Его помощник Салих ибн Абдуррахман предложил

аль-Хаджжаджу вести расчеты по-арабски и справился с этим делом сам, хотя выражение дробей причинило ему немало хлопот, потому что в Куфе, по-видимому, не пользовались цифрами. Аль-Балазури также указывает любопытную причину, почему правительственные учреждения в Дамаске стали «арабизироваться». Из-за проступка, совершенного греческим служащим, Абдул-Малик решил перевести все, связанное с управлением, на арабский язык. Получивший назначение Сулейман ибн Саид завершил работу за год и получил в награду годовую подать с аль-Урдун, которая составила 180 тысяч динаров. Греческая и персидская системы, конечно, сохранились, поменялся только язык, и, несомненно, имевшиеся греческие и персидские чиновники, знакомые с арабским языком, тоже остались на своих местах. Салих ибн Абдуррахман, который инициировал эту перемену в Куфе, сам был иранцем из Систана, но, чтобы суметь перевести греческое и персидское делопроизводство на арабский язык, нужно было знать все три. В Дамаске даже при Абдул-Малике грек Сергей продолжал занимать влиятельное положение, которое занимал при Муавии и Язиде. Феофан, который приписывает замену официального государственного языка с греческого на арабский сначала аль-Валиду I^[99] (6199 г. от Сотворения мира), говорит, что арабам пришлось сохранить греческие цифры и что их нотариусы оставались христианами, и, более того, христианские тайные советники во времена Аббасидов, когда и была написана эта хроника, были как никогда влиятельными, могущественными и ненавидимыми. Кроме того, арабы обычно считались непригодными для подсчета налогов и податей и по другим причинам, помимо простой нехватки формальных знаний.

Создается впечатление, что Абдул-Малик поставил правительство на несколько иную основу и в других областях. Оно определенно стало техническим и иерархическим, хотя и далеко не в той степени, в какой это позднее произошло с администрацией Аббасидов. Некоторые высокие должности впервые упоминаются при Абдул-Малике, хотя, конечно, это не обязательно значит, что они не существовали раньше, но по меньшей мере можно уверенно сказать, что ему уже не подходил титул «протосимболос», «первый советник», титул, который качественно соответствовал первым халифам. Со своими чиновниками Абдул-Малик обращался строго, почти грубо, даже с высокопоставленным и заслуженным аль-Хаджжаджем, к которому он относился совсем не так, как Муавия относился к Зияду. Даже с видными людьми, которых он, по старому обычаю, собирал в свое общество и в свой совет, он не общался так же свободно, как Муавия, кому с его духовным превосходством это было вполне по силам. Прославленное дружелюбие регентов Суфьянидов, которое в их случае, как у старых арабских сеидов, было скорее приобретенной добродетелью, чем присущим качеством, не было характерным ни для него, ни для его преемника, ибо он выказал себя строгим повелителем.

Когда речь заходила о его халифате, Абдул-Малика не сдерживали никакие соображения. Своего двоюродного брата Амра ибн Саида, который предъявлял претензии на халифат, он убил практически собственными руками, а смерть его собственного брата Абдул-Азиза, который был против того, чтобы сыновья Абдул-Малика стали его преемниками, лишила халифа необходимости убирать с дороги и его. Что касается остального, то он отдал своим родственникам из бану умайя большую долю власти по сравнению с той, которой они пользовались при его предшественниках. Начать с того, что практически все наместничества находились в их руках. В Египте и Африке правил Абдул-Азиз, возможно в силу завещательной договоренности старого Марвана, который настоял, чтобы ему принесли клятву верности как наследнику после Абдул-Малика. Мухаммед ибн Марван получил Месопотамию и Армению, важное и ответственное место, так как оттуда велись войны с византийцами. Куфу, а потом Басру Абдул-Малик доверил Бишру ибн Марвану, тогда еще юноше, а до того Басрой управлял другой Омейяд, а именно

Халид, правнук Асида. При дворе, с тех пор как Омейяды переселились вместе с Марваном из Медины в Дамаск, они находились в гораздо большем числе, чем прежде; даже Халид, сын халифа Язида, играл там некоторую роль. Абдул-Малик хотел возместить ему за несправедливое отстранение от наследования и поэтому приблизил его к себе и отдал ему в жены дочь. Сам он женился на дочери Язида, которую звали Атика, и она стала его любимой женой и часто позволяла себе им помыкать.

Многочисленные исторические анекдоты об этом самом знаменитом халифе династии Омейядов собраны в анонимном сочинении под редакцией Альвардта. Они позволяют нам лучше познакомиться с ним и сообщают множество разнообразных интересных сведений, например о поместьях, в которых по очереди жил Абдул-Малик в зависимости от времени года, о его женах и родственниках, о его повседневных делах и о том, какое внимание он уделял образованию сыновей, о его предпочтениях и слабостях, недостатках, например запахе изо рта, и его прозвищах. Он рано состарился и умер в Дамаске в возрасте 60 лет, в четверг 14 шавваля (9 октября 705 года).

Абдул-Малика называют «отцом царей», потому что четверо его сыновей стали правителями после него и только два последних халифа из династии Омейядов не были его прямыми потомками. Его брат Абдул-Азиз, наместник Египта, был назначен его преемником и, соответственно этому, принял клятву верности. Абдул-Малик всеми способами пытался принудить его отказаться от претензий, чтобы иметь возможность оставить царство собственным наследникам, но все было тщетно; Абдул-Азиза не удалось ни запугать, ни задобрить. К счастью для халифа, однако, брат умер раньше его, и преемником стал старший сын Абдул-Малика аль-Валид I. При нем арабские воины получили новый импульс: после долгой осады они взяли Тиану и выступили в великий поход на сам Константинополь. Начался второй период великих завоеваний, в результате которых были покорены Мавераннахр и Испания. Наконец воцарился мир, и аль-Валид сумел насладиться плодами трудов своего отца. Он последовал по его стопам и крепко держался за ненавидимого всеми наместника Востока, а именно аль-Хаджжаджа, который в какой-то мере направлял решения халифов, которым служил. Он придавал большую важность тому, чтобы выглядеть как настоящий господин и повелитель. Считается, что он был первым халифом, который стал выставлять свое величие напоказ. Ему приписывают слова, которые напоминают нам крылатое выражение «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». Он продвигал ислам как религию империи, но, возможно, имел с ним и более глубокие отношения. Он положил конец преследованиям благочестивцев в Медине со стороны наместника Хишама ибн Исмаила, назначив вместо него своего двоюродного брата Умара ибн Абдул-Азиза, человека, по натуре склонного к изучению Писания, он решительно настаивал на том, что все должны знать Коран, хотя, к огорчению отца, уже не говорил на старом арабском языке, на котором написана Священная книга. Он осуществил план, который задумал еще его отец, но, как говорят, отказался от его исполнения, а именно отобрал у христиан в Дамаске церковь Святого Иоанна, расширив при этом примыкавшую к ней главную мечеть, и отреставрировал ее во всем великолепии в 84 году от хиджры. Он снял позолоченный медный купол с христианской церкви в Баальбеке и водрузил его на мечеть в Иерусалиме над священной скалой, а также полностью перестроил мединскую мечеть. Конечно, этим самым он раздосадовал благочестивых, как и тем, что, произнося в ней речь в 91 году от хиджры, он не встал, а остался сидеть, как привык делать дома. Он имел склонность к всевозможному строительству, а также к проектированию и обустройству загородных усадеб, и этим увлечением он заразил свое ближайшее окружение. Аль-Хаджжадж снабдил его индийскими буйволами для болотистой местности у залива Иссос. Но аль-Валид

заботился и о нуждающихся и оделял дарами прокаженных, слепых и хромых, так что им больше не нужно было просить милостыню. Больше всего выгоды он принес сирийцам, и они считали его наилучшим из всех своих халифов. Трудно поверить, что он встал на сторону кайситов против кальбитов в Сирии, ведь у него не было такой необходимости и об этом не сообщают старые историки. Из их сочинений мы не можем сделать вывод, что его мать Баллада была кайситкой или что кайсит аль-Хаджжадж был его правой рукой. Более поздние авторы склонны собирать всех действующих лиц либо в одну категорию, либо в другую, и Дози следует их примеру. Аль-Валид умер в середине джумады ас-сани 96 года, в субботу, в возрасте примерно 40 лет. На субботу приходилось 13-е число джумады ас-сани (23 февраля 715 года)^[100].

Ирак, который в этот период тоже был ареной, где творилась настоящая история ислама, во времена халифата Абдул-Малика и аль-Валида много лет находился под властью сакифита аль-Хаджжаджа ибн Юсуфа ибн Хакама, который уже часто упоминался и который впервые продемонстрировал свои достоинства в Мекке и Медине. Когда его вызвали в Ирак, его ожидали там трудные задачи. Провинцию до самого ее сердца сотрясали беспорядки, и не только из-за длительной борьбы за халифат. В Куфе крупное восстание связанных с мавали шиитов под предводительством Мухтара, конечно, было подавлено, но оно оставило тлеющий след в умах людей. Басра еще не избавилась от хариджитов, которые годами угрожали ей у самых ее ворот; Мусабу не хватило сил с ними справиться. Они ослабили его в борьбе с сирийцами, потому что из-за них он должен был оставить для защиты Басры своих лучших воинов. Когда Абдул-Малик одолел его и он погиб вдали от города, на Тигре, аль-Мухаллаб воевал с азракитами. Он оценил сложившийся расклад сил и сдался на милость победителя, который воздал ему по заслугам. Но сановники-Омейяды, которых он, будучи наместником, послал в Ирак, оказались годными разве что занимать синекуры. Халид ибн Асид, который явился в Басру, отстранил аль-Мухаллаба, сначала взяв на себя руководство войной с опасными фанатиками, а затем доверив ее брату. Результатом стало суровое поражение имперских войск, и халифу пришлось вмешаться, чтобы восстановить аль-Мухаллаба в прежнем положении, которое принадлежало ему по праву. Но ему не принесло большой пользы то, что он сместил Халида и передал Басру также своему брату Бишру, находившемуся в Куфе, тщеславному юноше, который не придумал ничего лучшего, кроме как изгнать своего предшественника, и ревновал к аль-Мухаллабу, потому что тот получал приказы прямо от халифа, а не от него. Исполняя высшие повеления, Бишр, конечно, послал ему в подкрепление куфийские войска, но откровенно настаивал на том, чтобы их командир подчинялся не аль-Мухаллабу, и это была не его вина, если аль-Мухаллаб не позволил принудить себя согласиться на это и лишь покачал головой в ответ на приказ глупого мальчишки. К счастью, Бишр умер в 74 году от хиджры, и затем Абдул-Малик, к радости аль-Мухаллаба, отправил в Ирак аль-Хаджжаджа, куда тот прибыл в начале 75 года. Таково в главных чертах повествование Абу Михнафа у ат-Табари.

Аль-Хаджжадж начал свою карьеру в Куфе со вступительной речи, которая не менее знаменита, чем речь его соотечественника и предшественника на посту Зияда в Басре. Рассказ у ат-Табари исходит от Умара ибн Шаббы (согласно Абу Гассану и аль-Мадаини). Незвестный и неприметный молодой человек вышел на помост и, казалось, долгое время не мог подобрать слов. Кто-то из присутствующих взял пригоршню гравия^[101], чтобы бросить в него, но камни тихо выскальзывали из его руки каждый раз, как беспомощный оратор открывал рот. Первой обязанностью нового наместника было восстановить дисциплину в гарнизонах Куфы и Басры, которые восприняли смерть Бишра как сигнал самовольно покинуть лагерь

аль-Мухаллаба в Рамхормозе. Им надоело так долго находиться на поле боя, далеко от жен и детей, когда они привыкли к безбедной жизни дома. Аль-Хаджжадж сразу же объявил куфийцам: «Всякий отступник, который осмелится показать свое лицо в городе в течение трех дней, лишится жизни и имущества», и столь ясно выраженная угроза оказалась действенной. Таким же образом, каким он заявил о себе в Куфе, он затем заявил о себе и в Басре и с таким же успехом. Те, в чьи обязанности это входило, перебросили мост через Тигр, чтобы вернуться в Рамхормоз, и сам он сопровождал их до общего лагеря в Рустакабаде, где в месяце шабана 75 года ему пришлось подавить восстание, которое разразилось из-за сокращения выплат. Тогда освободилось предостаточно средств для войны с азракитами, хотя, по существу, прошло два года, прежде чем они были полностью уничтожены.

Азракиты на востоке еще не были подавлены, когда в начале 76 года другие хариджиты подняли мятеж на западе Ирака. Они были известны тем, что в основном принадлежали к *одному* племени – гордому бану шайбан, ветви бану бакр, которое незадолго до того покинуло свои прежние места на правом берегу Евфрата, в пустыне в окрестностях Куфы и Басры, и поселилось в Северной Месопотамии^[102]. Их самым знаменитым и самым опасным вождем был Шабиб ибн Язид, который со своей молниеносной конницей оказывался сразу везде и нигде. В 76 году он перебрался из Месопотамии в Ирак, разгромил несколько отрядов, высланных против него аль-Хаджжаджем, и фактически подошел к воротам столицы. Он предпочитал действовать на классической площадке старых хариджитов, в области Джукха у Нахравана и в горах к северу от него. После довольно продолжительного пути в горах Азербайджана, в течение которого многие стеклись под его знамена, Шабиб ибн Язид во второй половине 77 года от хиджры выступил на юг, располагая значительными силами, и попытался осуществить решительное нападение на Куфу. Для борьбы с ним объявили общий призыв, но он обратил в позорное бегство все куфийское войско. Собственные ресурсы аль-Хаджжаджа были исчерпаны, и он оказался вынужденным обратиться к халифу с просьбой прислать сирийские войска, они прибыли в последнюю минуту и отразили удар Шабиба, который затем отошел в Джукху, но вскоре снова отступил оттуда в далекий Керман, крепость азракитов. Сделав оттуда вылазку, он столкнулся с высланной против него сирийской армией при Дуджайле в окрестностях Ахваза и утонул при попытке отступления через реку в конце 77 года (весной 697 года). Сирийцы спасли Куфу, но ниже мы увидим, как дорого пришлось заплатить за их помощь.

В 78 году, после устранения хариджитской угрозы на востоке и западе Ирака, аль-Хаджжадж также добился покорения Хорасана и Систана. Он пожаловал провинцию Хорасан победителю азракитов – аздиту аль-Мухаллабу, чьи заслуги там уже получили признание. Аль-Мухаллаб оставался в Хорасане до смерти (в конце 82 года) и передал власть по наследству своей семье и племени.

В Систан аль-Хаджжадж послал Убайдуллаха ибн Абу Бакра, видного басрийца из известной сакифитской семьи, потомком которой был также Зияд ибн Абихи. В 79 году Убайдуллах предпринял кампанию против Зунбиля, который задерживал уплату дани, в Кабулистане и Забуле. Зунбель заманил его вглубь страны и затем напал с тыла, и лишь с огромными потерями, особенно куфийского контингента, Убайдуллаху удалось пробиться и вернуть свою армию назад в жалком состоянии. Он умер вскоре после 79 или 80 года от хиджры. Систан нуждался в опытном воине в качестве наместника, и аль-Хаджжадж выбрал на этот пост гордого куфийца из рода старых царей Кинда, Абдуррахмана ибн Мухаммеда ибн аль-Ашаса, который находился в соседнем Кермане^[103], и усилил его многочисленным войском куфийцев и басрийцев, хорошо оплачиваемых и великолепно снаряженных, так называемой «армией павлинов».

Таково было положение, когда в иракской армии возник мятеж против аль-Хаджжаджа, мятеж, который стал тяжелым потрясением для всего Омейядского халифата. Ат-Табари отдает предпочтение красочному и подробному рассказу Абу Михнафа, который находился довольно близко от места действий. Рассказ в анонимном труде, тоже весьма подробный, опирается на другие источники. Абдуррахман, обычно называемый Ибн аль-Ашас в честь его деда, взялся за дело иным способом, нежели его предшественник, и предпринял не вылазку, а полноценную военную кампанию. Он занял населенные пункты, которые захватил, и ввел почтовую службу, чтобы обеспечить сообщение. Покорив часть страны, он сделал паузу на некоторое время, чтобы его воины успели привыкнуть к характеру окружающей обстановки, и сообщил об этом аль-Хаджжаджу. Но тот, как всегда скорый на действия и нетерпеливый, резко ответил ему и в письмах неоднократно настаивал на том, чтобы Ибн аль-Ашас немедленно продолжил наступление или сдал командование своему брату Исхаку. Тогда Ибн аль-Ашас собрал вместе командиров, поведал им о содержании писем и в конце сказал: «Если вы хотите наступать, то я буду наступать; но если не хотите, то и я не буду». Иракцы ненавидели аль-Хаджжаджа; перспектива тяжелой, изматывающей войны в далеких землях внушала им отвращение, и они были бы рады любой возможности вернуться домой, так что Ибн аль-Ашас был уверен в их ответе. «Мы не подчинимся врагу Бога, который, словно фараон, принуждает нас воевать в далеких странах, чтобы мы никогда не увидели ни жен, ни детей; добыча всегда принадлежит ему; если мы победим, захваченная земля достанется ему; а если погибнем, тогда он от нас избавится». Все они принесли клятву верности Ибн аль-Ашасу, рассчитывая, что он прогонит аль-Хаджжаджа, и самыми яростными из них были йеменцы из Куфы, к которым принадлежал и сам Ибн аль-Ашас^[104]. Его братья, однако, были не на его стороне.

После заключения мира с Зунбилем, когда наместник был назначен в Буст и Заранг, главные города Систана, армия в 81 году двинулась дальше, собирая по пути новых солдат из Куфы и Басры, которые находились в гарнизонах в провинциях. Достигнув Фарса, они увидели, что невозможно отделить аль-Хаджжаджа от Абдул-Малика, поэтому они отвергли и второго и поклялись в верности Ибн аль-Ашасу, готовясь выступить против халифа и сирийцев. Ибн аль-Ашасу не было нужды формировать события; его подгоняли против его воли, и, даже если бы он хотел, он не смог бы изгнать опасных духов, которых разбудил сам. Как будто лавина неслась с гор, сметая все на своем пути.

Аль-Мухаллаб в Хорасане не присоединился к этому движению. Как говорят, он посоветовал аль-Хаджжаджу не идти против течения и не атаковать иракцев, пока они не доберутся до дому, ведь как только они окажутся дома с детьми и женами, их неуязвимости сразу придет конец^[105]. Аль-Хаджжадж, однако, не последовал его совету, но со своими сирийскими солдатами, к которым присоединились поспешно присланные Абдул-Маликом подкрепления, пошел против мятежников. На старом поле боя в Дуджайле, недалеко от Тустара и Рустакабада, произошла первая стычка, когда Ибн аль-Ашас перешел реку и одержал победу вечером 10 зуль-хиджи 81 года, то есть 25 января 701-го. Победленные бежали в Басру, преследуемые победителями, которые беспрепятственно вошли в город, где их приняли с распростертыми объятиями. Но аль-Хаджжадж укрепился на окраине Завии, и к нему присоединились некоторые сакифиты и курайшиты. Он был твердо намерен скорее погибнуть, чем сдаться.

Целый месяц его сирийцы под началом кальбита Суфьяна ибн аль-Абрада^[106] выдерживали атаки иракцев, которые разбили лагерь в Хурайбе, и наконец нанесли им решительное поражение в мухарраме 82 года (начале марта 701). Вследствие этого Ибн аль-Ашас отправился с куфийцами^[107] в Куфу,

фактический центр восстания, куда со всех сторон стекались иракские гарнизонные войска из провинций. В качестве своего представителя в Басре он оставил курайшита Абдуррахмана ибн Аббаса аль-Хашими, который продолжил борьбу, но только в течение нескольких дней, так как большая часть басрийцев получила прощение от аль-Хаджжаджа и позволила ему войти в город. В начале месяца сафара 82 года (середине марта 701) аль-Хаджжадж смог выступить в поход на Куфу, Ибн Аббас аль-Хашими держался с фланга с теми басрийцами, которые не пожелали сложить оружие.

В Куфе офицер из Мадаина по имени Матар ибн Наджъя ат-Тамими опередил Ибн аль-Ашаса, выгнал сирийский гарнизон и захватил цитадель. Он с неохотой подчинился Ибн аль-Ашасу, принеся присягу только под принуждением, после того как хамданиты штурмовали цитадель и взяли его в плен. Это могло также быть причиной, почему Ибн аль-Ашас оказался вынужденным ускорить свой поход из Басры, но он уже одержал верх над своим противником, прежде чем аль-Хаджжадж пошел за ним. Аль-Хаджжадж перешел через пустыню по правому берегу Евфрата и встал в Дайр-Курре недалеко от Куфы, где легко было наладить сообщение с Сирией, которое обеспечивалось только через Айн-Тамр и Фалалидж. По арабскому обычаю мятежники-иракцы вышли из города и разбили укрепленный лагерь недалеко от Дайр-Джамаджима^[108], напротив сирийцев, в начале раби уль-авваль 82 года (середина апреля 701 года). Говорят, что их было 100 тысяч человек и столько же слуг. Несколько месяцев происходили ежедневные стычки, но ни одного решающего сражения. Абдул-Малик стал проявлять нетерпение, он послал новую сирийскую армию под началом своего брата Мухаммеда и сына Абдуллаха^[109], но в то же время велел предложить иракцам заключить мир, если они сдадутся. Он обещал повысить им пенсион до размера сирийского; отозвать аль-Хаджжаджа и даровать Ибн аль-Ашасу любую провинцию по его выбору на всю жизнь. Но, несмотря на уговоры вождей, они не желали соглашаться и снова отвергли Абдул-Малика, будучи уверенными, что у сирийцев скоро кончатся припасы. Однако они ошиблись. Сирийцы упорно держались, и они сами вышли из борьбы после того, как она продлилась сто дней. В середине джумады ас-сани 82 года (в конце июля 701 года) они оставили поле боя без какой-либо уважительной причины; их энтузиазм не отличался той долговечностью, которая была свойственна дисциплине противника. Один из их вождей бежал от Суфьяна ибн аль-Абрада, который снова почти добился решительной победы, и это вызвало подозрения в измене и общую панику. Ибн аль-Ашас не смог остановить бегство; аль-Хаджжадж подстегнул его уже опробованным в Басре способом, провозгласив, что гарантирует прощение всем, кто вернется в свои дома и гарнизоны, и запретив сирийцам преследовать их. Таким образом он добился своей цели без особого кровопролития и смог войти в Куфу победителем, где принял присягу от тех, кто сложил оружие. Им также пришлось признать, что своим мятежом они отказались от ислама, однако тех, кто не пожелал купить жизнь ценой такого самоунижения, оказалось совсем немного.

Однако многие иракцы, рассеянные у Куфы, воссоединились в других местах. Ибн аль-Ашас тогда отправился назад в Басру, которую для него снова завоевал курайшит Убайдуллах ибн Абдуррахман аль-Абд-Шамси, но не остался там надолго, а вернулся в Маскин у Дуджайля^[110]. С многочисленным войском, которое стекалось к нему со всех сторон, он снова выступил против преследовавшего его аль-Хаджжаджа в шабана 82 года (сентябре или октябре 701 года). Борьба была долгой и упорной, и, по ат-Табари, ее в конце концов решило то, что сирийский конный отряд во главе с ветераном, прекрасно разбиравшимся в характере местности, окружил иракцев, пройдя через болота и атаковав их ночью. Они бежали через Дуджайль, потеряв больше утонувшими, чем погибшими от меча.

Ибн аль-Ашас затем продолжил отступление на восток. Сирийцы, преследуя его под началом Умары ибн Тамима аль-Лахми, дважды замечали его, в Сусе и Сабуре, но ему повезло скрыться от погони и через Керман, где он пробыл значительное время, добраться до Систана (в конце 82 или начале 83 года). Его наместник в Заранге закрыл ворота перед ним, а наместник в Бусте даже взял в плен, чтобы передать аль-Хаджжаджу. После этого его освободил Зунбиль, который поклялся предоставить ему убежище в случае необходимости и который отвез его с большим числом сопровождающих в Кабул и оказал ему большие почести. Между тем, однако, другая толпа иракцев последовала за своим сбежавшим вождем, собралась в Систане под началом уже прославленного курайшита Убайдуллаха ибн Абдуррахмана аль-Абд-Шамси и Абдуррахмана ибн Аббаса аль-Хашими и призвала его назад. Он пришел, взял столицу Заранг и наказал своего неверного наместника, но, когда против его воли его же войска из страха перед сирийцами, которые наконец прибыли под началом Умары, вошли на территорию Хорасана, думая, что там на них не нападут, он воспользовался возможностью, чтобы вернуться к Зунбилю, и бросил их в трудном положении. Они поставили во главе хашимита Ибн Аббаса, взяли город Герат и убили тамошнего ставленника Язида ибн аль-Мухаллаба, который в конце 82 года стал преемником своего отца. Таким образом, последний был вынужден, хотя и очень неохотно, выступить против них и рассеял их после короткого боя, в котором в его руки попало несколько видных воинов. Тех из них, кто происходил из родственного ему йеменского племени, он освободил; остальных послал аль-Хаджжаджу, обосновавшемуся в новой резиденции в городе Басит, который тогда еще только строился (в 83 году от хиджры), и аль-Хаджжадж устроил над ними кровавую расправу. Так рассказывает Абу Михнаф, но версия аль-Мадаини немного отличается.

Сирийский военачальник Умара тем временем стал повелителем Систана, после того как дал остаткам иракских мятежников, которые оставались там, возможность сдаться на благоприятных условиях. Только сам Ибн аль-Ашас по-прежнему представлял опасность. Аль-Хаджжадж угрозами и посулами пытался уговорить Зунбиля передать ему своего протеже, и наконец это ему удалось, когда он предложил Зунбилю простить дань за 7 или 10 лет. За все это аль-Хаджжадж получил не живого врага, а только его отрубленную голову. Как рассказывают, Ибн аль-Ашас либо умер еще раньше, либо совершил самоубийство. Это произошло в 84 или 85 году.

Хронология этих событий не вполне ясна. Некоторые дни и месяцы все же сумели накрепко врезаться в память рассказчикам, например, битва при Тустаре, по общему согласию, произошла в день Арафа в конце года, в который начался мятеж, а мухаррам следующего года уверенно называется как время битв при Басре, месяцы раби и джумада – битв при Куфе, а шабан – битвы при Маскине^[111], но в том, что касается года, предания расходятся между собой. Я следовал той хронологии, согласно которой мятеж произошел в 81 году, битвы при Басре, Куфе и Маскине пришлось на 82 год, а битвы в Систане и Хорасане – на 83 год. Другая хронология датирует все эти события годом позже, а именно 82, 83 и 84 годами^[112], в каковом случае смерть Ибн аль-Ашаса в 84 или 85 году произошла сразу же после подчинения Систана сирийцами. Но это лишь видимое преимущество, потому что между этими событиями вполне могло пройти более длительное время. С другой стороны, немаловажно, что совпадающие предания относят приход Ибн аль-Ашаса в Систан еще к 80 году, сразу после чего он предпринял кампанию против Зунбиля, и именно во время этой самой кампании он узнал об оскорблении аль-Хаджжаджа, которое и заставило его взбунтоваться. Поэтому мятеж никак не мог начаться раньше второй половины года после 80-го. Нужно также учитывать, что пленников доставили из Герата в Васит, когда этот город еще строился, о чем говорится вполне

однозначно. Но в 83 году от хиджры его все еще занимал аль-Хаджжадж, а в 84 году он по крайней мере там жил. Таким образом, битвы в Систане и Хорасане вполне могли иметь место в 83 году, но не в 81-м. К сожалению, мы не можем выяснить ничего определенного из неоднократного упоминания дней недели, потому что они не согласуются ни с датами в 81—82 годах, ни в 82—83-м^[113].

Альфред фон Кремер показал восстание Ибн аль-Ашаса в новом свете, которым ему удалось ослепить и других, например А. Мюллера и Г. ван Влотена. А именно он связал его с попыткой мавали, то есть обращенных в ислам неарабов Куфы и Басры, добиться равных политических прав с правящей знатью, то есть арабами, освобождения от налога на подданных и выплаты пенсий, которые до тех пор организовывались исключительно господствующими арабами. Чтобы предотвратить сокращение государственных доходов, что не могло не произойти в результате включения в число освобожденных от налогов и получающих пенсию мусульман-неарабов или даже уже произошло, аль-Хаджжадж (как он говорит) снова наложил подушную подать на многочисленных мавали, перешедших в ислам, — подать, которую они, будучи мусульманами, по праву не должны были бы долее выплачивать, и именно поэтому возникло острое недовольство.

«Аль-Хаджжадж повелел, чтобы те, кто принял ислам, — весь огромный класс новых мусульман, выплачивали подушную подать, как до принятия ислама, и эта мера привела к чудовищному восстанию новообращенных и их клиентов^[114]. Многие жители Басры, в частности, приняли в нем участие, бывалые воины, клиенты и чтецы Корана. Рассказывают, что из этих мятежников 100 тысяч были включены в перечень ежегодных выплат и, таким образом, говоря современным языком, принадлежали к ополчению, и к ним присоединилось еще столько же.

Аль-Хаджжадж разгромил мятежников^[115] и велел раз и навсегда разогнать весь класс клиентов, так чтобы они уже никогда не смогли сформировать твердую оппозицию. Он послал за ними и сказал: «Вы жалкие чужаки и варвары, лучше бы вам оставаться в своих деревнях». Потом он отдал приказ разделить их по деревням и решительнейшим образом разогнал их партию, и, чтобы никто не смог уехать из деревни, в которую его поселили, каждому на руке поставили клеймо с названием его деревни». Так рассказывает Кремер в *Kulturgeschichte des Orients* и *Kulturgeschichtlichen Streifzügen*. Главным образом он опирается на рассказ аль-Джахиза в его книге о мавали и арабах, который цитируется в «Аль-Икд аль-Фарид» Ибн Абд Раббиха^[116].

Нет никаких сомнений, что падение Мухтара не положило раз и навсегда конец восстанию новообращенных и что аль-Хаджжаджу пришлось решать проблемы, связанные с переходом в ислам, которые касались политического положения и налогообложения новообращенных. Кроме того, известно, что в действительности восстание Ибн аль-Ашаса уходит корнями в Куфу, как и восстание Мухтара^[117]. Однако в первичных источниках нет даже намека, что в своих тенденциях это было всего лишь продолжение восстания Мухтара. Мавали не задавали в нем тон, хотя, безусловно, их среди восставших было много. Абу Михнаф рассказывает, что в лагере в Дайр-Джамаджиме находилось 100 тысяч арабских бойцов (мукатила), имеющих право на пенсию, и столько же мавали, но они, по всей видимости, следовали за своими арабскими господами. У арабов было в обычае брать с собой своих подопечных, если таковые были, на поле боя, чтобы они бились пешими, тогда как сами арабы бились верхом: аналогичная система существовала между рыцарями и слугами в Средние века, так что сам факт, что мавали принимали участие в восстании, еще ни о чем конкретно не говорит. Они вполне могли преследовать собственные интересы в борьбе против сирийского правления, которое образовывало хребет арабизма, но все же они играли в ней лишь второстепенную роль; восстание началось не в их среде, а в иракской «армии павлинов» в Систане, к

которой присоединились гарнизоны других провинций и перед которой столицы Куфа и Басра открыли свои ворота. Самые выдающиеся и знаменитые арабы приняли в нем участие, главы родов, такие как Ибн аль-Ашас аль-Кинди, Джарир ибн Саид ибн Кайс аль-Хамдани, Абдул-Мумин ибн Шабас ибн Риби ат-Тамими; Вистам ибн Масала ибн Хубайра аль-Бакри; курайшиты, как Мухаммед ибн Саад ибн Абу Ваккас, Убайдуллах ибн Абдуррахман аль-Абд-Шамси, Абдуррахман ибн Аббас аль-Хашими; ученые, как кади аш-Шааби и историк Мухаммед ибн Саиб аль-Кальби, друг Абу Михнафа. Упоминается имя только одного из мавали – богатого Файруза Хусейна из Систана, которого, вероятно, следует отождествлять с сыном Сибухта. Арабская аристократия взбунтовалась против властного и высокомерного поведения представителя государственной власти – низкородного аль-Хаджжаджа. «Бог и гордость Ибн Мухаммеда (Ибн аль-Ашаса) и его происхождение от царей старше Самуда запрещают нам подчиняться власти жалких негодяев, выроdkов рабов^[118]. Сколько предков Ибн аль-Ашаса носили венец на гордом челе! Дом чести и славы лежит между Мухаммедом (Ибн аль-Ашасом) и Саидом (Ибн Кайсом), между Ашаджем и Кайсом^[119]; хамданиты и киндиты идут под их стягом. Нет другого Кайса, как наш Кайс, нет другого Саида, как наш». В этих словах поэт аль-Аша аль-Хамдани выражает чувства господствующих кругов. Арабские роды, армейские полки, следовали за своими командирами, и тем более охотно, что они особо ненавидели долгую военную службу и гарнизоны в отдаленных районах страны и всегда тосковали по дому. Особенно многочисленно были представлены йеменцы из Куфы, хамданиты и мазхиджиты. Они составляли большинство в Куфе и считали Ибн аль-Ашаса своим, но другие роды, в том числе басрийские, тоже не были исключены. Самое страстное и яростное участие принимали в этом чтецы, а также благочестивые знатоки Корана и священнослужители. Во всех подобных случаях они оказывались в первых рядах и на словах, и на деле^[120], ибо в теократии несправедливость правящей власти и право на мятеж против нее всегда должны были иметь санкцию религии. Но фактически восстание под предводительством Ибн аль-Ашаса не имело религиозных мотивов. Оно скорее было новой и отчаянно мощной попыткой иракцев сбросить сирийское ярмо. Аль-Хаджжадж сделал это ярмо еще более нестерпимым для них тем, что держал в стране сирийских солдат, которых вызвал против Шабиба, не столько в качестве защиты от внешних врагов, сколько от внутренних. Его солдаты были воплощением иноземного правления^[121]. Иракскому ополчению приходилось довольствоваться скудной пенсией и за нее поддерживать сирийцев. Их отправляли в походы и гарнизоны в далеких землях, тогда как сирийцы оставались в своих домах со своими семьями. Следовательно, в характере борьбы ошибиться невозможно. Это было выступление не мавали против арабов, а иракцев против сирийских арабов. Это было соперничество двух провинций Арабского государства, которые всегда были соперниками, и иракские элементы, из какого бы источника они ни происходили, держались вместе во время борьбы. Кроме того, сирийские имперские войска чувствовали себя сплоченными в чужой земле. Конечно, по своим предпочтениям они принадлежали к кальбитам и кадаитам; прозвища «акк» и «ашар», по-видимому, были оскорбительным подражанием их варварскому выговору. У ат-Табари они называются коптами и набатейцами.

Результатом стало то, что военное правление сирийцев в Ираке стало еще более заметным. В 83 году от хиджры аль-Хаджжадж построил укрепленный город Васит на полпути между Куфой, Мадаином, Ахфазом и Басрой и перенес туда правительство. Туда же он перевел основной корпус сирийских солдат под тем предлогом, чтобы помешать им совершать предосудительные поступки в гражданских кварталах Куфы и Басры. Но главная причина, скорее всего, состояла в том, что он хотел изолировать их от иракцев^[122] и сконцентрировать вокруг себя,

чтобы иметь их под рукой в качестве послушного орудия. Он перенес резиденцию из общего квартала в военный, тем самым доказав, что чувствует себя в этой стране как в окружении врагов. Он вырвал правительство из патриархальной почвы, на которой оно выросло, и открыто пересадил его на военную силу. Если Омейяды хотели сохранить власть над Ираком, иного пути у них не было.

После падения Ибн аль-Ашаса весь Восток лежал у ног аль-Хаджжаджа не сопротивляясь. Только мухаллабиды в Хорасане все еще поднимали голову. Они опирались на свое племя, бану азд уман, которое через них попало в Хорасан, и там, как в Басре, азд и рабия сформировали единую группу (йеменцев), а тамим и кайс – другую (мударитов). Вождем мухаллабидов и йеменской группы был правящий наместник Язид ибн аль-Мухаллаб. Конечно, он подчинялся аль-Хаджжаджу, но тот, по-видимому, не обладал полномочиями отстранить его, какие бы убедительные причины тот ни давал ему для этого. Весьма неохотно он стал разбираться с приверженцами Ибн аль-Ашаса в Герате и потом снова проявил милосердие к захваченным главарям мятежа, по крайней мере к йеменцам. Он отложил приказ об изгнании мятежных кайситов, которые обосновались в Термезе (рядом с Балхом) под началом Мусы ибн Абдиллаха, считая, что, пока они остаются опасными, аль-Хаджжадж оставит его в покое и не поставит на его место кайсита. Он не подчинился неоднократным вызовам в Васит, но отговаривался неотложными делами, и, только оказав сильное давление на самого халифа, аль-Хаджжадж в конце концов смог в 85 году получить разрешение его сместить. Аль-Хаджжадж посадил его в тюрьму и постепенно избавился и от его брата, но это ему удалось только после смерти Абдул-Малика (в 86 году).

Абдул-Малик проявил себя поистине господином и повелителем аль-Хаджжаджа; аль-Валид I, которого тому не терпелось увидеть халифом, дал аль-Хаджжаджу свободу действий и даже в своей собственной сфере правительства уступал ему и интересовался его пожеланиями. По настоянию аль-Хаджжаджа он лишил Умара ибн Абдул-Азиза поста, который сам ему пожаловал, потому что при его правлении Хиджаз начал превращаться в убежище для политических преступников, особенно религиозных смутьянов. В 89 или 91 году Халид ибн Джарир ибн Абдуллах аль-Касри прибыл в Мекку. В 93 или 91 году Усман ибн Хайян аль-Мурри прибыл в Медину. Оба они с большим рвением принялись за чистку подозрительных лиц. При аль-Валиде аль-Хаджжадж пожинал плоды упорных трудов, которые он совершал при Абдул-Малике. В Ираке установился мир. Он воспользовался им, чтобы залечить раны, которые 20-летняя война нанесла благосостоянию страны. Он был не менее прекрасным повелителем, чем аль-Валид. Он уделял внимание мелиорационным системам, от которых зависело плодородие болотистых земель в низовьях Тигра и Евфрата^[123], и посреди главного болотистого района он заложил свой город Васит. Он попытался сдержать обезлюдение пойменных земель, которое происходило из-за отека жителей в большие города. Говорят, что он также запретил крестьянам забивать волов, чтобы сохранить их для пахоты. Он вел войны только с внешними врагами и, надо сказать, с большим успехом. При нем Кутайба ибн Муслим аль-Бахили, преемник мухаллабидов в Хорасане, завоевал Маверраннахр, а Мухаммед ибн аль Касим ас-Сакафи – часть Индии. Именно аль-Хаджжаджу эти люди обязаны своим положением, и его имя, внушая страх всему Востоку, служило им мощной поддержкой. Он сам не выходил на поле боя, но скрупулезно заботился о нуждах и снаряжении войск вплоть до мельчайших деталей.

Деньги, которые он щедро на это тратил, возвращались к нему в виде пятой части добычи. Главный поход в Индию стоил ему, по аль-Балазури, 60 миллионов, а прибыли принес на 120 миллионов. Он оставался на своем посту 20 лет и умер, как и хотел, до аль-Валида, в конце рамадана или шавваля 95 года, то есть в июне или

июле 714 года, в возрасте 53–54 лет. Аль-Валид пожаловал ему преемников, которых он предложил сам, и подтвердил назначения всех его чиновников. Позднее семейство аль-Хаджжаджа по-прежнему пользовалось уважением в Куфе.

Зияд ибн Абихи и аль-Хаджжадж были двумя великими правителями Омейядов в Ираке, из-за них Аббасиды не без причины завидовали Омейядам. Они не считали, что имеют право проводить жизнь в роскоши, но были уверены, что являются представителями правительства – султана – и верным исполнением обязанностей, присущих их посту, оправдали доверие своих повелителей, которые дали им огромную власть, и они сохранили ее до конца жизни, не волнуясь о превратностях приязни или неприязни общества. Сравнить их друг с другом было бы вполне уместно. Зияд уже достиг высокого положения, прежде чем Муавия сделал его своим союзником; аль-Хаджжаджа можно назвать креатурой Абдул-Малика. Зияд понимал, как держать туземные роды в узде (разыгрывая их друг против друга) и заставлять их работать на себя, и это ему удавалось. Умар ибн Абдул-Азиз восхищался им, потому что он держал Ирак в узде, даже не прибегая к помощи сирийцев. Аль-Хаджжадж смог утвердиться только при помощи чужеземной власти, поддержанной сирийскими войсками, так как напряжение между Сирией и Ираком между тем усилилось. В своих достижениях аль-Хаджжадж ни в коей мере не уступал предшественнику; даже после его смерти он определял политику: это был вопрос за или против него. Его государственные решения в вопросах чеканки монет, мер и налогов и в важности, которую он придавал сельскому хозяйству, были поистине эпохальными. В Ираке, обессиленном и деморализованном непрерывно следующими друг за другом войнами, ему было сложно поддерживать доходы государства, но он все равно всегда имел достаточно запасов. У аль-Хаджжаджа был дар говорить без подготовки, украшая речь витиеватостью своего арабского стиля, и он не любил, когда кто-то его в этом превосходил, так что не без причины хранители преданий украшают его вступительную речь в Куфе тщательно подобранными оборотами речи. Храбрость никогда не подводила его ни при каких обстоятельствах, величие его проявилось в серьезных неудачах. Но он был слишком порывист и быстро терял терпение, общаясь с подчиненными. Его железная рука не была облачена в бархатную перчатку, да и в разговоре он не старался расположить к себе собеседника. Аль-Хаджжадж был резок и порой груб, но не жесток; не был он и мелочным или узколобым. Он проявлял милосердие и освободил видного мятежника, потому что тот не пытался оправдаться, а говорил правду.

Аль-Хаджжадж был достаточно смел, чтобы открыто восхищаться псевдопророком и антихристом Мухтаром, чье величие он признавал. Гром, грянувший, когда он атаковал святой город, как бы в знак того, что Бог разгневался из-за этого необоснованного нападения, он экспромтом объяснил как приветствие с небес, обещающее победу. Аль-Хаджжадж не был столь же предвзят из-за суеверий и традиций, как его современники, но не был он и безбожником или тем более лицемером. В жизни и в смерти у него была чистая совесть. Для человека обычного ума в Хиджазе и Ираке это, конечно, было доказательством его злобы, что он бесстрашно расчистил осиное гнездо в Мекке и не позволил набожности мятежников стать их оправданием. Другие постыдные дела, в которых его обвинят, – это лишь выдумки и измышления ненавидевших его врагов, которые не успокоились даже после его смерти. Например, рассказывают, что аль-Хаджжадж в Басре после битвы при Завии перебил 11 или даже 120–130 тысяч человек. Кремер и ван Влотен, по всей видимости, верят в этот вздор и, чтобы подогнать его под свои теории, делают жертвами его кровожадности мавали. Однако старое и подлинное предание говорит противоположное. В Басре, как и в Куфе, сразу же после победы аль-Хаджжадж объявил общее прощение тем, кто сложит оружие, и сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить бесчинства сирийских солдат в завоеванных

городах. Только некоторые из упорствующих в непокорности, которые не согласились на прощение и затем попали к нему в руки, были им казнены, например в Басите несколько курайшитов и других видных главарей мятежников, которых доставил к нему Язид ибн аль-Мухаллаб, но даже в этом он уважал права отдельного человека и не пытался, например, конфисковать имущество богатого мавали (Файруза Хусейна), который в последний момент добровольно избавился от него^[124].

Аль-Валиду I унаследовал его брат Сулейман, о правопреемстве которого уже позаботился Абдул-Малик, сделав его наследником престола после аль-Валида в джумаде ас-сани 86 года, то есть в конце февраля 715-го. Он следовал по пятам своего предшественника до такой степени, что осуществил его замысел и нанес мощный удар по византийской столице огромными силами, хотя и не добился особого успеха. Однако в другом отношении он был полной противоположностью своего предшественника; он был недоволен тем влиянием, которым аль-Валид позволил пользоваться аль-Хаджжаджу, и, видимо, даже в качестве наследника престола противостоял ему в этом вопросе. В 90 году Язид ибн аль-Мухаллаб бежал из тюрьмы аль-Хаджжаджа в Рамлу в Палестине, где у Сулеймана был свой двор. Сулейман предоставил ему защиту, выплатил крупную сумму, которую требовали от Язида, и так упорно ходатайствовал за него перед халифом, что халиф приказал аль-Хаджжаджу оставить Язида в покое. Девять месяцев Сулейман держал его при себе, полностью подпал под его влияние и позволил ему еще больше настроить себя против аль-Хаджжаджа. Но тот понимал, что творится; он поддерживал намерение аль-Валида передать трон по наследству своему собственному сыну и таким образом усилил ненависть Сулеймана к самому себе^[125]. У аль-Хаджжаджа были причины опасаться худшего в том случае, если Сулейман придет к власти, и его искренняя молитва, чтобы тот умер раньше аль-Валида, была услышана. Сулейман уже не мог причинить ему вреда, но мог лишь изливать свой гнев на его друзей и чиновников. Усман ибн Хайян аль-Мурри в Медине и Халид ибн Абдуллах аль-Касри в Мекке были смещены. Кутайба ибн Муслим, влиятельный наместник Хорасана, попытался предвосхитить угрожавшую ему участь. Полагаясь на свое триумфальное прошлое, он хотел было поднять восстание в своих войсках против нового халифа, но напрасно. Тамимиты, которых он оскорбил, обратились против него, и он сдался им, так как остальные не оказали ему помощи. Победитель Инда Мухаммед ибн Касим ас-Сакафи не бунтовал, хотя его сирийцы с готовностью пришли бы к нему на помощь; его привезли в Басит, продержали в тюрьме некоторое время и затем казнили.

Злейший враг аль-Хаджжаджа Язид ибн аль-Мухаллаб встал на его место. В этом заключается огромное различие между правлением Сулеймана и аль-Валида. Дози считает эту перемену следствием того, что два халифа занимали противоположные стороны относительно великих родовых партий, — аль-Валид стоял целиком за кайситов, а Сулейман, с другой стороны, склонялся к йеменцам. «В правление аль-Валида власть кайситов достигла зенита; когда он умер, вскоре последовало и их падение, и оно было ужасным». Язид ибн аль-Мухаллаб явно встал на сторону йеменской партии, к которой он в качестве аздита принадлежал, против кайситов. Аль-Хаджжадж, с другой стороны, был вынужден только из-за него, а до того из-за Ибн аль-Ашаса занять позицию противника йеменцев и до той поры поддерживать кайситов. В самом деле, с самого начала он не отрицал своего происхождения от сакифитов, которых можно было причислить к кайситам, и предпочитал выбирать окружение из круга своих знакомых. Но это было в порядке вещей, и из этого нельзя вывести обобщение и воспринимать как принцип кайситизма. Из того факта, что сами кайситы считали его своим, еще не следует, что он был лидером партии кайситов, ибо арабские роды пристраивались к любому влиятельному человеку, на родство с которым могли претендовать, пусть даже на самое дальнее. Причина,

почему Абдул-Малик дал аль-Хаджжаджу его пост и почему аль-Валид сохранил его на этом посту, конечно же заключалась не в его склонности к кайситам — на самом деле он происходил из неизвестного рода, — а в его личных способностях. Его личность, а не племя придавала ему значение. Итак, Сулейман тогда направил свою ненависть против лично его и его личного влияния; и, кроме того, он вполне мог быть убежден, что аль-Хаджжадж не подходит для дела примирения иракцев, но, напротив, делает правление Омейядов еще более ненавистным для них, и низложил наместников аль-Хаджжаджа, потому что они были его ставленниками, а не из-за их склонности к кайситам. С другой стороны, йеменцы считали Халида аль-Касри своим. Кутайба принадлежал к нейтральному племени бахила. Его главными противниками в Хорасане были не йеменцы, а мудариты, тогда как в Сирии он пользовался расположением месопотамских кайситов, среди которых жило бану бахила. Муса ибн Нусайр в Испании был йеменцем. Якобы именно из-за этого к нему плохо относился аль-Валид I, но Сулейман относился к сыну гораздо хуже, чем аль-Валид к отцу, и это чрезвычайно неудобный факт для Дози и его последователей. В любом случае Сулейман не занимал такой явно пройеменской позиции, как Язид ибн аль-Мухаллаб. У нас нет сведений о том, что он даже в Сирии вставал на сторону йеменцев против кайситов. Он сожалел, что причинил вред сирийским кайситам своим отношением к Кутайбе. У него была та же мать, что и у его брата аль-Валида, — кайситка из племени абс; и он едва ли мог отрицать свое собственное кровное родство. Поляризация арабского мира из-за племенного дуализма тогда только начиналась; личная вражда между влиятельными людьми внесла в нее весьма значительный вклад. Мы не можем путать исторический итог как своего рода принцип с его доисторическими зачатками.

После смерти аль-Хаджжаджа Зунбиль из Систана более не платил дани и открыто показал, насколько ниже аль-Хаджжаджа он ставил его преемников. Иракцы снова свободно вздохнули, когда аль-Хаджжадж, а вскоре потом и аль-Валид умерли, но они вскоре обнаружили, что перемена чиновников не означает перемены системы. Язид, конечно, недолюбливал сторонников аль-Хаджжаджа, но в правительстве следовал тому же курсу. Он так же поселился в Басите и держал сирийскую армию в стране. Кроме того, он обнаружил, что не может внести изменений в систему налогообложения, из-за которой аль-Хаджжадж нажил себе ненависть арабов, если он хочет, чтобы доходы оставались на прежнем уровне. Однако, чтобы переложить ненависть с себя на чужие плечи, он попросил халифа освободить его от управления налогами и поручить это кому-нибудь другому. Это имело иной результат, нежели тот, которого он ожидал, ибо Сулейман тогда сделал независимым старого финансового чиновника аль-Хаджжаджа, который до той поры служил в казначействе, и поставил его во главе налоговой администрации^[126]. Это был мавла из Систана Салих ибн Абдуррахман, тот самый человек, который сделал арабский письменным языком казначейства. В его распоряжении в Басите было 400 сирийских солдат, и он пользовался полной независимостью от Язида. Он категорически отказался брать из казны средства на оплату сумасбродных расходов Язида, и из-за этой скупости пребывание Язида в Ираке стало малоприятным. Язид сумел сделать так, чтобы ему передали и Хорасан и позволили поселиться в этой его старой провинции, где никто не мог подглядывать за его действиями^[127]. Но он и там не получил того, на что рассчитывал, — любящий роскошь, тучный до бесформенности человек едва ли мог вынести сравнение с Кутайбой. Он пытался вытеснить его покорением Джурджана и Табаристана, но добился лишь незначительного успеха и, хвастливо преувеличив количество вывезенной оттуда добычи, предопределил свою плачевную участь.

В качестве халифа Сулейман также сохранил свою резиденцию в палестинской Рамле, и там его очень любили, но он часто бывал в общем лагере в Дабике, в

Северной Сирии, из которого велась большая война с Константинополем. Он умер там, процарствовав едва три года, в сафаре 99-го (сентябре 717 года); Илья из Нисибина относит его смерть ко вторнику 8-го числа, но, по Абу Михнафу, это была пятница, 10 сафара. В то время как при аль-Валиде темами для бесед в кругах высшего общества были архитектура и культура сельских поместий, при Сулеймане разговоры крутились вокруг чревоугодия и женщин. Хотя сам Сулейман был распутником, он все же распорядился о том, чтобы в Медине наказывали за дебоши. Хотя на самом деле это могло быть из-за недоразумения с тамошним наместником, который по ошибке изувечил гуляк, вместо того чтобы их пересчитать. Однако любовь к чувственным наслаждениям не помешала Сулейману иметь склонность и к благочестивым предметам. Это следует уже из того, что он заигрывал с иракской оппозицией против аль-Хадждажа, которая всегда выступала во имя Бога и Его правления против царства тиранов, а также из того, что он потворствовал Алидам и сделал наместником в Медине ансарита и притом внука Амра ибн Хазма, который играл ведущую роль в восстании против халифа Усмана. Но очевиднее всего выступает тот факт, что он прислушивался к придворному богослову Радже. Положение, которое этот человек получил при халифах из династии Омейядов, является мерой их собственного отношения к исламу. Его влияние началось при Абдул-Малике, усилилось при аль-Валиде и достигло зенита при Сулеймане. Раджа уговорил его передать халифат Умару ибн Абдул-Азизу. Об этом у нас есть рассказ аль-Вакиди^[128].

Абдул-Малик назначил своего сына Язида быть халифом после аль-Валида и Сулеймана и заставил этих двоих поклясться в том, что они выполнят его повеление. Несмотря на это, Сулейман сразу же назвал своим преемником сына Айюба. Однако последний умер раньше его, и прежде чем Сулейман смог передать наследование своему второму сыну Дауду^[129], который осаждал Константинополь, он сам слег при смерти. Тогда Раджа применил свое влияние и убедил его составить богоугодное завещание. Пропустив следующего наследника, Сулейман в последней воле назначил халифом своего благочестивого двоюродного брата Умара ибн Абдул-Азиза и Язида ибн Абдул-Малика после него. Раджа остался с умирающим халифом, повернул его в сторону киблы и закрыл ему глаза. Никому не сказав о смерти халифа, он созвал Омейядов в дабикскую мечеть и потребовал от них присягнуть на верность преемнику, которого Сулейман назначил в своем завещании, не называя при этом никаких имен^[130], и лишь после того, как они это сделали, он сообщил о смерти Сулеймана и назвал имя выбранного тем преемника. Это стало неожиданностью, ведь Умар происходил из побочной ветви, которую оттеснил Абдул-Малик, и теперь сын Абдул-Малика отдал ему предпочтение перед многочисленными потомками по прямой линии! Никто не мог этого даже помыслить, и он сам, пожалуй, менее всех, однако это решение не вызвало никакого серьезного противодействия. Раджа, по-видимому, предпринял именно те меры, которые и требовались. Хишам ибн Абдул-Малик, конечно, не желал приносить присягу новому халифу, но его урезонили под угрозой меча. Абдул-Азиз, сын аль-Валида I, не присутствовал в Дабике. Услышав о смерти Сулеймана, он подумал, что его время пришло, но, узнав, что халифом стал Умар, взял себя в руки.

Глава 5

УМАР II И МАВАЛИ

Умар II был сыном Абдул-Азиза ибн Марвана, который долгое время был наместником Египта. По материнской линии он происходил от Умара I и придавал этому обстоятельству огромное значение. Родившись в Медине при Язиде I, он провел там большую часть юности и воспитывался в традициях города пророка.

После смерти отца (в 84 или 85 году от хиджры) Абдул-Малик вызвал его в Дамаск и отдал ему в жены свою дочь. Аль-Валид I послал его в Медину в качестве наместника над Хиджазом, думая этим стереть горькие воспоминания о его предшественниках и примириться с жителями Медины. Он вступил в близкие отношения со знатоками Писания и процветавшей там научной традиции и не обижался на то, что они находили много поводов для осуждения поступков правительства Омейядов, особенно аль-Хаджжаджа. Вследствие этого революционеры Ирака стали искать убежища в Хиджазе. Это, конечно, не нравилось аль-Хаджжаджу, и по его настоянию Умара отзывали из Медины. Однако он не попал в опалу, он был братом жены аль-Валида и оставался у него в милости, да и Сулейман тоже высоко его ценил.

Как мы видели, ислам пустил крепкие корни в правящей династии. Муавия, Абдул-Малик, аль-Валид и Сулейман образуют, так сказать, восходящую шкалу, высшей точкой которой является Умар II. Но его благочестие отличалось от благочестия его предшественников, оно пронизывало всю его жизнь совершенно иначе и определяло его общественные действия. Сулейман был сибаритом-распутником, Умар — почти аскетом; первому власть предлагала неограниченные возможности для получения наслаждений; на последнего она налагала бремя ответственности. Во всем, что Умар делал, перед его глазами стоял Божий суд, и он постоянно пребывал в страхе, вдруг будет не в силах выполнить то, что от него требует Бог.

Умар не был склонен к завоевательным войнам, хорошо понимая, что они ведутся не ради Бога, а ради добычи, хотя нельзя сказать, он ли первым отзывал мусульманскую армию от Константинополя. Не мог он и по принципиальным соображениям положить конец джихаду против императора, но отказался от аванпостов и переместил гарнизоны в тыл. Он также добровольно был готов отдать Маверранахр, если бы ислам уже не установился слишком прочно в некоторых тамошних городах, но по меньшей мере он запретил дальнейшее расширение границ в том направлении^[131]. Его главное внимание было направлено на внутреннюю политику, и с его приходом к власти в ней начались перемены, перемены совсем иного рода и гораздо большей важности, нежели те, что отличали Сулеймана от аль-Валида.

Он назначил новых людей на самые важные официальные посты и сделал выговор Язиду ибн аль-Мухаллабу за то, что тот не выплатил пятую часть каспийской добычи, величину которой он хвастливо завысил, причем очень сильно. Джаррах ибн Абдаллах аль-Хаками был послан в Хорасан, Ади ибн Артат аль-Фазари — в Басру, Абдулхамид ибн Абдуррахман аль-Курайши из рода Умара I — в Куфу, Умар ибн Хубайра аль-Фазари — в Месопотамию, и Амр ибн Муслим, брат Кутайбы, — в Индию. Джаррах и Амр были одной закваски с аль-Хаджжаджем, Ади и ибн Хубайра были кайситами. Но Умар не назначил этих людей для того, чтобы они занимали противоположную сторону, нежели его предшественник, и не из предпочтения к кайситам и аль-Хаджжаджу, но потому, что считал их надежными и честными людьми. В Испанию он назначил аль-Самха ибн Малика аль-Хавлани, йеменца, а в Африку — Исмаила ибн Абдиллаха, потому что он знал, что они не принадлежат ни к одной партии и милосердны к угнетаемым. Но ему недостаточно было выбрать людей, которые казались ему подходящими, и потом позволить им править как им вздумается, лишь бы они поставляли ему необходимые финансовые средства. Он чувствовал себя ответственным за все. Больше всего по сердцу ему было не столько усиление власти, сколько упрочение закона. Богословы, которые образовывали партию, независимую от правительства и до той поры довольно враждебную ему, при Умаре приобрели влияние. Соответственно, кади, или судьи, по-видимому, стали играть все более независимую и важную роль. В письме хорасанцу Укбе ибн Зуре он перечисляет следующие столпы, на которые опирается правительство: 1)

вали, или наместник провинции; 2) судья; 3) главный чиновник по налогам; 4) халиф. Знаменитый Хасан был басрийским кади в его правление, а в Куфе – Амр аш-Шааби, и он сделал законоведа Абу Зинада секретарем наместника Абдулхамида.

Правительство провинций в мусульманской монархии означало их финансовую администрацию, и ее реформа была одной из главных целей деятельности Умара II. Однако не так уж просто составить себе ясное представление о мерах, которые он предпринял в вопросах налогообложения. Концепции его реформы, которые выдвинул Альфред фон Кремер и с которыми согласился Август Мюллер, запятнаны фактологическими ошибками.

По Кремеру и Мюллеру^[132], Умар II был вынужден осуществить реформы в налогообложении только с целью возвращения к первоначальной идее. Они говорят, что образцом для него был первый Умар, к чьей системе он хотел вернуться и убрать все искажения, которым она подверглась в правление предыдущих Омейядов. Тогда возникает предварительный вопрос: каков был характер этого образца, который и что поэтому ее и надлежит исполнять. Но Бог недвусмысленно показал правоверным, как именно он желает, чтобы был управляем халифат, когда через посредство своих слуг Абу Бакра и Умара сначала подчинил исламу мятежных арабов, а потом и всю Персию, Сирию и Египет. Таким образом, идеалом Умара стала не более чем механическая копия того устройства, которое даровал государству первый Умар, а его недостойные наследники исказили в самых важных ее чертах своими безбожными переменами. Если же вспомнить, что эти перемены вводились не по причине субъективного произвола, а под влиянием неумолимых обстоятельств, становится очевидно, что устаревшие принципы годились для государства Абдул-Малика и аль-Хаджжаджа как для собаки пятая нога. Однако ни малейший проблеск подобного осознания не освещал трогательно набожной уверенности этого удивительного человека. Итак, вскоре после своего прихода к власти он повелел отменить указ аль-Хаджжаджа, согласно которому принявшие ислам новые подопечные племен должны были по-прежнему уплачивать в пользу казны подушный налог. Поскольку из-за этого те иноверцы, которые перешли в ислам, снова оказались в выгодном положении, благочестивый правитель, организовавший одновременно во всех провинциях энергичную миссионерскую пропаганду, вскоре с ликованием и удовлетворением увидел, что на Востоке и Западе число правоверных возрастает миллионами. Пусть сначала это было всего лишь притворное обращение, но не следует забывать, что с самого начала по закону Мухаммеда вероотступничество наказывалось смертью, и поэтому отступление становилось невозможным для тех, кто уже примкнул к последователям Корана. Таким образом, во втором поколении они уже в основном состояли из добрых мусульман, и преобладание верующих в Аллаха над приверженцами других вероисповеданий действительно весьма усилилось благодаря указу Умара. Однако это очень дорого обошлось казне, и после второго указа убытки ее лишь увеличились сверх всякой меры. Это, во всяком случае, со всей ясностью понимал даже сам Умар, а именно что восстановление старого запрета правоверным на владение землей неосуществимо, по крайней мере в виде требования возвращения всех имений, приобретенных в провинциях за период более чем 70 лет. По многим причинам это было неосуществимо даже с технической точки зрения, по крайней мере никто не пытался осуществить этого чрезвычайно опасного эксперимента. Однако начиная с 100 года мусульманам все же было запрещено приобретать какие-либо новые земли и имения, и халиф, чтобы отменить равенство правоверных и подопечных членов племен, противное его ортодоксальным убеждениям, решил взимать с этого незаконно полученного имущества владельцев-мусульман не харадж, который они были он хотел скопировать? Здесь, в частности, приходят на ум две меры, которые можно проследить до первого Умара. Говорят, что он разрешил арабам приобретать

земельную собственность в покоренных провинциях и приказал, чтобы после обращения подданных, то есть покоренных неарабов, новообращенные освобождались только от подушного налога, а не от налога на возделываемую землю. Фактически же он не сделал ни одного ни другого.

По Божьему завету и справедливости всю землю, приобретенную за счет завоеваний, следовало разделить между арабскими воинами, которым она принадлежала по праву добычи. Однако, исходя из практических соображений, она, конечно, не была разделена и перешла либо в государственную собственность, либо стала подчиненной территорией ислама. Казне или правителю отходили те имения, которые их прежние владельцы освободили и сдали без борьбы, – имения членов правящей династии, знати и неотчуждаемое имущество, например почта и храмы зороастрийцев. Эти владения (савафи) были весьма обширны, особенно в тех провинциях, которые обычно представляли наибольшую важность с финансовой точки зрения^[133], в частности в Ираке (Ас-Саваде). С другой стороны, то, что было с боем захвачено арабскими войсками, считалось коллективной собственностью мусульман и оставалось во владении побежденных после выплаты дани. Итак, дань как доход фактически ежегодно должна была делиться между законными владельцами капитала, но государство присвоило ее единолично и выплачивало мусульманским воинам лишь фиксированные пенсии, определяя их по собственному усмотрению. Таким образом, различие между двумя типами земельного имущества стерлось и доходы от обоих одинаково стекались в казну. Такое положение дел окончательно оформилось во времена великих завоеваний, и Умар I либо ввел его, либо узаконил как уже фактически существующее. Однако он не пошел так далеко, чтобы запретить частным лицам владеть землей, облагаемой данью. Общий запрет арабам на владение землей в провинциях так и не был введен. Как и сам пророк, его преемники, не исключая Абу Бакра и Умара, обладали полным контролем над государственными землями и жаловали участки (катай) в награду отличившимся подданным, причем, скорее всего, в качестве не ленов, но аллодов, и именно благодаря этому Али, Тальха и аз-Зубайр нажили огромные владения. Кроме того, все арабские воины в Мусуре были по факту владельцами имений и им принадлежали не только их дома и поля, но и участки земли в окружающих деревнях. В царствование Умара I они, безусловно, ставили на первое место войну и добычу, но в последовавшие затем более мирные времена ситуация изменилась. Страсть к присоединению владений и земли пробудилась у них еще в языческие времена, и ислам с Мухаммедом не только не обуздал ее, но, напротив, подстегнул и, естественно, придал ей дополнительную силу во времена завоевательных войн. Старый закон, по которому еще не занятая земля становилась собственностью того, кто начинал ее возделывать, действовал не только в Аравии, но и в провинциях и там активно проводился в жизнь. Однако страсть к приобретению земли не останавливалась даже перед участками хараджной земли, принадлежащими завоеванным крестьянам, поскольку они часто переходили в руки арабской знати в результате законного приобретения или менее уважаемыми способами, да и вообще ни из чего не следует, что это было запрещено для них законом. У Умара I не было мотивов возражать против порядка, который в его время едва сложился и во всяком случае еще не привел ни к каким вредным последствиям.

Также Умар I не издавал закона, по которому харадж с земельного участка должен взиматься независимо от того, кому он принадлежит, мусульманину или иноверцу, и что переход в ислам освобождает подданных только от джизьи, поскольку она, будучи подушным налогом, регулируется согласно их статусу и является знаком отличия покоренных народов от мусульман. И харадж, и джизья первоначально считались данью, которую подданные выплачивают гражданам теократии – «сынам своим» (Мф., 17: 25). Последние не платили налогов ни за себя, ни за землю своих

полей, но должны были лишь отдавать десятую часть урожая, да и ту не людям, а Богу. В их голову никогда не приходила мысль, что только обязанность выплаты подушного налога была бесчестьем для мусульманина, а не земельного. Кроме того, в старинных оборотах речи не проводилось никаких различий между хараджем и джизьей; и то и другое обозначало одно и то же, а именно дань, взимаемую с немусульман. Часто упоминается джизья с земли, но так же часто упоминается и харадж с человека^[134]. Для арабов не имело большого значения, под каким названием отдельному налогоплательщику приходилось выплачивать свою долю, особенно если дань налагалась в виде единовременной фиксированной суммы, которая взималась со всей общины как с единого целого, что сначала скорее было правилом, чем исключением.

В то время было общепринятой практикой, что ислам освобождал ото всех обязательств по выплате налога и что участок хараджной земли становился необлагаемым в том случае, если его приобретал араб-мусульманин^[135] или если его владелец-неараб переходил в ислам. Но в первую очередь это поощряло эксплуатацию крестьян со стороны арабских господ, а во вторую – переход в ислам тех, кто должен был выплачивать налог. В обоих случаях разница между их статусом и характером их собственности – разница, лежавшая в основе финансовой системы Умара I, – устранялась, и вследствие этого возникали определенные трудности и неудобства. Если налоговые поступления сокращались пропорционально числу тех, кто перешел в ислам, то основное бремя ложилось на казну; а если размер налога повышали до прежней суммы, подлежащей единовременной уплате, то бремя ложилось на общину, которой становилось тяжелее выплачивать налоги из-за перешедших в ислам. Вдобавок, когда новообращенные предоставляли землю и общину их судьбе и переселялись в арабские города, как случалось часто, а может быть, даже практически всегда, это не приносило пользы. Это уводило рабочую силу с земли, так что ей угрожала опасность стать отчасти бесплодной. Однако и приток населения в города не приветствовался. В Куфе и Басре – так как наши наилучшие и практически исключительные сведения относительно этой ситуации исходят из Ирака – и без того всегда было много новых мусульман, или мавали, освобожденных пленников, захваченных во время военных действий, в основном иранского происхождения. Они занимали промежуточное положение между арабами-господами и неарабами-подданными, и, хотя мавали конечно же не платили ни земельного, ни подушного налога, они все же не входили в реестр воинов и не получали соответствующего пенсионного, хотя во время войны сражались вместе со своими прежними господами, которым были морально обязаны оказывать всяческие услуги. Такое подвешенное положение их, разумеется, не удовлетворяло; ислам помог им четко осознать свои потребности, и они стремились получить полные и равные права с арабами. Их мятеж под предводительством Мухтара показал, какая опасность грозит Арабскому государству, и фактически его подавление стоило многих жизней. Однако, хотя меч и наделал брешей в мусульманских рядах, они вскоре заполнились новыми мусульманами, эмигрировавшими из сел и деревень, которые, пусть, возможно, и более мирно настроенные, тем не менее в своем положении имели те же интересы. Кроме того, система Умара I также значительно пострадала оттого, что гарнизонные и правительственные города очень скоро потеряли свой специфически арабский характер.

Такая довольно примитивная система администрации при Умаре I, определенная лишь в общих чертах, привела к тому последствию, которого он не предвидел и которое угрожало ее разрушить. При нем недостатки системы еще не успели проявиться. Приобретательские инстинкты у арабов в то время в основном имели иной характер, нежели стремление приобретать поместья и земельные участки, и

облагаемые налогом неарабы еще не переходили в ислам в таком числе, чтобы от этого страдала казна — казна, которую в то время, более того, добыча наполняла до краев, причем все продолжала поступать, и к тому же казне приходилось обеспечивать гораздо более скромные потребности, чем те, с которыми она столкнулась позже. В следующем поколении, то есть при Омейядах, ситуация изменилась. Но аль-Хаджжадж, согласно преданию, решил вмешаться в общепринятый порядок ради того, чтобы устранить ущерб, который из-за него несла государственная казна. Он не освободил от хараджа тех арабов, которые приобрели в собственность хараджную землю, и даже вновь обязал выплачивать его тех, кто прежде был от этого освобожден. Аналогичным образом аль-Хаджжадж, как говорят, отнесся и к обязанности новообращенных выплачивать дань, когда они оставались в деревнях и сохраняли свои фермы. Однако он запретил им хиджру — то есть переселение в центры ислама и арабского правительства — и в конце концов силой заставил их вернуться назад. Он ввел новый порядок, который не соответствовал прежним понятиям о том, что является справедливым, и это вызвало громкие протесты со стороны пострадавших от него арабов и мавали, которые считали это пощечиной в лицо ислама; но аль-Хаджжадж не обращал на них внимания.

Умонастроения Умара II заставили его действовать иным способом. Цели Умара не так уж сильно отличались от целей аль-Хаджжаджа, однако он старался достичь их такими способами, которые бы соответствовали мусульманским представлениям о справедливости. Так, в этом отношении он поддержал старый порядок, заключавшийся в том, что мусульманин, будь то первого или второго сорта, будь то араб или мавали, не должен платить дани, ни подушной, ни земельной. Но чтобы предотвратить сокращение государственных доходов, Умар сделал из истории вывод, вполне согласующийся со взглядами мединских богословов и знатоков Корана, что хараджные земли в первую очередь являются общей собственностью мусульман, а во вторую должны считаться совместным владением всех тех общин, которым мусульмане передали эти земли в качестве узупрукта после выплаты дани, и, следовательно, ее части нельзя отнимать от целого, чтобы они, переходя в собственность мусульман, становились личными имениями и освобождались от налога. Поэтому он объявил, что с 100 года запрещается продажа земли, подлежащей хараджу, арабам и мусульманам, однако не придал запрету обратной силы. По-видимому, он постановил, что в случае перехода в ислам владельца земли, подлежащей налогообложению, его собственность возвращается в деревенскую общину. После этого прежний владелец мог оставаться на ней, например, в качестве арендатора, и арендная плата не считалась налогом; но он также мог и переселиться в город (против чего возражал аль-Хаджжадж), и по сути так, как правило, и происходило. Получал ли прежний владелец также и право на ежегодную выплату благодаря этому переселению, ответить не так-то просто.

В то время как признание освобождения мусульман от подушного налога оставалось лишь старым, еще не забытым принципом, который был вновь введен в силу, запрет на дальнейшее отчуждение налогооблагаемой земли стал новой законодательной мерой, имевшей глубокие последствия. В его основе лежало историческое происхождение налогооблагаемой земли, а также оно проистекало из того факта, что во времена завоеваний к земле относились не как к военной добыче и не делили. Однако в то время это практическое следствие еще не успело проявиться.

Умар II потерпел неудачу. Методы, которыми он пытался действовать, неизбежно приводили к ухудшению финансовой ситуации. Принцип неотчуждаемости налогооблагаемой земли было невозможно провести в жизнь, и поставить преграду изменению формы собственности оказалось не проще, чем воспрепятствовать переходу в ислам. Более поздняя практика вернулась к методам аль-Хаджжаджа, но

с тем отличием, которое, хотя с материальной точки зрения было незначительным, с формальной все же представляло большую важность. По сути, между хараджем и джизьей было проведено различие, которого не существовало прежде. Джизья, согласно этому различию, возлагалась на индивида и имела силу только применительно к немусульманам, и, когда они переходили в ислам, это бремя снималось с их плеч. Харадж, напротив, налагался на землю и не понижал статус индивида, его полагалось выплачивать даже мусульманам, владеющим налогооблагаемой землей. Поскольку земля была главным объектом налогообложения, подушная подать была очень небольшой жертвой^[136]. Таким дешевым способом казна удовлетворила требования ислама. Это пример законной уловки – хитрости, к которой можно прибегнуть только в крайней необходимости, ведь с точки зрения простого человека, разумеется, не земля платит налог, а тот, кому она принадлежит.

Мы слышим о налоговой реформе последнего омейядского наместника Хорасана Насра ибн Сайяра. Он придумал нововведение, по которому дань в размере фиксированной суммы в качестве единовременной выплаты взималась только в качестве земельного налога с отдельных налогооблагаемых районов. Все собственники земли, мусульмане и немусульмане, арабы и иранцы, должны были вносить в него свою долю сообразно размеру своего имущества. Но подушная подать была от него отделена, и ее вносили только зороастрийцы, иудеи и христиане, но не мусульмане, даже новообращенные. Наср ибн Сайяр предвидел, что вследствие увеличения числа переходящих в ислам доходы стали падать, но это не имело большого значения в сравнении с тем фактом, что один земельный налог уже приносил в казну необходимый гарантированный доход. Эта норма была новой, она не существовала раньше и рано или поздно принесла плоды и в Хорасане, и в других частях исламского государства, потому что удачно примирила финансовые интересы с принципом освобождения граждан теократии от дани. Безусловно, этим юристы оказали услугу мелким землевладельцам, но то, что в действительности было результатом сложного процесса регулирования противоположных потребностей, впоследствии стало считаться неким само собой разумеющимся и всегда существовавшим законом. Если бы этот закон действительно имел силу с самого начала, тогда изначально не возникло бы никаких трудностей.

Мусульманским законоведам свойственна манера брать то, что складывалось постепенно и появилось по причине постепенно возникающих потребностей и тенденций, и прослеживать до некоего прецедента (в сунне) из жизни пророка или первых халифов и таким образом санкционировать. Так, они даже форму, которую после долгих колебаний в конечном счете приобрело налогообложение и административное управление, возводят к Умару I, который предпринял лишь самые первые, самые начальные шаги. Нам следует остерегаться исторического догматизма, чтобы по справедливости оценить действия аль-Хаджаджа и Умара II. В первую очередь мы должны придерживаться сведений, сообщаемых нам подлинными историками, то есть старейшими, которые относились к фактам с большим уважением, частично полагались на документальные свидетельства и сообщали не столько о принципах правителей, сколько об их индивидуальных различиях, на основании которых нельзя делать легковесных обобщений. В эту структуру мы также можем вставить исторические свидетельства правоведов, у которых порой встречается очень многое, совсем не относящееся к их сфере компетенции и не зависящее от их предпочтений. Мои взгляды на этот трудный и спорный вопрос эволюционировали постепенно и небессистемно; для начала, я не составил коллекции данных, откуда они проистекают. Те данные, которыми я располагаю, я собрал здесь, и таким образом мы получили возможность добавить что-либо, не упомянутое в предыдущем кратком изложении.

Касательно аль-Хаджжаджа аль-Балазури сообщает нам, что он снова ввел харадж на те участки земли в Месене, которые были освобождены от налога по причине того, что они перешли во владение арабов либо их прежние владельцы перешли в ислам. Согласно отрывку, процитированному на с. 154, из «Аль-икд аль-Фарид» Ибн Абд Раббиха, аль-Хаджжадж также отослал мавали из Мусура назад по их деревням и городам. «Он сказал мавали: вы варвары и чужаки; ваше место в ваших городах и деревнях». Таким образом, он отправил их туда, куда пожелал, и приказал, чтобы иджлит Хираш ибн Джабир поставил у каждого на руке название того места, куда он был отправлен. Поэтому стих гласит: «Ты тот, на чью руку иджлит поставил клеймо, и твой предок бежал в Хакам»^[137]; а другие гласят: «Деву, которая еще не знала, как гонят верблюдов^[138], аль-Хаджжадж вытащил из укрытия. Если бы при этом присутствовал Амр ибн Хабал, клеймо не коснулось бы ее рук без жестокой борьбы». Когда позднее один из мавали по имени Нух ибн Даррадж стал кади в Басре, о нем сложили такой стих: «Видно, настал последний день, раз Нух стал кади! Если бы аль-Хаджжадж был еще жив, его рука не избежала бы клейма (аль-Хаджжаджа)»^[139]. Этот факт также засвидетельствован у ат-Табари. Там говорится, что, дабы предотвратить сокращение дохода от дани, аль-Хаджжадж написал в Басру и другие города, что те мавали, которые иммигрировали туда из сельской местности, должны вернуться по своим деревням. Тогда изгнанные собрались в Басре, не зная, куда идти, и стали сетовать и призывать имя пророка. Благочестивые чтецы были на их стороне, и тогда они в свою очередь присоединились к чтецам, которые перебежали к Ибн аль-Ашасу, когда тот приехал в Басру.

По аль-Балазури, Умар II отменил включение мусульман в число облагаемых хараджем, сделанное аль-Хаджжаджем, не только в Месене, но и повсюду. В письме наместнику Куфы он излагает такой принцип: никакого хараджа для тех, кто принял ислам. По Феофану, он освободил от налога перешедших в ислам христиан.

О дальнейшей мере Умара II, запрещающей на будущее продажу мусульманам хараджной земли, свидетельствует отрывок из «Истории Дамаска» Ибн Асакира. Там говорится о Сирии, и этот отрывок важен именно потому, что показывает: в Сирии шли процессы аналогичные тем, что шли в Ираке, о чем мы располагаем конкретной информацией.

«Умар I и высокопоставленные сподвижники пророка согласились оставить покоренным их земли на условии, что они будут их возделывать и выплачивать харадж мусульманам. Если затем кто-то из них перейдет в ислам, тогда харадж будет снят с него^[140], но его земля и дом будут поделены между членами деревенской общины, чтобы те выплачивали с них харадж, тогда как его имущество в виде денег, слуг и скота останется при нем. Затем его зачислят в реестр получающих пенсион мусульман^[141] и он получит те же права и обязанности. Они (то есть Умар и сподвижники) полагали, что он, как мусульманин, не имеет прав на свою землю вперед деревенской общины, потому что земля перешла в совместное владение мусульман. Те, кто сохранит свою христианскую религию и останется в своих деревнях, будут называться сородичами под защитой мусульман (зимма). Умар и сподвижники также считали, что никакой мусульманин с помощью принуждения не может приобрести участка земли у этих защищаемых сородичей, потому что те могли сослаться на то, что они не вели войны против них и не помогали их врагам (а именно римлянам)^[142]. Поэтому сподвижники и правители избегали пользоваться принуждением по отношению к ним и захватывать их земли. Однако они также не одобряли обычая свободной покупки мусульманами земель по той причине, что владельцы не имели на них прав собственника, а также потому, что они хотели оставить землю в коллективном владении мусульманских воинов на будущее, как средство ведения войны против пока еще не покоренных язычников, так чтобы эта

земля не продавалась и не передавалась по наследству как личное имущество. Ибо они были твердо намерены выполнить заповеданное в суре 2, 189 и 8, 40.

Несмотря на это, многие мусульмане давно владели частными поместьями в Сирии, особенно так называемые катай. Изначально они были собственностью знати, бежавшей при взятии Сирии и павшей в битвах. Их захватили как имения (савафи), и доходы от них сначала шли в казну, как харадж, но, когда Муавия был наместником Сирии и с трудом добивался того, чтобы его доходы соответствовали тратам, Усман назначил ему по его просьбе эти имения или по крайней мере большую их часть. Будучи халифом, Муавия посвятил их в качестве неотчуждаемых средств для нуждающихся из своего собственного семейства и других малоимущих мусульман. Однако имения, которые Усман в свое время еще не отдал ему, он разделил между курайшитами и другими арабами, которые просили их в качестве своих катай, не только в пользование, а в полную собственность, которую они могли продать и завещать. Тогда Абдул-Малик сделал то же с той землей, что еще оставалась, а также взял хараджную землю, владельцы которой умерли, и разделил ее между мусульманами в качестве земли, облагаемой десятиной, так что харадж уменьшился. После этого Абдул-Малик и его два ближайших преемника не стали прибегать к насильственному отъему хараджной земли у владельцев с целью передачи ее мусульманам, но все же позволяли ее покупать. Затем цена шла в государственную казну, и харадж, взимаемый с деревни, уменьшался на соответствующую величину; и владельцы-мусульмане в действительности платили только десятину.

Умар II поступил по-другому. Он не стал возвращаться к тому, что происходило до 100 года, но постановил, что с хараджной земли, которую мусульмане успели приобрести в собственность за счет покупки, не должна взиматься джизья^[143], а только десятина. Однако на будущее он объявил такие приобретения недействительными, и в этом два его преемника Язид II и Хишам последовали его примеру. Поэтому 100 год называли «сроком». Однако вскоре старый способ вернулся, и на земли, проданные мусульманам, была наложена не джизья, а только десятина, но, так как харадж вследствие этого сократился, Мансуру пришлось вмешаться. Он хотел вернуть прежним владельцам имения, проданные против закона Умара II, но это представляло слишком большие трудности, поэтому он распорядился, чтобы с катай и участков хараджной земли, проданных до 100 года от хиджры, платили только десятину, а с тех, что были проданы после 100 года, платили харадж. В 141 году он послал в Сирию чиновников, чтобы разделить эти земли друг от друга и соответственно их оценить».

Ибн Асакир – автор VI века от хиджры, который находится в плену широко и давно распространенного заблуждения, а именно что первый Умар и сподвижники пророка, после смерти Мухаммеда – авторитетные регуляторы условий, только что возникших в результате завоеваний, с самого начала и по всем вопросам определили стандарт на будущее и что распространение территориальных владений и отчуждение облагаемой данью земли представляли собой злоупотребление, находящееся в прямом противоречии с установленным стандартом и появившееся только после отхода от него, совершенного Усманом и Омейядами. Но там, где повествование Ибн Асакира не затронуто этим убеждением, у нас нет оснований сомневаться, что он основывался на старых источниках. Оно слишком достоверно, чтобы быть придуманным. Поэтому мы вполне можем поверить, что Умар II начал с того, что воспрепятствовал разделению и дроблению государства и общей собственности, преобладавшим при его предшественниках, посредством запрета на продажу хараджной земли. Ибн Асакир фактически не говорит, что он также не разделил имений и не отдал ни одного из них, но это можно считать установленным фактом^[144].

Итак, когда этот халиф воспротивился отъему налогооблагаемой земли у государства посредством ее *продажи*, он не мог при этом желать того, чтобы то же самое произошло из-за обращения владельцев в иную веру. По всей видимости он ввел такие меры, из-за которых тот принцип, что никто из новообращенных не должен выплачивать дань, потерял практический смысл, нанеся ущерб казне, и приобрел идеальное, а не материальное значение^[145]. У Яхьи ибн Адама говорится, что Умар II отказался менять харадж на десятину для тех, кто перешел в ислам, и заявил вместо этого, что те из них, кто останется на своих каналах^[146], должны после обращения платить, как раньше, а те, кто переселился в город, должны отдать свою землю в деревенскую общину. То, что новые мусульмане, которые оставались жить рядом со своими каналами, должны были продолжать выплачивать харадж, не согласуется с тем, что мы уже знаем, однако это противоречие исчезает, когда мы узнаем, что выплаты считались уже не данью, а арендной платой^[147]. В процитированном отрывке, безусловно, верно утверждается, что халиф считал устройство налогооблагаемой земли и государственного дохода, который она приносила, огромным благом. Даже если он не мог отменить уже произошедшего сокращения доходов, он все равно на будущее хотел оставить гарантию фая неприкосновенной. И даже если в принципе он не посягнул на свободу мусульман от дани – свободу и новых мусульман, и старых, – все же он не хотел, чтобы старое историческое право нарушалось дополнительными поправками и земли превратились бы в свободные частные владения, которые в действительности принадлежат общине в качестве неотчуждаемой собственности.

В провинциях, уже завоеванных почти за век до того, где система налогообложения была установлена раз и навсегда самим актом завоевания в соответствии с несколько видоизмененным мусульманским законом о добыче, Умар II по существу сохранил статус-кво, основанный на этом историческом фундаменте, и защитил его от нарушений, однако не так дела обстояли в землях, которые были присоединены лишь во время его правления или которые во всяком случае были не так основательно и полно подчинены, – в Маверранахре и Индии, в Африке и Испании. Те шаги, которые он предпринял там, следует рассматривать в отрыве от его других действий, их нельзя смешивать с остальными; их нельзя рассматривать с такой же точки зрения. Прежде чем начались военные действия, туда поступали призывы принять ислам и покориться Аллаху. Если жители подчинялись призывам, тогда они вступали в теократию со всеми привилегиями и не должны были выплачивать дани. Так было предписано исламом, но никто не воспринимал этого всерьез. Джихад должен был приносить деньги и добычу, и целью ставилось именно это, а не распространение веры. Умар II ненавидел этот джихад и стремился, напротив, к мирному собранию народов в исламе и в данном случае не требовал уплаты дани. Об отмене фая говорить не приходится, потому что фая не существовало.

По аль-Балазури, Умар призвал индийских царей принять ислам и пообещал им полное равенство положения; потом они стали мусульманами и взяли себе арабские имена. Многие маверранахрские цари перешли в ислам при нем, и тогда им не нужно было платить дань, и они сами получали выплаты. Ат-Табари рассказывает, как слышал жалобу, что 20 тысяч мавали в хорасанской армии, хотя они и бились с арабами против язычников, все же не имели права на регулярное жалованье и, более того, были обязаны выплачивать дань; для них он предусмотрел возмещение. В то же время он отдал общее повеление освободить от дани всех, кто признавал ислам. Тогда согдийцы, до той поры язычники, хлынули в ряды господствующей религии. Умар, однако, не вернул согдийцам столицу Самарканд, хотя и признал, что арабы сумели завладеть ею исключительно при помощи вероломства. Того же, что случилось на много лет раньше, он исправлять не стал.

Умар II призывал даже берберов перейти в ислам, и берберские войска подчинились его призыву. Тогда он освободил их от дани, которая уплачивалась в форме передачи детей. Что же касается девочек, которые уже были переданы арабам, Умар постановил, что их хозяева должны либо взять их в жены законным образом, либо вернуть родителям.

Иной и совершенно уникальной является мера, которая, по Исидору, была принята в Испании, хотя и не самим Умаром, но, безусловно, с его одобрения и по его приказу наместником Самхом, которого Умар назначил править этой страной. В то время как часть захваченной земли оставалась у прежних жителей по уплате дани, другая часть, оставшаяся после вычета одной пятой, делилась между воинами армии. Что это была за оставшаяся часть, неясно. Она могла состоять из тех долей земли, которые были конфискованы в Ираке и Сирии как «имения»^[148]. В Испании Умар II до сих пор обладал некоторой свободой действий, и его действия, вне всяких сомнений, определялись идеей привязать арабских воинов к Испании за счет земельных владений. Говорят, что он действовал по образцу Умара I. Если бы последний не дал солдатам в Индии никакой земельной собственности, тогда оборона страны была бы невозможна. Конечно, Умар I не имел никакого отношения к Индии, и, вообще говоря, он скорее подал пример самой широкой из возможных фискализации земельной добычи в виде земли. Стоит обратить внимание на то, что старое предание очень мало поддерживает современное мнение о том, что арабам в провинциях не разрешалось владеть никакой земельной собственностью.

Также я прибавляю некоторые подробности относительно последующих финансовых мер Умара II, начиная с тех, что касаются прежде всего мусульман.

Оазис Фадак недалеко от Медины до той поры считался принадлежащим правителю, но Умар II передал его в качестве частной собственности Мухаммеда его роду – Алидам. Тем самым он отменил противоположные решения первых двух халифов и таким образом показал, что не собирается рабски подчиняться их примеру. Он также отдал родственникам Тальхи их собственность в Мекке, которую у них отняли.

В Йемене правивший там брат аль-Хаджжаджа, помимо десятины, взимал и налог; Умар II исправил это положение. В Омане десятину отдавали в государственную казну в Басре; Умар II снова ввел обычай, по которому она оставалась в стране и там делилась между бедными. Это не было общим обычаем всей Аравии, и положение дел в разных местах отличалось в зависимости от тех более или менее благоприятных условий, на которых роды и территории переходили в ислам. Также приказ Умара II о том, чтобы хорасанский харадж оставался в стране и там же расходовался, не следует считать всеобщим; для него были особые причины.

Что касается жалования мусульманских воинов в гарнизонах и гарнизонных городах, то правители всегда действовали очень капризно. Они вычеркивали непопулярные имена из списка и вносили вместо них другие, сокращали или увеличивали сумму по собственному усмотрению. Это давало постоянные основания для жалоб, так как доход от фая, откуда и начислялось жалование, полностью по праву добычи принадлежал наследникам армии завоевателей, и они никогда не отказывались от своего требования о том, чтобы им предоставили его целиком, и не менее того. Конечно, нельзя считать, что в этом вопросе Умар II удовлетворил их желания, как Али якобы сделал до него. Умар постарался воздержаться от самых неразумных шагов, однако сделал многое, чтобы удовлетворить претензии, предъявляемые к государственной казне. Он расширил круг тех, кто имел право на жалование, расширил его больше, чем кто-либо делал когда-либо до него. Всем мавали Хорасана, которые служили в армии и принимали участие в военных кампаниях против язычников, он пожаловал не только освобождение от налогов, но и содержание (ризк) и плату (ата); он объявил, что готов выделить средства из главной

сокровищницы государства, если хорасанского хараджа окажется недостаточно, но обошлось без этого. Но правда ли то, что каждого новообращенного, переехавшего из деревни в Куфу или Басру, он считал мухаджиром и даровал ему равные права с наследниками арабских завоевателей? Это вызывает большие сомнения. С точки зрения закона это едва ли могло быть оправданно, а с практической точки зрения имело бы пагубные последствия. Обычай начисления пенсионов также детям и семьям мукатила уже был ограничен Муавией и полностью отменен Абдул-Маликом, но Умар II ввел его повторно. Он также поддерживал бедных мусульман, особенно нуждающихся паломников в Мекку и некоторых больных, жалую им фиксированные суммы, и даже не ограничивал свою благотворительность Сирией, как аль-Валид I, но осуществлял ее и в Ираке и в Хорасане, как будто не видя никаких различий между провинциями.

Что касается его отношения к людям других вероисповеданий, то Феофан сообщает следующее: «Когда в том же году в Сирии случилось страшное землетрясение^[149], Умар запретил вино в городах и заставил христиан перейти в ислам.

И тех, кто сделал это, он освободил от налогов, но остальных убил и сделал многих мучениками. И он постановил не принимать свидетельства христианина против сарацина. Он также написал вероучительное письмо императору Льву, надеясь убедить его обратиться в ислам».

В этих утверждениях смешались истина и вымысел. Это правда, что Умар II был ревностным мусульманином и что христиане имели возможность узнать это на собственном опыте. Но он не принуждал их к обращению в ислам под страхом смерти, ибо в таком случае он нарушил бы существовавший тогда закон, и он не нарушал закона, так как был добрым мусульманином. В том, что касалось христиан, он оставался всецело в рамках правосудия, даже если они смотрели на это по-другому. Он защищал их право собственности на старые церкви, которое было гарантировано им по условиям капитуляции, и лишь не позволял им строить новые. Умар хотел освободить и вернуть им церковь Святого Иоанна в Дамаске, незаконно отобранную у них аль-Валидом I, при условии, что они откажутся от Привратных церквей, то есть церквей Святого Фомы, которыми они владели фактически, но не по договору, потому что земля за стенами была захвачена силой, а не сдана по капитуляции, и, когда христиане не согласились на это, он сделал так, чтобы одно компенсировало другое. Примененный им в данном случае закон, безусловно, был формальным законом правоведов, но Умар не мог поступить иначе, не отказавшись от принципов ислама. Там, где речь шла только о деньгах, он был более чистосердечен. Со временем под тем или иным предлогом дань с христиан в Аэле и на Кипре была увеличена, но он уменьшил сумму до той, которая была определена первоначально. Пророк постановил, что наджранцы в Йемене должны платить по 2 тысячи отрезков ткани ежегодно, каждый стоимостью в 40 дирхемов, и за это гарантировал им право оставаться христианами в своей земле и своих имениях. Умар I нарушил договор, вопиющим образом поправ правосудие, но этому нашли множество оправданий. Он заставил христиан Наджрана вместе с их союзниками-иудеями покинуть Аравию и переселиться в Ирак или Сирию, а их имущество он выкупил у них или отдал другим в обмен на их новые жилища. В основном они селились в Наджране близ Куфы. Их снова обязали платить свой налог в прежнем размере; их глава в Наджране нес ответственность за его выплату и также взимал его с сородичей, обосновавшихся в Сирии. Преемник Умара Усман уменьшил налог на 200 отрезков ткани, а Муавия – еще на 200 отрезков, так как количество наджранцев уменьшилось по причине смерти и перехода в ислам членов общины. Аль-Хаджадж, однако, снова поднял его на 200 отрезков, потому что, как говорят, он подозревал их в симпатиях к Ибн аль-Ашасу. Затем, когда Умар II пришел к власти, они пожаловались ему на такую обиду, сказав, что их становится

все меньше и меньше из-за постоянных войн. На самом деле, по-видимому, их число сократилось с 40 тысяч душ до 4 тысяч. В качестве возмещения он для начала постановил, что их налог не должен строго зависеть от их земельных владений (которые фактически были отняты или, по крайней мере, украдены у них), а должен рассчитываться в зависимости от количества человек после вычета умерших и перешедших в ислам. В соответствии с этим принципом он уменьшил их налог до одной десятой, так как их количество сократилось до одной десятой, и повелел взимать с них только 200 отрезков ткани вместо 2 тысяч или 8 тысяч дирхемов вместо 80 тысяч. Этим поступком он, возможно, хотел в какой-то степени исправить несправедливость, которую причинил им Умар I.

В упомянутом выше письме к Абдулхамиду из Куфы Умар II повелевает наместнику относиться к подданным-немусульманам так же честно и справедливо, не вымогать дань с жестокостью и не взимать ее одинаково с обработанной и необработанной земли. Он запрещает всякие поборы помимо дани, поборы, которые в течение многих лет увеличивались на принадлежавших когда-то Персии территориях: подарки на праздники Навруз и Мехрегана, мзда подчиненным чиновникам, плата за свадьбу, печать на документах и айин, то есть в буквальном смысле «таможня», возможно в значении пошлины^[150]. Как правило, ни монеты из этих поборов, которыми было легко злоупотребить и трудно контролировать, не доходили до государственной казны, и из-за этого их было еще труднее отменить. Наместники совсем не возражали против того, чтобы люди являлись к ним в Новый год и по другим случаям не с пустыми руками.

Фискальные соображения заставили Умара запретить отчуждение хараджной земли. Он хотел не дать ей перейти во владение освобожденных от налогов мусульман, так как вследствие прекращения выплаты ими дани она соответственно уменьшалась. Но в то же время этим самым он поставил преграду перед крестьянским классом; он защитил налогооблагаемых владельцев от жадности арабских господ, желавших прибрать землю к своим рукам, потому что для первых земля представляла большую важность, чем для вторых, ведь они не обязаны были платить за нее никакой дани. Аналогичным образом в Северо-Западной Германии, например в брауншвейгском Люнебурге, правители по финансовым соображениям противились тому, чтобы крестьянские земли переходили во владение дворян, просто по той причине, что тогда она освобождалась от налогов, но при этом они в то же время невольно спасали крестьянский класс. Умар же оказался не столь успешен. Да и условия на Востоке сложились другие. Там было мало крестьян в привычном для нас смысле слова; даже землевладельцы-неарабы были в основном хозяевами имений или старшинами деревень (дехканами), а феллахи – их крепостными.

Тем не менее при всех остающихся у нас сомнениях в одном по крайней мере можно быть уверенным: относясь к этому халифу со снисходительной насмешкой по примеру Дози, мы попросту садимся в лужу. Возможно, Умар находился под большим влиянием теологических соображений, то есть в данном случае соображений юриспруденции, чем нам хотелось бы. Его щепетильность часто внушала ему парализующие сомнения. Говорят, что однажды он закончил проповедь такими словами: «Я упрекаю вас, но при всем этом отнюдь не считаю, что я в чем-то лучше вас». У него отсутствовало полное сознание своего личного авторитета, которым впечатлил мир его тезка-прадед, но он заботился не только о собственной душе, но и об общественном благе.

Набожность Умара заставила его хорошо исполнять обязанности правителя и действовать прямолинейно в решении трудных задач, присущих его высокому положению.

Конечно, таланты халифа в основном не соответствовали его доброй воле. В качестве главного доказательства его политической неспособности предъявляют то, что он привел государственные финансы в беспорядок, но мы видели, как в действительности обстояли дела в этом вопросе. Если Умар не налагал дани на царства и народы, переходившие в ислам, он тем самым только сдерживал набег, которые велись ради добычи, но не приносили никаких доходов государству, потому что, прежде чем делить шкуру медведя, его еще нужно было убить. В провинциях, захваченных задолго до Умара, с которых дань взималась по закону завоевателя, например в Ас-Саваде и в Египте, он сохранил историческое право и противодействовал сокращению государственных владений и дохода, а также старался предотвратить то пагубное действие, которое освобождение всех мусульман от обязанности платить дань могло оказать на финансовое состояние халифата. Запрет на злоупотребление подношениями, безусловно, не затронул никого, кроме чиновников, занимавшихся поборами. Самое большее, в чем можно упрекнуть Умара, — это в том, что он обременял государственную казну довольно большими расходами на пожертвования и пожалования, которые он щедро делал из нее или готов был сделать. Но для себя лично он не тратил и не присваивал никаких государственных денег, а также и не проматывал их на походы на Константинополь, в отличие от предшественников. Кроме того, Умар заботился о том, чтобы наместники не пользовались своим положением в первую очередь как возможностью для личного обогащения, и тем самым упадок, который, быть может, стал результатом его реформ, пожалуй, был возмещен в двукратном размере. Нам ни к чему гадать, не является ли утверждение, что при нем государственные деньги испарились в никуда как по мановению волшебной палочки и объем взимаемых налогов внезапно упал, попросту ошибкой; совершенно ясно, что это в корне неверный взгляд. В беспокойное время Абдул-Малика и аль-Хаджжаджа финансы находились в ужасном состоянии, при Умаре II ситуация выправилась. Кроме того, фискальные интересы не единственные в государстве. Кто бы решился отрицать, что Умар отменил отъем детей у берберов или облегчил бремя для наджранцев; что он защищал подданных от чиновников и считал администрацию провинций не просто средством финансовой эксплуатации, а чем-то большим?

Кремер и Мюллер придерживаются того мнения, что Умар был прямо-таки одержим своей набожной утопией; что он вмешивался в финансы без практической необходимости; нарушал их естественное движение и сбивал с пути, намеченного всем ходом предыдущего развития. Халиф, по их словам, не имел никакого понятия о реальных условиях. Фактически же дело обстоит ровно противоположным образом; именно у современных критиков Умара сложилось ложное понятие о реальных условиях того времени. Условия эти находились в состоянии хаоса и требовали новых мер для наведения порядка. Умар не был первым, кто создал путаницу в системе налогообложения; она уже существовала там, и так не могло долее продолжаться. Умар решал не воображаемую проблему, а самую настоящую и притом настоятельную. Аль-Хаджжадж впервые взялся за нее всерьез, но таким образом, который настроил против него общественное мнение. Умар попробовал иной способ, проявив большее уважение к чувствам, основанным на исламе или по крайней мере опирающимся на него. Но и тот и другой столкнулись с одной и той же проблемой, которая возникала постоянно и обязательно требовала решения. Вследствие этого земля, которая облагалась данью, все больше и больше переходила в руки тех владельцев, которые были от дани освобождены.

Таким образом, мы по существу опровергаем упрек к Умару II, заключающийся в том, что он поколебал сами основания Омейядского халифата. Они зашатались еще раньше, да и с самого начала были не очень прочными. Ту византийскую мудрость, к которой прибегает А. Мюллер, чтобы осудить Умара за отход от традиции его

предшественников, а именно что каждое государство может быть поддерживаемо только теми средствами, которым оно и обязано своим возникновением, можно в равной степени поставить в упрек и самим Омейядам. Их правительство отнюдь не продолжило идти по той прямой линии, которую проложил пророк и его сподвижники. Вместо того чтобы опираться на ислам, на котором оно якобы все еще основывалось и который оно не смело отвергнуть, оно скорее было им подорвано. Омейядам приходилось постоянно быть начеку, чтобы подавлять оппозицию, восставшую против них во имя Аллаха и религии. Еще больше им угрожала неумолимая враждебность Ирака, который непрестанно раздражался колоссальными мятежами против ненавидимой сирийской тирании; но величайшей опасностью для них было общественное движение, направленное не только против правящей династии, но против арабского господства вообще. Умар I установил исламское государство, согласно закону завоевателя, как господство арабов над побежденными народами. Он основал его на разделении двух классов, размежеванных не только религией, но и национальной принадлежностью: арабов-мусульман и неарабов-иноверцев; арабскую военную знать и инородцев-плебеев, обязанных выплачивать дань. Но это здание он построил не на прочном фундаменте, ибо стена, отделяющая хозяев от слуг, была сломана тем фактом, что слуги все больше и больше переходили в ислам и избавлялись от арабских гарнизонных городов. Возрастающая исламизация побежденных народов, естественный и неизбежный процесс, поставила под вопрос систему старого Умара, и не только в его времена, но и во времена Омейядов, при которых она продолжилась. По меньшей мере в соответствии с теократическими принципами политический статус также пришлось подтверждать религией. Именно ислам, а не национальность наделяла людей правами гражданства в теократии.

Мавали стучали в ворота и требовали равных прав с арабами. На их стороне был ислам, и они стекались в революционное течение, в основе которого лежал ислам. Умар II попытался удовлетворить их притязания без больших расходов; им, вероятно, двигали не столько государственные мотивы, сколько религиозные, но первые не преграждали путь вторым. Умар не мог порвать с исламом, его необходимо было принимать в расчет. Враждебность к исламу угрожала падением самому государству Омейядов. Поэтому Омейяд действовал не против интересов собственной династии, когда соотносил свои действия с исламом и старался не разорвать свой с ним союз, устраняя причины оправданного недовольства и поддерживая претензии, которые невозможно было отрицать. Такова, по всей видимости, была программа Умара II. В исламе он пытался найти что-то общее между правительством и враждебными к нему силами. С этой точки зрения он проводил политику согласия и умиротворения, и не только по отношению к мавали. Он также пытался ответить на недовольство провинций и, в частности, добиться того, чтобы иракцы больше не ощущали себя так, будто находятся под чужеземным игом сирийцев. Он относился ко всем с равным вниманием; он даже думал, что сможет удовлетворить претензии хариджитов, участвуя в их спорах, и хотя бы добился того успеха, что они на протяжении всей его жизни не вынимали мечей из ножен. Он не наказывал за политические преступления, хотя другие карал сурово. Он был милостив к Алидам, вернул им отнятое имущество – как и наследникам Тальхи – и вычеркнул из публично читаемой молитвы проклятие, адресованное их предкам^[151]. Однако из этого не следует и мы не можем поверить, что в душе он признавал их притязания на халифат справедливыми^[152]. Он был мусульманином старой школы. Старый ислам в самой своей основе не испытывал сочувствия к правомерности шиизма, и он бы примирился с династией Омейядов, несмотря на ее незаконное происхождение, если бы не был враждебен к ней с самого начала. Аббасид Мансур засвидетельствовал, что правление Умара II было достойно

похвалы, но, несмотря на все это, Умар был Омейядом и крепко держался за прошлые претензии своей династии.

Намерения Умара были во всяком случае добры и, пожалуй, не так уж неразумны. Невозможно сказать, чего бы он смог достичь, ведь правление его продолжалось едва ли два с половиной года. Он умер в возрасте 39 лет в пятницу, 24 или 25 раджаба 101 года от хиджры (9 февраля 720 года) в Хунасире, близ Дамаска. Согласно Абу Убайде, его отравили Омейяды из страха, что он уступит хариджитам и отстранит от престолонаследия, как недостойного, Язида ибн Абдул-Малика, которого Сулейман назначил преемником после Умара. Однако старые и надежные историки ничего об этом не знают. Более того, они лишь выражают свое разочарование тем, что этот реформатор мира скончался столь преждевременно и после него вернулся прежний режим.

Глава 6

ПОЗДНИЕ МАРВАНИДЫ

Язид II был внуком Язида I от его дочери Атики, на которой женился Абдул-Малик; его часто называют Язид ибн Атика в память о его гордой матери^[153]. Он полагал, что стоит выше остальных Марванидов, и хвастал своей суфьянидской кровью. Он также отчасти обладал духом своего деда по материнской линии, в честь которого был назван, хотя и не унаследовал его мягкости и обходительности.

Сразу же после его восшествия на престол произошло событие, которое оказало заметное влияние на все его правление и даже на последующий период. Он был близко связан с аль-Хаджжаджем, на чьей племяннице был женат, и еще при жизни своего дяди она родила ему сына аль-Валида, который позднее стал халифом. Ее первый сын, рано умерший, получил имя Хаджжадж. Соответственно, он был настроен против любимца Сулеймана Язида ибн аль-Мухаллаба, который, будучи наместником в Ираке, плохо обошелся с семьей аль-Хаджжаджа. Последний не ожидал от него ничего доброго, когда тот пришел к власти; по аль-Вакиди, он спасся из долговой тюрьмы, в которой его держали, только после смерти Умара, а по Абу-Михнафу, главному рассказчику у ат-Табари, еще раньше, когда стало известно о серьезной болезни халифа. Целью Язида ибн аль-Мухаллаба была Басра, откуда происходил его род махалиба и его род азд уман. Он ускользнул от кайситов, которые преследовали его, и куфийцев, которые едва не поймали его, и появился перед Басрой с небольшим отрядом, где тем временем его братья и родственники, каких только удалось найти, были схвачены и посажены под замок в цитадели. Наместник Ади ибн Артат вышел с басрийскими родами и встал перед городом, чтобы не дать ему войти, но, когда он прибыл, они все расступились перед ним; командир конницы из семейства аль-Хаджжаджа, который был готов поднять на него руку, был тихо отстранен, и он смог войти в город без сопротивления и занять свое жилище. Очевидно, что новый халиф не имел хорошей репутации с самого начала. Сирийские войска, видимо, не находились в большом количестве ни в Басре, ни в Басите; возможно, их оттуда отозвал Умар II.

Сын аль-Мухаллаба сначала вступил в переговоры с наместником, чтобы убедить его отпустить пленников из цитадели, а когда это не удалось, он применил силу. На его стороне были йеменцы, то есть аздиты и рабииты, которые объединились в Басре, как в Хорасане, и он усилил их преданность немалыми подарками. Тамимиты и кайситы, которые с незапамятных времен были соперниками йеменцев, стояли за наместника. Но так как наместник был слишком скуп на подарки по той причине, что был слишком щепетилен для того, чтобы позволить себе пользоваться государственной казной в корыстных целях, они не особенно старались и при первой

же стычке сторон разбежались. Наместник скрылся и был осажден в цитадели. Заключенные там мухаллабиды забаррикадировались, чтобы он не смог сделать им ничего плохого, и через несколько дней цитадель пала и наместника взяли в плен. Он охотно покорился судьбе, так как был уверен, что из страха перед «Божьими войсками в Сирии» (то есть правительственными войсками) никто не посмеет тронуть и волоска с его головы.

Вырванное у халифа прощение для Язида слишком запоздало. Он зашел слишком далеко. Теперь он уже открыто призывал к священной войне против сирийцев во имя Священного Писания и сунны пророка, войне, которая, по его словам, была более настоящей и необходимой, чем война с тюрками и дейлемитами. Он намеревался запрячь ислам в свою повозку. Но в Басре нашелся человек, который посмел возвысить голос против него, – старый Хасан, друг Умара II. В этих междоусобицах, сказал он, сражаются не за Бога, а за мир и мирскую добычу. Его стали бранить как друга сирийцев, предателя и лицемера, говоря: «Если б его сосед вытянул бы хоть единую тростинку из его крыши^[154], он разбил бы ему нос, а нас осуждает за то, что мы хотим лучшего для себя и защищаемся от несправедливости!» Хасан поддался на эти упреки не более, чем Иеремия в такой же ситуации, и продолжал удерживать от участия в войне тех, кто готов был его слушать, и особым влиянием он пользовался среди не принадлежавших к арабам жителей некоторых районов в окрестностях Басры. Однако занятая им позиция была исключительной в том смысле, что она разделяла религию и политику в сфере теократии, и его последователи составляли лишь незначительную группу, иначе его едва ли оставили бы в покое. Обычные благочестивые жители Басры, в первую очередь чтецы Корана, поддались на заманчивые речи Язида ибн аль-Мухаллаба, и за ними в большом числе последовали мавали. Это весьма увеличило количество его сторонников, но их боеготовность не соответствовала численности, а ислам оказался упрямым союзником.

Районы, принадлежавшие Басре, а именно Ахваз, Фарс и Керман, также были охвачены мятежом, но только не его старая любимая провинция Хорасан, потому что там аздитов сдерживали тамимиты. Язиду посоветовали обосноваться в Фарсе, где ему проще всего было бы удерживать власть, но он не хотел оставлять Ирак наступающим сирийцам и предпочел, если возможно, добраться до Куфы раньше их. В конце 101 года от хиджры (летом 720 года) он отправился туда через Васит, который захватил, по каналу Нил. В точке, где этот канал впадал в Евфрат, он остановился в месте, которое носило часто встречающееся название Акр («замок») и находилось недалеко от древнего города Вавилон^[155]. Тамошний наместник попытался преградить ему дорогу в Куфу – заняв позицию на противоположном берегу реки у Нухайлы, но он не смог помешать большому числу куфийцев перейти к Язиду, причем среди них были наследники самых прославленных родов, и не только йеменцы и рабиты, но и тамимиты.

Не прошло много времени, как Маслама ибн Абдул-Малик, долго возглавлявший военные кампании в Малой Азии и Армении, также вышел на сцену с основной сирийской армией. Язид позволил ему приблизиться, перейдя через Евфрат, и без помех поставить лагерь довольно близко от лагеря Язида. Затем два вождя сект, обладавших огромным влиянием на массы, Самайда и Абу Руба, подняли протест, призывая не нападать на сирийцев хладнокровно и тем более ночью, не дав им шанса покаяться, воззвав к Корану и сунне, ведь они, в конце концов, тоже мусульмане^[156]. Язид подчинился, как за много лет до того Али у Сиффина, но потерял всякую веру в свои войска и высказал вслух свое безнадежное желание: чтобы с ним лучше находились бы одни хорасанские аздиты вместо этой бесчисленной орды!

В пятницу (субботу) 14 сафара 102 года (24 августа 720 года) Маслама перешел в наступление после того, как сжег за собой мост. Иракцы не удержались на своих позициях, и куфийские тамимиты первыми бросились наутек. Как будто волк ворвался в овчарню. Язид не был удивлен. Осмеяв совет отступить с доверенными соратниками в Басит, дорога в который была перед ним открыта, он стал искать смерти и нашел ее на поле боя. С ним пали двое его братьев, а также благочестивый Самайда. Было взято сто или двести пленных, в основном при штурме лагеря. Большинство было впоследствии казнено, включая нескольких тамимитов, которые напрасно ждали признательности за то, что своим побегом облегчили победу сирийцам. С другой стороны, сын Язида в Басите предал мечу наместника Ади ибн Артата с тридцатью другими басрийцами из противоположной партии, которые оказались в его руках.

Толпа беженцев рассеялась во все стороны, но преследовали только мухаллабидов, которых гнали, словно дичь на охоте. Сначала они собрались в Басре, с ними также было несколько известных йеменцев из Куфы, потомки Ибн аль-Ашаса и Малика аль-Аштара. Там они сели на корабль и высадились на берегу у Кермана. Уйдя оттуда, они искали убежища в индийском Кандабиле, но не смогли найти безопасности и там. Все их боеспособные воины, за исключением двоих, погибли от меча преследователей, и их отрубленные головы отправили в Сирию и выставили в Халабе. Одиннадцать пленнх юношей привели к халифу и затем казнили. Остальных пленников, женщин и детей, в поспание всяческих мусульманских обычаев, выставили на продажу в Басре, но Джаррах ибн Абдаллах аль-Хаками, один из самых смелых и верных чиновников Омейядов, понимая, что происходит, выкупил их. Семейные поместья, разумеется, были конфискованы.

Ирак сначала перешел победителю при Акре Масламе ибн Абдул-Малику, который назначил новых чиновников в Куфу, Басру и Хорасан. Но вскоре он был смещен, потому что не передал Дамаску избытки из казны провинций^[157]. Вместо него в качестве губернатора Ирака и Востока прибыл Умар ибн Хубайра аль-Фазари из Киннесрина, который управлял Месопотамией при Умаре II. Он был настоящим кайситом и правил соответственно. Аздиты и йеменцы^[158] вообще, особенно в Хорасане, страдали под его властью, потому что их презирали и унижали, а те, кто был расположен к мухаллабидам или подозревался в этом, подвергались пыткам и дурному обращению. Но кайситы одержали триумф и не могли не чувствовать себя владыками всего Востока. Хотя порой они играли друг с другом дурные шутки, тем не менее они надежно спланивались друг с другом против иноземных родов. Ат-Табари рассказывает одну историю, проливающую свет на это, хотя в иных отношениях она не очень достоверна. Наместник Хорасана Саид ибн Амр аль-Хараши, кайсит, устроил выволочку другому кайситу – Макилу ибн Урве в Герате, который считал, что не обязан подчиняться Саиду, потому что был назначен в Герат не им, а напрямую Ибн Хубайрой. Ибн Хубайра не разделял мнения аль-Хараши и отдал его на милость мстительного противника, который хотел запытать того до смерти. Итак, когда перед компанией, которая обычно по вечерам собиралась у него в доме, он поставил вопрос, кто самый выдающийся человек среди кайситов, и получил ответ, что это он сам, он сказал: «Что?! Самый выдающийся человек – это Кавсар ибн Зуфар ибн аль-Харис, потому что стоит ему продудеть в рог, как к нему явятся двадцать тысяч человек и даже не спросят, зачем он их вызвал^[159]. Конечно, я величайший благодетель кайса – всегда стараюсь быть им полезным, но самый храбрый из них – тот осел, которого я приказал убить». И тогда простой бедуин ответил: «Как же ты можешь быть величайшим благодетелем кайса, если ты убил храбрейшего кайсита?» Сразу же после этих слов он отдал приказ сохранить жизнь аль-Хараши. Позднее стороны поменялись местами. Ибн Хубайре пришлось бежать от Халида аль-Касри, а его врага аль-Хараши послали за ним в

погоню. Догнав беглеца на своем корабле, он спросил: «Как, по-твоему, мне следует с тобой поступить?» – «Я думаю, – ответил тот, – что, будучи кайситом, ты конечно же не отдашь меня кайситам». – «Тут ты прав, – сказал первый, – поди прочь!»

Дух аль-Хаджжаджа обладал властью даже после его смерти, властью, которой он едва ли бы гордился. Противостояние кайситов и йеменцев, усугубившееся из-за его вражды с Ибн аль-Ашасом и Ибн аль-Мухаллабом, стало еще хуже после его смерти. Вражду провоцировали действия халифов, которые становились на ту или иную сторону, независимо от того, чью именно сторону они принимали. С противоположной точки зрения Язид II углубил ту же рану, что и Сулейман, которая успела слегка затянуться во время предыдущего царствования. Под влиянием аль-Хаджжаджа он уничтожил мухаллабидов и всегда питал ненависть к ним. Недоверие к их стремлениям на востоке государства было оправданно, а своим мятежом они сами обрушили на себя его гнев. Но объявление вне закона всего выдающегося и влиятельного рода – мера, дотоле неслыханная во всей истории Омейядов, – стала практически объявлением войны против йеменцев вообще, и ее следствием было то, что государственная власть начала превращаться в партийное правление кайситов. Упрекать в этом следует халифа. Он дал власть в руки Ибн Хубайре и позволил ему действовать по собственному усмотрению в широкой сфере полномочий. Его мотивом, несомненно, была исключительно месть. Он не был государственным деятелем и был не в состоянии предвидеть далекоидущих политических последствий своего образа действий. В Сирии он потворствовал кайситам не больше, чем кудаитам. Кудаиты были ядром армии, одержавшей победу у Акра. Кальбит сразил Язида ибн аль-Мухаллаба, когда тот атаковал Масламу, и именно кальбиты преследовали беглых мухаллабидов и стерли их с лица земли.

Язид II далеко отошел от политики умиротворения, свойственной его непосредственному предшественнику. Согласно Ибн аль-Асиру, он сделал недействительным все, что было ему не по нраву в правлении предыдущего халифа. Сразу же после прихода к власти он назначил новых чиновников в Медину и Африку, однако не предложил сразу же общей систематической реформы. Зато он освободил от дани согдийцев, которые перешли в ислам после того, как получили такое обещание. Его наместник Язид ибн Абу Муслим действовал аналогичным образом по отношению к берберам, но они убили его, восстановили его предшественника и исправно сообщили обо всем халифу^[160], который объявил, что одобряет их действия. Он предпочитал плыть по течению, а не отдавать приказы, так как был слаб и апатичен. Он противостоял Умару II не намеренно и не из политических соображений. Если ему удавалось найти что-то дельное у предшественников, он брал это за образец. Но по характеру он был совсем другим человеком, нежели Умар II. Его склонности основывались не на пуританской серьезности, а на аристократической фривольности, он был скорее кавалером, чем администратором. Он отдавал провинции на усмотрение наместников и посвящал время не делам, а разнообразным страстям. Люди, изгнанные его предшественником, при нем снова были в чести. Он не обращал особого внимания на достоинство фирмы, которую должен был представлять, и не трудился делать вид, будто она его заботит. Большую роль при его дворе играли две певицы – Салама и Хабаба. Каждый, кто хотел добиться чего-то от халифа, должен был обращаться за помощью к ним. Сам Ибн Хубайра, как говорят, приобрел высокое положение именно таким способом. Халиф был настолько вне себя после смерти Хабабы, что Маслама умолял его хотя бы не показываться на людях в таком отчаянии. Через семь дней он умер – от тоски по возлюбленной, как ходили слухи. В нем был какой-то романтизм, и он, в отличие от Сулеймана, питал склонность к поэзии и музыке.

По словам Феофана, Умар II надеялся обратить императора Льва в ислам. Дальше он рассказывает, что Язид II услышал пророчество иудея из финикийской Лаодикии о

том, что он останется у власти на 40 лет, если уничтожит изображения в христианских церквях своего царства, и что под влиянием этого пророчества он издал указ против религиозных изображений, но указ остался неисполненным из-за его вскоре последовавшей смерти, и об этом было известно только самому близкому кругу халифа; но император Лев разделял нечестивое иновение и в этом пользовался поддержкой христианина с арабским именем Бишр, который принял ислам, когда попал в плен в Сирии, а после освобождения не отказался от него. Это вызывает серьезные сомнения в том, что столь дьявольский указ халифа, якобы известный лишь очень немногим, существовал на самом деле. Простое утверждение о том, что иудей предсказал халифу 40 лет правления, также встречается у ат-Табари, но пророчество не сбылось. Язид II правил всего четыре года и умер в среду 24 шабана 105 года (26 января 724 года) в Арбаде, в Восточной Иордании. По разным данным, ему было от 33 до 40 лет.

В качестве наследника престола он сначала назначил своего брата Хишама, а после него — сына аль-Валида. То, что он предусмотрел порядок преемственности по завещанию, — безусловно, весьма примечательный факт. Хишам ибн Абдул-Малик получил имя в честь отца его матери, махзумита Хишама ибн Исмаила, и он пользовался любовью своих дядьев с материнской стороны. Он получил знаки власти — посох и кольцо — в Русафе^[161], римском поселении на границе Сирийской пустыни, недалеко от Ракки, которое он восстановил и где, даже будучи халифом, предпочитал жить, считая Дамаск нездоровым. Клятву верности он принял в столице. Он не был очень похож на своего покойного брата, так как отличался благоразумием и честностью и прежде всего был настоящим деловым человеком. Но он также не был похож и на Умара II, потому что ему не был свойствен идеализм.

Его первым решением после прихода к власти стало уничтожение надменного кайситского режима на востоке государства, а для этого он должен был сместить Умара ибн Хубайру, вместо которого в шаввале 105 года (марте 724) пришел Халид ибн Абдуллах аль-Касри, и таким образом Ирак получил правителя, в какой-то степени сравнимого с Зиядом и аль-Хаджжаджем. Его личность представляет для нас больший интерес, чем личность самого халифа, хотя мы чаще слышим о его падении и далекоидущих следствиях этого падения, чем непосредственно о событиях его правления.

Он начал свою карьеру при аль-Хаджжадже и по его наущению приехал в Мекку в 91 году, чтобы не дать политическим преступникам из Ирака найти там убежище. Эту задачу он выполнил следующим образом: возложил на владельцев домов ответственность за тех, кто в них живет. Священный город также должен поблагодарить его за водопровод, который на самом деле не принес ему особой признательности, как и иерусалимский водопровод когда-то Понтию Пилату. Затем Сулейман сместил его как креатуру аль-Хаджжаджа, и после этого он не занимал постов до тех пор, пока Хишам не отдал ему предпочтение и не доверил ему самый важный пост во всем государстве. Как и аль-Хаджжадж, он жил в Басите и посвящал себя мирным занятиям. Видимо, он был мягок по характеру, хотя и не страдал недостатком энергичности^[162]. Он слыл трусом, его не считали настоящим воином и презирали, потому что он в страхе попросил стакан воды, когда, находясь в мечети, услышал о шиитском восстании в

Куфе, все участники которого насчитывали лишь восемь человек иранцев, как выяснилось впоследствии. Фактически же ему представлялось мало возможностей вынуть меч из ножен. Примерно в конце его службы произошли несколько шиитских и хариджитских мятежей, и только один из них получил сколько-нибудь широкое распространение^[163]; но в целом при нем в Ираке наступил необычайно долгий период мира и экономического процветания. И все же его не любили и

яростно ему сопротивлялись. Масса злобных слухов собрана против него в посвященной ему статье в «Китаб аль-Агани», но даже у ат-Табари мы находим их в предостаточном количестве.

Род аль-Касри, из которого происходил Халид, был ветвью бану баджила. Бану баджила, расколотое еще в языческий период серьезными внутренними распрями, совсем было затерялось и лишь в какой-то мере восстановилось благодаря исламу. Поэтому у Халида не было за спиной семейных связей, уважаемого и могущественного рода, на который он мог бы положиться. Если это и было недостатком, с другой стороны, Халид мог считать преимуществом при исполнении обязанностей на посту, что баджила не принадлежали ни к мударитам, ни к йеменцам. Его происхождение не заставляло его занимать какую-либо конкретную позицию в дуализме родовых союзов. Однако кайситы, естественно, склонялись к тому, чтобы считать его своим врагом, так как его прислали на замену их благодетелю Ибн Хубайре и чтобы положить конец их верховенству. По-видимому, остальные мудариты тоже приняли его не слишком радушно. Видному тамимиту из Басры, упрямому противнику тамошнего наместника (потомка Абу Мусы аль-Ашари), пришлось расплатиться собственной жизнью. И даже если сам Халид вступил на пост с намерением сохранить нейтралитет, его тем не менее втянули в водоворот партийных раздоров, и враждебность мударитов, к добру или к худу, заставила его приблизиться к йеменцам. В предании он с самого начала предстает воплощением йеменца, действиями которого руководила ненависть и подозрительность к мударитам и курайшитам, которые тоже к ним принадлежали, даже к самым высокопоставленным из них, и, будучи гордым баджилитом, он, как ни абсурдно это утверждение, якобы открыто выражал подобные чувства. Конечно, это огромное преувеличение. Здесь его не следует сравнивать с Язидом ибн аль-Мухаллабом, признанным вождем аздитов. Лишь после смещения Халида с поста и еще больше после его смерти йеменцы стали громко поддерживать его и сделали его предлогом для мятежа, без его одобрения и против его воли. Сам он довольно четко высказывал свои мысли о том, что он полностью зависит от Омейядов и считает себя их слугой, а не вождем рода или партии. В доказательство его верности династии можно привести его решительный совет Хишаму: не противиться завещанию Язида II и отстранить сына того от престолонаследия, хотя он не мог не представлять, чего ему самому следует ждать от рук сына Язида. Даже после падения он сохранил свою благородную верность, воссиявшую тогда, как солнце.

Помимо враждебности кайситов, Халид также навлек на себя враждебность ислама. Его мать была и оставалась христианкой, и в Куфе он построил для нее церковь. Он разрешил христианам вообще строить новые церкви^[164], а также выказывал терпимость к иудеям. Он взял к себе на службу чиновниками по финансам и администрации многих зороастрийцев. Хариджит Бахлул поставил ему в вину то, что он уничтожал мечети, но строил синагоги и церкви, позволил зороастрийцам править правоверными и разрешил христианам и евреям брать в жены мусульманок. О нем ходили скандальные слухи: будто он происходит от евреев, если вообще не от рабов из Хаджара; будто он вырос среди распутных собутыльников в Медине и там служил поэту и развратнику Ибн Абу Рабии *postillon d'amour* («почтальоном любви»); что он зандик (распутник), нечестивец и мот; в Мекке источник Замзам, который с помощью своего нового акведука он мог заставить перелиться через край, он называл гнусной, заразной лужей и позволял себе подобные же богохульства в отношении Каабы, пророка и его рода и даже в отношении самого Корана. Вполне вероятно, что он был способен сказать о глупости гильдии благочестивцев, что на свете еще не было ни одного разумного человека, который бы знал Коран наизусть.

Видимо, он сознавал свое духовное превосходство и не всегда сдерживал бойкий язык и таким образом давал оружие в руки противников.

Он дал своим обвинителям возможность бросить ему и другие упреки. Он был известен ревностной заботой о природных ресурсах и в этом подражал Хишаму. Он продолжил начатое аль-Хаджжаджем. Инженером, который при нем проводил работы по осушению болот в окрестностях Васита, в низовьях Тигра, был тот же Хасан ан-Набати, который служил аль-Хаджжаджу. Однако он работал над этим больше, чем было хорошо для него. Осушив болота, он получил весьма обширную и плодородную территорию; его главные владения перечисляются поименно у ат-Табари, и на посевах он делал огромные доходы. Ему не приходилось заботиться о деньгах, и он отличался необычайной щедростью, особенно по отношению к слугам и доверенным лицам, которых он таким образом привязывал к себе. Он любил производить впечатление важной персоны, но на пирах не удовлетворял алчности своих гостей, которая была ему невыносима.

Естественно, люди были этим недовольны. В основном их раздражало строительство каналов, а именно то, что огромные участки неводеланной земли оказывались в руках фаворитов, которые имели и разрешение, и возможности ее обрабатывать. Этой коммерческой деятельностью в то время активно занимались, особенно сановники из правящей династии и сам Хишам в частности. Но люди не могли просто пожаловаться на Хишама. Они ограничивались его наместником, который пользовался всеобщей ненавистью. Они не могли предъявить ему непосредственно то обвинение, что он использует официальное положение в корыстных целях, ведь, в конце концов, так поступали все, лишь бы только при этом он уважал частную собственность, а излишки доходов посылал в Дамаск в достаточном объеме. Но они упрекали его за то, что он поднял цену на свое зерно, задержав его продажу. Они также считали, что деньги, которые он так обильно раздаривал, берутся не только из доходов от его поместий, но что он присваивает крупные суммы из государственной казны. Его богатство вызывало зависть, а его способ приобретения друзей с помощью одних только денег увеличивал число его врагов.

Несмотря на это, он почти 15 лет оставался главой Ирака, дольше любого другого наместника — за единственным исключением аль-Хаджжаджа. Следует похвалить халифа за то, что он так долго продержал на посту своего наместника, но в конце концов и он уступил давлению его врагов. Видные курайшиты и Омейяды, оскорбленные халифом, объединились с кайситами против него. Хасана ан-Набати, которому следовало бы быть осторожнее, заманили в заговор против него. Хишам, конечно, на самом деле не считал его политически неблагонадежным, но испытывал к нему некую ревность и, может быть, считал его соперником в деловых вопросах. Его также возмущала гордость Халида, откровенность его высказываний и непочтительные ремарки о нем самом, о которых ему докладывали. Поэтому Хишам решил сместить его и сделать его преемником кайсита — сакифита Юсуфа ибн Умара, родственника аль-Хаджжаджа, который много лет правил провинцией Йемен. Когда происходили такого рода перемены, часто случалось так, что тот, кого собирались сместить с поста, оказывался в полном неведении относительно собственного смещения и ничего не подозревал об этом, пока его преемник лично не являлся перед ним, чтобы призвать к ответу; предполагалось, что таким образом он не успеет подготовиться. Однако секретность, с которой действовал Хишам в данном случае, вышла за всякие рамки разумного. Ат-Табари рассказывает об этом замечательную историю. По приказу халифа Юсуф ибн Умар внезапно объявился в Куфе в джумаде аль-уля 120 года (в мае 738) с небольшим числом сторонников. Христиане Хиры и куфийские сакифиты с другими мударитами отдали себя в его распоряжение, и никто не оказал ему сопротивления. Сам Халид находился в Басите и спокойно позволил схватить себя и заключить в тюрьму. Его темницей стала Куфа;

Юсуф поселился не в Басите, а в Хире. По-видимому, маленький христианский город больше подходил для гарнизона, чем расположенная по соседству людная мусульманская Куфа; к тому же Хишам недвусмысленно запретил Юсуфу селить сирийских солдат рядом с куфийцами. Халид и его сыновья пробыли в тюрьме полтора года. Ни один йеменец не раскрыл рот в его защиту, только один абсит из племени кайс выразил ему сочувствие в стихах. От Халида потребовали отчитаться за государственные деньги, то есть признаться в присвоении и растрате крупной суммы и возместить ее. Для этого пришлось прибегнуть к дыбе, но Хишам позволил применить ее лишь после долгих уговоров, да и то только при определенных условиях. Он сам пригрозил палачу смертью, если жертва умрет под пыткой, и послал телохранителя с единственной целью присутствовать во время применения пытки. В шаввале 121 года (сентябре 739) он приказал освободить заключенного, так как от него ничего невозможно было добиться. Затем Халид искал его в Русафе, но его не допустили к Хишаму, и ему пришлось ограничиться посланием, которое он передал со своим самым доверенным советником – кальбитом аль-Абрашем. В сафаре 122 года (январе 740) он отправился в Дамаск, где и обосновался. Однако Юсуф ибн Умар не прекратил преследовать жертву, которой удалось выскользнуть у него из рук, и в конце концов сумел вынудить халифа, который согласился, но очень неохотно, приказать доставить к нему сына Халида – Язида, но Язид сбежал и тем спасся от тюрьмы. Префект Дамаска Кульсум ибн Ийяд аль-Касри действовал заодно с Юсуфом, хотя, возможно, и с иными целями. Он был двоюродным братом Халида и по своей должности должен был надзирать над ним. Он мог вполне добросовестно и исключительно из должностного рвения, воюя с ним в Малой Азии летом 122 года от хиджры (740), подозревать, что он имел какое-то отношение к нескольким крупным пожарам, из-за которых несколько кварталов Дамаска сгорели дотла^[165]. Хишам прислушался к нему, так как считал его неспособным испытывать вражду к собственному родственнику, и приказал арестовать всех сторонников Халида. Однако вскоре стало очевидно, что тот не имел никакого отношения к поджигателям, хотя они определенно были иракцами. Вернувшись домой, Халид был вне себя от гнева и разразился изменническими речами, после чего добавил, что пускай желающие докладывают о его словах тому, кому они адресованы. В другой раз, когда Хишам через аль-Абраша призвал Халида к ответу, потому что тот якобы при большом скоплении народа повторил лестные слова похвалы, при этом совершенно богохульные, Халид опять пришел в ярость и откинул всякую почтительность к своему владыке. Хишам спокойно снес оскорбление и только заметил, что Халид лишился рассудка и не понимает, что говорит. Лишь против его воли халифа постоянно вынуждали принимать неприятные меры против старого слуги, в чьей верности он сам ничуть не сомневался, и впоследствии ему неоднократно представлялись возможности раскаться в этом. К чести Хишама надо сказать, что он стыдился этого и не обижался на откровенный гнев Халида, признавая его доказательством чистой совести. В последние годы своего правления он оставил Халида в покое в Дамаске, хотя популярность, которую он там завоевал, едва ли могла быть ему приятна.

Если при Халиде в Ираке на много лет воцарился мир, то при его преемнике в столице вскоре уже поднялось восстание, которое открыло тревожные перспективы. Алид Зейд ибн Али ибн Хусейн ибн Али весьма неохотно прибыл в Куфу из Медины, где находилось его семейство, но потом остался там, потому что попал под влияние шиитов, которые задержали его в городе. Они сказали ему, что час настал, что правление Омейядов в Куфе опирается лишь на несколько сирийских солдат, которые не выстоят против 100 тысяч куфийских воинов, и он позволил себя обмануть, хотя оказался достаточно осторожен, чтобы постоянно менять свое место жительства. Его пребывание там продлилось в целом около 10 месяцев, в течение

которых он подготовился к восстанию и набрал добровольцев также в Басре и Мосуле. В Куфе 15 тысяч человек записались в его войска. В тексте присяги говорилось, что Священная книга и сунна пророка должны быть образцом для поведения, что следует бороться против несправедливых узурпаторов, защищать слабых, возвращать пенсион тем, кто был его лишен, государственный доход (фай) поровну делить между теми, кто имеет на него право, давать возмещение пострадавшим от злоупотреблений, возвратит домой солдат из далеких походов и защищать семью пророка от всех, кто ее угнетает и лишает прав. Юсуф ибн Умар долгое время не подозревал об этом движении, но в конце концов он узнал подробности о действиях Зейда от двух арестованных участников заговора. Потом он также обнаружил, что вследствие этих арестов Зейд ускорил восстание и назначил его начало на среду 1 сафара 122 года от хиджры (6 января 740 года). По его приказу куфийцы были собраны во вторник накануне восстания во двор мечети, окружены там и взяты под стражу отрядом сирийцев. Видимо, они весьма обрадовались такой защите собственного безрассудства. Когда Зейд с 218 сторонниками, которых ему все же удалось собрать под покровом морозной ночи в среду, попытался их освободить, они сами практически не пошевелили и пальцем, и через некоторое время Зейду пришлось отойти от мечети, потому что 2 тысячи сирийцев из Хиры уже выступили против него. В среду он отразил их атаку и пока еще удерживал позиции в четверг, но, когда сгустилась тьма, нескольким его доверенным сторонникам пришлось отступить в город перед лучниками-киканитами, и сам он был смертельно ранен стрелой. Его тело попало в руки сирийцев, туловище прибили к кресту в Куфе, а голову выставили на всеобщее обозрение в Дамаске и Медине. Его сын Яхья, тогда еще мальчик, бежал в Хорасан и несколько лет скрывался в Балхе, но потом его нашли и стали гнать с места на место, пока он со своими сторонниками не погиб в бою в правление аль-Валида II.

Хотя это восстание имело такой плачевный конец, оно тем не менее представляет важность, так как последующие шиитские восстания, которые и навлекли гибель на Дамасский халифат, были связаны с ним. Вскоре после смерти Яхьи Абу Муслим стал мстителем за него и расправился с его убийцами.

У нас создается ложное впечатление о халифе Хишаме, если мы будем представлять его как заинтересованного исключительно во власти и внутренних делах. Он, конечно, не был солдатом и, однако же, отнюдь не чурался войны и вел ее энергично, пользуясь всеми доступными ресурсами и средствами, снаряжая мощные армии и не жалея ни денег, ни человеческих жизней. Он постоянно вел то или иное военное предприятие во всех сторонах света.

В самом начале своего правления Хишам энергично возобновил войну с византийцами, которая затихла в неопределенности, после того как поход на Константинополь в 98–99 году от хиджры (716–717) исчерпал всю их силу и, однако, ни к чему не привел. Он снова предотвратил укрепление границ и каждое лето снаряжал грабительские экспедиции, по две или три одновременно в совпадающих направлениях. Командовали войсками обычно его сыновья Муавия и Сулейман, оба истые воители. Первый, предок испанских Омейядов, погиб в 118 или 119 году от хиджры (736 или 737) на вражеской земле, когда его лошадь упала во время охоты. Его отец сетовал так: «Я растил его, чтобы он стал халифом, а он погнался за лисой». Но главным героем этих сражений в преданиях и повествованиях предстает аль-Батталь («воин»). Они прилагали огромные усилия и смогли захватить цитадели и города, которые, конечно, зимой приходилось удерживать с большим трудом. Но византийцы защищались не без успеха. В 122 году от хиджры (740) они разгромили арабскую армию в Акройне, во Фригии, где пал аль-Батталь. В следующем году они сами напали на столицу Мелитену, но отступили, когда сам Хишам поспешил туда из Русафы в ответ на призыв осажденных о помощи. Помимо войны с византийцами,

на северо-востоке, с этой стороны Каспийского моря, шли битвы с тюрками, где фортуна тоже не всегда была на стороне арабов. В 112 году (730) они потерпели тяжелое поражение, но потом дела пошли на поправку благодаря Масламе и особенно Марвану ибн Мухаммеду.

С еще большей силой, чем на Восток, мусульмане одновременно наступали и на Запад на Европу, из-за чего христианский мир оказался меж двух огней. За год или два до Хишама мусульмане атаковали франков из Испании. Эмир аль-Хурр впервые пересек Пиренеи, возможно, еще в правление Сулеймана. При Умаре II Самх взял Нарбонну, и она долго оставалась аванпостом и убежищем для арабов. Но когда он отправился дальше в сторону Тулузы, его разбили франки под предводительством герцога Эда в месяц зуль-када 102 года от хиджры (в мае 721). Его преемник Анбаса после нескольких походов, не всегда возглавляемых им лично, в 108 году от хиджры (726) предпринял крупную кампанию, во время которой и умер. Это случилось при Хишаме. Затем наступило затишье. Эмиры часто менялись, и у них хватало внутренних забот. Берберы, составлявшие в армии очень большой контингент, чувствовали, что арабы отодвинули их на задний план и ущемляют в правах как мусульман и воинов, а самих арабов разрывали междоусобицы. Хишам положил начало переменам, назначив Абдуррахмана ибн Абдиллаха наместником вместо вспыльчивого и ненавидимого Хайсама. Для начала Абдуррахману пришлось заняться собственными проблемами. Бербер Мунуза перебежал от арабов к франкам и заявил о своей независимости на испанской северной границе, заключив договор с Эдом и женившись на его дочери. Абдуррахман сначала разобрался с ним, потом взялся за Эда, осадил его между Гаронной и Дордонью и преследовал в сторону Луары. Затем, в рамадане 114 года от хиджры (октябре 732), между Туром и Пуатье он встретился с Карлом Мартелом, которого Эд призвал на помощь. Через несколько дней мелких стычек арабы перешли в яростную общую атаку, но австразийские франки продержались весь день до ночи, а на следующее утро с изумлением увидели, что враг оставил поле боя после гибели военачальника. Гиббон рисует перед нами картину того, что могло бы произойти, если бы победа досталась арабам. Возможно, в таком случае сейчас в Оксфорде занимались бы толкованием Корана и с минбара перед обрезанным народом вещали бы об истинности и святости религии Мухаммеда. Франки сослужили неоценимую службу христианской Европе, но византийцы совершили еще больший подвиг на Востоке.

В Туре арабы не были отброшены раз и навсегда. Сам халиф ревностно продолжал вести войну с франками. Он призвал к ответу преемника Абдуррахмана Абдул-Малика ибн Катана (в 115 году от хиджры, то есть в 733-м) за то, что тот их не атаковал. Тогда он отправился в поход, но смог уйти недалеко, так как христиане в Пиренеях преградили ему путь и вытеснили на равнину. После этого Хишам поставил на его место Укбу ибн аль-Хадждажа (117 год), чье имя в испанских хрониках латинизировано в благозвучное Авкупа. Но вскоре тому пришлось на продолжительный период погрузиться во внутренние дела, и, когда он все-таки в конце концов отправился к галлам, в Сарагосе его встретили письма, призывавшие его в Африку, чтобы содействовать подавлению мятежа тамошних берберов. Тогда он повернул вспять и вместе с испаноарабской армией пересек пролив у мыса^[166]. Окончив, как он считал, свою работу в Африке, он вернулся в Испанию и умер в 122 году (740).

Невольно берберы оказались ценными союзниками франков. Они негодовали из-за того, что, даже будучи добрыми мусульманами и ревностными участниками джихада, все равно подвергались со стороны арабов такому же отношению, как вассалы, обязанные платить дань, после смерти Умара II. Благодаря этому создалась благоприятная почва, в которую заронили семена некие эмиссары хариджитов из Ирака, главой которых называется суфрит Майсара. Согласно Саифу, сначала они

вполне верноподданнически обратились к Хишаму и попросили его устранить допущенные в отношении их несправедливости, но их делегацию даже не допустили к нему, и, когда у них уже не осталось средств, после некоторого ожидания они отправились восвояси, разочарованные, написав свои имена, как будто оставив визитные карточки. Тогда-то они уверились, что хариджиты правы, утверждая, что тирания чиновников осуществляется по приказанию самого халифа, который своей жадностью и корыстолюбием заставляет их вымогать деньги у подданных. Вследствие этого они под предводительством хариджитов организовали чудовищный по размаху мятеж, охвативший территорию от Марокко до Кайруана. Африканские эмиры оказались против него бессильны, и даже помощь Укбы из Испании принесла им мало пользы. Им пришлось обратиться к ветеранам – сирийским имперским войскам, которым пришлось отправиться в Африку, как в Ирак. Хишам отдал распоряжение, и в 123 году от хиджры^[167] (741) на марокканское поле боя вышло большое войско под командованием префекта Дамаска Кульсума ибн Ияда аль-Касри^[168], но даже хорошо вооруженные сирийцы, опытные воины, отступили перед полуодетой берберской конницей. В великой битве на реке Нава, красочно описанной испанским летописцем, Кульсум погиб, и его племяннику Балджу только с третьей армии удалось бежать в Сеуту и оттуда в Испанию. Это было худшее из поражений, понесенных до той поры арабами, несравнимо более сокрушительное, чем поражение у Тура. Во имя ислама берберы нанесли тяжелейший удар арабам на западе, даже если арабы в следующем году одержали победу, которая позволила им утвердить свое господство в Кайруане.

Так и на территории Окса (Амударьи), с противоположной, можно сказать, стороны царства, где всегда было беспокойно, при Хишаме сложилась более угрожающая, чем обычно, ситуация. При Умаре II согдийцы вслед за своей знатью перешли в ислам на условии, что, будучи мусульманами, они не обязаны будут выплачивать дань. Однако, как оказалось, наместники не стали соблюдать этого условия; они поступали как им вздумается, и, поскольку они часто менялись, один делал так, а другой этак. Но при этом все они исходили из того, что кто силен, тот и прав; если один освобождал подданных от уплаты дани, то лишь по особой милости, которая вскоре оказывалась отменена. Рассерженные и спровоцированные этим, согдийцы бросились в объятия их старых врагов – тюрков и призвали их в страну. На их стороне также были симпатии благочестивых мусульман, которые выражали ее не только на словах. С такой коалицией правящим арабам было очень трудно справиться. Не раз их армии оказывались в чрезвычайно опасном положении и были вынуждены спасаться, неся огромные потери. Насколько халифу было привычно получать дурные вести из Хорасана, можно понять из того, что он не поверил, когда однажды ему доложили о победе. Его излюбленный способ исправлять положение, а именно смена командующих, часто приводил не к тому результату и всегда имел неблагоприятные побочные следствия, но наконец-то Хишаму удалось нанести удар. После смещения Халида аль-Касри у его преемника в Ираке Юсуфа ибн Умара возгорелась надежда, что Хорасан тоже окажется под его владычеством. Он был готов поставить там настоящего кайсита и тем самым еще больше усугубить и без того ожесточенные межплеменные распри, но вмешался Хишам и сам назначил старого Насра ибн Сайяра аль-Кинани, опытного командующего и чиновника, не принадлежавшего ни к одному влиятельному роду Хорасана. Он, насколько смог, постарался упрочить свое положение, но все же оно оставалось безнадёжным.

Хишам умер в Русафе в среду, 6 раби ас-сани 125 года от хиджры (6 февраля 743 года). Халиф еще не успел состариться – ему было всего пятьдесят, но он никогда не был молод. Его наружность нельзя было назвать располагающей – он щурился. Хотя Хишам мог внушать уважение к себе, он тем не менее не имел тех качеств, которые

сразу же производят впечатление на людей и привлекают их. Он не был свободен от предрассудков, но все же был благоразумным и осмотрительным. Сам он не наносил обид благочестивым; он был правильным мусульманином старого типа – другом передатчиков преданий аз-Зухри и Абу Зинада и врагом новоиспеченного кадаризма, который ставил догматические вопросы и утверждал, что человек обладает свободой воли. К своим христианским подданным халиф не проявлял нетерпимости; он вернул им (мельхитам?) в собственность епархию в Антиохии, откуда они были изгнаны на 40 лет, разумеется при условии, что они выберут патриархом не ученого и выдающегося человека, а простого монаха, его друга Стефана, на что они согласились^[169]. Он сурово отчитал своего сына Мухаммеда за то, что тот приказал выпороть христианина, который, как ему показалось, его оскорбил, вместо того чтобы пожаловаться на него кади. В качестве регента он прилагал все усилия, чтобы стоять выше партийных разногласий; если бы только он смог изменить сердца арабов и наместников! Он был несколько застенчив на публике и предпочитал удалиться в немногочисленную Русафу, а в общении с людьми, которые искали его там, пользовался посредничеством своего альтер эго – кальбита Абраша, на которого мог положиться. Несмотря на все это, он держал бразды правления в своих руках, понимал свою роль и все силы отдавал выполнению своих обязанностей. Его диван, то есть казна, находился в идеальном порядке и был предметом восхищения Аббасида Мансура. Он положил конец злоупотреблению, когда военная пенсия жаловалась видным людям в качестве бенефиция; никто не получал ее – даже аристократы из Омейядов, – если только не служил лично или не присылал себе замену. Собственную долю Хишам отдавал своему мавле Якату, который воевал вместо него. В исторических анекдотах о нем, которых известно не меньше, чем историй об Умаре I, Муавии и Абдул-Малике, он прежде всего предстает очень скупым и экономным.

Это качество, само по себе, быть может, оправданное, по причине ровно противоположного поведения его предшественников, в его случае выродилось в фатальный недостаток. Целью Хишама было наполнить казну. Он делал это в собственных интересах и тем самым вызывал такое недовольство, что Аббасиды, обдумывая принципы правительства, сочли, что наилучший способ понравиться подданным – это пообещать им не строить никаких замков и не рыть никаких каналов. Канал – это имение, и замок относится к нему. Как крупный землевладелец, Хишам соперничал с Халидом и запретил ему продавать свое зерно раньше его в том случае, если цена шла вниз. Что еще хуже, он считал само государство имением, из коего следует извлекать максимальную финансовую прибыль. Его благоразумие в конце концов свелось к откровенному фискализму. Его наместники были обязаны передавать ему максимально большие суммы, и его не заботило, какими средствами эти суммы добываются. Он поднял дань для Кипра и удвоил дань для Александрии и довел до отчаяния подданных в Маверранахре, Африке и Испании. Альфред фон Кремер и его последователи могут придерживаться того мнения, что он вернулся к прежним разумным принципам Омейядов после якобы краха государственной экономики из-за политики Умара II, но в любом случае конец его довольно долгого и беспокойного правления оказался настолько неудачным, насколько это вообще было возможно. Хишам не пользовался популярностью нигде, и везде ему не везло. Он оставил свое обширное государство в гораздо более плачевном состоянии, нежели то, в котором он его нашел, и совсем не случайно пропаганда Аббасидов активизировалась именно при нем.

В завещании, по которому Язид II передавал халифат своему брату Хишаму, он назначил преемником Хишама собственного сына аль-Валида. Аль-Валид II был похож на своего отца, но превосходил его физически. Испанский автор называет его Красивым. Он был хорошо сложен и обладал необычайной физической силой, а

также был полон жизни и отличался большим умом и способностями, которые пробудил и направлял в развитии его наставник – филолог Абдуссамадом. Он вырос при дворе своего дяди, но его юность не была счастливой. Он делал все, к чему испытывал склонность, и больше ничего. Конечно, его будущее было обеспечено. С самой юности он чувствовал, что является наследником престола, и его распутные сотоварищи поощряли его в этой мысли. Хишам сожалел об этом недостатке серьезности и достоинства, с прискорбием взирая на племянника, проводившего время за охотой и чашей с вином в обществе распутников, больше думая о музыке и поэзии, чем о Коране. Хишам пытался его исправить, но неверно взялся за это и потерпел неудачу. Аль-Валид не разглядел добрых намерений в поступках вспыльчивого старика и понял их в том смысле, что Хишам не хочет делать его своим преемником. Возможно, он был не совсем не прав, думая так; это было бы вполне естественно. В любом случае поведение неисправимого преемника в конце концов заставило халифа позаботиться о том, чтобы лишить его правопреемства и оставить престол одному из своих собственных сыновей – Масламе ибн Хишаму.

Однако он встретил твердое сопротивление со стороны сородичей по роду и сановников, особенно по той причине, что Маслама и сам был не прочь поразвлечься. Прежде всего, аль-Валида невозможно было уговорить отказаться от притязаний, но на самом деле именно всевозможные обиды и унижения, которые он постоянно терпел в том числе и от Хишама, и от его придворных, довели его до открытого неповиновения и ненависти к обидчикам, и в конце концов он больше уже не мог выносить двора. После смерти старого и уважаемого Масламы ибн Абдул-Малика, который в какой-то степени умел сдерживать его, он оставил Русафу^[170] и уехал в далекое селение в пустыне на востоке от Палестины^[171]. Там он продолжал вести прежний образ жизни, только еще менее сдержанно, чем раньше. У него не было недостатка в гостях, которые спекулировали на его щедрости и ожиданиях и жили за его счет. Он ждал смерти Хишама и не скрывал этого. Он никогда не сдерживал своих чувств и выражал их в стихах, которые не прятал в стол.

Ему пришлось ждать около года или двух. Потом произошло событие, которого долго ждал не только он. Правление Хишама казалось слишком долгим, все вздохнули с облегчением, когда он навсегда закрыл глаза. Едва он успел скончаться, как корреспондент аль-Валида в Русафе, которого до того момента держали в тюрьме, получил свободу и временное правительство. Он опечатав все имущество настолько, что не осталось даже чаши для омовения или клочка ткани, чтобы завернуть труп, который по его приказу сразу же сняли со смертного одра. Аль-Валид получил известия обо всем этом вместе со знаками власти^[172] и отпраздновал событие в своей обычной манере – пьянством, а также сочинил стих, в котором как наивысшую точку своего ликования изобразил картину горя, постигшего дочерей покойного старика. Потом он отдал приказ захватить богатства Хишама в Русафе и арестовать имущество его родственников и чиновников, за исключением, однако, Масламы ибн Хишама, так как Маслама, хотя и был раньше его соперником и хотя аль-Валид осыпал его насмешками под чужим именем, тем не менее всегда вел себя по отношению к нему честно и доброжелательно. Аль-Валид на время перебрался в Дамаск, чтобы принять присягу в столице. Депутации приезжали со всех провинций, наместники присылали свое выражение почтения в письмах, сообщали о том, что их провинции принесли ему клятву верности, и описывали, с каким воодушевлением люди встретили нового правителя. Кругом были одни празднества. Новый халиф не преминул проявить свою благодарность. Средства, накопленные его предшественником, позволили ему удовлетворить ожидания, которые окружающие питали на его счет. Он повсеместно увеличил военную пенсию на 10 дирхемов, а в Сирии – на 20 и вернул ее жителям Медины и Мекки, у которых Хишам отнял ее в наказание за сочувствие к Алиду Зейду ибн Али.

Омейядов, которые явились поклониться ему, он одарил в двойном размере, щедро предоставил средства на заботу о больных и слепых в Сирии и на уход за ними и обильно раздавал духи и одежду женщинам и детям.

Однако на своих неприятелей аль-Валид обрушил возмездие. Он не направил его непосредственно на семью предшественника, потому что это разозлило бы Омейядов; он только велел выпороть Сулеймана ибн Хишама и затем посадить в тюрьму в Аммане. Но махзумитам Ибрахиму и Мухаммеду пришлось расплатиться за то, что они выступали против него за сына Хишама, который был потомком их сестры. Сначала их пригвоздили к позорному столбу и выставили на всеобщее осмеяние в Медине (в субботу 17 шабана 125 года, то есть 14 июня 743 года), где они заслужили жгучую ненависть, а потом их отправили в Куфу к Юсуфу ибн Умару, чтобы тот запытал их до смерти, и этот приказ он добросовестно выполнил. Бану кака из абситов постигла аналогичная участь; они также поддерживали Хишама в его намерении лишить наследства племянника в пользу собственного сына. Их лишили власти в Киннесрине и Химсе и отдали на милость мстителя – фазарита Язида ибн Умара ибн Хубайры, чьего отца за 20 лет до того они подвергли бичеванию по приказу Хишама. Старая братская вражда между абситами и фазаритами имела здесь кровавое продолжение. Как в Химсе и Киннесрине, также в Медине и Дамаске он снял наместников Хишама и назначил новых. В Медину он отправил брата своей матери Умм аль-Хаджжа Юсуфа ибн Мухаммеда ибн Юсуфа ас-Сакафи; в Дамаске он поставил человека из того же семейства, прямого потомка аль-Хаджжа – Абдул-Малика ибн аль-Хаджжа ибн Юсуфа, и связанного с кайситами через родственников со стороны матери.

Но на двух главных постах – в Ираке и Хорасане – он оставил тех чиновников, которых там нашел: Юсуфа ибн Умара и Насра ибн Сайяра. Он даже оставил при себе в качестве доверенного лица Абраша аль-Кальби, который занимал то же положение при Хишаме. Его сопротивление последнему носило всецело личный характер. Даже в религиозных вопросах, хотя по характеру он весьма отличался от него, он придерживался довольно схожих принципов. Из двоих друзей-богословов предшественника он ненавидел того, кто выражал неприязнь к нему, и проявил благосклонность к тому, кто благоразумно помалкивал. Он относился с той же враждебностью, что и Хишам, к еретикам-кадаритам, полностью одобрил изгнание их вождей на остров Дахлак (близ Массави) и строго надзирал за соблюдением этого приказа. Религия не должна была перейти из практики и привычки в размышление. Некоторые описания у Феофана могут создать впечатление, будто он преследовал христиан, но это на него не похоже. По сути дела, он, видимо, вообще не имел никакого отношения к мерам, принятым в столице против Петра Дамасского и финансового чиновника Петра из Маюмы. Оба они обрекли себя на мученическую смерть тем, что оскорбили ислам и пророка. Переселение киприотов в Сирию не имело никакой связи с религией.

В целом аль-Валид II лишь играл со своей властью. Он относился к обязанностям правителя как к развлечению и никогда не занимался ими всерьез и вдумчиво. Даже будучи халифом, он продолжал жить в пустыне восточнее Иордана. Желчный, мизантропический характер, свойственный ему в юности, так и остался с ним. Даже после смерти Хишама аль-Валид держался вдали от круга, к которому на самом деле принадлежал, и отделил от себя круг родственников и равных. Он не обращал внимания на общественное мнение и никогда не позволял ему на себя влиять. Конечно, у него была придворная канцелярия, но лошади и гончие, певцы и певицы, поэты и литераторы, как и раньше, образовывали ближний круг, в котором он предпочитал пребывать. Днем он скакал по пустыне, подвиги физической силы и выносливости давались ему легко и были ему необходимы. Запрыгивая в седло, он мог вырвать из земли колышек, прикрепленный к его ноге. Ночи он проводил за

пирами. Его отличало глупое, бессодержательное ощущение власти. Ему хотелось, чтобы все женщины были львицами, чтобы приблизиться к ним смели только сильные и храбрые мужи. Но он не погружался в обычное распутство. Близость с куртизанками уживалась в нем с восторженной любовью к знатной даме, за которой он долго и напрасно ухаживал и которую вскоре потерял, так как она умерла. Что угодно могло вдохновить его на коротенькую песню, и в них он умел выкристаллизовать настроение минуты с легкостью, изяществом и оригинальностью. Из них можно было бы собрать всю его биографию, если бы только они в большей полноте сохранились до наших дней, но, так как он был халифом, его поэзию нельзя было сохранить и опубликовать, а разве что украсть. На самом деле порой он даже проповедовал в стихах. Аль-Валид мог бы сделать все, но все для него было лишь прихотью, а его прихоти менялись в одно мгновение. Он погружался в ученые богословские беседы, а потом снова устраивал пьяный разгул и смеялся над святыми мужами. Он был не способен никому отказать в просьбе и в то же время мог быть не просто увлекающимся, а необузданным, как ребенок. Власть была для него проклятием^[173].

Деньги Хишама кончились у аль-Валида быстрее, чем он думал. Постоянных доходов ему не хватало, он требовал сверхдоходов. Юсуф ибн Умар воспользовался этим, чтобы переманить на свою сторону Насра ибн Сайяра, который получил независимость от него. Он предложил крупную сумму денег, если ему снова вернут Хорасан, и добился своего. Халиф призвал Насра со всем его семейством и сообщил ему, что он должен привезти с собой охотничьих соколов и лошадей, музыкальные инструменты, золотые и серебряные сосуды. Чтобы добыть все необходимое, а также многих красивых девушек и богато одетых рабов, Наср ибн Сайяр не жалел средств, но на это ушло время, и, когда наконец Наср отправился в путь, он узнал об убийстве аль-Валида и сразу же повернул назад.

С другой стороны, дьявольский Юсуф после неоднократных тщетных попыток все-таки сумел заполучить Халида аль-Касри в свои руки. У аль-Валида были причины испытывать благодарность к этому человеку, ведь при Хишама он вступался за него и даже после смерти халифа не поддавался ни на какие искушения, которыми пытались вынудить его предать аль-Валида. Но он не доверял ему, потому что знал больше, чем смел сказать. Он заключил его в тюрьму и пытался вырвать у него всяческие сведения, которые тот не хотел выдавать, опасаясь навлечь беду на других. Так и не сумев силой заставить его уступить, он в конце концов продал того заклятым врагам за много миллионов. Юсуф с предельной жестокостью доставил его в Куфу и там замучил до смерти, но так и не смог сломить его гордость или хотя бы исторгнуть из него крик или заставить его лицо исказиться в муке. Он умер на дыбе в мухарраме 126 года (ноябре 743) и был похоронен в Хире.

Незадолго до этого Яхья ибн Зейд ибн Али был убит. Халиф приказал доставить ему голову Яхьи и выставил ее перед высокопоставленным обществом, собранным специально с этой целью. Этим он лишь усугубил ненависть к себе, которую вызвал в широких кругах Востока своим повелением поступить с иракским тельцом так же, как когда-то поступили с идолом иудеев, а именно сжечь его и развеять его пепел над водой. Однако, как можно понять, чувства, вызванные медленной казнью Халида, в тот момент были еще хуже. Йеменцы могли посчитать это оскорблением — Юсуф против Халида означало кайситы против йеменцев, и халиф, по-видимому, отождествлял себя с Юсуфом и другими хадждаджами. Во всяком случае, такое впечатление производили стихи, поддельные и настоящие. Впервые в Ираке и Сирии поднялось общее политическое волнение, которое объединило йеменцев в обеих провинциях. Сирийские йеменцы, особенно кальбиты, были охвачены им всего сильнее, потому что Халид провел свои последние годы с ними в Дамаске и приобрел там множество друзей. Однако эти настроения касались гораздо меньше

кайситов вообще, чем конкретно халифа, и их подстегивали личные враги аль-Валида, используя их как средство достижения собственных целей. Участие в раскольническом мятеже, которое стало результатом упомянутых волнений, было отнюдь не всеобщим, и, даже если оно могло исходить от йеменцев, нельзя сказать, что противники состояли исключительно из кайситов с одной стороны и исключительно из йеменцев с другой. Кайситы-абситы объединились против халифа, потому что он разгневал их своим отношением к бану кака; с другой стороны, на помощь к нему пришли не только бахраниты из Химса (которых А. Мюллер неверно называет кайситами), но также кальбиты из племени амир и род Сулайма ибн Кайсана. Огонь не сразу вспыхнул со всей яростью стихии и распространился на широкой площади лишь после убийства аль-Валида. Любая мелочь могла разбудить спящую угрозу и вывести на первый план роковые тенденции; любой спор скатывался во всеобщую кровную вражду. Естественно, ислам тоже принимал участие в процессе. Благочестивцы негодовали из-за безбожного халифа, особенно кадариты, у которых для этого было больше всего причин.

Еще в те времена, когда Халид аль-Касри жил в Дамаске, против аль-Валида был составлен заговор. Главными заговорщиками явились принцы, члены его собственного рода – умайя, хотя интеллектуальная инициатива, пожалуй, принадлежала не им. Они по рождению были советниками аль-Валида, но он удалился от их общества и их влияния и угрожал разбазарить наследие их отцов, на которое они тоже претендовали. Он также оскорбил их тем, что назначил преемниками двоих своих сыновей без промежуточного звена – причем от такой же схемы правопреемства он сам пострадал в юности, – хотя те были еще малолетними детьми, да к тому же и сыновьями рабыни, то есть по обеим этим причинам, согласно арабским и мусульманским понятиям, не имели права царствовать^[174]. Из-за этого обойденными оказались многочисленные сыновья аль-Валида I. Их отцом был первенец Абдул-Малика, и даже после смерти Сулеймана они рассчитывали стать преемниками, но их очередь так и не наступила, а теперь их должны были сменить потомки Язида II. С ними объединились сыновья Хишама и другие Марваниды; они не пользовались расположением своего царственного кузена и были уверены, что он на них еще отыграется. Их помощниками, а может быть, и подстрекателями были видные дамасские кальбиты^[175], недовольные офицеры и уязвленные чиновники, которые, как нам рассказывают, уже присоединились к Халиду аль-Касри, чтобы его расшевелить. Их имена перечислены у ат-Табари, но позднее чаще всего упоминается Мансур ибн Джумхур. Естественно, сыновья Халида аль-Касри тоже принадлежали к этой партии; Язид ибн Халид вышел из своего укрытия, чтобы сыграть существенную роль. С другой стороны, Суфьяниды встали на сторону аль-Валида II, который тоже принадлежал к ним, ведь через свою бабушку он происходил от Язида ибн Муавии ибн Абу Суфьяна. Абу Мухаммед (Зияд ибн Абдуллах ибн Язид ибн Муавия) ас-Суфьяни был среди них самой важной фигурой, а доверенным лицом у него был Марванид – Аббас ибн аль-Валид ибн Абдул-Малик.

Самый амбициозный среди братьев, сын пленной согдийской княжны Язид ибн аль-Валид ибн Абдул-Малик выступил в качестве халифа от оппозиции. Он привлекал людей на свою сторону, осыпая их дождем из денег, а своими речами и манерами сумел добиться поддержки даже благочестивцев. В назначенное время он, переодетый, въехал на осле в Дамаск в обществе нескольких последователей и там вступил в сообщение со сторонниками, которые в основном жили не в самом городе, а в его окрестностях. С их помощью он сумел пробраться в главную мечеть, где хранился большой запас оружия, и произошло это в пятницу^[176], в день особой молитвы, в день, специально выбранный для исполнения этого замысла. Он арестовал городских чиновников, а также велел задержать отсутствующего

наместника^[177] и эмира Баальбека. В открытые ворота прошли и присоединились к нему полторы тысячи кальбитов из Миззы, а из других близлежащих местностей явились племена гассан, лахм, кинда и другие, особенно из южноаравийских родов. Они нигде не встретили серьезного сопротивления. Очевидно, в Сирии правительство не располагало большим числом солдат, находившихся в боевой готовности. Еще до полудня следующего дня Язид III в качестве нового халифа принял клятву верности от жителей Дамаска. Он пребывал в хорошем настроении и напевал песню, к изумлению его благочестивых сподвижников; до той поры с его уст не слетало ничего, кроме изречений из Корана. Но когда он затем призвал добровольцев выступить против законного халифа, вызвались лишь немногие. Язид увеличил предложенную награду и только тогда уже смог набрать 2 тысячи человек, командовать которыми он поручил своему двоюродному брату Абдул-Азизу.

Гонца, который принес аль-Валиду II первую весть о мятеже, халиф велел наградить сотней плетей. Совет, который дали ему верные друзья, бежать в Химс или Тадмор или любой другой укрепленный город аль-Валид сначала отверг, и лишь в последнюю минуту, когда армия Абдул-Азиза уже выступила в поход, он покинул Аль-Агдаф и укрылся в расположенном недалеко оттуда укрепленном замке Аль-Бахра. С ним было 200 человек, и несколько небольших отрядов конницы поспешили к нему из близких и далеких мест: кальбиты из Тадмора (под началом племянника Абраша), бахраниты из Химса и другие. Даже Аббас ибн аль-Валид с тридцатью сыновьями отправился к нему на помощь, но в последний миг был схвачен Абдул-Азизом и вынужден присоединиться к его армии.

Гонец за гонцом докладывал аль-Валиду о приближающихся вражеских силах, но тот не заботился об этом, пока не увидел их собственными глазами. Его скудные войска стояли лагерем перед цитаделью по арабскому обычаю. Деньги у аль-Валида уже закончились, и солдаты получили от него только письменное обязательство будущих выплат и считали свое теперешнее положение безнадежным. Дезертирство Аббаса на сторону противника показало им опасный пример, а кроме того, тадморские кальбиты не хотели воевать с дамасскими. В таких обстоятельствах перед Абдул-Азизом стояла легкая задача, когда на рассвете он перешел в наступление. Аль-Валид, который лично принимал участие в битве и сражался с отчаянной отвагой, вскоре оказался брошен всеми. Тогда он снова отступил в цитадель, сел во внутренней комнате и стал читать Коран, чтобы встретить смерть подобно Усману, и так и принял смертельный удар. Кусок его кожи размером с ладонь доставили наследнику Халида аль-Касри как залог свершенной мести. Голову аль-Валиду отрезал человек по прозвищу Грошовой Лицо Ваджх аль-Фальс, и ее доставили Язиду. Тот выставил ее и возил с собой повсюду и только через месяц отдал брату убитого, но тот из трусости не решился ее похоронить, сославшись на религиозные причины. Днем краха был четверг 27 джумады ас-сани 126 года, то есть четверг 17 апреля 744 года. Если верить Язиду III, то к власти его призвала воля народа и убийство аль-Валида было необходимой самообороной, ведь он ответил мечом на мирное предложение предоставить решение их предстоящего конфликта шуре (совету), и потому именно он первым пролил кровь. Когда обстоятельства стали известны в Химсе, жители разрушили дворец Аббаса ибн аль-Валида, которого сочли предателем, и пошли на Дамаск, полагая, что Суфьяниду Абу Мухаммеду, которого они поставили во главе, достаточно лишь объявиться перед воротами города, как город ему сдастся. Но получилось наоборот. Сулейман ибн Хишам нанес им полный разгром под Дамаском, и они были бы стерты с лица земли, если бы не вмешательство Язида ибн Халида аль-Касри и кальбитов. Абу Мухаммеда заставили отправиться в Хадру, столичную тюрьму, где уже находились два других Суфьянида и двое сыновей аль-Валида II. В палестинских провинциях восстания тоже были подавлены без особого труда либо силой, либо милостью.

На церемонии принесения присяги в Дамаске Язид III выступил с важной приветственной речью, в которой назвал своим образцом святого Омейяда Умара II. Он поклялся не возводить дворцов, не строить каналов, не собирать сокровищ, тратить собранные в каждой провинции деньги только на нее, не держать солдат слишком долго на военной службе в далеких походах, чтобы ни они, ни их жены не впадали в искушение, не обременять землевладельцев-иноверцев такими большими поборами, чтобы им приходилось в отчаянии покидать свои дома, и всегда прислушиваться к жалобам слабых на сильных. «Если же я этого не сделаю, тогда свергните меня или потребуйте от меня возмещения; если вы знаете другого, лучше меня, тогда поставьте его над вами, и я первым поклонюсь ему; повиноваться безоговорочно надлежит не человеку, а только одному Богу». В этом халиф на самом деле искренне обращался к кадаритам, которые в своих политических принципах, как говорят, были заодно с мурджиитами, а с ними Язид тоже одновременно заигрывал. Его громко восхвалял благочестивый демагог Кайс ибн Хани аль-Абси, говоривший после него, за столь прекрасное и правильное изложение обязанностей правителя и в то же время не призвал его сдержать обещание и при необходимости добровольно отказаться от власти. Потом он пообещал вовремя выплачивать пенсион солдатам в начале года и ежемесячное содержание, что было столь же далеко от фактического положения дел, как в теперешней Турции. Однако он снова уменьшил плату, которую поднял его предшественник. За это он получил прозвище Накис (уменьшающий).

Он в значительной мере полагался на йеменцев, и в частности на кальбитов; в его кругу не было ни единого кайсита. Наместником в Ирак был выбран кальбит Мансур ибн Джумхур, отчаянный, безжалостный человек, и он отправился к себе в провинцию сразу же после убийства аль-Валида. Пятьсот кайситов, которые должны были ждать его, позволили ему спокойно разоружить себя, хотя с ним было всего тридцать человек, а кое-кто говорит, что и всего семь. Юсуф ибн Умар не получил поддержки от государственных сирийских войск в Хире и Куфе; местный гарнизон уже тогда был ничтожно малочислен. Его попытка разделить кайситов и кальбитов не удалась, они сказали ему: «Мы тоже принадлежим к народу Сирии и принесли присягу тому же халифу, что и они». После смерти аль-Валида II они остались без имама и не знали, за кого сражаться. Низкорослый длиннорылый кобольд колебался между сопротивлением и отчаянием; он то оживлялся, то в следующий миг снова погружался в себя. Он попал бы в руки Мансура, который имел определенные намерения относительно него, если бы не командующий сирийцами в Хире, кальбит Сулейман ибн Сулайм, который спас его, уговорив бежать и предоставив ему такую возможность. Юсуф укрылся в Балке, в районе Восточной Иордании, но недолго оставался там. Кальбит вытащил его с женской половины и бросил в дамаскую тюрьму Хадра, где этот маленький человек выставлял себя в глупом свете своими нелепыми страхами и его длинная борода давала тюремщикам много возможностей для насмешек над ним. Он был для них все равно что жаба на веревочке.

Мансур ибн Джумхур вошел в Хиру и Куфу еще в начале раджаба 126 года (в конце апреля 744), захватил казну, выплатил давно просроченные жалованья и освободил заключенных. Города Васит и Басра приняли его чиновников без сопротивления, но он недолго пользовался властью в Ираке. В рамадане или шаввале 126 года (июле 744) Язид поставил вместо него Абдуллаха ибн Умара, которого, как он был уверен, иракцы должны были принять особенно благосклонно как сына его отца халифа Умара II.

Провинции Систан и Синд также признали нового халифа и получили в наместники кальбита. Подчинился ему и Египет, как повествует Феофан. Наср ибн Сайяр в Хорасане и Марван ибн Мухаммед в Армении и Месопотамии не считали себя его

чиновниками и решили подождать, что будет дальше. Ждать им пришлось недолго. Язид умер в пятницу 12 зуль-хиджи 126 года (25 сентября 744 года), через 162 дня после прихода к власти. Преемником он назначил своего брата Ибрахима ибн аль-Валида, и весьма примечательно, что это произошло по настоянию кадаритов, которые, следовательно, оказывали на него влияние не только в религиозных вопросах.

Глава 7

МАРВАН И ТРЕТЬЯ МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА

Насильственная смерть аль-Валида II была сигналом к свержению династии Омейядов. Правящее семейство совершило политическое самоубийство. Даже в Сирии ее власть лишилась правомочности, а халифат – святости. Даже Сирия, краеугольный камень существующего порядка, оказалась втянута в вихрь революции, и там революционный пыл нашел благодатную почву и укоренился в ней. Сами кальбиты, до той поры наивернейшие из верных, личная гвардия правителей, проявили вероломство и позволили вовлечь себя в бунт против законного владыки. Мы можем лишь попытаться представить себе, как это потрясение в центре государства повлияло на его окраины. Повсюду узы, сдерживавшие центробежное движение, ослабели; и тут и там стали поднимать головы многочисленные и всевозможные оппозиционные движения. Из хаоса возникали изменчивые формы; элементы соединялись у того или иного центра и затем снова разделялись, образуя новые сочетания. Это было время удобное для авантюристов и честолюбцев, в мгновение ока они успевали подняться на вершину власти и внезапно исчезали, превращаясь в ничто.

Как оппозиция наследникам Абдул-Малика и, в частности, сыновьям аль-Валида I и Хишама, виновным в смерти аль-Валида II и выигравшим от нее, поднялся незаконнорожденный потомок побочной ветви правящего семейства – Марван ибн Мухаммед ибн Марван, которому тогда было лет пятьдесят – шестьдесят. Его в насмешку прозвали «ослом», потому что ему нравились пионы, которые назывались «ослиной розой». Его отец Мухаммед, брат Абдул-Малика, много лет правил Месопотамией и Арменией и, как таковой, вел военные кампании против византийцев. Затем Маслама ибн Абдул-Малик и другие заняли его место. Марван впервые появился на сцене в 115 году и получил в свое ведение по меньшей мере Армению и Азербайджан. Этот пост требовал, чтобы его занимал солдат, и Марван оказался таковым, энергично защищая кавказскую границу от тюрков и предпринимая успешные набеги на их территорию. Пост, который он занимал 12 лет, стал для него военной школой. Организация армии в то время претерпевала постепенные изменения и развивалась в техническом смысле. Старое ополчение – мукатила – оказалось совершенно бесполезным для затяжных кампаний в отдаленных областях, особенно если преследуемые цели не касались их непосредственно. Ополчение было устранено и заменено сирийскими государственными войсками. С точки зрения военных целей было мало толку в системе фиксированных пенсий для каждого араба, способного носить оружие. Если возникала необходимость в воинах, которые умеют подчиняться приказам и идти туда, куда их ведут, их приходилось привлекать выгодными перспективами. Язид I платил всем, кто был готов выступить на Медину и Мекку, на 100 динаров больше полного годового пенсионера. Язид III предложил тем, кто согласился воевать с аль-Валидом II, по 2 тысячи дирхемов каждому, тогда как аль-Валид II, со своей стороны, предложил своим защитникам по 500 дирхемов. Сирийцы, которые в 130

(748) году вышли воевать против южноаравийских хариджитов, получили по 100 динаров, по боевому коню и лошади для поклажи. Даже хариджит ад-Даххак привлекал к себе людей высокой платой. Регулярные полки как становой хребет армии все больше и больше занимали место племен, на которые опиралась старая система; вместо племенных вождей появились полководцы, для которых война была профессией (кайд), и полки иногда назывались в их честь, как, например, «ваддахия» и «заквания» по имени Ваддаха и (Муслима) ибн Заквана. Наряду с этими изменениями была усовершенствована и тактика. Прежде арабы, по старому своему обычаю, освященному к тому же примером самого пророка, сражались суфуфами – длинными шеренгами; в промежутках между противоположными шеренгами происходили поединки, исход которых часто предreshал, как поведет себя основное войско: обратится в бегство или перейдет в наступление. Теперь же старые неудобные суфуфы сменились карадисами, более мелкими единицами, которые одновременно были и компактнее, и мобильнее. Введение этих карадисов приписывается Марвану ибн Мухаммеду, и, даже если их происхождение уходит глубже, он во всяком случае усовершенствовал их применение. Сам факт, что Марвана ибн Мухаммеда считают их зачинателем, свидетельствует о том, как высока была его репутация в качестве военного организатора.

Кроме того, он имел опыт в политических интригах. Он располагал связями со всеми сторонами и точной информацией обо всем происходящем. Когда аль-Валид II вззошел на престол, Марван направил ему сердечные поздравления, в то же время осудив Хишама, хотя именно ему был обязан своим положением. В суровом письме он осудил заговор против аль-Валида и в то же время выказывал совершенно иные чувства. В любом случае убийство аль-Валида стало для него очень выгодным; он получил возможность подняться против тех, кто его совершил, как мститель и под благовидным предлогом вырвать добычу из их рук. Когда об этом стало известно, он выразил свою верность Язиду III тем, что отправился из Армении в Месопотамию. Его сын Абдул-Малик уже вступил во владение этой провинцией за него, так как перемена правителя обязывала наместника оставить пост. Однако у него в тылу взбунтовались сирийские йеменцы под предводительством Сабита ибн Нуайма аль-Джузами. Их он оставил у Кавказских врат как защиту против тюрков, потому что не вполне им доверял. Они не желали приносить присягу ни одному халифу, кроме того, которому поклялись в верности их братья в Сирии, и потребовали, чтобы их отвели домой, и таким образом вынудили его повернуть. Они уступили ему и передали Сабита, но на их требование пришлось согласиться. Марван позволил им вместе с месопотамскими кайситами, которые составляли ядро его армии, дойти до самого Харрана. Там он их отпустил, а сам остался в Харране, считая разумным принести присягу Язиду III, тем более что тот был готов отдать ему всю территорию, которой раньше, во времена Абдул-Малика, управлял его отец, – Месопотамию, Мосул, Армению и Азербайджан.

Язид III, однако, умер через шесть месяцев после прихода к власти, и при назначенном им преемнике Ибрахиме ибн аль-Валиде, которого признали только в южной части Сирии, Марван сразу же приступил к осуществлению своего первоначального замысла. Он отправился в Сирию по Евфрату, к нему присоединились кайситы из Киннесрина во главе с Юсуфом ибн Умаром ибн Хубайрой, также к нему перешли арабы из Химса. Он не встретил сопротивления, пока не подошел к Айн аль-Джарру на реке Антиливана, которая соединяется с Литой. Там под началом Сулеймана ибн Хишама, сына халифа Хишама^[178], стояла армия южных сирийцев. Этот Сулейман ибн Хишам провел всю юность в войнах с византийцами и на поле боя во главе своих войск чувствовал себя как рыба в воде. Его гвардией была «заквания». Тогда он впервые столкнулся с Марваном, это часто случалось и позже, но Сулейман был ему не ровня; Марван разгромил его, и

Сулейману пришлось бежать в Дамаск. Его большая армия развалилась; победитель проявил мягкость и казнил только двух кальбитов, попавших ему в руки, которые принимали участие в убийстве аль-Валида. Остальным пленным он сделал подарки и отпустил их на волю, но сначала они должны были принести присягу двоим сыновьям аль-Валида, которые находились в дамасской тюрьме. Марван благоразумно выступал не от своего имени, а только от имени наследников аль-Валида II, и это стоило им жизни, потому что они были в руках своих врагов. Ведь ни у кого не вызывало сомнений, что, если бы они пришли к власти, они обрушили бы самую чудовищную месть на убийц своего отца и не пощадили бы даже сыновей Абдул-Малика. Поэтому Сулейман велел казнить их, как только вернулся в Дамаск. Язид ибн Халид аль-Касри выполнил приказ и также в тюрьме убил Юсуфа ибн Умара, тогда как Абу Мухаммеду ас-Суфьяни удалось бежать и скрыться. Затем Сулейману перед самым приходом Марвана удалось унести ноги, прихватив все сокровища, которые только он смог в спешке собрать. Вместе с Ибрахимом он отправился в Тадмор, главный пункт кальбитов.

Теперь, когда двое сыновей аль-Валида были успешно убраны с дороги, Марван II принял присягу в Дамаске в понедельник 26 сафара 127 года, то есть 7 декабря 744 года. Первым, кто поклялся ему в верности, был Абу Мухаммед ас-Суфьяни; он утверждал, что сыновья аль-Валида перед смертью сделали распоряжение в пользу Марвана и горько жаловались, что с материнской стороны он связан с гнусными кальбитами и потому лишен права на халифат. По Феофану, Марван, оккупировав Дамаск, предал смерти многих видных людей, участвовавших в убийстве аль-Валида и его сыновей, а кого не убил, то изувечил. Едва ли это соответствует действительности. На самом деле он мог наказать одного-двух фактических убийц аль-Валида, когда они оказались в его руках. Он также, видимо, сурово обошелся с религиозными революционерами. Он казнил того Кайса ибн Хани аль-Амси, который столь вольно высказался во время принесения присяги Язиду III, и преследовал кадаритов^[179], которым покровительствовал его предшественник. Но, по арабскому преданию, в первый раз он вошел в Дамаск не вынимая меча из ножен и совсем не выдавал себя за мстителя. Не по его приказу тело Язида было вырыто из земли и вдобавок повешено. Он даже даровал арабам четырех крупнейших сирийских провинций^[180] возможность самостоятельно выбрать своих вали и таким образом согласился на то, чтобы Сабит ибн Нуайм стал вали Фаластина, тот самый человек, который возглавил на Кавказе восстание сирийских солдат против него. Его целью было придать людям уверенность и спокойствие. Когда, закончив свои труды, он вернулся в Харран, два его главных противника, а именно Сулейман ибн Хишам и халиф Ибрахим, фактически пришли к нему и были приняты с милостью.

Война Марвана с сыновьями Абдул-Малика была войной с кальбитами и кудайтами. Кайситы стояли на его стороне и сражались за него. Он поселился среди кайситов в месопотамском Харране. Там жил его отец, там вырос и он сам, там он чувствовал, что находится дома^[181]. Все его предшественники жили в Дамаске, некоторые даже предпочитали кочевать по пустыне. Так или иначе, если они и держались подальше от Дамаска, то не по политическим причинам и не для того, чтобы лишить город его статуса столицы. Марван, однако, по всей видимости, действительно имел такое намерение. Он перевел правительство в Харран и, как рассказывает Феофан, также перенес туда из Дамаска все делопроизводство и сокровищницу. Это обернулось для него опасными последствиями. Вся Сирия вместе с Дамаском почувствовала, что ее лишили главенствующего положения, за исключением, быть может, ее северной части. Племенные разногласия все больше уходили на второй план перед этими настроениями, народ тосковал по прежним временам. Естественно, было не так-то просто искоренить в людях сочувствие к законной правящей династии, свергнутой с

трона и повсюду имевшей родственников и многочисленные связи, и заставить их полюбить чужеземного узурпатора, да еще и сына рабыни.

Стоял еще 127 год, когда Сирия восстала против Марвана^[182]. Восстание, видимо, началось в Фаластине, так как его главным двигателем был Сабит ибн Нуайм, но оно расплозлось во все стороны и захватило даже Химс, который до той поры был на стороне аль-Валида II и Марвана. 2 шавваля 127 года, то есть 7 июля 745 года^[183], Марван предстал перед Химсом. Тогда его жителей подвела храбрость; они впустили его и выдали тысячу воинов-кальбитов, которые поспешили к ним на помощь из Тадмора^[184]. Тогда Марван отправил сильное войско в Дамаск, чтобы освободить город, который к тому времени осадили сирийские арабы под предводительством Язида ибн Халида аль-Касри. Осаждающие были рассеяны, Язид убит, гнездо кальбитов – Мизза – сожжено. Потом войска пошли в наступление на столицу аль-Урдуна Тверию. Осадивший ее Сабит ибн Нуайм был отброшен, потом снова потерпел поражение в Фаластине и наконец был взят в плен^[185]. Его казнили вместе с сыновьями, но сначала отрубили им руки и ноги, и затем изувеченные тела выставили в Дамаске. Наконец настала очередь единственного города, который еще оставался в руках восставших, – Тадмора, гнезда кальбитов. Марван пошел туда сам, но Абрашу удалось предотвратить худшее и провести мирные переговоры. Главы города явились к Марвану; лишь немногие из них, кто ему не доверял, бежали в пустыню.

В Дамаске Марван позаботился о том, чтобы двое его сыновей были признаны его преемниками, и женил их на дочерях Хишама, собрав на свадьбу весь дом Омейядов. Это был ход государственного деятеля; он полагал, что теперь сможет даже примириться с ними и сделать их своими союзниками. Он призвал сирийцев участвовать в организуемом им военном походе на Ирак, который ему еще не подчинился. Марван собрал из них 10 тысяч человек, снарядил их и дал лошадей и приказал соединиться с 20 тысячами месопотамцев и киннесринцев, уже выступивших вдоль Евфрата под командованием (Язида) ибн Умара ибн Хубайры в начале 128 года (осенью 745). Когда эти 10 тысяч проходили мимо Русафы, они убедили Сулеймана ибн Хишама, который жил там в отцовском дворце, возглавить их в качестве халифа. Хотя Марван отнесся к Сулейману очень милостиво, и у Сулеймана были все основания хранить ему верность, все же этот беспокойный и воинственный человек не мог устоять перед искушением. Он захватил Киннесрин, в котором не было гарнизона. Туда к нему со всех сторон стекались сирийцы, и в конце концов, как мы читаем, под его знаменами оказалось 70 тысяч человек. Тогда Марван оставил небольшую часть войск, направлявшихся в Куфу под началом Ибн Хубайры, у Дурина, а большую часть сам повел назад, на мятежника, восставшего у него в тылу. Он атаковал Сулеймана в его лагере у Хуфафа, возле Киннесрина, и нанес ему сокрушительное поражение. К взятым в плен арабам он не выказал никакого милосердия; все они погибли, кроме тех, кто выдал себя за рабов, так как рабов пощадили. Ат-Табари рассказывает о 30 тысячах убитых пленных, но Феофан говорит всего о 7 тысячах павших в целом. Сулейман с остатками своей армии отошел в Химс, но, когда враг приблизился, бежал оттуда в Тадмор, а оттуда в Куфу. Войско оставалось в Химсе под началом его брата Саида. Затем Марван повторно осадил этот город и на этот раз сумел принудить его к сдаче лишь через 4 месяца 22 дня^[186]. Марван казнил нескольких своих заклятых врагов, Саида ибн Хишама с сыновьями он бросил в тюрьму. Когда именно Марван арестовал и посадил под стражу Абу Мухаммеда ас-Суфьяни, не говорится, но сам факт заключения подтверждает ат-Табари, и это интересно, поскольку показывает, что общее течение подхватило с собой даже этого Омейяда. Стены Химса были снесены до основания, как и стены Баальбека, Дамаска, Иерусалима и других знаменитых сирийских городов; но не стены Антиохии, где население в основном было христианским.

Видимо, Марван неожиданно для себя уже тогда встретил в этих городах оппозицию. Летом 128 (746) года он покончил с Сирией, она лежала в руинах у его ног.

Тем временем на востоке государства все шло вверх дном. В Ираке Язид III в рамадане или шаввале 126 года (в июле 744) поставил наместником сына благочестивого халифа Умара II вместо кальбита Мансура ибн Джумхура, который тем не менее сохранил влиятельное положение в Куфе. Хира была и оставалась местом правительства и штаб-квартирой сирийской армии. В какой-то степени ее можно было назвать куфийской крепостью. Кроме того, столицу сдерживала цитадель, где городской префект имел в своем распоряжении шурту (полицейские силы). Естественно, куфийцы были не слишком расположены к чужеземным солдатам. Ибн Умар стремился привлечь их на свою сторону. Возможно, отчасти этому должна была способствовать затеянная им постоянная смена городских префектов, но главным его методом все же были деньги. Ибн Умар вернул арабским войскам пенсии, которых они были лишены, потому что, по сути дела, они не несли военной службы и если брали оружие в руки, то в основном для того, чтобы бунтовать. После смерти Язида III и восшествия на престол Ибрахима он еще больше поднял плату. Сирийцы на это лишь ворчали: «Ты делишь наш фай (добычу) среди наших врагов». Но куфийцы видели в его видимой доброте только слабость, и, когда Язид III умер, они посчитали его положение настолько шатким, что попытались поднять против него восстание.

В то время среди них находился человек, которого можно было отнести к представителям рода пророка, а именно Абдуллах ибн Муавия ибн Абдуллах ибн Джафар, правнук Джафара, брата Али. Он со своими братьями прибыл к Ибн Умару в качестве просителя и потом остался в Куфе и женился на представительнице известного семейства. По своему происхождению он, казалось бы, подходил на роль претендента и был готов представить себя в этом качестве. Зейдиты, то есть шииты, которые за несколько лет до того восстали под предводительством Зейда ибн Али против власти Хишама, образовали круг его главных приверженцев. Они повели его в цитадель и выгнали префекта. Среди них было много мавали, но остальные куфийцы тоже поклялись ему в верности. Затем они с ибн Муавией выступили в Хиру на Ибн Умара. Того отнюдь нельзя было назвать энергичным человеком, он ничему не позволял нарушать свой покой. Если волнения не успокаивались, он предпочитал плыть по течению и сделал для себя вывод, что это ничуть не хуже; так что пока он сам проводил время за едой и питьем, сирийские солдаты встретили нападающих. Для сирийцев это оказалось легкой задачей. Куфийцы бежали, как только дело дошло до боя, и произошло это в мухарраме 127 года (октябре – ноябре). Только зейдиты бились храбро и еще несколько дней продолжали сражаться в цитадели и на улицах Куфы, пока им не гарантировали безопасность и свободное отступление – Ибн Муавии.

Тогда Ибн Муавия отправился в Мидию через Мадаин. Его ставки еще не были проиграны; вместо того чтобы растерять сторонников, он набрал их еще больше. К нему стекалось множество жителей Куфы и других местностей, особенно мавали и иранцев. Сначала он обосновался в Исфахане, но в 128 (745–746) году отправился в Истахр в Фарсе. Большие части Мидии, Ахваза, Фарса и Кермана подчинились ему, и казалось, что самым своим происхождением он призван к верховной власти. Другие претенденты, объявившиеся в том же регионе одновременно с Ибн Муавией, признали его, чтобы придать законную силу собственным притязаниям, как, например, Мухариб ибн Муса и Сулейман Ибн Хабиб^[187]. Омейяды и Аббасиды, которые дома не чувствовали себя в безопасности, нашли убежище под его крылом в надежде получить от него какой-нибудь пост или вознаграждение. Шиизм, с помощью которого Ибн Муавия поднялся, впоследствии отошел для него на второй план; вокруг него собралось самое разношерстное общество, и так на оставшемся без

повелителя Востоке возникло обширное эфемерное царство – характерный признак той эпохи.

Ибн Умар успешно отделался от Ибн Муавии (в мухарраме 127 года); Марвана II (в сафаре 127 года) он не признал. Фактически после того, как прежнее правительство в Сирии было свергнуто, он продолжал править в Ираке, но по-прежнему не объявлял себя халифом. Его поддерживали сирийские йеменцы (кудаа и кальб), которые, конечно, оставались с ним только за неимением лучшего. Они уже в течение значительного времени образовывали нечто вроде колонии в Куфе и Хире в качестве главного элемента правительственных войск, но приобрели еще большую важность с тех пор, как их собственная родина стала для них неблагоприятной или вовсе закрытой. Их усиливали переселенцы, которые не могли или не хотели заключить мира с Марваном, братья и сыновья Халида аль-Касри, кальбиты-чиновники типа Мансура ибн Джум-хура и другие вожди побежденной партии в Сирии, которые конечно же привели с собой своих людей. Под йеменцами, которые у ат-Табари играют роль во всех войнах того времени, обычно понимают сирийских йеменцев из Куфы.

Марван с самого начала не мог ничего поделаться с Ибн Умаром, только лишь возвысить в пику ему одного из главных людей Ибн Умара – Надра ибн Саида аль-Хараши. Этот человек был кайситом, сыном видного военачальника и сановника закваски аль-Хаджжаджа, и в сирийской армии ему удалось переманить на свою сторону мударитов. Но йеменцы, и прежде всего кальбиты, которые составляли большинство и к которым также относился верховный командующий, а именно аль-Асбаг ибн Зуала, один из убийц аль-Валида II, оставались верными старому наместнику, и он смог удержать позиции в Хире, тогда как Ибн Хараши укрепился в Дайр-Хинде. Затем в течение четырех месяцев два соперника вели сражения между Хирой и Куфой, которые, по описаниям, едва ли когда-то доходили до настоящей кровавой битвы, а затем общая опасность вынудила их договориться.

Ибо теперь на сцену вышли хариджиты и на какое-то время оставались на переднем плане событий. Прежде они всегда были очень малочисленны, и потому им приходилось ограничиваться лишь мелкими стычками. Фактически они тем самым причинили немало неприятностей такому наместнику, как аль-Хаджжадж, хотя и не стремились всерьез добиться власти, а преследовали скорее неполитические цели, надеясь спасти свою душу, а не овладеть исламским миром, с которым, совсем наоборот, они не желали иметь ничего общего. Теперь же их небольшие группы разрослись до мощных армий; они отказались от категоричной исключительности и принимали любую предлагаемую помощь. Конечно, они по-прежнему требовали от приходящих к ним исповедовать те же убеждения, но не отмахивались от союзников, которые хотели биться на их стороне. В действительности же их целью, которую они ставили перед собой, был уже не рай, а земное царство. Они объединились в схватке за власть, за овладение которой разгорелась общая схватка, причем теми же методами, что и остальные, и им почти удалось ее завоевать. Тогда они уже не оставались бы хариджитами.

Движение возникло в Месопотамии, на родине Марвана, причем даже не среди кайситов на юге, а среди рабиитов на севере. Рабииты всегда держались немного в стороне от остальных мусульман-арабов, особенно от своих старых соперников мударитов, которые заставили их уйти с прежних мест и на которых они затаили обиду за пророка и халифат. Бану шайбан из бакритов, которое когда-то жило в районе Мосула на обоих берегах Тигра, со времен Шабиба было особым защитником хариджизма. Именно из их среды после убийства аль-Валида II поднялся Саид ибн Бахдаль как халиф хариджитов. Устранив соперника дома, он отправился в Куфу, где его привлекали более выгодные перспективы, нежели на территории Марвана. По

пути он умер, и тогда другой шайбанит занял его место – ад-Даххак ибн Кайс, из известного племени мурра, к которому также принадлежал и Шабиб. Хариджиты Шахразара, Армении и Азербайджана присоединились к нему, и с несколькими тысячами человек под своими знаменами он пошел в наступление на Куфу. Два тамошних наместника, постоянно ссорившиеся между собой, объединились против него, но не смогли устоять и в раджабе 127 года (апреле 745) понесли такое сокрушительное поражение, что им пришлось бежать из Куфы. Ибн Хараши отправился к Марвану в Сирию; Ибн Умар поехал в Басит^[188], куда уже бежала часть его кальбитов. В шабана 127 года (мае 745) ад-Даххак ибн Кайс последовал за ним туда и осадил его. В борьбе с хариджитами отличился Мансур ибн Джум-хур, но при этом он оказался первым, кто перешел к ним и выдержал их религиозное испытание, пообещав принять ислам^[189] и подчиниться слову Божьему. После некоторой задержки, в конце шавваля 127 года (начале августа 745), Ибн Умар также капитулировал и поклонился ад-Даххаку ибн Кайсу. «Разве ты не видишь, что Бог дарует победу его верным и что племя курайш молится позади племени бакр ибн ваил!» Таким образом поэт выразил свое изумление тем, что Омейяд признал хариджита-шайбанита своим имамом, ибо политический переход в те времена был и религиозным. Такая внезапная перемена действительно была удивительна, и, более того, Ибн Умар не погнушался остаться в Басите хариджитским наместником над Кашкаром, Месеной, Ахвазом и Фарсом и на этом посту поссорился со своим соседом на востоке Ибн Муавией.

Сам ад-Даххак вернулся в Куфу и оттуда правил западной половиной своего царства. После отсутствия примерно в течение двадцати месяцев^[190], определенно не раньше середины 128 года от хиджры (весны 746), его призвали на родину, в Месопотамию, в то время, когда Марван был занят сирийскими делами. Ад-Даххак пришел и овладел городом Мосул, откуда выгнал чиновника правительства. Люди стекались к нему со всех сторон, тем более что он предлагал высокую плату. Его армия якобы насчитывала 120 тысяч человек. Это число, конечно, основано на популярных прикидках, но даже Феофан говорит, что ад-Даххак располагал громадным вооруженным войском. С ним были кальбиты-переселенцы и авантюристы, к ним можно причислить и Омейяда Сулеймана ибн Хишама, который спас свой отряд – закванитов – от разгрома в Хуфафе и поспешил навстречу хариджитам с войском численностью 4 тысячи человек.

Пока Марван подчинял Сирию, возникла опасность, что он потеряет Месопотамию, основу своей мощи. Однако он не бросил осаду Химса, которой как раз в то время был занят, но временно поручил своему сыну Абдуллаху, которого оставил в резиденции в Харране, наступать на ад-Даххака и из Мосула помешать его дальнейшему продвижению. Абдуллах пришел в Нисибин. Там после безуспешной стычки ему пришлось остановиться и отступить в стены города, где его и осадили. Попытка ад-Даххака быстрым ударом овладеть переправой через Евфрат у Ракки окончилась ничем. Тем временем Марван наконец взял Химс и теперь лично перешел в наступление на хариджитов через Ракку. Армии встретились в Кафартуте. Ад-Даххак, который, по своему обыкновению, проявил безрассудство, пал в стычке. Его преемник Хайбари через некоторое время возобновил атаку и пробился во вражеский лагерь, но при этом был окружен с фланга и забит до смерти дубинками напавших на него обозных слуг в лагере. Это произошло в конце 128 года, то есть примерно в сентябре 746-го^[191].

Но лишь в следующем году (6239 от Сотворения мира по Феофану, 129 от хиджры) хариджитов удалось покорить. У них еще оставалось 40 тысяч человек, и халифом они выбрали яшкурита Шайбана ибн Абдулазиза (Абу Дулафа). По совету Сулеймана тот повел их назад на восточный берег Тигра, противоположный Мосулу, но они удержали город в своих руках и общались с ним через мост из лодок. Марван стал

лагерем на противоположном берегу, правом. Так он провел долгие месяцы 129 (746–747) года, не одержав решительной победы. Только когда хариджиты тем временем потеряли Ирак, они уже не могли удержаться и на Тигре. Им не удалось отрезать армию, которая наконец смогла поспешить из Куфы на помощь Марвану, и, чтобы не попасть меж двух огней, они оставили свои позиции у Мосула примерно в конце 129 года (августе 747) и пошли через горы на восток.

Военачальником Марвана, который вырвал Ирак из рук хариджитов и таким образом лишил их возможности оборонять свои позиции на Тигре, был кайсит Язид ибн Умар ибн Хубайра из Киннесрина, чей отец при Язиде II был наместником в Куфе. В начале 128 года он отправился туда в поход, но в течение значительного периода оставался без движения на границе у Каркисии и не мог атаковать до конца 128 или начала 129 года. После нескольких успешных боев с хариджитским наместником Мусанной ибн Имраном, под началом которого бился Мансур ибн Джумхур, в рамадане 129 года (мае или июне 747) ему удалось войти в Куфу^[192]. Затем он захватил город Васит и взял под стражу Ибн Умара. Мансур ибн Джумхур бежал со своими кальбитами в провинцию Ибн Муавии, куда отступили и хариджиты, которые до того бились на Тигре под началом Марвана. Ибн Муавия, человек ничтожный, на краткое время вознесся на большую высоту лишь благодаря обстоятельствам; прежде он о таком и не мечтал. Шииты, хариджиты, кальбиты, Аббасиды, Омейяды – все объединились под его началом. Все различия казались несущественными в фанатичной ненависти к Марвану, но уже вскоре эти обломки, которые свела вместе необходимость, уже не могли договориться между собой.

Марван вернулся в свою резиденцию в Харране. Ему нужна была передышка^[193]. Самые важные провинции государства – Месопотамия, Ирак, Сирия и Египет – теперь находились в его руках. В Аравии хариджиты Хадрамаута, которые завоевали Сану, Мекку и Медину, были уничтожены в 130 (748) году. В течение трех лет он почти постоянно находился на поле боя, совершая беспримерные подвиги в войне с целым миром врагов. Своим умением доводить намеченное до конца он превзошел всех своих предшественников.

Он предоставил воевать с хариджитами и Ибн Муавией на востоке своему иракскому наместнику ибн Хубайре. Армией, которую тот послал к нему на помощь для борьбы с хариджитами, когда они еще стояли на Тигре, командовал Амир ибн Дубара. Затем ему было поручено преследовать их и вытеснить в провинцию Ибн Муавии; там к нему присоединился другой военачальник Ибн Хубайры – Нубата ибн Ханзала. Ибн Муавия проиграл битву с Ибн Дубарой у Мерв-аш-Шазана в 130 году, предоставил царство его судьбе и бежал от врагов в Хорасан, где погиб от рук друзей. Вождь хариджитов Шайбан ибн Абдулазиз аль-Яшкурри направился на восточное побережье Аравии и в конце концов, в 134 году^[194], пал в бою с принцами Омана из известного бану джаланда. Сулейман ибн Хишам и Мансур ибн Джумхур отправились по морю в Синд.

Теперь, однако, когда военачальники Ибн Хубайры рассеяли эту странную коалицию и собирались уже полностью подчинить Западный Иран Марвану, они оказались перед лицом новых, угрожающих противников – хорасанцев под черным флагом Аббасидов. Напрасно Наср ибн Сайяр, старик, который к тому времени уже много лет был наместником Омейядов на северо-восточной границе, предупреждал их об опасности с этой стороны и настоятельно просил помощи для ее подавления. У Марвана было слишком много забот в центре, и он был доволен уж тем, что сумел благополучно сохранить там свои позиции. Потом, в зените его успеха, черный призрак, от которого он отмахнулся, внезапно явился пред ним во плоти. Хорасанцы лишили его упорные старания всякого смысла как раз в тот момент, когда он,

казалось, достиг своей цели. В лице Абу Муслима он столкнулся с кем-то более мощным, чем он сам.

Глава 8

АРАБСКИЕ ПЛЕМЕНА В ХОРАСАНЕ

Окончательный крах Омейядов был вызван подъемом иранских шиитов в Хорасане, но почву для них подготовила предыдущая история провинции, особенно племенная вражда между тамошними арабами, которая, в свою очередь, началась в Басре, так как Хорасан был басрийской колонией. Таким образом, чтобы разобраться в ситуации, сложившейся в Хорасане, мы должны вернуться к более раннему состоянию и тенденции развития условий в Басре.

В Куфе в начале эпохи Омейядов зависть племен друг к другу, несомненно, привела к напряженности в отношениях, но не вылилась в продолжительные ожесточенные столкновения. Там яростно боролись между собой политические партии. С другой стороны, в Басре ситуация сначала казалась практически такой же, какой была еще в доисламские времена. И скрыто и явно кровная вражда сохраняла там свою силу, только действовала она не столько между отдельными племенами, сколько между племенными группами. Самая примечательная из них состояла из племен тамим и рибаб; персидское племя асавира присоединилось к ним, индийские зутт и сайябиджа тоже искали их защиты, просто потому что те обладали наибольшей силой. С давних времен рабииты враждовали с тамимитами. В Басре к бакритам присоединились абдулкайситы, которые были лишь едва представлены в Куфе. Йеменцы были представлены аздитами, а в Куфе преобладали более влиятельные и более арабские мазхиджиты, хамданиты и киндиты.

Аздиты впервые добились влияния в Басре за счет дополнительной иммиграции, которая имела место во второй пол овине правления Муавии и при Язиде I. Считалось неправильным, что эти новоприбывшие, которые не принимали участия в великих завоеваниях во времена Умара и Усмана, теперь предъявляют претензии на обладание теми же правами, что и старые племена. Они сразу же нарушили равновесие сил, существовавшее до той поры, хотя только благодаря аль-Мухаллабу и его сыновьям они достигли своего высокого положения. Вначале тамимиты рассматривали возможность переманить их на свою сторону и вступить с ними в союз, но воздержались от совершения первого шага, потому что их самый мудрый и самый влиятельный советник — Ахнаф сказал, что сделавший первый шаг будет играть в альянсе вторую скрипку. Так что рабииты опередили их и со своей стороны заключили торжественный союз с аздитами. Пока тамимиты держались близко к племени ахль аль-алия, то есть к кайситам, наметилось разделение на две партии, в которых объединенные аздиты (йеменцы) и рабииты противостояли мударитам (тамимитам и кайситам). Однако не надо думать, что все аздиты явились в Басру только в 60 году от хиджры. Там жили аздиты и раньше, и они, как и аздиты в Куфе, принадлежали к западной ветви, родина которой находилась у горы Сарат, в основном к дауситам. Но они не представляли большой важности, пока не получили подкрепление от новоприбывших, которые оказались гораздо более многочисленными и прибывали с восточноаравийского побережья Омана. Племя азд уман, чтобы отличить их от азд сарат, называли мазун, но им не нравилось это имя, потому что оно содержало явную игру слов, намекающую на их смешанное происхождение. В Омане жило много тех, кто не принадлежал к арабам. Над ними также насмехались по причине их старинного промысла, а именно рыболовства, так же как над западными аздитами за ткачество.

В 38 или 39 году Муавия послал Ибн аль-Хадрами в Басру, чтобы с помощью тамимитов подготовить восстание против правления Али, и, видимо, ему удалось привлечь на свою сторону большое число тамимитов. Заместитель наместника Басры, молодой Зияд ибн Абихи, попросил у бакритов защиты, но они не смогли договориться. Затем он обратился к аздитам (азд сарат) и нашел надежное убежище для себя и государственной казны у их вождя Сабиры ибн Шаймана аль-Худдани (из дауситов). Али, однако, попытался переманить басрийских тамимитов от Ибн аль-Хадрами с помощью преданных ему тамимитов. Первый посланный им эмиссар погиб, но второй – Джария ибн Кудама – добился успеха. Тамимиты покинули Ибн аль-Хадрами, Джария осадил его в Дар-Сунбиле и сжег вместе с последователями. До нас дошли сатирические стихи аздита Аранд аса о произошедшем, и тамимиты долгие годы не могли отмыться от позора.

Так началась дружба аздитов с Зиядом и его семейством. Зияд всегда оставался благодарен им и наказал своим сыновьям тоже прибегать к их помощи в любое время, если вдруг они окажутся в нужде. Что касается соперничества тамимитов и бакритов, то сначала они соблюдали нейтралитет и потому подходили для того, чтобы быть опорой правительства.

Настоящая же вспышка племенной вражды в Басре разразилась только после переселения азд уман и смерти халифа Язида I, из-за которой правление Омейядов пошатнулось со всех сторон. Ат-Табари рассказывает об этом весьма подробно, но несколько странно. Это стоит затраченного труда – попытаться распутать клубок и разделить его на отдельные нити, тем более что у остальных рассказчиков мы практически не находим никаких сведений и нигде – достоверных утверждений об этих событиях, имевших столь важные последствия. Главный источник ат-Табари – Абу Убайда, великий собиратель устных преданий арабских племен. Его рассказ, конечно, существует лишь в неполном виде, но пробелы можно заполнить, и Вахб ибн Джарир соглашается с ним в основных чертах.

Абу Убайда. Убайдуллах ибн Зияд, наместник Ирака, был в ссоре с Язидом I, который считал, что убийство Хусейна не принесло ему никакой выгоды, а один только вред. Однажды вечером гонец, которого он держал наготове при дворе в Дамаске, приехал в Басру с известием о внезапной смерти халифа. Он сразу же созвал общее собрание в мечети, объявил о случившемся, осыпал покойника бранью и подчеркнул, каковы его собственные заслуги в Басре. Он сказал, что в первый его приезд туда в диване было зарегистрировано 70 тысяч регулярных солдат (арабов) и 90 тысяч торговцев и ремесленников (мавали); теперь там 80 тысяч первых и 150 тысяч вторых. Все подозрительные лица – под ними он понимал в первую очередь хариджитов – находятся под стражей. «Сила на вашей стороне; сирийцы перессорились. Поэтому выбирайте себе эмира, и если сирийцы выбрали халифа, тогда либо присоединяйтесь к ним, либо нет по своему усмотрению, потому что вы можете обойтись без других, а другие без вас не обойдутся». Его замысел состоял в том, чтобы выдвинуть себя на роль временного эмира, так как после смерти халифа долг повиновения правителю, что понималось как абсолютно личное дело, уже считался отмененным.

Басрийцы тоже выбрали его и принесли ему присягу, пожав руки, но, выйдя от него, они умыли руки и вытерли о двери стены, стирая с них присягу и презрительно говоря, неужели он думает, что они пойдут за ним во времена раздора и неопределенности так же, как они шли во времена единства и порядка, и очень скоро он обнаружил, что они больше ему не подчинялись^[195].

Сигнал к открытому восстанию дал тамимит Салама ибн Зуайб. Однажды он объявился на верблюжьем рынке верхом на лошади, при полном вооружении и знамени и потребовал признать Ибн аз-Зубайра халифом^[196]. После этого

Убайдуллах собрал басрийцев и сказал им, что они выбрали его своим эмиром совершенно добровольно, но теперь они мешают его помощникам исполнять его же собственные приказы и таким образом пассивно потворствуют провозглашению восстания. Ахнаф, вождь тамимитов, обещал доставить ему Саламу, но его последователи уже были слишком многочисленны, и Ахнаф не вернулся.

Убайдуллах оказался в беде. Даже шурта^[197] вмешивалась не по его приказу, а только по приказу своих офицеров. Его братья сказали ему: «Нет халифа, за которого ты сражаешься и который тебя поддержит; нам грозит опасность потерять наше имущество в Басре, а то и распрощаться с самой жизнью». Тогда он, по их совету и по примеру своего отца, решил прибегнуть к защите аздитов от мятежных тамимитов. На закате он со своими сокровищами отправился к Масуду ибн Амру аль-Атаки, вождю аздитов, за которым все они шли^[198]. Он не отважился отправиться в путь при свете дня, даже ночью ему грозила опасность быть застреленным стражей, поставленной против хариджитов; стрела пронзила его тюрбан. Когда наконец-то он благополучно добрался до Масуда, тот испугался; Масуд со своей стороны не хотел ввязываться в кровавую вражду с остальными басрийцами. Тем не менее им удалось успокоить его страхи. Они сказали, что от него ничего не требуется, только на время приютить эмира и потом помочь ему побыстрее добраться до надежного места за пределами Басры^[199].

Тогда басрийцы назначили двоих надежных людей, чтобы доставить им предложение о кандидатуре нового эмира. В пользу одного из двух выбранных курайшитов говорило его родство с пророком и Муавией, он и был назначен. Его звали Абдуллах ибн Харис ибн Абдилмутталиб по прозвищу Бабба. Он вошел в цитадель джумады ас-сани 65 года от хиджры (25 января 684).

Следующее событие заключалось в том, что некий бакрит похвалялся в мечети, что его соплеменник дал в ухо видному курайшиту и что тот смиренно это снес. Присутствовавшие даббиты (из бану тамим), которые были на стороне курайшитов, так как тоже принадлежали к мударитам, за это избили его чуть ли не до смерти. После чего все племя бакр пришло в ярость и решило идти драться с тамимитами под предводительством Малика ибн Мисмы вместо Ашьяма ибн Шакика, который не желал идти^[200]. Ввиду нападения на тамимитов он возобновил старый союз с аздитами, в чем Убайдуллах ибн Зияд оказал ему существенную поддержку своими деньгами. Считалось, что именно вождь аздитов Масуд ибн Амр должен был получить верховное командование. Тогда тот сказал Убайдуллаху: «Пойдем с нами, и мы приведем тебя назад в цитадель». Но он оставался неподвижным перед домом Масуда, велел оседлать и нагрузить верблюдов и каждую минуту сообщать ему новости о происходящем. Масуд пошел в мечеть и взошел на помост, и Бабба позволил ему это сделать. Малик успел пройти несколько тамимитских кварталов, когда услышал, что Масуд убит.

Тамимиты объявили Ахнафу: «Рабииты и йеменцы проникли в мечеть». Через некоторое время они добавили: «Теперь они прорвались в цитадель». Он не беспокоился; только «волки тамима» под началом Саламы ибн Зуайба выступили вперед с несколькими сотнями мавали во главе с Махом Афридуном. Когда к Ахнафу стали приходить все худшие и худшие вести, он в конце концов посчитал возможным применить силу, и раздался крик: «Канительщик наконец-то решился сдвинуться с места!» Он поручил знамя Абсу ибн Тальку, так как Аббада ибн Хусейна не было на месте. Тот явился вскоре после, но повернул назад со своими 60 всадниками, потому что не хотел биться под началом Абса.

Исхак ибн Суеайд^[201]. На стороне тамимитов яростнее всего бился Мах Афридун со своими людьми, каждый из которых выпускал по пять стрел одновременно. Под таким градом стрел противник не мог устоять. Тамимиты толпой запрудили мечеть,

стацили Масуда с возвышения и убили его. Ашьям ибн Шакик аль-Бакри сумел спастись. Это произошло в начале шаввала 64 года. Абу Убайда приводит ту же дату бегства Убайдуллаха, которое, по его сведениям, случилось после смерти Масуда.

Абу Убайда^[202]. Отомстить за Масуда отправился его брат Зияд ибн Амр аль-Атаки, тогда еще юноша. На следующий день он вышел на Мирбад (главную площадь Басры) и там выстроил свою армию: бакриты справа, абдулкайситы слева, аздиты в середине. Ахнаф выстроил тамимитов; против аздитов стояли саадиты и рибабиты под началом Абса ибн Талька; против бакритов – ханзалиты под началом Харисы ибн Бадра; против абдулкайситов стоял Амр ибн Тамим. Но столкновения не произошло, ибо Ахнаф обратился к аздитам и рабиитам с такими словами: «Вы – сограждане Басры, вы дороже нам, чем наши соплеменники тамимиты в Куфе; вчера зачинщиками были вы, вы нарушили домашний мир и разожгли огонь, мы лишь оборонялись, но все же с радостью приложим все усилия, чтобы договориться о мире». Зияд сделал три мирных предложения на выбор, и затем армии разошлись. На следующее утро Ахнаф решил принять предложение, состоявшее в том, что тамимиты забудут о своей пролитой крови, но должны будут искупить кровь, пролитую из-за них аздитами и рабиитами, и выплатить исключительно высокий штраф за Масуда. В ожидании уплаты тамимиты отдали заложников, которые вызвались добровольно. Строки из аль-Фараздака и Джарира подтверждают это. Ахнаф, как прежде, так и на этот раз, столь беспримерным образом исполнил главную обязанность арабского сеида, а именно сохранение мира^[203]. Вместе с ним зажиточный тамимит Ияс ибн Катада заработал добрую славу, взяв на себя основное бремя выплаты искупительного долга.

В некоторых моментах Абу Убайду следует исправить, пользуясь фрагментами, которые мы встречаем у других рассказчиков. Побег Убайдуллаха имел место не сразу после убийства Масуда, в шаввале 64 года. Скорее создается впечатление, что сам Масуд отправил его в Сирию. Вахб ибн Джарир говорит то же, как и Авана, у которого Убайдуллах вообще отправляется в Сирию в середине джумады ас-сани 64 года, то есть через 90 дней после смерти Язида. Таким образом, получается, что он не был молчаливым очевидцем кровавых событий, а вообще там не присутствовал. И нового эмира выбрали тоже не в его присутствии – в самом деле, едва ли договор продержался бы так долго, – а только в результате мирных переговоров между племенами после угрозы разрыва. Так, Авана говорит: «После смерти Масуда и решения спора басрийцы объединились и сначала сделали эмиром Абдул-Малика ибн Абдуллаха ибн Амира, а потом Баббу, пока Ибн аз-Зубайр три месяца спустя не назначил им наместника». Так же объясняется, почему Бабба у Абу Убайды бездействует перед угрозой вторжения аздитов в мечеть и цитадель, – просто потому, что в то время он еще не был эмиром.

Дальше Авана говорит, что Убайдуллах после своего бегства оставил Масуда в Басре в качестве своего представителя. В любом случае подъем Масуда имел место во время междоусобицы после бегства Убайдуллаха. Он хотел узурпировать освободившееся место эмира. Он не выступил против тамимитов, но пошел в цитадель и мечеть и якобы занял место эмира на возвышении, и оттуда его стацили. Тамимиты прогнали Убайдуллаха. Аздиты не позволили им одержать верх, так как хотели сами все решать, и таким образом возникла борьба. Из этого со всей ясностью следует, что Масуд действовал по собственной инициативе и в собственных интересах и не рабииты довели его до этого шага. Рассказ о том, как кто-то кого-то ударил в ухо, вообще не играет существенной роли.

У Аваны мораль всего повествования ясна: попытка одного племени и его главы, возможно даже с одобрения покойного эмира, встать во главе всего движения потерпела полный крах из-за противодействия соперничающего племени. Эмира

можно было выбрать только из курайшитов, стоявших вне племенной системы. Но Авана ошибается, утверждая, будто это были какие-то хариджиты, объединившиеся с тамимитами, которые сволокли Масуда с возвышения и убили его. По другим сведениям, это были персы под предводительством Мах Афридуна, а точнее, из племени асавира, которое давно было союзником тамимитов. Хариджиты были общим врагом всех племен Басры, а также тамимитов, и именно эта опасность более, чем какая-либо иная, заставила их не упорствовать во вражде и прийти к соглашению по вопросу об эмире. И избранному эмиру пришлось вскоре уйти с поста по той же самой причине, что он не выполнил того, ради чего его и выбрали, и не осуществил серьезного наступления на хариджитов. Рассказ аль-Мадаини убедителен. Согласно ему, хариджиты оказались там в результате исторической подделки со стороны аздитов. Аздиты не хотели терпеть позор из-за того, что их вождя уничтожили тамимиты, а также из-за того, что они за деньги отказались от мести. Замечание Аваны о том, что хариджиты, убившие Масуда, жили на канале племени асавира, выдает нечистую совесть.

Таким образом, вражда между аздитами и тамимитами, йеменцами и мударитами выросла из обстоятельства, которое точно зафиксировано и поддается датировке, как ясно следует из только что рассказанной истории – истории важной по этой самой причине. Мирный договор не отменил племенных разногласий. Два года спустя междоусобица была готова разразиться вновь, когда Мухтар попытался поднять восстание в Басре. Но в борьбе с хариджитами, которая оказала спасительное действие, оно превратилось в имитацию; тамимиты не желали быть ниже аздитов при аль-Мухаллабе. Но если в самой Басре племенная вражда утихла, она разгорелась еще сильнее в Хорасане, куда были перенесены басрийские межплеменные отношения, так как завоевание Хорасана шло из Басры. Хорасанские арабы были иракцами, в основном басрийцами, и, как и басрийцы, в военных целях были разделены на пять дивизионов. Как правило, тамошний наместник зависел от иракского, но часто назначался самим халифом и порой даже находился у него в непосредственном подчинении.

Хорасан был территорией постоянных волнений, которые влияли на центр государства гораздо больше, чем, например, Африка или Испания. Эта провинция никогда не успокаивалась и никогда не имела четко установленных границ. Здесь арабы постоянно враждовали с тюрками и иранцами, а передышки использовали для того, чтобы раздирать друг друга. Находясь в таком незащищенном положении, они по-прежнему вели себя настолько же политически пассивно, как и раньше, в своем прежнем доме. Они ощущали себя свободными и ничем не ограниченными в обширной и по большей части пустынной стране, даже если пришли туда и не совсем добровольно. Внешняя опасность не объединяла их, а возбуждала в них необузданность, и даже ислам лишь усиливал факторы разъединения и смуты. Хорасан стал второй Аравией с той разницей, что он лежал на вражеской территории, имел широкие и сложные связи и позволял анархическим тенденциям выражаться более независимо и безудержно. Повествования аль-Мадаини, которым ат-Таба-ри почти исключительно следует в том, что касается событий в Хорасане, местами напоминают эпическое повествование о прошлых веках Аравии, которые знакомы нам по «Китаб аль-Агани». Часто мы находим у него только неплотную ткань племенных преданий, перечисление «дней», где внимание сосредоточено главным образом на действиях героев или алчных злодеев. Хорасанские арабы, особенно тамимиты, гордились своим происхождением и далеко на востоке продолжали вести прежний племенной образ жизни со старыми песнями и сказаниями о собственных подвигах и свершениях. Однако эти остатки подлинного старого арабизма отмечены отпечатком отсутствия четкого и трезвого реализма.

Завоевание Иранского Востока из Басры произошло при наместнике Омейядов Абдуллахе ибн Амуре в правление халифа Усмана. Это был ряд одновременных наступлений в разных точках. Победу не удалось удержать с первой же попытки в одном году; обычно заключались пакты, по которым персидские марзпаны сохраняли свое прежнее положение с небольшими изменениями и ограничениями. Наряду с крупными военными кампаниями под началом назначенных полководцев, которые наносили первые удары, продолжались анонимные мелкие войны, в которых племена действовали сами за себя, чтобы укрепиться там, где получится. На западе, где главным городом был Абаршехр (Нишапур), преобладали кайситы, особенно в более поздний период. На востоке земли бакритов и тамимитов были перемешаны, оба племени предъявляли претензии на некоторые области по праву владения и соперничали не только в Хорасане, но и в Систане. Эти две соседние провинции были тесно связаны, хотя часто управлялись раздельно, и центр тяжести сначала находился в Систане, а затем сместился в Хорасан. Столицей Систана был Заранг, а Хорасана – Мерв.

По старому обычаю, командующие войсками в награду становились правителями тех районов, которые они успешно завоевали. Ахнаф в то время также играл блестящую роль в военных делах, но недолго оставался правителем на завоеванной территории. Как племенной вождь басрийских тамимитов, он, пожалуй, был слишком горд для этого. Старейшими наместниками Хорасана (или некоторых частей этой страны), о которых нам известно, были Кайс ибн аль-Хайсам и Абдуллах ибн Хазим, оба из бану сулайм из числа кайситов. Эхо беспорядков после убийства халифа Усмана дошло даже до дальних восточных окраин государства. Мервский марзпан Махуйя, предавший последнего шахиншаха, сначала получил от Али право взимать дань с дехкан в свою пользу, но, несмотря на эту уступку, не поддерживал власть Али. Нам неизвестно, как было восстановлено арабское правление. При Муавии Кайс ибн Хайсам снова стал наместником, а потом его соперник Абдуллах ибн Хазим. Когда Зияд ибн Абиhi приехал в Басру в 45 году от хиджры, Хорасан и Систан также были отданы в его ведение, так что ему пришлось назначать тамошних чиновников. Он разделил Хорасан на четыре самостоятельных района: Мерв, Абаршехр (Нишапур), Мерверруд (с Фарьябом и Таликаном) и Герат (с Бадгисом и Бушанджем), но объединил их в 47 году при Хакаме ибн Амре аль-Гифари, который умер в 50 году. Его преемником стал ар-Раби ибн Зияд аль-Хариси, высокий, краснощекий, большеротый человек, победитель Систана, который после битвы у ворот Заранга принял марзпанов на поле боя, чтобы договориться об условиях их капитуляции, причем он и его арабы расслабленно сидели на телах погибших. Он был истым мусульманином, и, как говорят, горе из-за казни Худжра ибн Ади разбило ему сердце. В то время в Хорасане жило 25 тысяч поселенцев из Басры и столько же из Куфы, вероятно не самого миролюбивого характера. После смерти Зияда (в 53 году от хиджры) Восток превратился в личное владение для его сыновей. В конце царствования Муавии и при Язиде I Хорасаном правил Убайдуллах ибн Зияд, потом, некоторое время спустя, Абдуррахман ибн Зияд и, наконец, Салм ибн Зияд. В Систане власть принадлежала Аббаду ибн Зияду и Язиду ибн Зияду. Все это были очень молодые люди, а делами между тем занимались старые чиновники, прекрасно разбиравшиеся в обычаях этой страны, как, например, Кайс ибн аль-Хайсам ас-Сулами, Аслам ибн Зура аль-Килаби и другие. Фактически они имели друг на друга зуб и старались навредить друг другу каждый раз, когда власть оказывалась в их руках.

После смерти Язида племенные распри начались и здесь. В Кабуле восстал Зунбиль, убил наместника Систана Язида ибн Зияда и захватил в плен его брата Абу Убайду. Затем место Язида занял Тальха ат-Талахат, состоятельный хузаит, заключил мир с Зунбилем и выкупил плененного Абу Убайду за немалую сумму денег. Но вскоре он

умер, и тамимиты не пожелали подчиняться бакриту, которого он оставил своим преемником, и выгнали его, после чего разразилась война между мударитами и рабиитами, и Зунбиль воспользовался этим. Это оказало влияние на весь Хорасан. Салм ибн Зияд, тамошний наместник, попытался утаить в секрете смерть халифа и злосчастную судьбу его братьев (в Систане и Басре), но, когда держать это в тайне было уже невозможно, он предложил арабам принести ему присягу, как временному эмиру на период междуцарствия. Они так и поступили, но вскоре отвергли его, и он бежал, оставив вместо себя заместителя аздита аль-Мухаллаба, которого привез с собой из Басры. Но мелкие арабские вожди этим не удовлетвоались. Бакрит Сулейман ибн Марсад отказался повиноваться ему и сам стал править в Мерверруде, а Герат ему пришлось отдать другому бакриту – Аусу ибн Салабе ибн Зуфару, и, когда ему удалось уехать в Нишапур и там встретиться с Абдуллахом ибн Хазимом ас-Сулами, тот призвал его к ответу за раздел Хорасана между бакритами и мазунитами (то есть азд уман) и заставил его дать ему мандат на наместничество над всем Хорасаном. Аль-Мухаллаб уехал из Мерва, так как не имел поддержки со стороны племени, поскольку в то время аздиты были немногочисленны в Хорасане. Своим представителем он оставил тамимита, который, разумеется, противился Ибн Хазиму из самозащиты, но потерпел неудачу в борьбе и умер от нанесенных ран.

Тамимиты в основном поддерживали Ибн Хазима, который, в конце концов, принадлежал не к тамимитам, а к мударитам и был враждебен бакритам и теперь вместе с тамимитами начал борьбу против бакритов. Первым делом он выступил из Мерва в Мерверруд на Сулеймана ибн Марсада и убил его, потом на его брата Амра в Таликане и тоже его убил. Беглецы направились в Герат к Аусу ибн Салабе. В возмущении из-за потери Герата бакриты стали стекаться к нему и хотели изгнать всех мударитов из Хорасана. Переговоры, к которым тамимиты принудили Ибн Хазима, провалились, как он и предвидел: «Рабия всегда бунтует против Бога, потому что тот возвысил пророка из среды мудара». Бои перед Гератом, по рассказам, продолжались больше года. Бакритов сзади защищал город, а спереди – ров. Так они отражали все нападения Ибн Хазима, до тех пор пока он не затронул их честь, выкрикнув в их адрес: «Вы хотите заполучить весь Хорасан?». Рассерженные его словами, они оставили свою сильную позицию, но были разбиты в открытом поле и понесли тяжелые потери. Все пленники из их числа, которых захватили до заката, понесли суровое наказание. Аус ибн Салаба бежал в Систан, который тогда находился в руках Зунбия, но умер там от ран. Эта племенная вражда между бакритами и тамимитами на востоке происходила одновременно с враждой между кайситами и кальбитами на западе, и было это в 64 или 65 году от хиджры; результатом ее было постоянное ослабление бакритов.

Ибн Хазим подчинил Герат с помощью тамимитов, но он тем не менее не хотел, чтобы они укрепились там как завоеватели. Он отдал город своему юному сыну Мухаммеду, назначил ему в помощники Букайра ибн Вишаха^[204], чтобы командовать регулярными государственными войсками, и поручил ему не допускать тамимитов. Букайр предложил им немалую сумму денег, чтобы отступить, но эта попытка избавиться от них только разгневала их. Они ворвались в город, связали Мухаммеда, надругались над ним, всю ночь устраивали разгул, а утром убили его. Вот таким способом они показали, как были дружны с его отцом. Затем они отправились в Мерв, получили подкрепление от союзников по племени и поставили верховным командующим в войне с Ибн Хазимом Хариша ибн Хилала аль-Курайи. Это была война в старинном духе: битв не вели, только отдельные герои, каждый из которых стоил больше целого отряда конницы, совершали внезапные атаки и участвовали в авантюрных вылазках. Зухайр ибн Зуайб аль-Адави (из тамимитов) убивал каждого встречного, кто был верхом на буром скакуне, так как его брата

Ашаса убил неизвестный всадник на бурой лошади, и потому он невзлюбил эту масть. Это было характерно для событий той войны. Она затянулась, тамимиты стали расходиться и таким образом растеряли свою силу. Шаммас ибн Дисар аль-Утарида удалился в Систан, Харис ибн Хилал поехал в Мерверруд и удерживался там некоторое время^[205], но в конце концов ему пришлось уехать из Хорасана. Другие тамимиты под началом Зухайра ибн Зуайба отправились в замок Фартана неподалеку от Мерверруда. Там их осадил Ибн Хазим, принудил к сдаче и казнил без всякого милосердия. Тогда, по всей видимости, в Мерве на некоторое время воцарился мир, но через несколько лет ему пришлось подавлять новое восстание тамимитов в Абаршехре во главе с Бахиром ибн Варкой ас-Сурейми. Он поручил Мерв Букайру ибн Вишабу, но не оставил своего сына Мусу в столице из страха перед тамошними тамимитами и приказал ему перейти Оке со всем ценным имуществом и искать убежища в крепости или у царя. Потом он выступил на Абаршехр. Пока он бился там с Бахиром, в конце 82 года до него дошло письмо от Абдул-Малика с обещанием на семь лет даровать ему наместничество в Хорасане, если он признает его халифом. Ибн Хазим счел это прямым оскорблением, так как хотел править независимо, и заставил гонца съесть письмо. После чего Омейяды предложили наместничество своему представителю в Мерве – Букайру ибн Вишаху, который принял их предложение. Тогда Ибн Хазим возненавидел обоих, Букайра и Бахира, и попытался добраться до своего сына Мусы в Термезе, но Бахир нагнал его, и после упорного сопротивления Ибн Хазим пал и, умирая, плюнул в лицо Ваки ибн ад-Дауракийи^[206], который его и добил. Наместник Букайр силой завладел его отрубленной головой и послал ее Абдул-Малику, создав впечатление, будто именно он победил и убил тирана. С настоящим победителем – Бахиром он обошелся плохо и на время бросил его в тюрьму.

Так возникли предпосылки для междоусобицы среди самих тамимитов, особенно среди саад тамим, которые в Хорасане и особенно Мерве преобладали еще больше, чем в Басре, и к которым относились и Букайр, и Бахир. Мукайситы и бутуниты встали на сторону Бахира, ауситы и абниты – на сторону Букайра, но, когда хорасанским арабам в конце концов стало очевидно, что им придется потерять господствующее положение в стране, если кто-то не спасет их от распрей из-за того, кто главнее, и не узаконит их положение высшей властью, они сами добровольно обратились к Абдул-Малику в 74 году от хиджры, чтобы он прислал наместника-курайшита, который бы стоял выше межплеменной злобы и зависти. Халиф послал отпрыска из собственного дома – Умайю ибн Абдаллаха ибн Халида ибн Асида, добродушного человека либеральных взглядов. Когда тот прибыл в Абаршехр, Бахир принял его и попытался настроить против Букайра, но потерпел неудачу. Умайя подтвердил назначение всех чиновников Букайра и предложил ему командовать постоянными войсками, и, только когда тот отказался от поста главнокомандующего, который подразумевал обязанность представлять наместника, Умайя отдал его сопернику Букайра.

Букайр был зол из-за того, что ему пришлось уступить место курайшиту, и, когда тот отсутствовал во время военной кампании, Букайр воспользовался ситуацией, чтобы у него за спиной поднять в Мерве мятеж^[207]. В его руках оказались семьи солдат, находившихся на военной службе, и по этой причине Умайя, поспешно повернувший назад, вступил с ним в дружественные переговоры. Умайя выплатил его долги и дал ему срок в сорок дней, чтобы безопасно уехать, если тот пожелает, в любой город Хорасана, но Букайр остался и продолжал разжигать рознь. Умайя не принимал во внимание жалоб Бахира на него, пока они не подтвердились из других источников. Тогда Букайра арестовали и, несмотря на то что он все отрицал, нашли виновным, так как свидетели казались неподкупными. Его казнили в пятницу его собственным мечом, и палачом, видимо, выступил Бахир, поскольку никто другой не

мог сказать так, как сказал он: «Один из нас двоих должен умереть, чтобы в бану саад в конце концов наступил мир».

Однако последний акт вражды между бану саад произошел не раньше 81 года от хиджры. Семнадцать человек из абнитов, родственников Букайру, составили заговор против Бахира, но действовали не согласованно, а каждый по своему усмотрению. Один из них совершил успешное покушение на жизнь Сасаа ибн Харба. От родственников Бахира в Систане он получил рекомендацию, втерся к нему в доверие и ударил его кинжалом, закаленным в молоке ослиц, на глазах у людей, как полагалось, и воскликнул: «Это месть за Букайра!» Его арестовали, и он с радостью встретил смерть. Абниты, которые пришли к нему в тюрьму попрощаться, во время казни подняли большой шум, утверждая, что он всего лишь выполнил свой долг и осуществил законную месть, но, когда им заплатили выкуп за кровь казненного, они позволили успокоить себя, хотя уже давно казалось, что спор между ними и бутунитами должен вскоре вспыхнуть заново.

Один осколок мятежа кайсита Абдуллаха ибн Хазима оставался еще неподавленным; наследник его правления держался еще 12 лет после его гибели. Его сын Муса, «безбородый», сумел в последнюю минуту бежать из Мерва и ушел за Оке с несколькими сотнями человек. Его многочисленные попытки где-нибудь обосноваться оказались тщетными, и в конце концов он устроился в Термезе, в стороне от Балха на другой стороне Окса, в цитадели, стоявшей на скалистом мысе. Вокруг него собирались кайситы, пока его сторонников не набралось 1100 человек. С ними он совершал набеги во все стороны, и соседи до смерти боялись его и его дьявольских всадников. Наместник Умайя выслал против него войско, но оно потерпело неудачу, и его преемник аль-Мухаллаб и сын того Язид оставили Мусу в покое. Когда к его войску прибавились рассеянные остатки армии Ибн аль-Ашаса, его численность возросла до 8 тысяч человек, и он начал совершать более дальние походы, в которых его также поддерживали два иранских военачальника, перешедшие к нему из арабской армии со всеми своими последователями, — Хурайс ибн Кутба и его брат Сабит. Прежде они имели связи с коренными родами страны, особенно с тархуном из Самарканда, и с их помощью подготовили армию, чтобы вместе с Мусой биться против господствующих арабов. Но Муса не хотел участвовать в нападении на Язида в Хорасане, он собирался только изгнать его чиновников из Маверранахра, и им полностью удалось очистить Маверранахр от всяких остатков арабского влияния, но именно Хурайс и Сабит больше всего отличились в этом деле и благодаря этому приобрели такое могущество, что Муса стал им завидовать. Затем последовало вторжение тюрков с Хайталем и Туббатом в Маверранахр. Муса когда-то успешно выстоял против них и на этот раз тоже мощным ударом отбросил их от Термеза, а затем сам предпринял наступление и разгромил их у Кафиана, и они разбежались. Тогда погиб Хурайс ибн Кутба, но это не встревожило Мусу, он добровольно бы избавился и от второго брата, Сабита. Однако шпион выдал Сабиту заговор с целью его убийства, и Сабит бежал в Хушвараг, где вокруг него собралось множество арабов и иранцев и тархун из Самарканда явился к нему на помощь с огромным войском. Тогда они объединенными силами выступили на Термез и нанесли Мусе отчаянный удар, но арабский зопир^[208] сумел пробраться к Сабиту и убить его. Тогда Муса осмелился ночью напасть на лагерь противника и заставил его отступить, но вскоре Муфаддаль, брат Язида и его преемник в качестве наместника Хорасана, заключил против него союз с тархуном из Согда и сабалем из Хутталя. Перед этой коалицией Муса уже не мог устоять и погиб при попытке спастись. Термез капитулировал, и военнопленные были казнены. Это произошло в 85 году от хиджры.

Пока хорасанские арабы напрасно растрачивали силы в кровавых междоусобных распрях, прежние завоевания в Маверранахре^[209] были полностью потеряны.

Тюрки, поменявшись ролями с арабами, осмелели и вторглись в Хорасан, доходя в своих набегах до самого Нишапура, и даже после возвращения мира и порядка прежние нападения возобновились. Наместник Умайя после долгого интервала стал первым, кто снова выступил за Оке, но он не был воином. Своим позорным бегством от хариджита Абу Фудайка он ослабил собственное положение в Ираке и не восстановил его в Хорасане. После первых успехов в конце концов он был разгромлен, едва спасся сам, но сумел благополучно переправить свое войско через Оке и навлек на себя саркастический стих: «Тот, кто назвал его «девочкой» (Умайя), попал в точку!» Вследствие этого ему пришлось уйти в отставку в 788 году. Аль-Хадждадж, когда вдобавок к Ираку получил власть над Хорасаном и Систаном, назначил вместо него аздита аль-Мухаллаба. Последний нанес поражение хариджитам в Кермане в середине 78 года, но сам явился в Мерв не раньше 79-го. В Маверранахре он не следовал по пятам своего предшественника. В свой последний год он осадил город Кеш, но ничего не добился^[210] и охотно согласился на обещание местных жителей откупиться от него деньгами при условии, что он отведет войска. По дороге домой он умер в Загуле близ Мерверруда, в месяце зуль-хиджа 82 года (в январе 702). Война в Хорасане не принесла ему славы, но, несмотря на это, его приход туда имел величайшее значение. Он привел с собой свое племя, которое до той поры билось вместе с ним с хариджитами^[211]. Аздиты также заключили в Хорасане союзы с бакритами и рабиитами^[212], и таким образом мудариты (тамимиты и кайситы) потеряли главенствующее положение, потому что в конце концов наместник тяжестью своего официального положения склонил чашу весов на другую сторону.

Главой этой смешанной семьи и своим временным преемником на посту аль-Мухаллаб назвал своего сына Язида, чью кандидатуру подтвердил и аль-Хадждадж. Язид воевал в Фергане и Хорезме, а также с другой стороны Окса в Бадгисе, но без успеха или, по крайней мере, без какого-либо долговременного успеха. Нельзя отрицать, что он был предприимчивым человеком, несмотря на любовь к роскоши и тучность, но скорее амбициозным и властным, нежели способным исполнителем. Он ощущал свою зависимость от аль-Хадждаджа тем более болезненно, что был главой аздитов, а этот выскочка был кайситом. Язид очень не хотел достойно наказать иракских мятежников, которые после поражения Ибн аль-Ашаса бежали в его провинцию. Из попавших в его руки зачинщиков он отпустил йеменцев и доставил только мударитов. Аль-Хадждадж не обманывался насчет его настроений, и в раби ас-сани 85 года (апреле 704) сместил Язида и поставил на его место Муфаддала ибн Мухаллаба, который участвовал в заговоре против своего сводного брата Язида. На самом деле аль-Хадждадж предпочел бы вообще забрать провинцию из рук мухаллабидов и аздитов, но не смел, пока Муса ибн Хазим еще занимал свое положение в Термезе и Маверранахре – по крайней мере, народ так полагал, и не без причины. Аль-Мухаллаб и Язид были убеждены, что наместник-кайсит нежелателен для противодействия Мусе, потому что сам Муса принадлежал к кайситам и на его стороне были симпатии кайситов, поэтому они спасли для него полезного врага, чтобы не сделать самих себя лишними после его устранения. Но Муфаддаль отклонился от этой внутренней политики и сурово обрушился на Мусу и тем самым, по сути, отпилил сук, на котором сидел. Ибо, как только он расправился с Мусой, его сняли с поста, который он занимал в течение девяти месяцев. Хабиб ибн аль-Мухаллаб и Абдул-Малик ибн аль-Мухаллаб тоже были смещены со своих постов, а сам Язид оказался в тюрьме. Наместником Хорасана тогда назначили Кутайбу, он был сыном Муслима ибн Амра из Басры, верного приверженца власти Омейядов. Так прекратилось господство в Хорасане аздитов-рабиитов, которые а роИоп назывались йеменцами; арабы во времена Кутайбы назывались просто мударитами. Он сам принадлежал к рассеянному и

незначительному племени бахил а, которое не входило в крупные объединения и занимало низкое место в этнической генеалогии, но в тех обстоятельствах стал союзником кайситов. Аль-Хадждадж был рад, что у Кутайбы за спиной не было мощного рода и ему приходилось опираться на поддержку правительства.

Как мы узнаем из истории Мусы ибн Хазима, до Кутайбы ибн Муслима районы, лежавшие за Хорасаном к северу и востоку, были захвачены и покорены лишь частично, только самым беглым образом. Он, во всяком случае, был первым, кто начал подлинное их завоевание. Чтобы лучше разобраться в его военных походах, будет полезно уделить некоторое время коротким географическим и этнологическим пояснениям относительно Таграна, то есть двух границ Хорасана.

Одной был Тохаристан, бывшая Бактрия. Собственно говоря, это гористая местность по обе стороны среднего Окса до самого Бадахшана. Ат-Табари также включает в него Шуман и Ахрун, но обычно под этим названием понимают только земли южнее Окса. Арабы причисляли ее к области Мерверруда, своего самого восточного города-гарнизона, так как арабская оккупация Балха (Бактры) продлилась недолго, хотя Балх тем не менее был столицей страны. В области Балха находились дальше на восток Хульм, Таликан, Фарьяб и другие города. Дальше на юг и выше Паропамисад (Гура) лежали районы Джаузджана, или Гузгана, а также Гарчистана, или Гарджистана (где над перевалом господствовал Бамиан). Дальше на запад находился Бадгис между долинами Мургаба и Герируда; на юго-востоке располагались Газнин и Валиштан, которые скорее относились к Кабулистану и Систану.

Другой, и гораздо более важной, границей Хорасана был Маверранахр, или, иначе, Трансоксания. В своем более широком смысле он включает в качестве восточной части Хутталян, горную область Хутталь, протянувшуюся на запад от Бадахшана до реки (Вахш-Аб^[213]). Потом идет Чаганиан, земля Чагана^[214]; дальше на запад между Термезом на Оксе и Самаркандом на Политимете^[215] находятся города Шуман и Ахрун, а затем Кеш и Насаф. Последние два у аль-Макдиси включены в Чаганиан, но обычно считаются принадлежащими Согдиане. Согдиана – страна согдийцев по обе стороны от нижнего Политимета, «реки Согда», которая исчезает в оазисе Бухары, не достигая Окса. Старая ее столица – Самарканд, а под согдийцами обычно понимаются жители города Самарканда и прилегающих областей. На восток от Согдианы с одной стороны лежит горная Уструшана, на узком верхнем течении Политимета; с другой стороны, на севере от гор, лежит Чач и Фергана на Яксарте (сейчас Сырдарья) у перехода на земли тюрков. Нижнее течение Окса, откуда он отклоняется на север, идет через пустыню, пока наконец не образует оазис Хорезм. Главный переход на этом отрезке находится в Амуре, на лодочном мосту.

Население, язык и промыслы^[216] в этом довольно обширном регионе были иранскими. В политическом смысле существовала большая раздробленность, которая не могла возникнуть только после падения государства Сасанидов. При аристократии дехкан правящие династии поднялись выше обычной знати, землевладельцев и деревенских старост. Везде в изолированных областях и крупных городах мы находим наследственных аристократов со своими собственными необычными титулами^[217]. Они частично арийские, но неарийские встречаются тоже. Ибо сильно рассеянные иранцы не остались несмешанными и непокоренными. В Паретакене над ними обосновались хуттальцы. Их правитель назывался сабаль, и, по-видимому, они идентичны эфалам, Хайталю. Им когда-то принадлежал весь Маверранахр, который аль-Макдиси просто называет «земля Хайталя». Однако во времена, которые интересуют нас, они отошли на задний план перед тюрками. Главные земли тюрков располагались на востоке от Яксарта, но благодаря набегам, которые они совершали оттуда на очень большие расстояния, они укрепились во многих иранских городах и там основали свои династии и

взимали дань с окрестных областей. Тюркский титул тархун или тархан встречается и на дальней, и на ближней стороне Окса и обозначает правителя, который находится под защитой кагана (хакана).

В Маверранахре и Тохаристане настоящими владыками в то время были тюрки. Именно с ними приходилось воевать арабам, по крайней мере в конечном счете. Они изгнали их из Хорасана и положили конец их набегам. В Маверранахре и Тохаристане они успешно соперничали с ними в вопросе господства над иранцами, но и они довольствовались лишь поверхностным подчинением. Они везде оставляли у власти местных царьков и требовали только уплаты дани, которая носила характерное название «фидья», то есть выкуп за то, чтобы избежать войны и разграбления. Если дань не выплачивалась, что вполне могло произойти, тогда военные действия начинались заново, и на самом деле арабы не всегда жалели о том, что им представилась новая возможность для грабительского набега.

Даже Кутайба не добился никаких систематических изменений, но тем не менее он расширил арабское владычество за существующие границы гораздо более успешно, нежели кто-либо до него. Год за годом он предпринимал походы; каждую весну войска из Абаршехра, Абиварда и Серакса, из Герата и Мерверруда добровольно принимали участие в военных кампаниях. В 86 году от хиджры он возглавил поход, уже начатый его предшественником (после завоевания Термеза), на Ахрун и Шуман. Тамошний царь согласился выплатить дань. В следующие годы он обратил внимание на города в Бухарском оазисе. В 87 и 88 годах он завоевал Байканд, Тумушкат и Рамитан. В Байканде, торгово-ремесленном городе с огромными складами, он захватил богатый запас оружия и вооружил им своих арабов, которые до того имели скудное снаряжение — на всех приходилось всего 300 кольчуг. В 89 и 90 годах от хиджры он покорил саму Бухару под давлением аль-Хаджжаджа, который сам предоставил карту этого района и набросал план экспедиции. В 91 году перед ним встала трудная задача в Тохаристане — подавить крупное восстание, движущей силой которого был тархан Найзак. Кутайба выманил его из крепости близ Искемишта, где тот заперся, и предательски убил его вместе с другими тарханами и дехканами. Затем он пересек Оке и завоевал город Шуман, правитель которого тоже принимал участие в восстании тохаров, продолжил поход через Железные Ворота^[218], покорил Кеш и Насаф и поставил новое правительство в Бухаре под предлогом необходимых казней. В 92 году от хиджры он был в Систане и, как говорят, принудил кабульского Зунбиля к уплате дани. В 93 году он довольно неожиданно вторгся в Хорезм, причем шах сам втайне пригласил его это сделать, и сначала занял сторону шаха в споре с его младшим братом, но потом выгнал его и установил в стране власть арабов. Из Хорезма он направился в Самарканд, до последней возможности держа свои войска в неведении относительно конечной цели. Тамошний тархун откупился от войны в 91 году, но из-за такого унижения собственные подданные отвергли его и довели до самоубийства, и его преемником стал ихшид Гузак. Это дало Кутайбе желанную возможность вмешаться, и после долгой осады тот капитулировал. Гузак обещался выплатить дань; Кутайба намеревался войти в Самарканд и устроить богослужение в недавно выстроенной мечети, а затем сразу же покинуть город. Однако, войдя в город, он уже не ушел оттуда, а превратил его в арабский гарнизон и пункт для ведения дальнейших завоеваний. Оттуда в последние три года своего наместничества (94–96 от хиджры) он проник в долину в верховьях Зеравшана, а также в Чач и Фергану; как рассказывают, он добрался до самого Кашгара и вступил в контакт с китайцами. Повествования аль-Мадаини у ат-Табари и аль-Балазури в основном совпадают, за исключением того, что последний ничего не говорит о Систане и Кашгаре. Они также неоднократно подтверждаются сложными в то время песнями^[219].

Как правило, Кутайба также оставлял у власти местные династии после выплаты дани и ставил над ними лишь арабских надзирателей или сенешалей. Однако очень немногие важные города все же были колонизированы – если позволите выразиться в римском духе, – то есть выбраны в качестве мест арабской культуры и ислама, хотя прежних жителей оттуда не выселяли и они здесь даже сохраняли некоторую долю самоуправления при старых властях, которые, в частности, имели право распределять землю и собирать налоги. Самарканд, например, арабы собирались сделать своей центральной ставкой. Сильный гарнизон вошел туда со всевозможным военным снаряжением, храмы огня и святилища идолов уничтожили; рассказывают, что ни единый язычник не посмел дожидаться утра в городе. Аналогичные, но, видимо, все же не такие радикальные меры были приняты в Хорезме и Бухаре. В Бухаре язычество также было подавлено, поскольку к сведениям о том, что там был зороастрийский храм и святилище, в котором держали павлинов, надо прибавить, что в будущем эти заведения не упоминаются^[220]. Эти города должны были стать для своих окружающих территорий тем, чем арабские города-гарнизоны Нишапур, Мерв, Мерверруд и Герат стали для Хорасана, и их колонизация, несомненно, была великим шагом, превосходящим все, что когда-либо предпринималось и осуществлялось в этом регионе прежде. Долгосрочным последствием этого было то, что Бухара, Самарканд и даже Хорезм стали важными колыбелями ислама и арабской науки.

Ликование арабов по поводу успехов, нашедших выражение во множестве стихов, вполне оправданно. Борьба не была для них легкой. Они уступали противнику в числе и вначале были плохо вооружены. Дальние расстояния, труднодоступная местность и сложные климатические условия ставили большие препятствия на их пути. Им приходилось возить с собой большие запасы провианта и теплую одежду, и компанию можно было вести только в благоприятное время года. Да и противника отнюдь нельзя было назвать ничтожным. В большинстве случаев на помощь осажденным приходили большие армии, часто издалека. Эти армии возглавляли тюрки, и в большой степени они состояли из тюрков. По сути, арабы сражались с тюрками за гегемонию на этих территориях и сумели вырвать ее у них. Это было поистине великое свершение, давшее им справедливое право на владычество над иранцами, которые не сумели защитить себя от тюрков. Большую долю заслуг, пожалуй, следует приписать арабскому вождю Кутайбе, который намного превзошел своих предшественников, и видные иранцы уважали его гораздо больше, чем аль-Мухаллаба и Язида. На войне он, конечно, вел себя жестоко и вероломно; ради Бога, то есть ради пользы ислама, он не чурался предательства, и очень своими успехами он был обязан именно собственной беспринципности, но в этом он не особенно отличался от общего образа действий арабских военачальников.

Падение Кутайбы произошло, когда он находился в зените своей славы и силы, и это событие произвело большой переполох в мусульманском мире. Аль-Мадаини в своем подробном рассказе о нем также заимствовал фрагменты рассказа Абу Михнафа. Халиф аль-Валид I умер в середине джумады ас-сани 96 года (в конце февраля 715 года). Его преемник Сулейман ненавидел аль-Хаджжаджа и его приверженцев, которые хотели лишить его правопреимства. Смерть избавила аль-Хаджжаджа от мести Сулеймана, но тот смог обрушить ее на Кутайбу, на которого его особо науськивали Язид ибн аль-Мухаллаб и Абдуллах ибн Ахтам. Кутайба получил известие о смене правительства, когда со своей армией находился у Ферганы. Он знал, что ему угрожает отставка и даже худшее, и не хотел безмолвно стерпеть все, что ни уготовила ему судьба, однако прошло некоторое время, прежде чем он решил, как ему поступить^[221]. Он отверг план вернуться в Самарканд, укрепиться там и оставить при себе только тех воинов, которые согласятся на это добровольно, и решил повести с собой все войско на мятеж против халифа. В мечети

Ферганы он объяснил представителям войска, кто он, а кто Сулейман и Язид, и предложил им встать на его сторону. Кампания того года^[222] уже подходила к концу, и воины тосковали по детям и женам и потому не выказали особого рвения к участию в предприятии, которое к тому же выглядело таким опасным и призрачным, поэтому они ничего ему не ответили. Кутайба такого не ожидал и сразу же потерял самообладание. Не сходя с возвышения, он обрушил на племена оскорбительные упреки и припомнил все унижительные насмешки, бросающиеся в их адрес, не пожалев ни единого племени, и, даже спускаясь с помоста, он не давал родственникам успокоить себя и неистово продолжал осыпать их бранью.

Таким образом он оскорбил сразу всех от первого до последнего араба в армии, которые привыкли стирать подобные обиды кровью. Они тайно вступили в переговоры с целью устроить мятеж против архипредателя. Аздиты, ненавидевшие его с самого начала, как узурпатора мухаллабидов, к тому же сильнее всего оскорбленные им, заключили соглашение со своими союзниками рабиитами и предложили стать вождем бакриту Худайну ибн аль-Мунзиру, но он боялся соперничать с могущественными тамимитами: «Они, несмотря ни на что, останутся с Кутайбой, если мятеж против него будет исходить от нас». Так, первый шаг предоставили сделать тамимитам. Они гневались на Кутайбу из-за его поведения по отношению к бану ахтам, которое принадлежало к ним. Кутайба действительно за несколько лет до того во время похода на Бухару оставил Абдуллаха ибн Ахтама своим заместителем в Мерве. Тот воспользовался возможностью вступить в заговор с аль-Хадждажем против него, но у него ничего не вышло, и он был вынужден бежать в Сирию к Сулейману, который в то время был еще только перспективным наследником. Тогда Кутайба заставил его братьев и сородичей расплатиться за него, чем навлек на себя месть тамимитов. Он, кроме того, лично оскорбил их вождя Ваки ибн Хасана ибн Аби Суду^[223] тем, что в официальном докладе приписал своему собственному брату честь великой победы над тюрками – честь, которая принадлежала Ваки ибн Хасану ибн Аби Суду, а затем еще и тем, что отнял у него командование над тамимитским контингентом и поставил над ними даббита. Ваки возглавил мятеж. Его поддержал иранец Хайян ан-Набати^[224], который по очевидным причинам питал глубокую ненависть к Кутайбе. Он был опасным человеком, который обладал влиянием благодаря своему высокому статусу и через иранских слуг имел широкие связи с их арабскими хозяевами, поэтому был в курсе всего и умел устраивать интриги гораздо лучше арабов. Он был особенно важен в качестве вождя мавали, то есть принявших ислам иранцев, которые служили отдельным подразделением в арабской армии. Они были лично преданы Кутайбе, но Хайян сумел отдалить их от него, дав им со всей ясностью понять, что внутренние споры арабов их не касаются, потому что это война не за ислам.

Сначала Кутайба смотрел на получаемые предостережения как на клевету завистников, но в конце концов он обратил внимание, что Ваки больше не показывается при нем, и он вызвал Ваки к себе. Тот сказался больным, покрасил себе ногу красной краской и повязал на щиколотку шнурок с амулетами, и Кутайба приказал силой доставить к нему Ваки. Но когда за ним уже пришли, он разрезал шнурок с амулетами и прямо с одра болезни вскочил в седло. Он умчался в одиночку, но очень скоро к нему перешло уже достаточно человек, чтобы совершить нападение на Кутайбу. С Кутайбой же оставались только его братья, несколько сородичей по племени бахила и немногочисленные надежные сторонники. Иранцы под началом Хайяна, на которых, как думал Кутайба, он мог положиться, перешли на сторону напавших. Тогда Кутайбу снова бросило из демонстративного пренебрежения в отчаяние, его практически парализовало. Его лошадь взвизгивала на дыбы и не давалась ему. Сидя вечером на стуле перед крепостью Ферганы, он с покорностью ждал того или иного исхода борьбы. Его братья и помощники погибли,

пал и он сам; аздит отрубил ему голову. Он обманулся в ожиданиях, думая, что сможет повести войско за собой. Если бы за его спиной стояло племя или могущественный род, возможно, все сложилось бы иначе, но так не случилось. Бахилиты были слишком слабы, а кайситы, которых он приблизил к себе, покинули его, как и иранцы. Даже сила всепобеждающей идеи ничего ему не дала, он лишь хотел обеспечить безопасность себе и своему положению. Как уже испытал на собственном опыте Убайдуллах ибн Зияд в Басре, арабы не стали бы так легко соглашаться выступить за человека, даже самого одаренного, который был связан с ними лишь официально, против власти, которая и придавала силу его позиции. Они просчитались, однако, думая, что смогут управлять своими провинциями независимо от халифата. Наместник, если он не был одновременно и главой племени, ничего не мог поделаться против халифа или без его поддержки; личной доблести было для этого недостаточно. Иранская знать не могла понять поведения арабов по отношению к Кутайбе; они считали его самоубийством, и в этом были правы, потому что после его падения владычество арабов в заложенных им границах сильно пошатнулось.

По ат-Табари, крах произошел в 96 году от хиджры, Ибн Кутайба относит ее не ранее чем к началу 97 года. Баки, признанный племенами временным преемником Кутайбы, потребовал его голову, и, когда отрубивший ее аздит по наущению своего племени отказался ее отдать, Баки показал на столб и сказал: «Этой лошади (то есть виселице) нужен всадник». Его слова возымели действие, и тогда Баки послал кровавый трофей халифу, но не через тамимитов – они для этого слишком хорошо относились к нему. Приветственная речь Баки в мечети^[225] состояла лишь из нескольких энергичных изречений и стихов, которых, однако, оказалось достаточно, чтобы передать ее смысл. В заключение он сказал: «Марзпан поднял цену на зерно; завтра на рынке четверик стоит 4 дирхема – и не больше, иначе смертная казнь». Под марзпаном он, видимо, имел в виду Кутайбу как чужеземного вельможу на иранский манер^[226]. Сам он представлял себя арабом старой закваски. Он ревностно относился к исламу, но терпеть не мог наказание поркой, которое предписывает Коран за некоторые проступки, и предпочитал сразу же приговаривать пьяниц к смерти. Он также казнил араба, который ограбил тело одного из бахилитов, павших плечом к плечу с Кутайбой, и однозначно запретил подобные действия. Он вел себя как высокопоставленный вельможа. Халиф Сулейман сначала подтвердил его положение, но девять или десять месяцев спустя его место занял Язид ибн аль-Мухаллаб, однако ему не пришлось отдавать и свою бывшую Иракскую провинцию. В отличие от Кутайбы за спиной Язида стояло племя, и это сыграло свою роль. Вместе с ним к главенствующему положению и повышенному содержанию вернулись и аздиты, тамимиты подверглись репрессиям, а Баки – поношению. Более того, Язид привел с собой и сирийские правительственные войска, и таким образом благодаря ему они оказались в Хорасане, куда аль-Хаджжадж намеренно их не допускал, используя их исключительно в Индии. По обыкновению, Язид на все должности поставил своих сыновей и родственников. Он был в Хорасане как у себя дома, чувствовал там себя свободнее, чем в Ираке, и имел больше возможностей для злоупотреблений и вымогательств. Он требовал денег на оплату своих дорогостоящих потребностей, например на прекрасных дев, и выставлял свою роскошь напоказ.

Раньше, всякий раз, когда при Сулеймане упоминали о великих свершениях Кутайбы, Язид, по рассказам, всегда возражал, что Джурджан до сих пор еще не тронут, хотя он преграждает путь в Хорасан. В самом деле, гористая местность к юго-востоку от Каспийского моря довольно неудобно торчала на подвластной мусульманам территории.

Однако Язид склонялся к его завоеванию не столько из соображений долга, как того требовала честь, сколько из-за открывающихся возможностей. В Джурджане шла борьба за трон. Марзпан Фируз бежал от своего двоюродного брата Марзубана, который вступил в союз с тюрком Сулом в Дехистане, и пришел к Язиду просить помощи. Весной 98 года^[227] тот выступил в путь с необычайно многочисленным войском, меньшую часть которого составляли хорасанцы, а большую – иракцы и сирийцы. Не нанеся удара, он восстановил Фируза в Джурджане, а когда его приняли, заманил Сула с его тюрками с гор в болотистую местность, где одолел его и, как говорят, перебил 14 тысяч пленников и взял огромную добычу. После покорения Дехистана и Байсана он пошел на испехбеда Табаристана, чье мирное предложение отверг, рассчитывая получить больше выгоды, если завоюет его силой. Однако он понес тяжелое поражение, а в тылу в то же время произошло предательское восстание в Джурджане. Затем в качестве посредника перед ним явился Хайян ан-Набати. Он представился соотечественником испехбеда и убедил его пожертвовать сиюминутным преимуществом в пользу дальновидной стратегии, чтобы остановить войну, и согласиться на уплату суммы, которую он в самом начале предлагал в качестве выкупа за мир. Освободившись от этой угрозы, Язид тогда вернулся в Джурджан, где снова восстал марзпан, и после долгой осады овладел горной твердыней, где тот оборонялся. Чтобы исполнить клятву мести, он приказал сделать так, чтобы кровь казненных пленников стекала в реку, и съел хлеб, замешанный на муке, смолотой на мельнице, которую вращала эта река. Затем он триумфально доложил Сулейману о своем успехе, который в действительности был отнюдь не блестящим, да и вообще довольно эфемерным, и заявил, что пятая часть добычи, которую он должен был передать халифу, составляет 4 или 6 миллионов дирхемов. Тем самым он собственными руками обрек себя на заслуженную участь, ибо, когда Сулейман умер в сафаре 99 года, тем же летом^[228], когда велась кампания, преемник халифа Умар II призвал своенравца к себе и бросил его в долговую тюрьму, так как он не смог выплатить оговоренную пятую часть.

В Хорасане при мухаллабидах аздиты заняли высокое положение и при них же снова пали в забвение, оттесненные на задний план и в оппозицию. На самом же деле реакция Умара II против пристрастности его предшественника была лишь старанием соблюдать полный нейтралитет по отношению к племенам, и Умар не выказывал враждебности к аздитам, хотя и положил конец их гегемонии, сместив их вожда. Однако при его преемнике установилась партийная реакция против партийного правительства Сулеймана, особенно после подавления крупного восстания, которое мухаллабиды разожгли в Ираке. Язид II сделал мечь мухаллабидам и их приверженцам главной движущей силой своего правления, и аздиты Хорасана тоже ощутили ее на себе, хотя и вообще не принимали участия в том восстании. Их выгнали со всех постов, их вожди подверглись поношению, а бахилитам позволили отомстить им за Кутайбу. Мудариты с тамимитами во главе снова стали доминировать, но, несмотря на все это, из тамимитов никогда не выбирали наместника, хотя часто выбирали его помощника – командующего регулярными государственными войсками. Но наместники почти всегда принадлежали к кайситам, которые со времени аль-Хаджжадж играли роль правителей. Однако племенная и партийная общность не мешала наместникам-кайситам испытывать вражду и неприязнь друг к другу. Как правило, преемник третировал своего предшественника и вымогал у него деньги под благовидным предлогом, требуя отчитаться о расходах, и точно так же вел себя по отношению к подчиненным чиновникам своего предшественника. Такова была арабская разновидность министерской ответственности. Постоянно происходящая, резкая и полная смена власти мешала установлению какой-либо преемственности. Управление оставалось исключительно личным делом, эквивалентным ограблению,

которое должно было как можно быстрее принести выгоду тому, в чьих руках находилась власть, или, по тогдашнему выражению, быть «пожранным» им. Кроме того, хотя дело обстояло так не только в Хорасане, именно там это происходило самым бесстыдным образом и именно там было чревато самыми опасными последствиями, поскольку в этой незащищенной провинции более чем где бы то ни было требовалось прочное правительство. В таких условиях завоевания Кутайбы вскоре стали непрочными, так что их приходилось постоянно повторять. Конечно, крепкие опоры арабизма и ислама в Согдиане, которые заложил Кутайба, особенно Самарканд и Бухара, устояли, и процесс исламизации там продолжался, но из этого самого обстоятельства внезапно возникла новая проблема для владычества арабов, которая, возрастая, поглощала все вокруг себя.

Наместник, посланный Умаром II в Хорасан вместо Язида, а именно Джаррах ибн Абдаллах аль-Хаками, был человеком закалки аль-Хаджжаджа. Он предпринял поход на хутталцев в Паретакену, которую до того практически не трогали, и послал отчет об этом халифу. Среди посланцев был благочестивый Абу Саида ад-Дабби, который, хотя и был арабом^[229], из религиозных соображений чувствовал, что должен замолвить словечко за новообращенных мусульман-иранцев. Он сказал, что в армии их множество, но при этом они не получают пенсионов; они ревностные мусульмане, но при этом обязаны платить подушную подать. Умар приказал решить этот вопрос, а когда Джаррах сделал попытку сократить хлынувший в результате этого поток желающих перейти в ислам^[230] и потребовал от них совершить обрезание, Умар сместил его, хотя тот пробыл на своем посту около полутора лет, в рамадане 100 года (апреле 719). Вместо Джарраха Умар назначил мягкого Абдуррахмана ибн Нуайма аль-Гамиди, который, конечно, был аздитом, хотя и не принадлежал к племени азд уман, то есть к аздитской партии в Хорасане, и выбрал в помощь ему в качестве чиновника по налогам кайсита — энергичного Абдуррахмана ибн Абдаллаха аль-Кушайри. Ибн Нуайм еще оставался на своем посту в течение некоторого времени после смерти Умара, но в 102 году от хиджры его сменил Саид Хузайна, знатный Омейяд, который, получив назначение от халифа Язида II, оказывал давление на аздитов и относился к ним как к врагам. Что касается иранцев, то с ними он вел себя снисходительно, по меньшей мере когда вел войну с согдийцами. Они в то время восстали против арабов в районе Самарканда, хотя и не в самой столице, и заключили союз с тюрками, которые снова укрепляли свои позиции. По причине той самой снисходительности, которую арабы считали неуместной, Саида Хузайну вскоре отозвали, и на его место пришел кайсит Саид аль-Хараши в 103 году^[231]. Он был суров к непокорным, которые из страха перед ним решили переселиться в Фергану, где у власти стояли уже не арабы. Это были в основном жители городов Ки, Иштихан, Баяркат, Бунджикат и Бузмаджан^[232], с их правителями во главе с Карзанджем из Ки, чья династия, подобно многим другим согдийским родам, на самом деле была тюркской. Переселенцы в основном обосновались в городе Худжанд (Коканд) на Яксарте, но Саид пошел на них и запер в Худжанде. Лишившись надежды на поддержку тюркского правителя, они сдались и пообещали снова выплачивать дань и вернуться по домам. Вскоре у них появилась причина пожалеть об этом, так как Саид нашел предлог, чтобы казнить правителя Иштихана. Карзандж, предвидя, что ему грозит та же участь, сказал арабу, в заключении у которого находился: «Не подобает мне встретить смерть в поношенных штанах; пошли сказать моему племяннику Джаланджу, чтобы он прислал мне новые». Это был условный знак, чтобы Джаландж (который оставался дома или жил в другом месте в Фергане) пришел к нему на помощь. Джаландж явился и попытался проникнуть в мусульманский лагерь, но тщетно. Тогда Саид приказал перебить всех согдийских воинов, и, хотя они защищались дубинками, все было напрасно. На следующий день еще несколько тысяч крестьян предали смерти и

пощадили только четыре сотни торговцев. В Фергане все еще оставалось много согдийцев, так как они не все жили в Худжанде. На обратном пути Саид подчинил еще несколько мятежных городов, в основном благодаря их капитуляции, но ему показалось выгодным нарушить условия капитуляции применительно к местным царям, и он их тоже казнил. Его начальник — иракец, наместник Умар ибн Хубайра аль-Фазари, воспользовался этой возможностью излить на него свой гнев, который в действительности был вызван иными причинами. Саид фактически несколько раз игнорировал его и не выполнил его приказа насчет вымогательства денег у некоторых арабов из числа сторонников мухаллабидов в Хорасане, а также велел побрить и выпороть за неповиновение префекта Герата, назначенного напрямую Ибн Хубайрой. Поэтому Саида сместили, доставили в цепях из Мерва в Куфу и там замучили до смерти. Это была внутренняя вражда кайситов, которые при Язиде II обладали абсолютной верховной властью, — ведь и Саид, и его противник, и прежде всего сам Ибн Хубайра были кайситами, — и наглядный пример того, как они забывали про все свои племенные связи, как только речь заходила о высоком положении и деньгах, но, несмотря на это, выступали единым фронтом против некайситов.

Преемником Саида аль-Хараши стал Муслим ибн Саид аль-Килаби, ученик аль-Хадждажа. Он собрал с состоятельных иранцев деньги, которые Ибн Хубайра хотел взять с некоторых арабов; в конце концов, ему было все равно, откуда взялись, лишь бы они взялись. Он продолжал воевать с согдийцами и тюрками и весной 105 (724) года снарядил поход на Фергану^[233]. Но аздиты и рабииты в Тохаристане подняли мятеж и отказались служить. Их вождем был Амр ибн Муслим аль-Бахили, брат Кутайбы^[234]. Муслим послал против них своего помощника Насра ибн Сайяра аль-Кинани, который разбил их у Барукана, где располагался постоянный арабский гарнизон Балха, что также сыграло роль в усугублении разрыва между мударитами и йеменцами. Затем Муслим выступил в поход. Когда он находился в окрестностях Бухары, пришло известие, что халиф Хишам, который стал преемником Язида II в шабана 105 года (январе 724) поставил над Ираком касрита (из племени баджила) Халида ибн Абдуллаха вместо кайсита ибн Хубайры. После этого дезертировало много воинов; тем не менее он продолжил поход и подошел за Худжанд на землю тюрков, но там его застали врасплох и разбили, и он лишь с трудом сумел вернуться через Яксарт^[235] в Худжанд, где его встретила новость о его отстранении (в 106 году от хиджры, летом или осенью 724 года). Его преемником стал Асад ибн Абдуллах, брат иракского наместника, тогда еще юноша.

Асад, как и его брат, склонялся к йеменцам, хотя по своему племени он к ним не принадлежал, поскольку баджила, как и бахила, стояли вне племенных конфедераций. Он велел высечь нескольких хорасанских арабов, занимавших высокое положение. Бакрит Бахтари ибн Аби Дирхам (Хариса ибн Убада) был рад понести наказание, потому что в то же время оно постигло Насра ибн Сайяра — человека, которого он ненавидел из-за баруканских событий. В числе назначенных им чиновников было несколько аздитов, но аздиты недолго ликовали по поводу того, что снова вышли из тени в свет, так как по настоянию халифа в 109 году Асада отозвали. Дехкане Хорасана, к которым он был хорошо расположен, дали ему сопровождение до Ирака^[236].

Его преемник Ашрас ибн Абдаллах ас-Сулами снова был кайситом. Он попытался удовлетворить вечно беспокойных согдийцев тем же способом, которым воспользовался Умар II якобы по предложению своего иранского писца Умайры. Он нашел человека, который, как говорят, раньше убедил халифа уравнивать иранцев-мусульман в правах с арабами, а именно Абу Саиду Салиха ибн Тарифа ад-Дабби, и поручил ему предложить согдийцам принять ислам с обещанием, что новообращенные будут освобождены от обязанности уплачивать подушную подать.

В сопровождении нескольких арабов-единомышленников Абу Саида отправился в Самарканд. Тамошний префект Ибн Аби Амаррата аль-Кинди, сын того шиита из Куфы, который первым выхватил меч за Худжра ибн Ади, оказал ему помощь, и пропаганда Абу Саида имела большой успех. Было воздвигнуто множество новых мечетей, и язычники целыми толпами переходили в ислам, однако местные цари, в дела которых арабское правительство не вмешивалось, были этим чрезвычайно недовольны. Дело же состояло в том, что они отвечали за сбор дани, и при таком количестве освобожденных от обязанности по ее выплате им было довольно трудно собрать предписанную сумму денег. По этой причине они пожаловались Ашрасу, что все либо стали «арабами», либо вот-вот станут. Упоминаются дехкане из Бухары, в частности Гузак, ихшид Самарканда, с которым мы столкнулись еще во времена Кутайбы. Тогда Ашрас сделал попытку избавиться от вызванных им самим духов. Сначала он поставил преграду для перехода в ислам, потребовав обрезания и некоторых знаний вероучения, но, когда и этого оказалось недостаточно, он поставил вместо Ибн Аби Амарраты других чиновников, наказав им вернуть в прежнем размере налог на всех тех, кто уже должен был освободиться от него. Тогда несколько тысяч новообращенных покинули Самарканд и перебрались в лагерь на некотором расстоянии от города, причем их подбадривал и сопровождал Абу Саид со своими единомышленниками из разных арабских племен (тамим, азд и бакр), включая Сабита Кутну, Абу Фатиму и Бишра ибн Джурмуза. Однако частично силой, частично уговорами этих арабов удалось отвлечь от дела, за которое они взялись, и таким образом беженцы из Самарканда лишились их поддержки и оказались в том же статусе подчиненных, что и прежде. Арабы неукоснительно взимали дань и к иранской знати относились с презрением.

Но это был еще не конец. Отмен освобождения от налога, которое должно было стать примирительной мерой, привел к вспышке ярости и озлобления среди согдийцев по всей стране. Чтобы освободиться от арабов, они заключили союз с тюрками. Рассказывают, что в этом участвовал потомок Йездегерда, последнего шаха из династии Сасанидов. Центральной точкой восстания стал Бухарский оазис, куда прибыл каган с многочисленным войском тюрков и иранцев. В 110 году от хиджры, вероятно в конце года^[237], то есть весной 729-го, Ашрас выступил с армией арабов из Мерва навстречу этой угрозе, но у Амуля тюрки преградили ему путь через Оке, и лишь после долгого пути ему удалось дойти до Байканда, где он разбил лагерь. Тогда тюрки отрезали его от воды. Семьсот человек Ашраса умерло, а остальные слишком ослабели, чтобы продолжать путь. Наконец, пожертвовав несколькими добровольцами, например аль-Харисом ибн Сурайджем, им удалось снова пустить к себе воду. Именно тогда пал Сабит Кутна. Арабы продолжили поход и после ожесточенного противостояния, в котором Гузак из Самарканда перешел к тюркам, добрались до Бухары, где разбили лагерь и стали совершать набеги (например, в Хорезм). Несколько отрядов, однако, оказались рассеяны. Один из них дошел до Камарджи (близ Байканда), и тогда каган со всеми своими силами обрушился на него и запер в Камардже, но осажденные оборонялись настолько успешно, что в конце концов он позволил им свободно уйти, при условии что они не присоединятся к основной армии в Бухаре, а должны будут уйти в Дабусию.

Тогда у кагана освободились руки, чтобы разделаться с Ашрасом в Бухаре. Тот не успел прочно закрепиться и, видимо, не имел возможности двигаться дальше, поэтому халиф назначил ему преемника, который должен был его сменить. Им был аль-Джунайд ибн Абдаррахман аль-Мурри, который до той поры находился в Индии, откуда привел с собой пятьсот сирийцев. Сразу же по прибытии^[238] он поспешил на помощь Ашрасу и после некоторых затруднений присоединился к нему в Бухаре. Ему удалось разгромить тюрков у Зармана и освободить осажденный ими

Самарканд, а затем благополучно привести армию в Хорасан – что, пожалуй, и было самым главным.

В конце 112 года, то есть весной 731-го^[239], аль-Джунайд отправил арабские войска в несколько экспедиций, в частности в Тохаристан, когда его достиг крик о помощи от тамимита Савры ибн аль-Хурра из Самарканда, на который напал каган с иранской знатью, заключившей с каганом союз. Хотя у аль-Джунайда в распоряжении было недостаточно сил, он немедленно выступил в поход, переправился через Оке и дошел до самого Кеша. Оттуда на Самарканд вели две дороги. Он не пошел по той, что вела по степи, так как уже наступило лето и он опасался, что враг подожжет траву и кустарник, и выбрал другую дорогу, через горы. Однако в овраге недалеко от Самарканда он попал в засаду, и, если бы не Наср ибн Сайяр и не необычайная храбрость иранских рабов в арабском обозе, которые вырезали дубинки и ими пробили себе путь, он был бы стерт с лица земли. Но ему все еще грозила опасность. Чтобы выбраться из трудного положения, он призвал на помощь Савру из Самарканда. При этом Савра и арабский гарнизон погибли, но аль-Джунайд сумел спастись и вошел в Самарканд. Тогда каган отправился к Бухаре, где командовал сын Кутайбы, и осадил город. Аль-Джунайд выбрал наикратчайший путь, разгромил кагана его у Тавависа в месяце рамадане, вошел в Бухару в праздник Мехреган^[240] и, довольный тем, что так успешно разобрался с Бухарой и Самаркандом, повернул назад до наступления зимы. Новые войска, посланные к нему Хишамом из Басры и Куфы, которые присоединились к нему по дороге в Саганиан, он направил в Самарканд. Ничего не сообщается о том, что он делал в 114 и 115 году, а в начале 116 года (весной 734) его сместили и заменили на Асима ибн Абдиллаха аль-Хилали. Конечно, он тоже был кайситом, как и сам аль-Джунайд, но при этом его противником, и именно поэтому его выбрали преемником аль-Джунайда, чтобы того изводить, поскольку Хишам очень гневался на аль-Джунайда из-за того, что тот женился на дочери архимятежника Язида ибн аль-Мухаллаба. К счастью, однако, аль-Джунайд умер от водянки, прежде чем Ас им прибыл в Мерв, и тот смог замучить только его родственников и ставленников.

Арабская власть в Маверранахре серьезно страдала из-за ее безответственных колебаний между снисходительностью и жестокостью. Умар II пытался слить иранских подданных с арабскими при помощи ислама, даровав равные политические права новообращенным мусульманам и освободив их от подушного налога, но при его преемниках эта мера, по-видимому, была сразу же отменена. Хотя это не говорится прямо, однако очевидно, что сразу после его смерти пришлось использовать силу против согдийцев, чтобы принудить их к выплате дани, которую они как мусульмане, по-видимому, отказывались платить, и что во избежание этого многие из них во главе со своими правителями переселились в другие места и обратились за защитой к тюркам. В то же время надо отметить, что, хотя приказы Умара были обязательны для всех, тем не менее, когда они были отменены, мусульмане-иранцы в Хорасане не взбунтовались. За долгие годы они привыкли к своему политическому подчинению и стали отождествляться с арабами благодаря общей принадлежности к исламу и фактически не могли даже пошевелить и пальцем, что также верно и для Самарканда и Бухары, где арабы занимали слишком прочное положение. Мятежники были скорее согдийцами, которые не жили в крупнейших городах, были покорены лишь поверхностно и совсем недавно и перешли в ислам только из-за материальных выгод, следуя примеру своих правителей. Нет никаких сомнений в том, что они легко отказывались от ислама, который еще не успел пустить глубокие корни в их среде. Однако неэффективность попыток Умара гораздо яснее следует из того факта, что Ашрас сделал ее повторно и затем все повторилось вновь. Абу Саида и те, кто разделял его идеи, вдохновлявшие Умара, были зачинщиками реформы при Ашрасе. И она снова сорвалась по

финансовым причинам, которые, несомненно, и в первый раз решили исход дела. И опять из-за нее восстали иранцы не в Хорасане, а в Согдиане. При Ашрасе, по всей видимости, мавали, даже тем, кто жил в Хорасане, вообще не предлагали освобождения от подушного налога, только новообращенным в Согдиане. Однако восстание согдийцев в его время было гораздо более широким и грозным, нежели то, что произошло после смерти Умара II, особенно в силу того, что в страну вошли турки и встали во главе повстанцев. Арабы смогли сохранить свои позиции только в главных городах и нескольких других оплотах; движение в Самарканде удалось подавить без труда.

Третья попытка предоставить иранским мусульманам полные гражданские права в теократическом государстве исходила не сверху, а снизу, а именно от тамимита аль-Хариса ибн Сурайджа из Дабусии, с которым мы уже встречались как с доблестным воином. В прежние времена такого набожного революционера называли бы хариджитом, но он не подписывался под теми крайностями, которые хариджиты клали в основу своего вероучения; кроме того, он не провозглашал себя халифом и не поддерживал чью-либо иную кандидатуру. Он проявил себя как мурджиит, его пиесец Джахм ибн Сафван был самым известным богословом этой секты, и он сам тоже принимал участие в обсуждениях и беседах об их принципах. На практике мурджиизм сводился к политике коллективизма. Спорные вопросы, особенно вечно неразрешимый вопрос о единственно верном имаме, они отложили в сторону и предоставили решать их Богу, и таким образом на первый план вышли те вопросы, по которым могли сойтись разные течения религиозной оппозиции. Это был протест против существующей тирании за теократию, против несправедливости и насилия за священную войну. В Хорасане наместники-кайситы лишили власть Омейядов всякого уважения в глазах и друзей и врагов, а их обращение с согдийцами, в частности, не только привело к возникновению серьезной внешней угрозы, но и оставило глубокое нравственное возмущение, распространившееся по непосредственно затронутым кругам. Именно в этот момент и появился аль-Харис. Он подстрекал мавали, утверждая, что освободит их от подушного налога и включит в число получающих военный пенсион, что принадлежит им по праву и что было им обещано, и под его черное знамя стекались дехкане и деревенский народ. Так он шел по стопам Абу Саиды, и в его рядах можно было встретить единомышленников Абу Саиды, тех, кто еще оставался жив, например Абу Фатиму аль-Ияди (из племени азд) и Бишра ибн Джурмуза ад-Дабби (из племени тамим). Вождями движения за равные права для принявших ислам иранцев в теократическом государстве снова оказались арабы, но, кроме того, многие арабы из тамимитов и аздитов приняли участие в восстании против правящей династии, и не только мурджииты. Аль-Харис принимал любую помощь, какую только мог получить.

Его исходным плацдармом стали «два похода». Сначала он развернул черное знамя в Маверранахре, это совершенно точно произошло в последние годы аль-Джунайда, о чем ничего не сообщается, и после прибытия Асима включил в свою область и Тохаристан. Из Нахуда через Фирьяб он отправился в Балх, с победным боем переправившись через Оке. Наместники Балха, Мерверруда и Герата не смогли устоять против него; весь Тохаристан оказался в его власти и даже сами арабы, в основном состоявшие из аздитов и бакритов. Джабгуйя, правитель тюрков в Верхнем Тохаристане, и глава Хутгалия объединили силы с ним.

Мерв и Абаршехр (Нишапур), два западных района Хорасана, единственные еще оставались в безусловном владении Омейядов. После успехов аль-Хариса в Тохаристане его армия чрезвычайно выросла; в нее вступила арабская конница и иранская пехота. Тогда с большими силами он пошел в наступление на Мерв, где у него были связи с тамимитами, так как он сам происходил из этого племени. Асим собирался отступить перед ним в Абаршехр, где преобладали кайситы, и лишь с

трудом его удалось убедить защищать свои позиции. Он отбил первую атаку аль-Хариса, но, узнав о своем готовящемся смещении, решил перейти на другую сторону. Яхья ибн Худайн аль-Бакри удержал его от этого поступка, и под началом этого разумного человека бакриты, до той поры находившиеся в оппозиции вместе с аздитами, развернулись в другую сторону, поняв, что на кону стоят национальные интересы арабов. Они больше всех остальных отличились в борьбе с аль-Харисом. Тот был снова отброшен, затем повторно переправился через Оке и там осадил важный город Термез.

Как рассказывают повествования, Хорасан в то время был под прямым управлением находившегося в Сирии халифа. Создается впечатление, что Асим сам навлек на себя собственное отстранение от власти, которое произошло в начале 117 года от хиджры (735), попросив снова поставить его под начало наместника Ирака, поскольку нуждался в его поддержке, и Халид аль-Касри якобы воспользовался этой возможностью, чтобы посадить на его место своего брата. Однако правлению кайситов в Хорасане давно уже пора было прекратиться. По другому рассказу, Хишам сам приказал Халиду поставить своего брата на место Асима. Асад вполне мог почитать за честь, что его второй раз послали в Хорасан в таких трудных обстоятельствах, и оправдал возложенное на него доверие. Своим помощником он назначил аздита Джудая аль-Кирмани, но не продался партийным интересам йеменцев, а также освободил чиновников аль-Джунайда, брошенных в тюрьму Асимом, невзирая на то что, как кайситы, они были его противниками.

Асад начал действовать против аль-Хариса в Маверранахре и там милостью или суровостью подчинил несколько городов, перешедших на сторону аль-Хариса, включая, быть может, даже Самарканд^[241]. Против самого аль-Хариса, который находился в лагере перед Термезом, он, по сути, ничего не предпринял, но горожане, хотя и были иранцами, оборонялись так отважно, что тот счел за лучшее отступить в Тохаристан, и его союзники и приверженцы рассеялись.

После этого Асад тоже обратился к Тохаристану. Конечно, его завоевал еще Кутайба, но, за исключением Мерверруда, только в столице Балх арабской власти удалось хоть в какой-то степени прочно укрепиться. Асад отступил в Балх и перенес туда же свою резиденцию из Мерва, и это говорит нам о том, насколько важным он считал Тохаристан. Он также разместил там арабский гарнизон, который до той поры располагался в соседнем Барукане и не смешивался с иранскими гражданами. Однако он не сделал так, чтобы члены разных племен жили раздельно, а поселил их вместе, чтобы предотвратить «асабию», то есть партийные распри и мелочную зависть. Каждому воину он дал в собственность столько же земли в Балхе, сколько было у него в Барукане, и поддерживал дружественные отношения с дехканами, среди которых был популярен и раньше, чтобы через них оказывать влияние на их соотечественников более низкого положения. Восстановление Балха, которому он положил начало, должны были завершить иранские подданные, но таким образом, чтобы стоимость труда пошла им в зачет налога. Надзирать за этим он поручил дехканину Бармаку из Навбахора, предку семейства Бармакидов, которое впоследствии достигло такой славы, и в разумных пределах делал все, что мог, ради общего примирения и смешения враждующих элементов.

Аль-Харису ибн Сурайджу пришлось бежать в Верхний Тохаристан к своим родственникам в крепости Табушкан, но они не хотели жертвовать собой ради него и потому выгнали его вместе с его сторонниками и вступили в переговоры с Асадом. Но так как Асад узнал от посредников, что крепость плохо вооружена и едва ли способна к обороне, он послал аль-Кирмани взять ее. Жажда вынудила гарнизон к сдаче, и пленные воины были преданы смерти, а их жены и дети, даже арабской крови, были проданы с аукциона на рынке Балха.

В 118 году от хиджры (в 736 году) Асад предпринял экспедицию против все еще непокоренного Хутталя, севернее Окса, на противоположном берегу от Балха. Хутталыцы были союзниками аль-Хариса. Их правитель, живший в Наваките, обратился за помощью к тюркскому кагану, но, когда тот явился из Суйята через Хушвараг, он послал Асаду предостережение, ибо (по его словам) он хотел не победы для тюрков, а равновесия между ними и арабами. После некоторой задержки Асад воспринял это как намек на то, что ему следует возвратиться, и, как раз когда он переправился через Оке, на другом берегу появился противник. Под бой барабанов и ржание лошадей они бросились в реку и пересекли ее, но атаковали не основные силы под началом самого Асада, а лишь отряд, который он выслал вперед вниз по Оксу с багажом и захваченными животными. Багаж попал в их руки; люди Асада едва сумели спастись. Это случилось в последний день рамадана 118 года^[242]. Асаду пришлось довольствоваться возвращением в Балх целым и невредимым, и дети распевали о нем насмешливые стишки.

Но каган не оставил его в покое. Он направился к Джаб-гуйе аль-Харлухи^[243] в Восточном Тохаристане, номинально по призыву находившегося там аль-Хариса ибн Сурайджа, и оттуда в середине зимы отправился со своими вассалами и союзниками на запад. 10 зуль-хиджи 118 года (19 декабря 736) Асад узнал об этом. Он предупредил жителей сигнальными кострами о том, чтобы они бежали в Балх, оставил в городе своего помощника аль-Кирмани, а сам сразу же выступил на кагана с гарнизонными войсками, которые только и были в его распоряжении, так как остальным он позволил отправиться по домам в начале зимы. Каган стал лагерем недалеко от столицы Джаузджана. Он разослал отряды во все стороны, при этом имел при себе лишь 4 тысячи человек, когда Асад атаковал его^[244]. С помощью отряда под началом царя Джаузджана, который пошел в обход, он одновременно напал на него с тыла и таким образом заставил кинуться в бегство, бросив свою жену, которую убили собственные евнухи, спасая от бесчестия. Найденные в захваченном лагере, где котлы еще кипели на огне, пленные мусульмане были освобождены. Многие тюркские женщины, а также огромное количество добычи в виде скота попало в руки победителя, и из этой добычи Асад сделал подарки поддерживавшим его дехканам Хорасана. Экспедиционные отряды тюрков, один из которых окружил храм в Мерверруде, были захвачены.

Зима сделала дальнейшее преследование кагана невозможным. Некоторое время он оставался в Тохаристане у Джабгуйи, затем отправился назад через Уструшану к себе на родину в сопровождении аль-Хариса ибн Сурайджа.

Вскоре после этого его убил один из его главных вельмож, часто упоминаемый Курсуль ат-Туркаши, и вследствие этого тюрки погрузились в междоусобицу и на время оставили арабов в покое.

В Балхе Асад повелел поститься, чтобы возблагодарить Бога за победу. Когда известие об этом грандиозном событии достигло Сирии, Хишам, поддерживаемый придворными кайситами, не пожелал в него поверить. До той поры он получал из Хорасана лишь плохие вести, но посланец Асада Мукатил ибн Хайян ан-Набати развеял все сомнения своим достоверным рассказом.

Летом 119 (737) года Асад снова возобновил военные действия против хутталыцев. Тюрки больше не могли им помогать, и, видимо, среди них тоже возникли разногласия. Власть захватил узурпатор из Бамиана Бадартархан. Благодаря позорному вероломству Асад заполучил его в свои руки и доставил для казни к одному аздиту, который должен был отомстить ему за кровопролитие^[245]. Несмотря на это, он мало чего добился и удовольствовался набегами в Хутталыскую долину. Следующей зимой, в начале 120 года, его постигла внезапная смерть и спасла от участия в крахе, постигшем его брата Халида^[246]. Арабские и иранские вожди

пришли к нему засвидетельствовать свое почтение и принести богатые дары, и дехканин из Герата Хорасан произнес речь, превознося его до небес. Асад милостиво бросил ему яблоко, которое держал в руке, как вдруг у него прорвался внутренний абсцесс, и он умер. Так рассказывают, хотя указанное время, а именно праздник Мехреган, неверно и бросает тень на все повествование, которое в любом случае имеет привкус легенды.

Падение Халида аль-Касри, который много лет был наместником в Ираке, ознаменовало последний роковой период правления Омейядов. Его преемником стал законченный сторонник кайситов из семейства аль-Хадждажа Юсуф ибн Умар. Он привел бы кайсита и в Хорасан, если бы не вмешался Хишам и не назначил преемником Асада старого Насра ибн Сайяра, одного из очень немногих стариков, которые встречаются в истории того времени. Его возраст нисколько не сказался на здравости его ума, как засвидетельствовано не просто его делами, но и песнями, в которых он давал выражение своим чувствам до самого конца. Он вырос в этой стране и поседел на службе, а кроме того, в глазах халифа его рекомендовал и тот факт, что у него за спиной не было влиятельного рода и он был вынужден опираться на поддержку халифа. Ведь Наср ибн Сайяр принадлежал не к какому-то из крупнейших племен Хорасана, а к бану кинана, которое было представлено там очень слабо. Будучи кинанитом, он склонялся к тамимитам, которые, как и кинана, происходили от племени хиндиф. Он сместил чиновников своего свергнутого предшественника, однако не стал их преследовать и заменил на хиндифитов, то есть в основном тамимитов. Резиденции правительства, за исключением четырех старых в Хорасане, в то время находились в Балхе, Хорезме и Самарканде. Он перенес резиденцию из Балха в Мерв, с периферии в центр арабского правления.

В начале своего срока службы Наср ибн Сайяр вел войну с тюрками и сумел по-настоящему их ослабить. Он прошел через Железные Ворота через Варагсар в Самарканд. Там к нему привели двух пленных дехкан, которые оказывали противодействие арабам и местным властям в Бухаре, потому что считали себя несправедливо обойденными. Он осудил их, но они вырвались на свободу, один из них ранил арабского префекта Бухары, который в ответ раскрыл ему череп, а другой ударил ножом худата Бухары и сам погиб от руки правителя Джаузджана. Вероятно, что несправедливость, на которую жаловались они оба, состояла в том, что их причислили к облагаемым подушной податью, хотя они были мусульмане. Наср выступил из Самарканда с подкреплением – иранскими вспомогательными войсками – в Уструшану, затем в Чач, где в то время находился убийца кагана Курсаль, вождь орды в 4 тысячи палаток. В бою он попал в руки арабов и был распят. Аль-Харис ибн Сурайдж тоже бился с тюрками против арабов, но не пожелал стрелять из двух привезенных с собой катапульта по собственным соплеменникам тамимитам. В итоге Наср обещал Чачу мир при условии, что ему выдадут аль-Хариса. Затем он пошел в Фергану, но там тоже удовольствовался мирным договором и затем, не переходя через Яксарт, повернул назад. Эта экспедиция могла занять больше года, но аль-Мадаини совершенно бессмысленно^[247] разбивает эту версию и проводит различие между тем, что является просто вариантами одной истории, собирая всевозможную мякину и делая основной акцент на отдельных эпизодах и байках. Аль-Балазури упоминает только одну экспедицию Насра в Уструшану, которая потерпела неудачу^[248]. Блестящих подвигов, приписанных ему А. Мюллером, который свободно следует за Вайлем, Наср конечно же не совершал, но тем не менее он заставил тюрков в Чаче отречься от мятежника аль-Хариса ибн Сурайджа, даже если они и не выдали его, и отступил в Фараб и хранил мир до той поры, пока после смерти аль-Валида II не разразилась междоусобная война. Наср также позволил согдийским переселенцам, которые во время смуты после убийства

кагана уже не чувствовали себя в безопасности в Чаче и Фергане, вернуться на прежние места, и хорасанские арабы вынудили халифа Хишама дать согласие на это.

Некоторый свет на внутреннюю политику Насра проливает его налоговая реформа, о которой рассказывает аль-Мадаини. Он объявил о своих планах, произнося речь в мервской мечети: «Бахрамсис благоволил к огнепоклонникам, освободил их от бремени и возложил его на мусульман. Ишудад, сын Грегора^[249], подобно же благоволил к христианам, а Акиба — к иудеям. Я же буду заботиться о мусульманах, сниму бремя с них и возложу его на неверных; только харадж должен уплачиваться полностью согласно написанному в законах, установленных раз и навсегда. Надзирать за податями я назначаю Мансура ибн Умара; жалуйтесь ему, если мусульманина принуждают платить подушную подать или чрезмерный харадж на землю, а неверный не сумел принять на себя соответствующее бремя». После этого, как говорит рассказчик, еще до конца недели пришли 30 тысяч мусульман, обязанных уплачивать подушную подать, и 80 тысяч язычников, которые не платили ее, и несоответствие было устранено. Затем Наср пересмотрел земельный налог и перераспределил доли, которые те, кто был оценен, должны были предоставить в дополнение к уже оговоренной полной сумме. С Мерва во времена Омейядов собиралось 100 тысяч дирхемов, без учета хараджа.

Таким образом религиозные общины совпали с общинами налогоплательщиков. Главный раввин собирал налог с иудеев, епископ — с христиан, марзпан^[250] — с огнепоклонников и зороастрийцев. Естественно, последних было подавляющее большинство, хотя количество христиан тоже должно было быть весьма значительным^[251]. Но каким образом главы общин могли переложить налоговые тяготы с огнепоклонников, христиан и иудеев на мусульман под самым носом у арабских властей? Те рассказы, которыми мы располагаем у аль-Мадаини, совершенно невразумительны. Невозможно поверить, что 80 тысяч человек, обязанных выплачивать подать, были освобождены от нее, а 30 тысяч необязанных были вынуждены расплачиваться за первых. По всем аналогиям, вероятно, ситуация объясняется тем, что обращение подданных-неаравов в ислам не освободило их от связей с их налогооблагаемыми общинами. Подушная подать представляла собой дань, необратимо установленную историческим актом капитуляции, и если многочисленные новообращенные прекращали участвовать в ее выплате, то остальная община уже была не в состоянии собрать требуемую сумму. Обязанность выплаты таким образом переходила от отцов к сыновьям как бремя, принятое ими при капитуляции, даже если сыновья впоследствии принимали ислам. В соответствии с этим обычаем местные власти действовали с одобрения арабского правительства, так как попытка добиться радикальных изменений в этом вопросе, впервые предпринятая Умаром II, оказалась неосуществимой. Но тем не менее представлялось несправедливым, что новые граждане теократии несут те же налоговые тяготы, что и неграждане, которых лишь терпели. Необходимо было провести различие между двумя классами, но таким образом, чтобы фиксированная сумма дани не уменьшилась. Наср решил эту проблему тем же способом, которым она решалась и в прежние времена. Раньше в счет уплаты дани шли разные виды сборов; налоги на землевладельцев и на переселенцев ее раздували, а так как все это называлось «данью», то и люди говорили об одном налоге, который назывался харадж или джизья — эти названия имели один и тот же смысл. Но затем они столкнулись с тем, что дань в виде фиксированной суммы, возложенной на отдельные города и области, полностью собиралась с земельного имущества. Земельный налог соответственно был пересмотрен и взимался со всех землевладельцев пропорционально их имуществу независимо от их вероисповедания^[252], и, так как налог взимался не с человека, а с имущества, он не считался позорным. Наряду с этим земельный налог, который отныне назывался

исключительно харадж, был полностью отделен от подушной подати, сохранившей название джизья. Подушная подать не была необходимой частью фиксированной дани, ее сумма менялась, сокращаясь год от года пропорционально увеличению количества обратившихся в ислам, поскольку мусульмане были полностью освобождены от нее и ее продолжали взимать только с иноверцев, фактически именно для того, чтобы сделать ее унижительным бременем, которое возложено лишь на менее достойных. По сравнению с тем порядком, который считался законным прежде, по которому мусульмане освобождались также и от земельного налога, разумность нового устройства, введенного Насром в Хорасане, очевидна. Различие в отношении к мусульманам и иноверцам осталось. С другой стороны, мусульмане, будь то арабы или мавали, в принципе оказались в одинаковом положении^[253], и таким образом в действительности удалось избежать снижения фиксированного дохода государства, так как изменение и постепенное сокращение незначительной подушной подати не играло особой роли. Весьма вероятно, что предписания Насра касались не только области вокруг Мерва, но и всей провинции на обоих берегах Окса, так как в этом порядке не было ничего необычного и он распространился по всем регионам исламского государства, где сложились аналогичные условия. Он представлял собой обязательный для исполнения закон, и впоследствии правоведы-систематизаторы полагали, что он существовал с самого начала, тогда как в действительности сложился лишь постепенно. Вот почему аль-Мадаини, запутанный гипотезами более позднего времени, совершенно не понимает, с чем столкнулся Наср и что ему пришлось отменить, и у него складывается абсолютно неправдоподобная картина нарушения преобладавшего в то время закона. Однако он верно говорит об одном положительном факте: что фиксированная сумма хараджа была распределена между всеми землевладельцами, даже мусульманами, а бремя джизьи, с другой стороны, было снято с мусульман и возлагалось только на иноверцев.

На этом основании равноправия между мусульманами можно было установить постоянное равновесие между арабами и иранцами, но время для этого было упущено. Саморазрушение арабов в Хорасане началось заново. На этот раз его воодушевила революция в Сирии, которая началась при аль-Валиде II в качестве контрудара оппозиции по развращенному правлению Омейядов. Аль-Валид II вззошел на престол после Хишама в начале раби ас-сани 125 года (в феврале 743). Сначала он подтвердил полномочия Насра, но под влиянием вождя кайситов, иракского наместника Юсуфа ибн Умара^[254], отозвал его некоторое время спустя и велел явиться ко двору, причем он должен был привезти с собой всевозможные музыкальные инструменты и другие предметы роскоши. Наср намеренно не торопился, собираясь в путь, и так получилось, что он еще находился в Хорасане, когда в день нового, 126 года его достигло известие об убийстве халифа^[255]. Он не признал ни мятежного Язида III, ни его наместника в Ираке, по крайней мере по факту, но убедил племена принести клятву верности ему самому, как временному эмиру Хорасана, пока гражданская война не закончится и не появится всеми признанный халиф. С этим согласились даже аздиты и рабииты, которые до того не были с Насром в хороших отношениях, и теперь он уже не пренебрегал ими, как раньше, при выборе чиновников. Его цель состояла в том, чтобы заставить арабов Хорасана действовать заодно друг с другом, считая управление страной своим общим делом, а не предметом распрей. Нейтральная и внепартийная позиция, которую он пытался занимать, облегчалась для него тем фактом, что, будучи кинанитом, он не принадлежал ни к одной крупной племенной группе. Конечно, управление тоже было его заботой, ведь он стоял во главе правительства, и преданный ему поэт вкладывает ему в уста такие хвастливые слова: «Мы уравниваем кайс с рабией, таким с аздом, и тогда решение остается за кинаной». Он был

категорически недоволен этой абсолютной гибелью всякого политического согласия, которое лило воду на мельницу его противников.

Но аздиты и рабииты все равно вскоре перешли в оппозицию, вспомнив, что они, в конце концов, йеменцы и поэтому принадлежат к партии Язида III и его сторонников-кальбитов. Когда Наср хотел заплатить им не деньгами, а золотыми и серебряными сосудами, которые собирал для аль-Валида II, они открыто взбунтовались. Аздит Джудай аль-Кирмани возглавил мятеж и призвал к мести за бану мухаллаб, которых безжалостно преследовали Омейяды, произнеся слова, которые нашли отклик в сердцах аздитов: «При аль-Мухаллабе и его сыне Язиде им позволили «пожрать» Хорасан, но с тех пор они не возвращались, даже при Асаде не так, как бы им хотелось». Наср, конечно, велел арестовать аль-Кирмани, его схватили в кухандизе Мерва в конце рамадана 126 года (в середине июля 744), но через месяц он бежал из тюрьмы и добрался до места в окрестностях Мерва, где вокруг него собралась армия аздитов и рабиитов. Наср выступил против аль-Кирмани. Конечно, битвы не состоялось, потому что обе стороны не решались начать, но и мирные переговоры, в которые они вступили, не достигли желаемой цели. Аль-Кирмани питал глубокую ненависть к Насру и не желал разрешить своих разногласий с ним.

Также весьма неудачно из тюрокского изгнания снова явился аль-Харис ибн Сурайдж. Это могло быть даже раньше конца 126 года, так как Язид III^[256], который, как говорят, подвинул его к этому, умер в конце 126 года. Поскольку он был врагом аль-Кирмани, Наср предложил ему приехать в Мерв из Самарканда, где аль-Харис поселился вначале, и он приехал в Мерв в конце рамадана 127 года (начале июля 745). Однако он не позволил Насру купить его преданность почестями и дарами, которыми тот его осыпал. Аль-Харис предъявил к нему требования мурджиитов, как он их понимал, и к нему присоединилось около 3 тысяч его соплеменников-тамимитов. Наср пошел на соглашение с опасным соперником, которого сам взвалил на собственные плечи. Он согласился даровать иранцам болотистых районов, которым всегда был предан аль-Харис, письменную конституцию в соответствии с мурджиитскими идеями о законе и правосудии, назначить там богоугодных чиновников, а наместником поставить самого аль-Хариса. Но это ему ничего не дало. Аль-Харис не был уверен в Насре, не поведал ему о решительном неприятии правления Омейядов, которое воодушевляло его и его последователей, собравшихся под его черным флагом, и, вероятно, из эгоизма не хотел даже терпеть его рядом с собой. Наср со своей стороны не желал подчиниться приговору третейского суда относительно его отстранения, признанного аль-Харисом, и таким образом дело окончилось открытым разрывом. Аль-Харис встал лагерем перед Мервом и оттуда сделал попытку захватить город внезапным приступом в конце джумады ас-сани 128 года (в конце марта 748). Эта попытка сорвалась, а Джахм ибн Сафван, мурджиитский вербовщик и автор книги об аль-Харисе и его программе, которую он имел обыкновение читать вслух, был взят в плен и казнен. Однако тогда аль-Харис заключил союз с аль-Кирмани, о котором мы теперь снова слышим впервые через полтора года, и аль-Кирмани вступил в борьбу и придавал ей иной аспект. После битвы, продолжавшейся несколько дней, Наср счел разумным вернуться в Нишапур, главную позицию кайситов, и оставить Мерв мятежникам.

Взаимопонимание между повстанцами, однако, вскоре закончилось. Тамимиты под предводительством аль-Хариса еще горевали о том, что помогли аздитам одержать верх над их братьями в Мерве, которые бились за Насра, а также не могли забыть, что при наместничестве Асада после взятия крепости Табушкан аль-Кирмани велел казнить несколько сотен сородичей и приверженцев аль-Хариса, а некоторых из них еще и чудовищно изувечить. Бишр ибн Джурмуз, самый важный сторонник

аль-Хариса, первым отверг этот противоестественный союз, и несколько тысяч человек последовали за ним. В борьбе, начавшейся вследствие этого, аль-Харис тоже перешел на его сторону и порвал с аль-Кирмани, но аздиты и их союзники победили тамимитов и мударитов в конце раджаба 128 года (апреля 746), выгнали их из Мерва и уничтожили их жилища. Сам аль-Харис погиб, и его тело распяли на кресте. Он получил по заслугам, каковы бы ни были двигавшие им чувства. В борьбе за ислам против арабизма, за угнетенных против угнетателей, он вступил в союз со смертью и Сатаной против существующей власти и не останавливался ни перед чем в своем стремлении сбросить власть Омейядов. В свое первое появление он повел тюрок в бой на арабов, а когда его планы сорвались, он много лет находил приют у тюрок. В свое второе появление он рассорил тамимитов, на чье постоянство в значительной мере опиралось владычество арабов в Хорасане, и таким образом сумел сделать так, что йеменцы не только сбросили правительство, но и совершили насилие по отношению к мударитам. Он по праву считался предвестником несчастья, самым активным предшественником Абу Муслима^[257].

В этот критический момент кайситы в Нишапуре благосклонно приняли Насра, хотя до того относились к нему неприязненно, а также вокруг него объединились изгнанные из Мерва мудариты. Как говорят рассказчики, раньше он уже пытался получить поддержку в халифате, но, пока Ирак и принадлежавшие ему иранские районы находились во власти хариджитов и джафарита Ибн Муавии, он был отрезан от связей с административным центром омейядского правления. Ситуация изменилась только в 129 году, когда Язид ибн Умар ибн Хубайра подчинил Ирак власти Марвана. Наср признал его своим непосредственным начальником. Он никогда не имел намерения отречься от Омейядов вообще, но лишь медлил в ожидании, пока уляжется смута между династиями в Сирии, и, более того, по-видимому, объявил о поддержке Марвана вскоре после его восшествия на престол. И все же союз с Ибн Хубайрой мало что ему дал. По своей собственной инициативе в 129 году он взялся за нелегкую задачу по отвоеванию Мерва. После тщетных попыток его военачальников начать атаку 80-летний старик лично пошел в наступление со всем своим войском, и аль-Кирмани вышел ему навстречу. Обе стороны разбили лагерь у города в «двух траншеях», которые были продемонстрированы гораздо позже. Там они долгое время находились в состоянии конфликта вражды, не переходя к решительным военным действиям.

Настоятельные призывы о помощи, которые Наср посылал Марвану и Ибн Хубайре, вместе с душераздирающим описанием грозящей опасности, ни к чему не привели, но страх перед общим врагом, казалось, снова привел арабов в чувство и к общему согласию. Перед их глазами аббасидские шииты, в основном иранцы, собрались под черным знаменем Абу Муслима и возвели укрепленный лагерь недалеко от Мерва. Рабииты, которые, хотя до того и были союзниками аздитов, все же естественно занимали среднее положение, заполнили пропасть между йеменцами и мударитами. Яхья ибн Худайн, самый уважаемый вождь бакритов, присоединился к Насру, видя в объединении с правительством единственное спасение для арабских племен. Дело дошло до переговоров между Насром и Джудаем аль-Кирмани, но они прервались из-за того, что сын аль-Хариса ибн Сурайджа, бывший с Насром, счел это удачной возможностью отомстить убийце своего отца и убил аль-Кирмани^[258]. Но переговоры все же не были сорваны. Когда Абу Муслим овладел важным городом Гератом, это произвело большое впечатление на арабов и открыло глаза слепцам. Место аль-Кирмани занял его сторонник, которого мы уже встречали раньше, хариджит Шайбан ибн Салама, который по наущению Яхьи ибн Худайна заключил с Насром годовое перемирие, вследствие чего он смог войти в Мерв в конце 129 года (в августе 747). Не только аздиты согласились на перемирие, но и сын их убитого вождя Али ибн аль-Кирмани. Это был переломный момент для Абу Муслима, но он

оказался достаточно мудр, чтобы объяснить Ибн аль-Кирмани, что причиной гибели его отца стал сам Наср, и этим привлечь его на свою сторону (в начале 130 года), и тогда Ибн аль-Кир-мани и последовавшие за ним аздиты снова подняли оружие против Насра. Борьба велась на окраинах и улицах Мерва и, видимо, длилась продолжительное время, и в ее итоге хозяином положения стал Абу Муслим. Когда он посчитал удобным, он вмешался в самую ее гущу и решил ее исход, не нанеся удара, в раби ас-сани 130 года от хиджры, то есть в декабре 748 года^[259], и на следующее утро Наср бежал через Серахс и Туе в Нишапур. Так закончилось правление арабов в Хорасане и начался закат арабского владычества вообще.

Глава 9

ПАДЕНИЕ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА

Сказанное в предыдущей главе об отношениях между иранцами и арабами относится в основном к «двум походам» и скорее к согдийцам, чем к Тохаристану. В Тохаристане обе стороны по-прежнему находились в состоянии конфликта друг с другом, и, хотя ислам пустил там довольно крепкие корни, пока еще он не добился полного господства. С другой стороны, собственные силы в Хорасане уже достигли равновесия, сложился определенный образ жизни. Порядки, которые мы видим еще преобладающими в Маверранахре, здесь к тому времени уже сошли на нет, и мы о них ничего не знаем, так как не располагаем достаточной информацией о раннем периоде после первых завоеваний. Но следствия все же стоят пристального рассмотрения — скажем, ситуация в период с 100 по 130 год от хиджры.

Арабы и иранцы не были внешне разделены разными местами проживания. Старое коренное население еще оставалось в арабских гарнизонных городах — Нишапуре (Биварде, Серахсе, Насе), Мерве, Мерверруде и Герате, хотя цитадели, конечно, заняли завоеватели. Также арабы не запирались вместе в нескольких немногочисленных пунктах и не ограничивались городами, выбранными в качестве военных поселений. Они имели поместья с крепостными в сельской местности, некоторые из них и жили там же, особенно в оазисе Мерв, где город образовывал центр многочисленных деревень, пользующихся одной ирригационной системой. У них были иранские слуги и иранские жены, и иранское влияние не могло не сказаться на их детях уже во втором поколении. Однако повторные переселения из Ирака не укрепили арабский элемент до такой степени, чтобы он мог по численности когда-либо сравниться с иранским, особенно в условиях, когда он нес сильные потери из-за постоянных войн. Отдельные рассказы позволяют предположить, что в Хорасане было около 50 тысяч арабских воинов, а так как обязательная военная служба касалась практически половины мужского населения, то всего арабов, по всей вероятности, насчитывалось не более 200 тысяч душ. Арабы привыкли быть хорасанцами, в общей провинции они ощущали себя едиными с местными жителями. Они носили штаны на иранский манер, пили вино, отмечали праздники Навруз и Мехреган, и знать их вела себя подобно марзпанам. Общая торговля и деловая активность влекла за собой необходимость взаимопонимания с иранцами. Даже на рынках в Куфе и Басре можно было по меньшей мере так же часто услышать персидскую речь, как и арабскую. Казалось исключением, что Абу Сайда говорил только по-арабски и потому был неподходящим миссионером для согдийцев, знавших только персидский. В армии Абу Муслима даже арабы говорили в основном на персидском языке.

Также и иранцы в Хорасане со своей стороны не занимали открыто враждебную и непримиримую позицию по отношению к арабам. Процесс смешения охватил их тоже. Их положение по большей части мало изменилось в результате завоевания, и

вряд ли к худшему. Арабы взяли на себя оборону от внешней агрессии, то есть со стороны тюрков, и вели ее более успешно, чем было при правлении Сасанидов^[260]. Арабы особо не вмешивались во внутреннюю ситуацию, предоставляя править марзпанам и дехканам, и лишь через их посредничество вступали в контакт с завоеванным населением. В гарнизонных и правительственных городах местные власти тоже сохранялись бок о бок с арабскими, фактически на них лежала обязанность собирать налоги и ответственность перед завоевателями за их своевременную уплату в надлежащем объеме. Но *misera contribuens plebs* (жалкий податный народ), само собой, при Сасанидах платил не меньше. Кроме того, иранцам позволили исповедовать свою религию; во всех договорах об уплате дани подразумевается как должное, что иранцы останутся при своей вере. Даже в городах, где жили арабы, иранцам разрешали оставаться язычниками, хотя, пожалуй, от них требовалось не выставлять напоказ внешние признаки своего язычества. Но видимо, все же у них не было серьезных связей с зороастризмом. Самое большее, что можно сказать по этому поводу, — это то, что безмятежный, счастливый культ, кульминацией которого были праздники Навруз и Мехреган, стал им дорог и они могли и дальше соблюдать его, даже если принимали ислам, ведь и сами арабы разделяли религию страны в той мере, в какой это было для них удовольствием. Сначала ислам привлекал иранцев не столько сам по себе, сколько в силу преимуществ, которые он предлагал. Они использовали его как способ приблизиться к правящему классу, разделить его привилегии и отчасти стать арабами, затем брали арабские имена и становились членами арабских племен^[261]. Честолюбцы старались снискать расположение арабов и играли двойственную роль в качестве посредников между двумя народами. Их называли нусаха, «добрые друзья». Самые известные из них — Сулайм и Хайян ан-Набати.

Военная служба в условиях войны того времени и места предлагала самые благоприятные возможности для присоединения к исламу. Следуя примеру видных иранцев, арабская знать брала с собой на поле боя личную гвардию из слуг (шакирийа). Эти слуги также принимали участие в сражениях и иногда решали их исход. Кроме того, существовали специальные иранские полки, которыми командовали иранские начальники, их примеры — Хурайс ибн Кутба и его брат Сабит в ранние времена и Хайян ан-Набати и его сын Мукатил в более поздние^[262]. Мавали — здесь, как и везде, это слово обозначает неарабов, которые приняли ислам и сами были приняты в арабские племена, — воевали вместе с арабами против своих старых врагов — тюрков. Но они также воевали и за веру против своих согдийских сородичей, пока те были врагами ислама и союзниками тюрков. Ислам, который они изначально приняли по внешним причинам, укоренился в их сердцах, и они относились к нему даже серьезнее, чем сами арабы^[263].

Но арабы не признали мавали полностью. Если мавали служили в армии, они бились пешими, а не конными, а если отличались в бою, к ним относились с недоверием. Правда, они получали плату и долю добычи, но не регулярное жалованье; они не числились в диване, то есть в списке получающих военный пенсией. Будучи даже принятыми в арабские племена, они оставались «деревенщинами», в отличие от «народа племен», и, будучи даже мусульманами, они не освобождались от подушной подати. Подать, которую обязаны были выплачивать даже землевладельцы-арабы, конечно, не была таким бременем для хорасанцев, как для жителей Маверраанахра, которые приняли ислам только с целью освободиться от нее. И все же недовольство согдийцев, несомненно, заразило и Хорасан; аль-Харис ибн Сурайдж и другие об этом позаботились.

Если бы арабы относились к новообращенным иранцам как к равным, возможно, смешение двух народов стало бы возможным, но в сложившихся обстоятельствах они взрастили врага в своей собственной среде. Вместо того чтобы изгладить

различия, ислам акцентировал их. Он воскресил иранцев, дал им внутренний стержень и вложил в их руки оружие против их господ. Ибо падение арабской власти произошло не из-за жителей Маверраннахр, которые оставались иранцами и враждебными арабам, но из-за перешедших в ислам хорасанцев. Сам ислам стал исходным пунктом их борьбы с первыми. Именно ислам объединил их с теми арабами, которые, опираясь на теократические принципы, противостояли правлению Омейядов. Именно арабы первыми разбудили и организовали мавали.

Консервативный ислам ставил джамаат превыше всего и подразумевал согласие с правительством и подчинение ему. Революционный ислам противопоставил существующему порядку идею теократии и предложил людям сражаться за Бога против Омейядов и их чиновников, за справедливость и закон против неправды и насилия. На востоке хариджиты упоминаются нечасто, но даже там они имели большее влияние, нежели позволяют предположить те скудные сведения о них, которыми мы владеем. Хариджит Шайбан ибн Салама со своими многочисленными последователями не мог просто возникнуть из ниоткуда, как якобы это произошло. Более того, мурджииты сыграли еще более важную роль и во главе с аль-Харисом ибн Сурайджем оказали весьма значительное влияние на историю. Хариджиты, как и мурджииты, в принципе не признавали различий в исламе между арабами и иранцами, но в конце концов и те и другие полностью отошли на задний план перед шиитами, которые вскоре распространились по всему Хорасану и стали решающим фактором.

Центром шиизма как теократической оппозиции вообще был Ирак, но именно из Ирака Иранский Восток был завоеван и колонизован, и даже позднее связь между ними активно поддерживалась. Новый поток переселенцев непрерывно продолжал поступать из Ирака в земли Окса, причем он состоял не из самых миролюбивых людей. Наместники Омейядов в Ираке, особенно Зияд и аль-Хаджжадж, по-видимому, переселяли опасные элементы из Куфы и Басры в Хорасан, чтобы воспрепятствовать их планам ведения священной войны. Важно отметить, что аль-Хаджжадж держал сирийцев вдали от нее, чтобы они не заразились злым духом. Нетрудно понять, что у нас нет точной информации о подъеме шиитов в Хорасане; семя прилетело по воздуху и упало в землю. Однако, насколько широко там были распространены симпатии к шиитам, можно понять из того факта, что после злополучной попытки восстания Зейда ибн Али в Куфе его сын Яхья получил совет отправиться в Хорасан и последовал ему. Правда, он пал в битве с правительственными войсками, но его мученический конец вызвал общее возмущение, так что всех мальчиков, родившихся в том году в Хорасане, якобы назвали в его честь. Абу Муслим знал, что ему предстоит, когда взял на себя роль мстителя за Яхью. Тем самым он задел струну, которая нашла отзвук повсюду. Даже ибн Муавия ибн Джафар думал, что найдет надежное укрытие в Хорасане. Он, безусловно, ошибся в Абу Муслиме, для которого мертвый Алид был полезнее, чем живой, и который велел тайно его убить. Но даже Ибн Муавия долго почитался в Хорасане как мученик, и его могилу часто посещали как святилище.

Если бы арабы в Хорасане держались сплоченно друг с другом и правительством, шииты, конечно, не смогли бы разорвать эту связь, но как они не хотели делить власть с мавали, так они не давали владеть ею и друг другу. Должности и прибыльные места, которые раздавали правители, были источником и причиной яростной зависти между племенами. Так называемая асабийя была хронической болезнью арабов, и в конце концов, когда трон Омейядов зашатался, произошло ее обострение, как мы уже видели выше. Такое положение дел было выгодным для особой группы шиитов, в союзе с которыми были Аббасиды, так как они отделились от Алидов и удалились из Медины, где не могли соперничать с ними, в Хумайму, что в гористой местности между Сирией и Аравией (Аш-Шарат)^[264].

У шиитов было два главных течения, которые, конечно, не везде можно было четко различить: одно умеренное, отличавшееся от обычного ислама только тем политическим принципом, что халифат принадлежит династии пророка, и второе радикальное с одним своеобразным догматом, совершенно чуждым изначальному исламу. Экстремисты находили себе разные именованья, выражавшие лишь незначительные оттенки смысла. Сначала они назывались сабаитами. По Сайфу ибн Умару, эти сабаиты с самого начала были корнем всех зол и бед в истории теократии, убийцами Усмана и зачинщиками междоусобной войны, основателями революционной хариджитской партии и виновниками саморазрушения ислама. В действительности они впервые достигли своего исторического значения при Мухтаре, хотя существовали и раньше. Их родиной была Куфа и ее окрестности. В их число входили не только арабы, но в основном они фактически состояли из мавали. Они верили в учение Ибн Сабы о возвращении духа в разных телах, особенно духа пророка в его наследниках. Это их три главные характеристики. Сабаитов отвергли видные Алиды, потомки дочери пророка Фатимы, которые придерживались принципов старого ислама и арабизма, и поэтому они прибились к сыну Али от второго брака, которого по матери называли Ибн аль-Ханафия, и он позволил им сделать его своим идолом, который требовался им в соответствии с их учением. Это не имело значения, что он бездействовал и оставался на заднем плане, ведь, по сути, для их целей им было все равно, жив он или мертв. Какое-то время говорили, что он не умер, а пребывает в уединении на горе Радва у Медины, готовый выйти на свет в нужный миг, но потом его сына Абдуллаха Абу Хашима, столь же малозначительного, как и он сам, стали считать его наследником и новым имамом. С Зейдом ибн Али ибн Хусейном экстремисты из Куфы не получили того, на что рассчитывали. Затем Абу Хашим перебрался в Хумайму и там объединился с Аббасидами^[265]. Умирая в 98 году от хиджры, он, как рассказывают, открыто заявил в своей последней воле, что передает имамат Аббасиду Мухаммеду ибн Али.

Ван Влотен подчеркивал важность этого последнего утверждения. Конечно, в такой форме оно, вероятно, придумано^[266], но оно должно было возникнуть очень рано, так как о нем говорят множество рассказчиков, и поздние Аббасиды остереглись бы строить свои притязания на таком фундаменте. К тому же оно внутренне верно, поскольку Абу Хашим в самом деле был предшественником Мухаммеда ибн Али, даже если формально и не называл его своим преемником. У него была собственная партия; его приверженцев в честь его называли хашимитами^[267]. И после его смерти они перешли к Мухаммеду ибн Али. В Хорасане во главе их стоял Хидаш, один из самых успешных вербовщиков шиитов, с которым у Мухаммеда ибн Али с самого начала сложилось взаимопонимание. Таким образом, в этом рассказе о последней воле есть некоторая степень достоверности. Аббасиды присоединились к Абу Хашиму, чтобы переманить на свою сторону его приверженцев.

Но это также показывает их связь с сабаитами Мухтара, ибо от этих поклонников Ибн аль-Ханафии произошли поклонники его сына — хашимиты. Сабаиты в Куфе не исчезли со смертью Мухтара, они еще существовали в самом низу общества. Эзотерическая доктрина хашимитов в том виде, в каком она представлена у аш-Шахрастани, совершенно не отличается от учения Ибн Сабы. Аббасидский заговор точно тот же, что и сабаитский, как его описывает Сайф. Его центром также была Куфа, оттуда пропаганда распространилась в Хорасан. Короче говоря, в обоих случаях движение было поддержано иранскими мавали и направлено против арабского господства в исламе. Таким образом, соответствие наблюдается во всех важных пунктах, вероучении и способе привлечения сторонников, области распространения и составе участников. Можно добавить еще две подробности. Деревянная дубинка была национальным оружием иранских низов, ее называли «дубинкой еретиков» по хашабитам Мухтара, и первое прозвище она получила не от

сторонников Абу Муслима. Мавали из его поместья в Хутарнии подле Куфы стали старейшими приверженцами Мухтара, и сам Абу Муслим тоже происходил из Хутарнии. Даже если у нас есть сомнения в верности двух этих утверждений, все же они не теряют своей важности, так как и выдумка должна иметь свой мотив, а мотив как раз и есть то, чего мы ищем. То, что Аббасиды позднее отвергли шиитов, благодаря которым поднялись, неудивительно. Шииты были неудобны для них и могли отправляться восвояси, сослужив свою службу.

Все это, видимо, показывает существование тесной связи между неудачным переворотом Мухтара и удачным – Абу Муслима. Несмотря на то что пожар 67 года был залит кровью, он все еще тлел под пеплом и распространился от Куфы до Хорасана. Там создались более благоприятные условия, поскольку в Хорасане мавали жили более компактно, а противостоявшие им арабы были гораздо слабее, чем в Куфе. Мухтар был одним из величайших людей исламской истории, он предвосхитил будущее. Если учение о радже (надежде) верно, то араб из Хутарнии снова возродился в лице мавлы из Хутарнии.

В 100 году от хиджры Мухаммед ибн Али послал Майсару в Куфу, и тот послал куфийцев Мухаммеда ибн Хунайса и Абу Икриму-седельника, также называвшегося Абу Мухаммед ас-Сакик, и Хайяна-зеленщика, дядю Ибрахима ибн Салимы, в Хорасан с заданием набрать сторонников для него и его рода. Они вернулись к Майсаре с письмами от хорасанцев, которых сумели привлечь, и он переслал эти письма Мухаммеду ибн Али. Абу Мухаммед ас-Сакик выбрал в Хорасане двенадцать вождей (накибов) и еще семьдесят человек, и Мухаммед ибн Али дал им письменные указания. Истечение ста лет, двенадцать апостолов и семьдесят последователей наводят на подозрения^[268]; повествования более позднего времени совпадают между собой и свидетельствуют о том, что дело начиналось не столь уж организовано. Эти хроники в основном анонимные, и лишь в трех из них источником назван аль-Мадаини. Ниже я излагаю их содержание.

Ат-Табари. В 102 году Майсара отправил своих посланцев из Ирака в Хорасан, и те начали там вербовать сторонников для Аббасидов. Один знатный тамимит обратил внимание наместника Язида II на действия этих неизвестных людей, представлявшихся купцами. Их арестовали, но вскоре выпустили, так как за них поручились некоторые хорасанцы, в основном из рабиитов и йеменцев.

В 105 году Бухайр ибн Махан, до той поры переводчик^[269] аль-Джунайда в Синде, приехал в Куфу и привез с собой четыре слитка серебра и один золота. Он попал в руки аббасидских вербовщиков Абу Икримы ас-Сакика, Майсары, Мухаммеда ибн Хунайса, Салима аль-Айяна и Абу Яхьи, был привлечен ими на сторону Мухаммеда ибн Али, с которым также вступил в личные отношения, и отдал свои деньги в его пользу. После смерти Майсары Бухайр ибн Махан занял его место как глава вербовщиков.

В 107 году Ибн Махан послал вербовщиков в Хорасан, а именно Абу Икриму, Абу Мухаммеда ас-Сакика^[270], Мухаммеда ибн Хунайса, Аммара аль-Ибади и других. Некий киндит пожаловался на них наместнику Асаду, и тот велел отпилить им руки и ноги и затем распять. Только Аммару удалось вернуться в Куфу. Когда Мухаммед ибн Али услышал об этом, он сказал: «Будет еще больше убитых».

В другом фрагменте эта же история повторена и отнесена к 108 году в ином варианте: казнят одного Аммара, а другие спасаются.

По аль-Мадаини, в 109 году от хиджры, во время первого срока наместничества Асада, в Хорасан в обществе других куфийцев явился первый аббасидский вербовщик Абу Мухаммед Зияд, мавла племени хамдан, который до того некоторое время пробыл в Дамаске. Мухаммед ибн Али велел ему поселиться среди йеменцев,

относиться к мударитам с уважением и держаться подальше от некоего Талиба в Абаршехре (Нишапуре), который был предан Фатимидам. Другие, однако, упоминают Харба ибн Усмана из Балха, мавлу Кайса ибн Салабы, как первого аббасидского вербовщика в Хорасане, уполномоченного письмом Мухаммеда ибн Али. Абу Мухаммед Зияд оставался некоторое время в Мерве, принимал людей и набирал сторонников для бану аббас, обличая Омейядов. Его часто посещали Яхья ибн Укайль аль-Хузаи и Ибрахим ибн Хаттаб аль-Адави; Талиб, который приехал из Абаршехра в Мерв, разошелся с ним из-за ссоры. По обвинению мервского чиновника по налогам Асад выгнал Абу Мухаммеда Зияда из Хорасана, хотя тот выдавал себя за безобидного торговца, и, так как он продолжал оставаться в Хорасане, его казнили за четыре дня до праздника и вместе с ним его куфийских спутников, за исключением двоих, которых пощадили по причине их юного возраста или потому, что они отреклись от Аббасидов. После этого другой куфиец приехал в Мерв – Касир, который поселился у Абу Наджда и вербовал сторонников для Аббасидов. Он продолжал свою работу в течение года или двух, но он был человек необразованный, и его сменил Хаддаш, прозванный так потому, что он внес раздор в религию Аббасидов; но настоящее его имя было Умара.

В 113 году при наместнике аль-Джунайде там появилось несколько аббасидских вербовщиков. Он казнил одного из них, а остальных поставил вне закона.

В 117 году Асад во время своего второго наместничества арестовал нескольких аббасидских вербовщиков, среди них хузаитов Сулеймана ибн Касира, Малика ибн Хайсама, Тальху ибн Рузайка, бакрита Халида ибн Ибрахима, тамимитов Мусу ибн Кааба и Лахиза ибн Курайза. Сулейман ибн Касир сказал, что их оклеветали мудариты, будто они принадлежат к аздитам-рабиитам, так как не могли простить им решительной позиции против Кутайбы. Он напомнил им, что мудариты тоже были противниками наместника. Это подействовало, и Асад освободил хузаитов и бакрита, но наказал двух тамимитов. Он велел выбить Мусе ибн Каабу зубы ослиной уздой, а Лахизу дать 300 плетей^[271].

В 118 году Ибн Махан послал Аммара ибн Язида в Хорасан как главу аббасидской пропаганды. Он изменил свое имя на Хидаш, поселился в Мерве и добился больших успехов. Однако он обратился ко лжи, проповедовал распутство (дин аль-хуррамия) и позволял иметь общих жен. Асад арестовал его, и, так как Хидаш вызывающе говорил с ним, велел отрубить ему одну руку, вырвать язык и выколоть один глаз.

Вдобавок к этому аль-Мадаини рассказывает: когда в 118 году Асад был в Амуле, к нему привели Хидаша, главу (секты) хашимитов. Он заставил своего врача Куру отрезать Хидашу язык и ослепить на один глаз, а потом передал его судье Амуля, который казнил его и прибил к кресту.

В 120 году Сулейман ибн Касир отправился из Хорасана к Мухаммеду ибн Али, несомненно по следующим причинам. Мухаммед был зол на своих сторонников в Хорасане, потому что они поверили Хидашу и его лжи и предпочли Хидаша ему, и прервал с ними переписку. Чтобы снова связаться с ним, они послали к нему Сулеймана ибн Касира. Мухаммед объяснил ему причину своего недовольства и дал ему письмо, в котором, однако, ничего не было. Но вслед за тем он послал из Куфы ибн Махана со вторым письмом, в котором ясно высказал свои настроения по поводу Хидаша. Но хорасанцы не доверяли Ибн Махану и отправили его прочь. Тогда Мухаммед послал им палки с наконечниками, одни с железными, другие с медными, и Ибн Махан раздал их среди вождей (накибов). Тогда они осознали, что действовали против его принципов и исправились^[272].

По аль-Мадаини, в 124 году от хиджры просочились сведения, что аббасидские шииты в Куфе устраивают собрания в некоем доме. Впоследствии был арестован их

глава Ибн Махан. В тюрьме он переманил на свою сторону Юнаса Абу Асима и иджлита Ису ибн Макила. У последнего, когда их вскоре после того освободили, он купил своего слугу Абу Муслима за 400 дирхемов и подарил его сыну Мухаммеда ибн Али Ибрахиму, который передал его седельнику Мусе.

Посвященный им в аббасидское учение, он стал часто путешествовать в Хорасан.

Кроме того, есть и анонимные варианты. В 124 году хорасанские вожди партии Сулейман ибн Касир, Малик ибн Хайсам, Лахиз ибн Курайз и Кахтаба ибн Шабиб, совершая паломничество, прибыли в Куфу. Там они посетили в тюрьме Асима ибн Юнаса аль-Иджли, которого подозревали в вербовке сторонников для Аббасидов, и двоих сыновей иджлита Макила Ису и Идриса, которых Юсуф ибн Умар бросил в тюрьму как чиновников Халида аль-Касри. При Исе и Идрисе был Абу Муслим, который всегда рыдал, когда его господа высказывали свои политические взгляды. Хорасанцы переманили его на свою сторону. Затем они отправились в Мекку, где встретились с Мухаммедом ибн Али и рассказали ему об Абу Муслиме. Он спросил: «Он свободный человек или нет?» Они ответили: «Сам он утверждает, что свободный, но Иса говорит, что нет». После чего он приказал привести Абу Муслима к нему и освободил его. Они передали ему 200 тысяч дирхемов и товаров стоимостью 30 тысяч дирхемов. Тогда он открыл им, что, вероятно, они видят его в последний раз, и предложил им признать его сына Ибрахима преемником после его смерти. Он умер 1 зуль-кады 125 года в возрасте 63 лет, через семь лет после смерти своего отца.

В 126 году новый имам послал Ибн Махана в Хорасан с письмом. Он собрал глав сторонников и вербовщиков в Мерве, сообщил о смерти Мухаммеда, объявил, что его преемником стал Ибрахим, и отдал им письмо. Они признали его и отдали ему деньги шиитов, которые он доставил Ибрахиму.

В 127 году Ибрахим назначил вместо покойного Ибн Махана по рекомендации последнего продавца уксуса Абу Саламу Хафса ибн Сулеймана, мавлу племени саби, как своего полномочного представителя и в письме сообщил хорасанцам об этом. Абу Салама так же лично предстал перед хорасанцами и получил от них пятую долю и добровольные пожертвования. Он взял титул «визирь семьи Мухаммеда».

Во всех этих повествованиях Куфа предстает рассадником и центром Аббасидов. Здесь живут представители

невидимого имама – Майсара, Ибн Махан, Абу Салама, а также их прислужники и сообщники. Все они мавали иранского происхождения, лавочники и ремесленники по роду занятий. Арабы тоже могли принадлежать к их партии, но они не занимали ведущих позиций. Обработка Хорасана, а именно Мерва, идет из Куфы; через много лет после 100 года вербовщики там по-прежнему только куфийцы, иноземные купцы. Начало пропаганды скрыто во мраке и залито кровью. Хидаш был первым, кто добился какого-то успеха. Он впервые упоминается в 109 году; неизвестно, действительно ли он именно тогда начал свою деятельность, но так же невероятно, что он явился из Куфы не раньше 118 года, в который и был убит. Жители Мерва стекались к нему, верили в его речи и следовали за ним. Он представляется подлинным основателем аббасидской партии в Мерве, также он должен быть ее организатором. В таком случае неудивительно, что в 117 году мы впервые видим какие-то упоминания о местных вождях, которых должен был назначить еще в 100 году сам Мухаммед ибн Али, и что они больше были преданы Хидашу, чем Мухаммеду. В то время как масса мервских шиитов состояла из мавали, первые вожди – у ат-Табари их названо шесть – были арабами. Самым видным из них, который после смерти Хидаша стал его преемником, был Сулейман ибн Касир. Он принадлежал к бану хузаа, которое владело несколькими деревнями в оазисе Мерва

и вместе со своими иранскими мавали представляло непропорционально большую долю аббасидских шиитов. Хузаиты издавна были в союзе с домом пророка, и, кроме того, они принадлежали к аздитам, а те почти всегда были в оппозиции после падения мухаллабидов, поэтому их было легче поднять на мятеж против правительства, чем мударитов. Больше того, среди шести вождей, призванных к ответу Асадом в 117 году, были, помимо трех хузаитов и одного бакрита, два тамимита, так что мы не должны обращать излишнее внимание на межплеменные разногласия. Эти шииты, даже арабы среди них, протестовали против арабского национализма. В соответствии с их принципами не арабская нация, а ислам должен наделять правами гражданина в теократическом государстве. Кроме того, мавали допускались до высоких постов. Среди двенадцати вождей, указанных у ат-Табари, четверо мавали стоят бок о бок с восемью арабами.

Мухаммед ибн Али осудил Хидаша, но не раньше его смерти. Говорят, что он был подлым врагом, сеявшим плевелы среди пшеницы, совратителем и притом вождем народа, как если бы он снизошел на партию и ее организацию в уже готовом виде. Брошенную им приманку называли хуррамитством. В действительности секта, которую он возглавлял и расширял, была хашимитской. Хуррамитство было не сектой, а общей вольнодумной тенденцией. Они протестовали против иудеизации ислама, как они это называли, то есть против его меланхолического пуританства; они хотели сохранить свои права на природу и удовольствия, поэтому присоединились к коренному иранскому язычеству. Также они могли находиться под влиянием социалистических идей, которые действительно прекрасно подходили для целей мавали. Как рассказывают, хуррамиты и равандиты возродили общность жен, которую прежде проповедовал Маздак. Вполне вероятно, что Хидаш не противился этой тенденции, но поддерживал ее и использовал к своей выгоде, но очень маловероятно, что это было камнем преткновения для Аббасидов. В то время они собирали вокруг себя еретиков; лишь позднее, достигнув цели, они отбросили их и стали ортодоксальными мусульманами. Вначале Аббасиды старались повернуть всевозможные течения шиитской оппозиции любого толка так, чтобы они лили на их мельницу. Их главная цель была негативной – сбросить Омейядов. О позитивной цели они умалчивали – захватить халифат для себя. Как правило, перед своими сторонниками они представляли в роли не столько политических претендентов, сколько орудий переворота, которого желает Бог. На первое место они ставили не самих себя, а свое призвание, борьбу за правое дело против неправого. Они просили верности не себе и своему имени, а некоему неназываемому потомку Мухаммеда, кандидатура которого будет решена впоследствии. Даже среди их основателей, которые, надо думать, были посвящены во все, были те, кто лишь позднее стал ясно представлять себе истинную цель. Они всеми силами старались скрывать, что эта цель состоит в смещении Фатимидов, и создавали впечатление, будто работают на них, представая в Хорасане и других областях мстителями за мучеников-Фатимидов; еще менее они могли отвергать и отрицать другую ветвь шиизма, в чьей поддержке они нуждались для того, чтобы сбросить Фатимидов. Шииты могли верить во что хотели и жить так, как хотели; для Аббасидов это были второстепенные вопросы. В первую очередь их заботило то, чтобы шииты оставались их приверженцами. Вольнодумство хашимитов их не волновало, но что имело для них первостепенное значение, так это независимая организация партии в Хорасане вследствие крупного восстания под предводительством Хидаша. В Мерве был сформирован местный комитет, который, разумеется, не желал оставаться на коротком поводке у Куфы, притом что отнюдь не отказывался от верности самому Мухаммеду ибн Али. Однако возникла опасность, что в Хорасане бразды могут выскользнуть из его рук, ведь он держал их только через Куфу. Поэтому он воспользовался личным авторитетом, которым еще обладал среди хорасанских вождей, чтобы заставить их отказаться от

независимости и подчиниться визирю в Куфе, и в конце концов ему с трудом удалось переманить на свою сторону их лидера Сулеймана ибн Касира. Хотя в 120 году от хиджры хорасанцы в Мерве отвергли куфийского визиря Аббасидов в Куфе, они оказали ему дружественный прием в 126 и 127 годах, а также передали ему собранные деньги. В иных случаях они доставляли деньги непосредственно имаму и посещали его не в Хумайме, а в Мекке. Паломничество давало революционерам удобную возможность беспрепятственно встречаться друг с другом. Личные отношения с имамом становились более активными и — из-за передачи денег — более реалистическими.

Ибрахим, сын и преемник Мухаммеда ибн Али, предпринял решительный шаг, чтобы полностью взять в свои руки бразды правления в Хорасане, отправив туда Абу Муслима. Происхождение его неизвестно, и рассказы о нем недостоверны. Известно, что он был не арабом, а иранцем, рабом или клиентом в Куфе. Еще в юности он обратил на себя внимание аббасидской партии, и Ибрахим решил привлечь его к себе. Он принял его в семью, посвятил в свои интересы и сделал доверенным лицом. В 128 году Абу Муслим получил постоянное положение как представитель священного семейства в Хорасане, где благодаря прежним частым приездам он был хорошо известен, и назначен главой. Время пришло. Мятежные арабские племена выгнали Насра из Мерва, и руки Омейядов были связаны повсеместно распространившимися восстаниями^[273].

Подопечный мавла предлагал Аббасидам лучшие гарантии в Хорасане, нежели свободный араб, который до той поры стоял во главе хашимитов. Конечно, Абу Муслим не мог напрямую сменить Сулеймана ибн Касира и, напротив, получил приказ относиться к нему с уважением и следовать его советам. Но Сулейман ибн Касир все равно увидел в нем противника, угрожавшего его положению. Его прошлое ясно говорит нам, что он не принял Абу Муслима с распростертыми объятиями; следовательно, положение того в Мерве было непростым. Не в его пользу также говорило и то, что он женился на женщине из семейства одного из глав — Абу Наджма; его считали перебежчиком, он не мог идти вперед плечом к плечу с Сулейманом и счел полезным отойти на задний план.

Он покинул Мерв и снова отправился в Куфу, но, когда он был уже в Кумисе, одной ногой за границей Хорасана, его вынудили вернуться. В Мерве произошли перемены; народ показал, что готов повиноваться ему как всемогущему представителю наследников пророка, и он весьма успешно взялся за подготовку к восстанию. Видимо, он был вынужден остановить эту деятельность из-за путешествия в Мекку, которое он совершил с несколькими братьями по движению в джумаде ас-сани 129 года, чтобы передать тамошнему имаму собранные деньги. Но когда Абу Муслим добрался до западной границы Хорасана, он заставил таита Кахтабу ибн Шабиба поехать в Мекку, а сам отправился обратно в Мерв. Паломничество было для него лишь предлогом. На самом же деле он хотел посетить рассеянных шиитов всех оттенков убеждений, привлечь их на свою сторону и подготовить к предстоящему восстанию. Чтобы вступить в сообщение с их вождями, он прошел через весь Западный Хорасан до самых границ Джурджана и обратно, пробыв значительное время в некоторых местах, представлявших важность для шиитов. Вернувшись в Мерв, он стал действовать открыто.

Различая два путешествия Абу Муслима, я следую анонимному рассказу у ат-Табари. В первый раз он уехал из Мерва, потому что не мог сохранить там свое положение. Второй раз он под предлогом паломничества проехал через Западный Хорасан с целью агитации. Аль-Мадаини упоминает только одну поездку — вторую. Он ничего не говорит об опасных разногласиях между Абу Муслимом и Сулейманом. Но, как верно подмечает ван Влотен, эти разногласия имели все шансы разрешиться в его

пользу. И все-таки мы, конечно, могли бы удовольствоваться одним путешествием. Можно понять это в том смысле, что Абу Муслим, поскольку не смог укрепиться в Мерве, попытался сам упрочить свое положение в Западном Хорасане. Однако паломничество, которое он предпринял вместе с мервцами, не укладывается в эту гипотезу. Прежде всего, возникают хронологические несоответствия, так как праздник, на который они ехали, проходил в конце 129 года; Кахтаба же вернулся из Мекки лишь в 130 году. Но в это время мятеж при Абу Муслиме в Мерве шел уже полным ходом, поскольку он разразился сразу после его возвращения из подготовительной поездки. Его разрыв с Сулейманом и последующий вынужденный отъезд из Мерва должен был состояться раньше, вскоре после его первого прибытия туда в 128 году. Возможно, путаница происходит из-за того обстоятельства, что Абу Муслим в обоих путешествиях добрался до западной границы Хорасана и там повернул назад.

О восстании в селениях хузаитов у Мерва во второй половине 129 года (летом 747) ат-Табари приводит рассказ аль-Мадаини, Абуль-Хаттаба и еще один, анонимный. Они совпадают в некоторых особенностях, как и в некоторых поразительных деталях, но при этом и очень отличаются. Кроме того, они противоречат сами себе и, взятые все вместе, рисуют чрезвычайно неудовлетворительную картину.

Прежде всего нас подкупает рассказ Абуль-Хаттаба, который на первый взгляд производит впечатление самого убедительного. Во вторник 9 шабана 129 года (вторник 25 апреля 747), снова добравшись до Мервского оазиса, Абу Муслим сначала селится в Фанине, деревне Абу Дауда Халида ибн Ибрахима аль-Бакри. 2 рамадана (17 мая) он уезжает оттуда в Сикаданг, деревню Сулеймана ибн Касира аль-Хузаи. День 25 рамадана оставался в планах как день начала открытых действий, и об этом были уведомлены сторонники в Мерверруде, Тохаристане и Хорезме. Когда наступил этот день, два черных флага, присланные имамом, развернулись в Сикаданге, а для жителей соседних деревень загорелись сигнальные костры. Они прибывали в течение следующих нескольких дней; первыми – 27 рамадана – явились жители Сукадима. Лагерь насчитывал 2200 пеших воинов и 56 всадников. В праздник окончания поста, в пятницу 1 шавваля 129 года (15 июня 747), в Сикаданге прошло первое богослужение по аббасидскому ритуалу, его провел Сулейман ибн Касир, после чего Абу Муслим задал большой пир. Через 18 дней после публичного выступления к ним подступили конные войска, посланные наместником Насром, но у Алиа были отброшены Абу Насром Маликом ибн Хайсамом аль-Хузаи. О раненом и плененном командире хорошо позаботились и затем отпустили, чтобы он вернулся домой и прилюдно восхвалил Абу Муслима. В начале зуль-кады Хазим ибн Хузайма ат-Тамими захватил город Мерверруд и убил там чиновника правительства. Абу Муслим оставался в Сикаданге всего 42 дня. В среду 9 зуль-кады (в субботу 22 июля) он перенес свой лагерь в Махуан, место жительства нескольких шиитов, ставшее впоследствии знаменитым, и там пробыл довольно долгое время. Он назначил чиновников и укрепил лагерь. Если до той поры он вел себя как обычный человек, то теперь напустил на себя важность, как вельможа. Его армия возросла до 7 тысяч человек, и всех он записал в перечень по имени отца и места жительства. Плата составляла от 3 до 4 дирхемов (в месяц). Жителей Сукадима числом 800 человек он послал в Джиранг, чтобы перерезать коммуникации Насра с Мерверрудом и Тохаристаном. Он отослал слуг в отдельный лагерь, а позднее отправил их в Бивард к Мусе ибн Каабу ат-Тамими. Четыре месяца спустя он перебрался из Махуана в Алин, так как там его нельзя было отрезать от воды, ибо он опасался атаки со стороны мервских арабов, которые для этого заключили перемирие друг с другом. В Алине он встретил праздник 10 зуль-хиджи 129 года (22 августа 747). Государственные войска фактически наступали на него из Мерва, творя всяческие бесчинства в деревнях, пока он не положил этому конец.

Потом несколько раненых пленных попали в его руки, и он вылечил их, а когда им стало лучше, отпустил на свободу. Но единство врага продержалось недолго, так как Сулейман ибн Касир убедил Али ибн Джудая нарушить перемирие, и тогда они фактически сделали Абу Муслима арбитром в своем споре. Депутации от обеих сторон – мударитов и аздитов-рабиитов – явились перед ним и обратились к нему за помощью. В торжественном собрании он вместе с 70 судьями решил дело в пользу аздитов против мударитов, в пользу Али ибн Джудая против Насра; мудариты горестно удалились. Через 29 дней он снова оставил Алин и вернулся в Махуан, приказав своим людям обеспечить себя припасами на зиму, так как Бог устранил угрозу со стороны противника. Это было в четверг 15 сафара 130 года (25 октября 747). Затем он пробыл еще 90 дней в Махуане, до вторника 9 джумады^[274], и тогда отправился в Мерв. Непосредственно город находился в руках Насра, которого Али ибн Джудай при поддержке одного из командиров Абу Муслима неукротимо атаковал. Пока бушевала битва, Абу Муслим вошел в город. Наср сдался ему, но на следующее утро со своими верными сторонниками бежал. Абу Муслим приказал казнить 24 знатных араба, среди них Салма ибн Ахваза ат-Тамими.

Точность и законченность рассказа не имеют особого значения. Это очевидно следует, например, из продублированного рассказа о том, как было отброшено вражеское наступление на Алин и как хорошо отнеслись к пленникам Абу Муслима, но особенно из хронологических сведений. Они содержат самые неудобные несоответствия; в частности, более продолжительные периоды совсем не вписываются в фиксированные календарные даты. 2 рамадана 129 года (17 мая 747) Абу Муслим прибывает в Сикаданг и остается там 42 дня, то есть до середины шавваля (конца июня), но он уезжает в Махуан не раньше 9 зуль-кады (22 июля). Продолжительность первого пребывания в Махуане указывается как 4 месяца, но уже в начале зуль-хиджи (в середине августа), когда едва прошел месяц, он уже в Алине. Он остается в Алине 29 дней, то есть до начала мухаррама 130 года (до середины сентября), но возвращается в Махуан не раньше середины сафара (конца октября). Второе пребывание в Махуане продолжается 90 дней, то есть до середины джумады аль-уля. С этой датой почти совпадает прибытие в Мерв, если считать 9 джумады аль-уля, а не ас-сани.

Абуль-Хаттаб, если верить аль-Мадаини, требует исправления; анонимная версия придерживается середины. По аль-Мадаини, Абу Муслим был в Махуане не дважды, а лишь один раз. 4 месяца, которые Абуль Хаттаб относит к первому пребыванию, на самом деле составляют срок всего его пребывания там. 8 месяцев (4 месяца + 29 дней + 90 дней), которые он считает с первого прибытия Абу Муслима в Махуан до его явного отъезда оттуда, сокращены вдвое. Конечно, пребывание Абу Муслима в Махуане было прервано даже по аль-Мадаини, но только поездкой, которую он лично совершил в Мерв. По его возвращении оттуда он, по аль-Мадаини, оставался еще 3 месяца в Махуане; это соответствует 90 дням Абуль-Хаттаба. По аль-Мадаини и одному рассказу Абуль-Хаттаба, возвращение имело место в начале 130 года, и если мы считаем 3 месяца, или 90 дней, от этого момента, тогда Абу Муслим поставил лагерь в Махуане в начале раби ас-сани и отправился в Мерв. Аль-Мадаини в самом деле указывает 9 раби ас-сани для прибытия в Мерв, и анонимный рассказ с ним соглашается^[275]. Эта дата далее подтверждается словами о том, что дни тогда были очень короткими; 9 раби ас-сани 130 года приходилось на 17 декабря 747; 9 джумада аль-уля или ас-сани, которое вместо того упоминает Абуль-Хаттаб (15 декабря или 14 февраля), уже более-менее далеко отстоит от зимнего солнцестояния. Отсчитывая назад, мы добираемся до начала зуль-хиджи 129 года как начала пребывания в Махуане, которое охватывает все четыре месяца. Стояние лагерем в Алине не прерывает его, но предшествует ему; по аль-Мадаини, Абу Муслим был там^[276] в зуль-каде 129 года. Единодушное предание говорит, что он находился в

Сикаданге в шаввале и рамадане. 42 дня, которые Абуль-Хаттаб приписывает Сикадангу, аль-Мадаини приписывает Алину, но тут определенно прав Абуль-Хаттаб. Нам также следует предпочесть его рассказ, что Фанин предшествовал Сикадангу.

Если эта схема верна, то мы получаем примерно следующую картину хода событий. Деревни хузаитов^[277], в которых то тут, то там останавливался Абу Муслим, лежат поблизости друг от друга в районе канала Харкан. Исходным центром заговора был Сикаданг, где находился глава хашимитов Сулейман ибн Касир. Именно там развернулись черные знамена, присланные Ибрахимом ибн Мухаммедом, и зажглись сигнальные огни. Туда собрались сторонники из ближайших и отдаленных областей. Там 1 шаввала 129 года прошло первое богослужение по аббасидскому ритуалу, на котором в качестве имама выступал Сулейман ибн Касир. В то, что он сделал это только по приказу Абу Муслима, невозможно поверить. В то время в Сикаданге он был не тем человеком, которого можно было бы легко лишить верховенства; даже если бразды правления выскальзывали у него из рук, он по крайней мере продолжал делать вид, что остается главным. Абу Муслим почувствовал, что мешает ему, поэтому через 42 дня оставил Сикаданг и сначала отправился в Алин, а оттуда примерно в конце 129 года в Махуан. Он явился в Махуан как господин и повелитель, армия его сторонников выросла, а благодаря ей возросли и его сила и значение. Именно тогда он начал вызывать опасения у арабов, которые разбивали друг другу головы в Мерве, и эти опасения усиливались из-за успехов, которые шиитское движение одерживало одновременно в других городах, в Биварде, Мерверруде и особенно в Герате. Побуждаемый бакритами, служившими под его началом, Шайбан аль-Харури первым заключил мир с Насром, и его примеру, видимо, последовал Али ибн Джудай аль-Кирмани. Выглядело это так, будто арабы в конце концов осознали грозившую им опасность и захотели встретиться вместе. Но, полные недоверия друг к другу, они не предприняли против Абу Муслима никаких серьезных действий. Самое большее, что они сделали, – это совершили один набег на область, находившуюся в его власти. Абу Муслим без труда отбросил их^[278] и вскоре сумел нарушить союз соперников-собратьев. Он лично отправился из Махуана в Мерв и смог уговорить Али ибн Джудая выйти из перемирия с аздитами и снова выступить против Насра и мударитов. В начале 130 года он вернулся в Махуан. Теперь арабы ему ничем не угрожали, и он мог спокойно предоставить их самим себе, пока ему не показалось, что наступила пора воспользоваться плодами их самоубийственных усилий. Его отношения с мударитами ничуть не пострадали из-за того, что он привлек на свою сторону аздитов. Напротив, рассказывается, что они пытались отвратить его от аздитов и обратить к себе, то есть его обхаживали и те и другие. В любом случае они уже не смели относиться к нему как к врагу, поэтому он, вполне возможно, вошел в Мерв как судья и своим вмешательством положил конец яростным распрям, в которых арабские племена растрачивали свои силы. Он решил – по крайней мере, так казалось вначале – принять сторону аздитов против мударитов. Абуль-Хаттаб повествует о том, как делегаты аздитов и мударитов появляются в махуанском лагере перед Абу Муслимом, чтобы предоставить ему решить их спор, и как он со своими 70 судьями выносит приговор, и эта сцена – предвосхищение фактических событий. Также он еще не вступал в переговоры с Джудаем аль-Кирмани, но только с его сыном Али, в конце 129 или начале 130 года, в которых взял инициативу на себя. Он был истцом, а не ответчиком, как верно замечает ван Влотен. С более поздней точки зрения в этой ситуации он смотрелся не в выигрышном свете. Унизив себя подобным образом, он противоречил представлениям, которые создались о нем в народе. Просматривается тенденция относить к более раннему времени необычайно высокий авторитет, который он приобрел в конце концов, но в таком случае

невозможно понять, почему он так долго ждал, прежде чем занять это положение. Вначале он вовсе не был настолько силен, чтобы открыто противостоять арабам, поэтому действовал дипломатично, держа их в напряжении и пуская пыль в глаза. Даже с мударитами он не настолько испортил ситуацию, чтобы они сочли его своим заклятым врагом. Его подстрекательство к восстанию против власти Омейядов в то время было в порядке вещей и никого не тревожило, а кроме этого, он не раскрывал своих планов. По аль-Мадаини, знатоки Корана из Мерва пришли к нему, чтобы узнать, кто он и чего хочет, но он не пожелал иметь с ними ничего общего, сказав, что у него есть более настоятельные дела.

Большинство его приверженцев состояло из иранских крестьян и мавали из мервских деревень, но среди них были и арабы, которые в основном занимали главенствующие позиции. Связующим элементом была религия, секта. Ядро хорасанской армии, джунд Аббасидов, состоял из хашимитов. Именно во главе хашимитов Абу Муслим вошел в Мерв и после этого велел Абу Мансуру Тальхе ибн Рузайку аль-Хузаи принять их присягу. Ее формула гласит: «Я принимаю от вас клятву соблюдать Божье Писание и сунну Пророка и повиноваться тому мужу из семьи Божьего посланника, который будет выбран, и не требовать от своих начальников ни довольствия, ни жалованья, но ждать, пока они сами выдадут его по своему усмотрению; а если ваш личный враг окажется в вашей власти, не причинять ему вреда, иначе как по приказу начальника». Примечательно, что Абу Мансур, который, как рассказывается, был полностью посвящен во все принципы и доводы секты, не сообщает никаких подобных подробностей своим войскам, а ограничивается лишь общими словами. Также он не допускает того, чтобы о личности имама Аббасидов стало известно за пределами круга семейства пророка. Прежде всего войска были обязаны беспрекословно повиноваться своим командирам; даже у этих революционеров религия приобрела привкус войны. Обычным людям ни к чему было знать секретов своих начальников, им было достаточно черного знамени как символа веры. Среди исламских партий давно уже были приняты флаги разных цветов^[279], но нигде знамя, его цвет и значение не подчеркивалось столь же сильно, сколь у шиитов Хорасана. Они даже носили черный флаг на теле. Феофан называет их «носящими черное», а у Исидора Севильского они зовутся «черными дьяволами». Знамя пророка, как говорят, было черным, и потому оно имело тот же цвет и у Аббасидов. В апокалиптических книгах упоминался человек с черными знаменами, который принесет новую эру, но аль-Харис ибн Сурайдж, впервые усадивший мавали в седло с именем ислама на устах, тоже выступал под черными флагами, и Абу Муслим мог позаимствовать их у него, поскольку они были популярны среди мавали.

В стихах, сохранившихся у ад-Динавари, Наср ибн Сайяр, омейядский наместник Мерва, обращается к арабам со следующими словами: «Почему вы вечно разжигаете вражду между собой, будто нет среди вас ни одного разумного человека, позволяя стоящему у дверей врагу поступать как ему угодно! Это чернь без религии и значения, не наши арабы, которых мы знаем, и не порядочные мавали. Они исповедуют вероучение, которое пришло не от Божьего посланника и которого нет в Священном Писании; суть его сводится к тому, что арабы должны быть убиты». По ат-Табари, сам имам Ибрахим ибн Мухаммед, как говорят, открыто приказал Абу Муслиму не оставлять в Хорасане ни одного живого араба. По Феофану, рабы в Хорасане по наущению Абу Муслима в одну ночь убили своих хозяев и завладели их оружием, лошадьми и деньгами. В историческом повествовании ат-Табари о взятии Мерва ничего об этом не говорится; Абу Муслим только велит казнить 24 видных приверженцев Насра после бегства последнего, но предписывает своим солдатам строжайшую дисциплину и запрещает любые убийства без разбору. Итак, возможно, что здесь, как и в других случаях, мы наблюдаем смягчение в интересах Аббасидов.

Мавали вполне могли отдаваться ярости более необузданно, чем представляется из повествования ат-Табари, но все же не следует слишком акцентировать их национальную неприязнь к арабам. Движение зародилось не среди иранского народа, а в секте, действовавшей в довольно ограниченной области, причем арабам не запрещалось в ней участвовать. Оно имело религиозные мотивы того политического и социального толка, который характерен для ислама. Оно в принципе угрожало не чужакам, а еретикам – отсюда «дубинки для еретиков» как название оружия мавали. Самые доверенные лица Абу Муслима – Абу Наср, Абу Дауд и другие – были арабами, и воевать предполагалось не с арабами как *таковыми*, а с *правлящими* арабами, во имя ислама, поскольку они правят несправедливо и незаконно при поддержке безбожного режима Омейядов и не признают равных прав других мусульман теократии. С другой стороны, арабские оппозиционные партии, то есть иракцев и йеменцев в Хорасане, движение первых признало своими собратьями. Более того, на самом деле борьба против арабизма в исламе свелась к тому, что теперь верх одержал иранизм и арабы даже как народ оказались в подчинении, так как их владычество окончилось с правлением Омейядов. Наср ибн Сайяр предвидел это. Таков был естественный порядок событий, но не исходный замысел. Национальная принадлежность победителей упрочила их верховенство в исламе, из которого они выросли. И все же первоначально именно ислам, а не идея национальности был движущей силой хорасанцев, так же как раньше он был движущей силой в восстаниях самих арабов. Новый ислам объединился с новой нацией.

Абу Муслим послал в Тохаристан преданного ему Абу Дауда аль-Бакри, который уже действовал там раньше. После того как ему удалось выгнать из Балха омейядского чиновника Зияда ибн Абдуррахмана аль-Кушайри, его отозвали, и на его место встал Яхья ибн Нуайм аль-Бакри. Но тот вступил в переговоры с Зиядом, который занимал прочную позицию в Термезе не очень далеко от Балха. Результатом стал союз всех арабских племен той области – мударитов, йеменцев и рабиитов – против хорасанских шиитов. К ним присоединились даже тамошние иранцы, их вождь Мукатил ибн Хайян стал главнокомандующим, чтобы арабы не перессорились из-за этого поста. Коалиция арабов и иранцев против шиитов может поспособствовать исправлению некоторых неверных идей. Кроме того, следует упомянуть, что часть союзников выступила под черными знаменами – несомненно, знаменами аль-Хариса ибн Сурайджа. Тогда Абу Дауд снова был послан в бой с этой коалицией. После битвы на Сарджанане враг снова оставил Балх и вернулся в Термез, и во второй раз Абу Дауд был отозван, и во главе Балха встал аз-дит Усман ибн Джудай аль-Кирмани, брат Али. Но он не смог удержаться там на своих позициях, так как термезские мудариты под началом Муслима ибн Абдуррахмана аль-Бахили, племянника знаменитого Кутайбы, выгнали его из Балха. Тогда Абу Дауду пришлось прийти в третий раз, он был там незаменим. Таково повествование у ат-Табари, и у нас нет ничего лучшего, чем можно было бы его заменить^[280].

В самом Хорасане Абу Муслим был повелителем трех восточных регионов: Мерва, Мерверруда и Герата, но в западной области Нишапура – только городов Насы и Биварда. Город Нишапур удерживал наместник Наср ибн Сайяр. В Серахсе находился Шайбан аль-Харури, который вскоре после бегства Насра тоже оставил Мерв, и он не смог приспособиться к новым обстоятельствам. Абу Муслим приказал атаковать его там, и Шайбан аль-Харури проиграл и погиб. Его войска, в основном бакриты, бежали в Нишапур и присоединились к Насру. Тогда началась борьба с Насром, и из нее выросла великая война, в которой царство Омейядов развалилось под ударами черных дьяволов Хорасана. Абу Муслим сам не возглавил ее, но вождем стал Кахтаба ибн Шабиб, араб из бану таййи. Кахтаба отсутствовал во время мятежа, только после взятия Мерва он вернулся из Мекки, куда уехал, чтобы встретиться с

имамом Ибрахимом ибн Мухаммедом во время хаджа. Ибрахим назначил его своим фельдмаршалом, пожаловав ему знамя, и Абу Муслим подтвердил назначение и отдал ему верховное командование. В его подчинении или наравне с ним были Абу Аун Абдул-Малик ибн Язид аль-Азди, Хазим ибн Хузайма ат-Тамими, иранец Халид ибн Бармак из Балха и другие^[281]. Наср послал своего сына Тамима против наступающей армии шиитов, и, когда того разбили и убили под Тусом, он уехал из Нишапура в конце шаввала 130 года, то есть в конце июня 748 года. Через некоторое время Абу Муслим перенес свою резиденцию из Мерва в Нишапур. Он взял с собой союзника Али ибн Джудая аль-Кирмани, но по дороге сумел избавиться от него навсегда. В то же время Абу Дауд убрал с дороги его брата Усмана ибн Джудая в Тохаристане. Альянс аздитов с шиитами, который обеспечил взятие Мерва, сослужил свою службу, и убийство вождя аздитов позволило избежать неудобного соперничества, так как он, по-видимому, продолжал занимать независимое и столь же законное положение наряду с Абу Муслимом.

Наср ушел из Нишапура в Кумис на границе Джурджана, и с ним бежавшие из Хорасана арабы из бану тамим, бакр и кайс. По приказу халифа иракский наместник Ибн Хубайра послал Нубату ибн Ханзалу аль-Килаби в Джурджан, но тот не стал сотрудничать с Насром и еще больше ослабил его, переманив к себе кайситов из армии Насра. Сначала Кахтаба обратился против Нубаты. Предприняв наступление в Джур-джан в зуль-каде 130 года, он вступил с ним в бой в пятницу 1 зуль-хиджи (в четверг 1 августа 748 года), в котором потерпел поражение и был убит. Тем временем Наср, по-видимому, успешно выстоял под ударом Хасана, сына Кахтабы, которого выслали против него, и к нему перешел один из шиитских командиров Абу Камил. Но после падения Нубаты Кумис уже не был для него подходящим местом, и он бежал через Мидию в Хамадан, нигде не находя поддержки со стороны чиновников-Омейядов^[282]. В один из первых месяцев 131 года Кахтаба присоединился к сыну в Кумисе и оттуда выступил на запад, послав своего сына вперед. Рай и Хамадан капитулировали, но сирийские войска тамошнего наместника, который бежал из Хамадана, и хорасанские Насра ибн Сайяра снова объединились в Нехавенде и оказали решительное сопротивление Хасану ибн Кахтабе, когда он их там осадил. Амир ибн Дубара аль-Мурри получил приказ освободить город и с большим, хорошо вооруженным сирийским войском одержал победу в бою у Кермана, заставив джафарита Ибн Муавию бежать. Однако во время похода в Нехавенд он сам был атакован Кахтабой, побежден и убит. Ожесточенная и кровавая стычка произошла у Джабалка в районе Исфахана в субботу 23 раджаба 131 года (во вторник 18 марта 749 – sic). Тогда Кахтаба объединил силы со своим сыном у Нехавенда. Через несколько месяцев, по-видимому в зуль-каде 131 года (июне – июле 749), сирийцы в осажденном городе решили добровольно сдаться, не поставив в известность и не посоветовавшись со своими хорасанскими товарищами. Те были преданы смерти без всякой жалости.

Теперь перед Кахтабой лежала свободная дорога в Ирак. Он снова выслал вперед своего сына Хасана, а сам последовал за ним из Нехавенда через Кармасин в Хулван и Ханикин. Хитро обойдя наместника Ибн Хубайру, который наступал на него через Тигр с сильным войском и встал лагерем в Джалуле, он пересек Тигр и пошел на Куфу. В окрестностях Анбара на Евфрате он сделал предварительную остановку. Ибн Хубайра поспешил вслед за ним и стал лагерем на некотором расстоянии на левом берегу Евфрата, у Фам Фура-Бадаклы, в Верхней Фалудже, где ответвляется Куфийский канал; он выслал вперед отряд под началом Хавсары ибн Сухайля аль-Бахили. Кахтаба, однако, перешел Евфрат у Димиммы и пошел по правому берегу в Хаиру, место напротив лагеря Ибн Хубайры. Ночью в среду 8 мухаррама 132 года (в среду 27 августа 749) он перешел реку вброд с небольшим отрядом и врасплох напал на вражеский лагерь^[283]. Ибн Хубайра не ожидал нападения и сначала

отступил в Фам ан-Нил, но не остановился там, а отступил дальше по каналу Ан-Нил в укрепленный правительственный город Басит. Услышав об этом, Хавсара, который добрался до Касра ибн Хубайры, не осмелился выступить на Куфу, но объединился с наместником в Басите. Успех Кахтабы был полным, но стоил ему жизни, потому что в ночной сумятице он загадочным образом встретил свою смерть. Нет никаких сомнений, что с военной точки зрения он добился для Аббасидов наибольшего успеха. Он принес победу черному флагу и положил начало их репутации непобедимых. Хасан, остававшийся без движения на правом берегу, взял командование на себя и сумел войти в Куфу без сопротивления. Там Мухаммед, сын Халида аль-Касри, измученный властями Омейядов, вместе с йеменцами попытался поднять восстание за Аббасидов и овладеть цитаделью; после отъезда Хавсары никто его больше не тревожил. По его совету Хасан вошел в город во вторник 14 мухаррама (2 сентября 749 года). С другой стороны, в Басре попытка мухаллабида Суфьяна ибн Муавии сбросить правительство Омейядов с помощью аздитов и рабиитов провалилась. Мудариты и сирийцы, которые поддерживали наместника Салма ибн Кутайбу аль-Бахили, разгромили аздитов. Повсюду йеменцы (и рабииты) присоединялись к революции, а мудариты сражались за правящий арабизм^[284].

Силы Аббасидов, до той поры скрытые, теперь выступили открыто. Абу Салама, визирь семьи пророка, вышел из своего уединения и взял власть в свои руки; он поселился в Хаммам — Айяне, где встали лагерем хорасанцы. Но уже пришла пора самим Аббасидам выйти из укрытий на передний план. Ибрахим ибн Мухаммед, бывший до того момента их главой, был арестован по приказу халифа Марвана и увезен из Хумаймы в Харран, после чего он якобы приказал им идти в Куфу и признать его брата Абуль-Аббаса как преемника. Следовательно, его заключение имело место незадолго до того, как хорасанцы вошли в Куфу, ибо Аббасиды дошли туда только через месяц после этого, в сафаре 132 года. Их там было четырнадцать, из разных поколений. Во-первых, сыновья Али ибн Абдуллаха ибн Аббаса: Дауд, Иса, Салих, Исмаил, Абдуллах и Абдуссамад, помимо Мусы, сына Дауда; затем сыновья Мухаммеда ибн Али ибн Абдуллаха ибн Аббаса: Абуль-Аббас, Абу Джафар и Яхья; затем внуки Мухаммеда ибн Али: Абдул-Ваххаб ибн Ибрахим ибн Мухаммед и его брат Мухаммед, вместе с Исой ибн Мусой ибн Мухаммедом; и, наконец, из побочной ветви, Яхья ибн Джафар ибн Таммам ибн Аббас^[285].

Аббасиды были приняты в Куфе не с распростертыми объятиями. Визирь Абу Салама не считал само собой разумеющимися их притязания на место преемника Ибрахима ибн Мухаммеда, которого он лично признавал имамом. Их пребывание было для него неудобно, и в течение некоторого времени он пытался скрывать факт их присутствия от хорасанцев, говоря, что их время еще не пришло, потому что пока не взят Васит. Но доверенное лицо Абу Муслима Абу Джахм тайно пришел и сообщил им об этом. Потом в Куфу прибыли 12 хорасанских накибов из лагеря в Хаммам-Айяне, отправились в квартал Аббасидов и принесли присягу Абуль-Аббасу, и тогда Абу Салама был вынужден с этим смириться. В пятницу 12 раби ас-сани 132 года (в пятницу 28 ноября 749) в главной мечети Куфы состоялась публичная присяга Абуль-Аббасу и новой династии. Абуль-Аббас взошел на помост и говорил, пока лихорадка, от которой он страдал, не заставила его сесть, и тогда его дядя Дауд ибн Али, стоявший на три ступеньки ниже, поднялся и продолжил речь. Их слова переданы нам недостоверно, но содержание в основном укладывается в обстоятельства. Права Аббасидов на власть доказываются ссылкой на слово Божье, также присутствует полемическое отступление, направленное против тех шиитов^[286], которые утверждают, будто Алиды имеют приоритет, но особо подчеркивается общность интересов Аббасидов и иракцев. Сбросив Омейядов со своей хорасанской гвардией, Аббасиды в то же время освободили иракцев от сирийского ярма. Столетняя борьба, до той поры тщетная, между Ираком и Сирией

наконец окончилась победой Ирака; Куфа снова стала правительственным городом, как было в прежние дни при Али. «У каждой династии есть свое средоточие; вы наше средоточие». Конечно, это было сказано, чтобы привлечь куфийцев. Но центр тяжести государства теперь действительно сместился из Дамаска в Куфу и Ирак, и это событие имело важнейшее значение.

Более того, Абуль-Аббас был не так уж уверен в куфийцах. Он поселился не в их городе, а среди хорасанцев в Хаммам-Айяне. Некоторое время спустя он перебрался в Хиру и потом в Хашимию, чтобы, как можно предположить, отделиться от Абу Саламы, который также жил в Хаммам-Айяне. Отношения между ними двоими были напряженные; Абу Салама симпатизировал Алидам и выражал свои симпатии настолько открыто, что дать основания для подозрений в том, что он не одинок в своих чувствах, особенно потому, что до той поры бразды партийного правления были в его руках. Халиф не смел принимать мер против него; будучи сам безвластной кратурой своих якобы орудий, делателей королей, которые вдобавок прекрасно сознавали сомнительную законность его прав, он полностью оказался отдан на милость других, гораздо более влиятельных людей, чем он сам. Он послал своего брата Абу Джафара в Хорасан, чтобы удостовериться в настроениях Абу Муслима, чье влияние на хорасанскую армию было очень велико. Абу Муслим, к счастью, не имел ничего общего с Абу Саламой и оказал Аббасидам дружескую услугу, велел его убить, и в то же время велел предать смерти своего старого соперника в Хорасане Сулеймана ибн Касира, главу накитов, под предлогом, что тот действовал заодно с Абу Саламой, чем дал выход своей личной ненависти. Абу Джахм, его доверенное лицо, контролировал и направлял халифа Абуль-Аббаса.

Пока эти события разыгрывались на востоке, запад в то же время сотрясали следующие волнения. После падения Нехахенда в зуль-каде 131 года Кахтаба послал Абу Ауна Абдул-Малика ибн Язида аль-Азди в Шахразур. После решительной битвы 20 зуль-хиджи 131 года (10 августа 749) он изгнал оттуда сирийские войска и укрепился в районе, относящемся к Мосулу, к северу от Тигра. После взятия Куфы он получил оттуда подкрепления, но ему пришлось оставить главное командование аббасиду Абдуллаху ибн Али. Халиф с месопотамскими и сирийскими арабами наступал на хорасанцев из Харрана через Тигр, и они сошлись в битве на левом берегу Большого Заба. Она началась 2 джумады ас-сани 132 года и закончилась в субботу 11 джумады (в воскресенье 25 января) полным поражением Марвана. Феофан насчитывает в его армии 300 тысяч человек; он говорит, что несколько тысяч бежало от одной тысячи и десятки тысяч — от двух. Это неравенство сил также встречается и в другие периоды, и его можно объяснить в том смысле, что победа даруется по Божьей воле, а Бог рассеивает орды неверных перед лицом немногих правоверных. По рассказу аль-Мадаи-ни, Марван имел в своем распоряжении всего 12 тысяч человек. Сначала преимущество было на его стороне. Дело окончилось для него плохо отчасти потому, что кайситы не желали делать больше, чем кудаиты. Кроме того, конечно, нет никаких сомнений, что воля к победе и вера в нее были у хорасанцев. Арабы потеряли уверенность и не хотели приносить себя в жертву. Марван показал им деньги и пообещал, что они разделят их между собой, если будут биться отважно, но они сразу же забрали деньги и сбежали с ними. Многие беглецы утонули в Забе, потому что мост был разрушен.

Марван отступил за Тигр в Харран и оставался там некоторое время. К его чести можно сказать, что тогда же он освободил политических заключенных, которых нашел в тюрьме, тогда как те, кто пытался вырваться на свободу до его прибытия, погибли от рук преданных ему харранцев. Из Харрана через Киннесрин и Химс он направился в Дамаск и твердыню Абу-Футрус у Яффы, где искал защиты у джузамита из правящего семейства племени Рауха ибн Зинбы, так как власть в тех местах находилась уже не в руках омейядского правительства. Из Абу-Футруса он

бежал в египетский морской порт Фарма, когда его преследователи подошли к нему опасно близко. Абдуллах ибн Али с хорасанцами следовал за ним по пятам, а в пути к нему присоединились братья Абдуссамад и Салих. Он прошел через Мосул, Харран, Манбидж, Киннесрин, Баальбек и Айн-аль-Джарр до Миззы у Дамаска, где и разбил лагерь. Сирийские города сдались ему без сопротивления, не испытывая, естественно, никакой привязанности к Марвану. Только столица государства Дамаск потребовала осады. Там командовал зять Марвана аль-Валид ибн Муавия ибн Марван I, но горожане не поддержали его объединенными силами и в конце концов убили его и открыли городские ворота Абдуллаху ибн Али 14 рамадана 132 года (26 апреля 750). Через две недели он выступил в Абу-Футрус, откуда послал брата Салиха с Абу Ауном в Египет вдогонку за Марваном, и Салих отправился туда в зуль-каде 132 года (июне 750). Марван бежал от него с одного места на другое, пока не добрался до Бусира (Бусириса) у Рауды в верхнеегипетской провинции Аль-Ушмунайн. Там он приготовился к бою; в ходе яростной битвы его приверженцы были рассеяны и он сам погиб. Хорасанский араб из йеменского бану балхарис напал на него со своими людьми, крича им по-персидски «Бейте крепче, ребята!», и убил его. Это было в конце 132 года, то есть в начале августа 750-го^[287].

Его голову и, по аль-Масуди, также знаки халифата послали Абуль-Аббасу. Его язык, согласно стиху, который цитирует Ибн аль-Асир, съел кот. Абу Аун остался в Египте. Он, конечно, и был фактическим вождем кампании.

Басит, укрепленная цитадель Ирака, заложенная аль-Хаджжаджем в заболоченных землях у Тигра, был еще не покорен. После неудачной стычки с Кахтабой в Вавилоне Ибн Хубайра отправился туда с сирийцами, также вокруг него собрались некоторые хорасанские арабы, в основном бакриты под началом Яхьи ибн Нуайма. Хасан ибн Кахтаба преследовал и осадил его, и через некоторое время Абу Джафар, брат халифа Абуль-Аббаса, присоединился к нему – формально в качестве подчиненного, хотя в действительности командовал именно он. Фактически он зависел не столько от халифа, сколько от Абу Муслима, и тот послал ему в помощь Абу Насра ибн Хайсама аль-Хузаи с контингентом хорасанцев. Среди осажденных не было единства; йеменцы ссорились с низаритами (то есть мударитами и рабиитами). И все же город продержался 11 месяцев, и только когда пришли вести о смерти Марвана – то есть в один из первых месяцев 133 года (осенью 750), – Ибн Хубайра начал переговоры. Ушло 40 дней, прежде чем законоведы подготовили условия капитуляции таким образом, чтобы довольны были обе стороны. Абуль-Аббас подтвердил их, но, несмотря на это, условия не были выполнены. Пленные командиры, носившие кольца как знак своего поста, были казнены, если они принадлежали к низаритам, а не йеменцам, и в конце концов Ибн Хубайру самого постигла та же участь, после того как он отдал свою гвардию и казну, которую держал при себе.

Этот пример вероломной жестокости есть и в повествовании ат-Табари. В остальном он предпочитает умалчивать о кровавых оргиях, которыми Аббасиды отметили свою победу. Омейяды относились к ним с непостижимой терпимостью, а они ответили на это тем, что поставили их вне закона и захватили их имущество. Они исходили не из гуманных соображений, а из религиозного рвения и законного отмщения, доведенных до высшего предела. Поскольку у них самих не было особых причин для мести, они позаимствовали обиды у Алидов и выступили в качестве мстителей за них. В то же время это дало Аббасидам рычаг для подавления самих Алидов, поскольку не право мести, а ее осуществление проложило дорогу к власти и даже дало ей законный титул. Их истинным мотивом, конечно, был политический. Они хотели лишить павшую династию абсолютно всех сил к сопротивлению. Все это напоминает нам о крахе династии Омридов, уничтоженной пророками.

Главной сценой возмутительной расправы над Омейядами стала Сирия, где верховное командование принадлежало Абдуллаху ибн Али. Вину за нее нельзя вменить хорасанцам, поскольку те находились в строгом подчинении и ничего не делали без приказа. Преступления совершались по приказу Аббасидов, и надо отметить, что даже мертвые не избежали поругания. Могилы халифов и других Омейядов в Дамаске, Дабике и Русафе, в Киннесрине и других местах были разрыты, их содержимое, если там были найдены останки, подверглось осквернению. Однако Умара II и, что примечательно, даже Муавию пощадили. Особо яростная ненависть обрушилась на Хишама, давшего для нее некоторые основания и к тому же умершего лишь недавно. Его тело, у которого только нос остался нетронутым, подвергли бичеванию и распяли, а потом сожгли, а пепел развеяли по ветру. Что касается живых, то наихудшие злодеяния Абдуллах ибн Али совершил в Абу-Футрусе, где пробыл некоторое время, изгнав Марвана. История рассказывает, что он заманил туда более восьмидесяти Омейядов сладкими посулами, пригласил их на пир, все равно как если бы брал пример с Йегу. Потом, как бы охваченный внезапным порывом мести из-за прочитанных ему стихов, он велел забить всех их дубинками, набросить на тела кожаные покрывала и на этих покровах подать обед, во время которого предсмертные стоны умирающих служили ему музыкой. Эти подробности: стихи как сигнал для внезапной вспышки ярости, приглашение жертв на пир, — конечно, всплывают и в других случаях, когда вместо Абдуллаха ибн Али упоминаются Абуль-Аббас или Дауд ибн Али^[288], и они вызывают оправданные сомнения, но факт самой резни вполне достоверен. Для сирийских арабов он был столь же памятен, сколь море крови, в котором погибла династия Омри, для древних израильтян, и день Абу-Футруса наложил свою печать на лоб Аббасидов, как и день Изреэля на династию Йегу. Аль-Масуди датирует ужасное событие 15-м числом зуль-кады 132 года (25 июня 750). Феофан ошибочно относит его на два года позже, но его короткий рассказ, которым доселе пренебрегали, важен для нас, поскольку ясно говорит о том, что Абу-Футрус — это старая Антипатрида^[289].

В Медине и Мекке палачом Омейядов был Дауд ибн Али; в Басре это был Сулейман ибн Али. В Хире Абуль-Аббас сам предал смерти тех, кого привели к нему или кто искал его милости, и среди них даже Сулеймана ибн Хишама, который полагал, что ему, как злейшему врагу Муавии, ничего не угрожает. Даже когда преследование наконец прекратилось, уцелевшие не смели обнаружить себя. Они скрывались, влачили жалкое существование в низах общества, страшно боясь стать изгоями, если кто-то их узнает. Только один внук халифа Хишама бежал в Испанию и там основал суверенную династию.

Теперь, однако, сирийцы, которые до той поры вели себя довольно пассивно, наконец пришли в гнев из-за столь чудовищного истребления своей прежней династии, причем кайситы не меньше, чем кальбиты. Кайситы восстали преимущественно в Киннесрине; во главе встал их самый выдающийся представитель Абуль-Вард Маджжаа ибн Кавсар, внук Зуфара ибн аль-Хариса, и к ним присоединились тадморские кальбиты и химские арабы. На их сторону встал Абу Мухаммед — Суфьянид, освобожденный Марваном, и Абуль-Вард признал его законным наследником халифата. Однако Абдуллах ибн Али нанес повстанцам поражение повстанцам под Мардж-аль-Ахрамом в окрестностях Киннесрина и рассеял их в конце 133 года^[290], то есть в конце июля 751 года, и Абуль-Вард погиб вместе с 500 своими сородичами. Суфьянид бежал со своими кальбитами сначала в Тадмор, потом скитался беглецом по Хиджазу и наконец, при втором Аббасиде Абу Джафаре аль-Мансуре, был схвачен и предан смерти. Примечательно, как сирийцы обратились от правящих Марванидов к павшим Суфьянидам, ибо Абу Мухаммеду следовало благодарить не личные качества за то положение, которое он так быстро приобрел после убийства аль-Валида II, а скорее то обстоятельство, что он

происходил не от Марвана I и Абдул-Малика, а от Муавии и Язида I. Также он был известен не под собственным именем, а под именем своего дома, поскольку его называли просто ас-Суфьяни. Его значение не померкло с его смертью, оно даже возросло. Сначала он стал мессией сирийцев, с чьим вторым пришествием они связывали свои политические надежды, а в конце концов предтечей Антихриста, так как их противники одерживали верх. Дом Омейядов пережил свое падение как призрак исламской эсхатологии.

Аббасиды назвали свое правление Даула, то есть новая эра^[291]. Произшедшая тогда революция поистине была подобна чуду.

С Омейядами и сирийцы оказались оттеснены на второй план. Они предоставили ненавистного Марвана II его участи и не предприняли своевременных действий против Аббасидов и после этого уже не могли изменить хода вещей; черные победили, а белые потеряли короля. Конечно, они сохранили симпатии к прежней династии^[292] и даже проявляли ее на практике, но их усилия были напрасны, поскольку у них отсутствовала организация. Слишком поздно они осознали тот факт, что на самом деле речь шла о них самих и что они сами оказались среди пострадавших. Центр правительства был перенесен из Дамаска в Куфу, а потом в Багдад. Сирия потеряла гегемонию. Ирак освободился от ярма иноземного правления, которое он сотню лет тщетно пытался сбросить, и, казалось, снова приобрел власть, принадлежавшую ему во времена Али. Аббасиды открыто показали политическую тенденцию быть иракцами и антисирийцами.

Но в то же время с правлением арабов, которые опирались на Омейядов и сирийцев, было решительно покончено. Прежняя родина арабов стала настолько варварским местом, что туда уже нельзя было безопасно совершать паломничество. Арабские племена уже не были основой теократии, они полностью утратили свои привилегии. Мавали получили освобождение, различия между арабами и мусульманами-неарабами исчезло. Свергнутый со своего исключительного положения, которое изначально опиралось на закон войны, арабизм перешел в мирную гражданскую сферу и стал международным культом, участие в котором принимали все мусульмане. Основополагающей частью культа была религия, и арабская религия не разрушилась с арабским народом, но продолжала наращивать силу. Арабский язык оставался языком ислама и поглотил языки важнейших христианских народов в Передней Азии и Африке. Вместе с наукой и литературой он, казалось, проник даже к иранцам, но поэзия сохранила родную речь и вернула ее на почетное место.

В действительности мавали получили перевес над арабами не вообще, а только в одном пункте. Хорасанцы помогли Аббасидам одержать победу и вместе с ними получили долю в добыче, став в каком-то смысле наследниками сирийцев, хотя находились в ином отношении к правительству. Их называли шиитами (партией), ансарами (помощниками) или абнитами (сыновьями) Даулы. В их руках находилась внешняя власть, они были организованы на военный манер. Они занимали высшие посты, их начальники (кувад) получили возможность играть роль высокопоставленных вельмож. Они образовывали постоянную армию халифа, и он жил среди нее. Багдад фактически был основан не как столица империи, а как лагерь хорасанцев подальше от Куфы, в котором хотел жить халиф. Но в этом лагере они поддерживали общение со своей родиной, и то главенствующее положение в партии и армии, которое они получили на службе у Аббасидов, распространилось на их народ и провинцию – Иранский Восток. Под видом международного ислама иранизм одержал победу над арабами.

Со сменой династии изменился и внутренний характер правительства. Сказалось ли на нем персидское влияние таким образом, неизвестно, но оно определенно

потеряло арабские черты. В результате завоевания арабы стали правящей знатью, отделенной от завоеванных народов. Генеалогическая сеть их племенной системы поверхностно распространилась по провинциям царства. При Омейядах эта примитивная система еще сохранялась в своих самых основных чертах, хотя вскоре показала, что уже не способна удержаться, но при Аббасидах она исчезла вместе с различиями, которые обуславливали ее существование. Аббасиды, в отличие от Омейядов, не возвысились над широкой аристократией, к которой принадлежали сами; поддерживавшие их хорасанцы были не их кровными родственниками, а лишь их орудиями. Все сообщество мусульман находилось в том же отношении к ним, без каких-либо естественных градаций политических прав; они одни, как наследники пророка, имели божественное право на халифат. С формальной точки зрения ничто не препятствовало им сформировать правительство так, чтобы оно соответствовало интересам дела, как и их собственным. Они привнесли порядок в администрацию, особенно в систему налогообложения и правосудия, и показали себя ревностными борцами с несправедливостью, отвечавшими на жалобы тех, кто обращался к ним как к высшей апелляционной инстанции. Однако они гораздо сильнее, чем это было при Омейядах, подавляли общий живой интерес к политике, который в прежние времена составлял гораздо большую часть религии. Мусульмане, арабы и неарабы, были просто их подданными, и им уже не разрешалось принимать участия в делах государства. Они были низведены в сферу торговли и сельского хозяйства и как максимум могли только строить тайные заговоры. Государство сократилось до размеров двора. В первую очередь халифа окружала обширная, веселая компания обоих полов, затем его столь же многочисленные родственники – хашимиты. Но армия тоже принадлежала двору, ее ядро всегда было сосредоточено в резиденции халифа. Таким образом, Багдад сильно отличался не только от Медины, но и от Дамаска. Двору также принадлежала еще целая толпа гражданских чиновников, в основном это были креатуры и фавориты правителя. Среди них большинство составляли вольноотпущенники. В прежние времена они обладали тайным влиянием, а теперь заняли самые высокие государственные посты. Они поднимались из праха и снова падали в него. Крахи и ведущие к ним интриги были при дворе обычным делом, и видные люди, которые имели важное значение даже без официальных постов, волей-неволей втягивались в них. Аббасиды не ценили знатного происхождения даже у своих жен; человека делало не рождение, а халиф. Он жаловал положение и почести, знаком которых была особая одежда и отличительная вышивка (тираз); портные и вышивальщицы не сидели без работы. Место аристократии заняла льстивая иерархия чиновников, открыто разделенных на ранги и управляемых друг через друга. Во главе их стоял визирь, в чьем ведении находилась казна, и впоследствии он превратился в видимое альтер эго незримого халифа, так что повелителю достаточно было лишь изредка появляться на сцене, словно актеру, или испускать громы и молнии из-за своей облачной завесы. Также среди наместников все шире распространялся обычай управлять своими провинциями через представителей, оставаясь при этом при дворе, особенно если они имели привилегию быть принцами крови. Подчиненными государственными чиновниками в основном были христиане и иудеи, которые из-за этого легко навлекали на себя злобу и зависть мусульманской черни. За исключением визиря, самой заметной фигурой среди чиновничества был, пожалуй, палач. Арабы не знали палачей, и Омейяды их при себе не держали; у Аббасидов же он был незаменим. Кожанный ковер возле трона, служивший эшафотом, был одним из знаков халифской власти; внезапные казни и сознательная жестокость усиливали благоговение перед его величием. Эту схему халифы переняли у иранцев, чей шах обладал правом распоряжаться жизнью и смертью своих подданных. У иранцев же был взят пост придворного астролога, с которым советовались по всем важным делам, и он даже сопровождал армию в походах. Наконец, как характерную черту аббасидского

режима следует отметить почтовых служащих. Они были информаторами багдадского двора в провинциях, избранными доверенными лицами, которым полагалось тайно приглядывать за наместниками. Почта выполняла функцию разведки; служба осведомителей в обширном государстве была организована в высшей степени эффективно. Ат-Табари под конец датирует не только сами события, но и момент, когда при дворе стало о них известно.

Самым существенным отличием новой эры от старой было отношение к религии. Аббасиды гордились тем, что привнесли во власть ислам, который Омейяды подавляли. По их словам, они хотели воскресить исчезнувшую традицию пророка. Они призывали знатоков Божественного закона перебраться к ним в Багдад из Медины, их прежнего места пребывания, и всегда искали их совета, представляя им на рассмотрение даже политические вопросы, изложенные в правовой форме, и позволяя решать их в соответствии с Кораном и сунной. Но в действительности они лишь заставляли ислам служить собственным целям. Они запугивали придворных ученых и добивались их одобрения даже самым своим возмутительным мерам. Они сделали религиозную оппозицию безвредной для себя, приведя ее к власти; с падением Омейядов она достигла своих целей и успокоилась. Политика находилась в хороших руках, мусульманам больше не нужно было из-за нее тревожиться. Теократия осуществилась и уже не была революционным принципом борьбы с действующей властью. Аббасиды довольно успешно двигали общественное мнение в эту сторону, и им была на руку потребность той эпохи в мире после непрерывной череды переворотов и войн. Арабы перекипели и истекли кровью.

Казалось бы, Аббасиды должны были благоволить к шиитам, с которыми сначала находились в союзе, но, придя к власти, они переменились, сделавшись скорее врагами Алидов, с которыми раньше отождествлялись, чтобы отмахнуться от их притязаний. Они отвергли даже своих преданных сторонников, то есть представленных в Иране радикальных шиитов (равандитов). В религии они обратились к арабам и отвернулись от персов. Достигнув центра, они отказались от своего происхождения с периферии и сосредоточили в своих руках всю полноту власти. Они вписывались в тогдашний ислам джамаата, который не формировал особых идей насчет себя, воспринимал религию как обычай и довольствовался традицией, которая через культ и закон единообразно управляла практическими вопросами жизни. Несмотря на видимую противоположность, в этом отношении они шли тем же путем, что и Омейяды, только гораздо более явно, нежели Омейяды, выступали за джамаат и гораздо более решительно следовали по расходящимся путям, угрожавшим религиозному и политическому единству. Как наследники пророка, они лучше воспользовались тем, что в их руках была не только светская, но и духовная власть, а именно имамат. В то время как Омейяды, в сущности, опирались на национальность, они основали свое правительство на гвардии и религии. Их халифат можно назвать цезарепапизмом. Они назначили инквизитора и учредили инквизицию, прежде всего против так называемых зиндигов, которые, видимо, были потомками радикальных персидских шиитов.

Даже хорасанцы впоследствии стали неудобны для Аббасидов. Аль-Мансур освободился от опеки Абу Муслима, как только перестал в нем нуждаться. По талантам он был Абу Муслиму далеко не ровней, но сумел обогнать его в коварстве и подстроил его убийство. Но более чем в чем-либо ином хорасанцы были по-прежнему незаменимы в военных делах, и даже впоследствии их было не так-то просто отеснить или отстранить. Подобные попытки, предпринятые после смерти Харуна, привели только к упрочению их силы. Также халифам Аббасидов не удалось упрочить свою независимость, в большом количестве покупая берберов, славян, согдийцев и тюрков, вооружая и организуя их, чтобы использовать их против хорасанцев. Единственным результатом было то, что они тоже подпали под тиранию

мамлюков, особенно тюркских, и в конце концов лишились всякой власти и их государство развалилось на куски.

В течение одного или двух веков иранцы сохраняли свое доминирующее положение, но они не могли рассчитывать на то, что оно вечно будет принадлежать их династии. В Маверранахре, Тохаристане и Хорасане они не сумели сдержать наступления тюрков, которое в течение некоторого времени отбрасывали арабы. Таким образом, в конечном счете тюрки стали наследниками мусульманской империи, в которую они ранее проникли в виде мамлюков. Если говорить в более широком смысле, то мы можем даже причислить к ним монголов, которые, однако, фактически не обосновались в исламе, а, скорее, промчались над ним подобно опустошительному урагану, оставив после себя только отрицательный след.